

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 2 (18) 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Волокитин А.В., Ткачев Ю.А.** Реконструкция природной среды обитания мезолитического населения реки Вычегды 2
- Кунгурова Н.Ю.** Женский костюм в IV тыс. до н.э. (по материалам погребений кузнецко-алтайской культуры) 11

ДИСКУССИЯ

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту

- Дервянко А.П., Волков П.В.** Эволюция расщепления камня в переходный период от среднего к верхнему палеолиту на территории Горного Алтая 21

ДИСКУССИЯ

Проблемы изучения первобытного искусства

- Шер Я.А.** Спорные вопросы изучения первобытного искусства 36
- Франкфор А.-П., Якобсон Э.** Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной и Средней Азии 53

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Мосин В.С.** Энеолит Южного Зауралья 79
- Бобров В.В., Кунгурова Н.Ю.** Функциональное использование основных групп изделий эпохи энеолита с поселения Танай-4а 94
- Артемьева Н.Г.** Буддийский жезл из Красноярского городища 102

ЭТНОГРАФИЯ

- Бауло А.В., Маршак Б.И., Федорова Н.В.** Серебряные блюда с реки Войкар 107

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

- Река истории – истории реки** (Фотоэкспедиция по Енисею и притокам) 115

АНТРОПОЛОГИЯ

- Медведева Н.Н., Тарасов А.Ю., Рейс Т.М., Николаев В.Г.** Динамика исторического и антропологического облика населения Восточной Сибири (на примере г. Красноярска) 126
- Бутовская М.Л., Бойко Е.Ю., Гучинова Э.Б.** Порядок рождения и привязанность к родственникам: кросс-культурный анализ 134

СООБЩЕНИЯ

- Новый международный проект по истории древних народов Евразии** 144
- Международный Северный археологический конгресс** 145
- Интерконгресс антропологических и этнологических наук** (г. Токио, 22 – 27 сентября 2002 г.) 151
- XV Международный конгресс антропологических и этнологических наук** (Флоренция, 5 – 12 июля 2003 г.) 153

ПЕРСОНАЛИИ

- Стэнли Джон Олсен** 155

- НОВЫЕ КНИГИ** 158
- СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ** 160

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 550.384:561

А.В. Волокитин¹, Ю.А. Ткачев²

¹Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982, Россия
E-mail: volkt.hist@mail.komisc.ru

²Институт геологии Коми научного центра УрО РАН
ул. Первомайская, 54, Сыктывкар, 167982, Россия
E-mail: tkachev@geo.komisc.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕКИ ВЫЧЕГДЫ

Введение

подавляющее большинство археологических памятников Европейского Северо-Востока, выявленных и изученных за 50 лет систематических исследований, располагается на останцах зандров (флювиогляциальных отложений). Культурные остатки залегают на небольшой глубине, в кислых почвах, не способствующих сохранению фаунистических и других органических материалов. Источниковая база таких памятников сильно сужена. Исключения из этого ряда редки. К их числу, помимо палеолитических памятников региона и двух мезолитических стоянок, обнаруженных на скальных останцах (Адак-2, Пымва-шор-3), относятся местонахождения мезолита (торфяник Висский-1) и раннего средневековья (торфяник Висский-2) в торфяниках поймы, а также памятники, залегающие в неорганогенных слоях пойменного аллювия. Последних насчитывается уже ок. 10, однако работы, проводившиеся на них, чаще всего носили случайный характер [Волокитин, Карманов, 2002]. Углубленные же исследования памятников этого типа начались с открытия мезолитических стоянок Парч-1, 2 в 1984 г. Их результатом стало существенное пополнение информации о мезолитической эпохе в регионе. Материалы стоянок, датированных пребореалом – ранним бореалом, дали возможность для выделения эпонимной археологической культуры, сопоставимой по своему происхождению с бутовской культурой Волго-Окского междуречья [Волокитин, 1997].

Памятники Парч-1, 2 находятся в окрестностях с. Парч и располагаются на левобережье р. Вычегды в среднем ее течении, но в непосредственной близости к верхнему участку реки (рис. 1). С самого начала исследования здесь носили комплексный характер [Волокитин, Коноваленко, 1988], но наиболее широко возможности естественно-научных методов использовались на заключительном этапе в 1999 – 2002 гг. Именно в этот период была изучена минерально-сырьевая база каменных индустрий [Майорова, Несанелене, Волокитин, 2000], а также геоморфология микрорайона, что позволило воссоздать историю участка речной долины, на котором расположены памятники, определить положение стоянок по отношению к руслу реки в древности. В какой-то мере на этой основе удалось установить сезонность стоянок и сделать шаги по реконструкции занятий их обитателей. Исследование сочетало анализ крупномасштабных карт, аэрофотоснимков, сделанных в середине прошлого столетия, а также полевые наблюдения.

Геологические основы определения относительного возраста и местоположения пойменных археологических памятников

Подлинную революцию в понимании истории речных долин и строения аллювия произвели труды Е.В. Шандера [1951, 1966], но еще раньше (1938 г.) – работы Ю.А. Билибина [1956], оставшиеся малоизвестными специалистам различных отраслей знаний,

Рис. 1. Месторасположение мезолитических памятников Парч-1 – 3.

кроме разведчиков россыпного золота. В дальнейшем крупный вклад в изучение аллювия внесли И.П. Карташов [1961] и Ю.А. Лаврушин [1963]. В результате была выработана концепция, заключающая две основные идеи: 1) непрерывной боковой миграции русла независимо от стадии развития реки; 2) разновозрастного сегментного в плане строения аллювиальной свиты.

Необходимо заметить, что в рамках традиционных представлений о стратиграфии четвертичных отложений аллювиальная свита какой-либо реки разновозрастна. И только нужды археологии сделали анализ взаимоотношений разновозрастных сегментов весьма актуальным. Мы приложили концепцию перечисленных авторов к анализу конкретного участка р. Вычегды и детализировали ее в части расшифровки истории миграции русла по данным литологического строения разрезов. Таким образом была выстроена описательная модель формирования поймы и примыкающих участков долины реки.

Основной отличительной чертой геологической деятельности любой реки является постоянная боковая миграция русла, которая является следствием турбулентности водного потока. Поперечная циркуляция происходит следующим образом: у поверхности вода движется от пологого берега к крутому, спускается вдоль него вниз, размывая берег, и у дна движется от крутого берега к пологому, постепенно замедляясь и

оставляя наносы (песок) на отмели пологого берега. Взвешенный наносный песок уносится рекой вниз по течению.

Таким образом, река постоянно (а особенно интенсивно в паводки) подмывает крутой берег и наращивает песком пологий. Спонтанно возникшая кривизна русла развивается в чередующиеся левые и правые излучины (меандры), пока последние не достигнут некоторого критического размера, после чего происходит прорыв шейки меандра, спрямление русла и повторение цикла уже с другим расположением меандров. Нормальное строение речных отложений – аллювия при этом следующее. В нижней части залегают толща песков, иногда с гравием и галькой. Эти пески имеют почти горизонтальную слоистость со слабым наклоном слоев вниз по течению и, что особенно важно отметить, с существенным (в несколько градусов) в сторону миграции русла: влево – на площадях левых меандров, вправо – правых. В верхней части песчаной толщи, на границе с пойменным аллювием наблюдается весьма характерная переходная зона – переслаивание чистых песков с супесью и суглинками. Вверх по разрезу толщина песчаных слоев уменьшается, а суглинистых – увеличивается, пока разрез не становится типично пойменным.

Площадь аллювиальных отложений, образованных за один цикл от спрямления реки до максимального развития меандра и нового спрямления русла (пере-

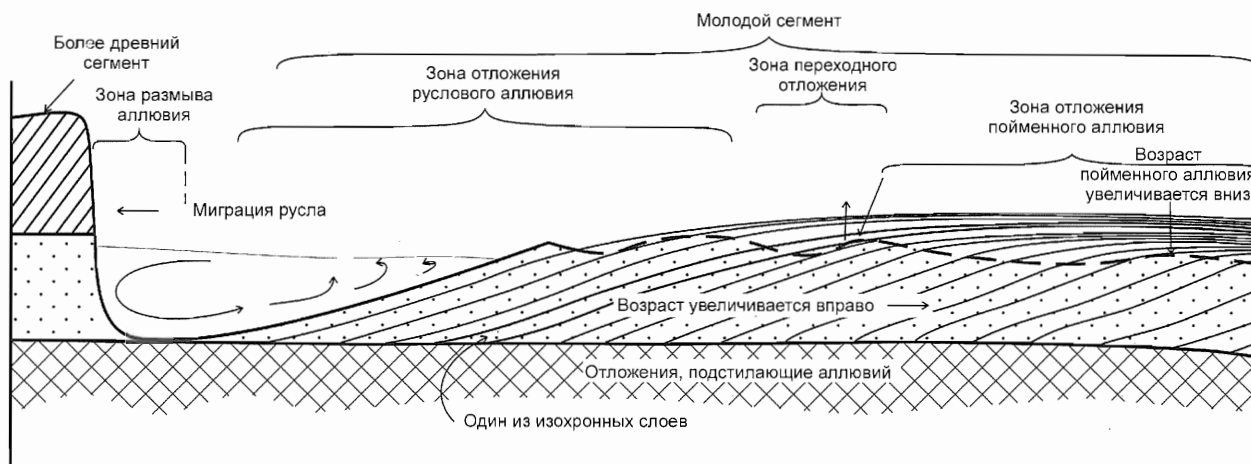

Рис. 2. Схематический разрез аллювиальных отложений "левого" меандра.

Вертикальный масштаб сильно увеличен по сравнению с горизонтальным. Выделенный изохронный слой в нижней левой части сложен песком, в средней — переслаиванием супесей и суглинков, в верхней правой части — пойменным суглинком.

кидки его в половодье), называют сегментом. В пределах одного сегмента возраст слоев песка руслового аллювия уменьшается от осевой части зоны меандрирования до крайнего (левого или правого) положения меандра, последнего перед новой переброской русла. В этом же направлении "омолаживается" и граница руслового и пойменного аллювия. Расположение одновозрастных (изохронных) поверхностей в поперечном сечении реки показано на рис. 2. В любой конкретной точке сегмента верхний слой, несомненно, моложе нижележащего, но каждому, например пойменному слою, всегда найдется синхронный ему слой песка (руслового аллювия), залегающий в нижней части разреза аллювия в более молодой (по рис. 2 — более левой) части сегмента, и каждому "диагональному" слою руслового аллювия — одновозрастный слой пойменного аллювия в другой части сегмента. Толстому слою руслового аллювия будет соответствовать изохронный ему тонкий слой пойменного.

Первоначальная форма сегмента в плане округлая со стороны развившегося меандра и срезанная новым руслом с противоположной стороны. На реке синхронно образуется пара сегментов — лево- и правомеандровый. Их внешние стороны — левая (для левомеандрового) и правая (для правомеандрового) — обычно окаймлены старицами, видимыми или заросшими и погребенными. Форма границ сегментов в плане меняется из-за их размыва последующей миграцией русла реки, точнее — вогнутыми излучинами русла. В итоге одна из сторон сегмента остается выпуклой (первичной, самой древней), остальные — вогнутые, и они же являются выпуклыми границами более молодых сегментов. Между разновозрастными сегментами, как правило, наблюдается уступ, высота которого меняется и составляет от нуля до первых метров.

Данное явление вызвано тем, что вогнутая дуга молодого сегмента гипсометрически выдержана, тогда как более древний сегмент примыкает к ней попеременно то высокой грядкой, то межгрядной ложбиной. Это отражается не только в высоте, но и в характере разреза, обнаженного в крутом берегу современного русла: там, где берег высок, кровля руслового аллювия поднимается, разрез более супесчанист.

Река в своем спонтанном развитии перемывает свои же, более древние, аллювиальные отложения, перерабатывает их в виде более молодых сегментов. Чем древнее сегмент, тем больше вероятность, что он будет размыв. Самые древние сегменты остаются нетронутыми преимущественно у границ долины реки. Выделить отдельные сегменты нетрудно. Это делается на крупномасштабных топографических картах (1 : 50 000, 1 : 25 000) и аэрофотоснимках. Установить возрастные отношения между соприкасающимися сегментами тоже легко — по срезанию почти под прямым углом грядок одного выпуклой границей другого (рис. 3). Однако уже на небольшом протяжении реки по течению (для среднего течения Вытегды через 2 — 3 км) единую возрастную цепочку соприкасающихся сегментов составить невозможно. Особенно трудно установить возрастные отношения "правых" и "левых" сегментов, даже если они расположены близко и оба относятся к группе молодых.

Для определения относительного возраста сегментов, что особо актуально для археологов, можно использовать следующие косвенные признаки. Более древние сегменты имеют большую высоту, большую мощность пойменной части аллювия, грядки их сильнее залесены, а часто бывают залесены и межгрядные ложбины. Поверхность их более сглажена. Старицы, если они есть, в древних сегментах сильно

либо полностью заросли или погребены и обнаруживаются только ручным бурением или на аэрофотоснимках по сильно увлажненным лугам (более темный фототон).

Ландшафтная характеристика долины р. Вычегды в районе с. Парч

В описываемом районе выделены следующие возрастные цепочки сегментов аллювия (от древнего к современному): в створе в 4 км выше с. Парч I – II – III – IV – XII – V (из них последний расположен справа от современного русла реки); в створе д. Верхний Парч VI – VII – XIII – VIII – IX – X – XI; в створе с. Парч XIV – XV – XVI – (XIX – XVII) – XVIII; в створе западной оконечности описываемого района XXIV – XXIII – XXI – (XXII – XX) (рис. 4). Как видно из рисунка, сильно преобладают левомеандровые сегменты, а русло реки в настоящее время занимает крайнее правое положение.

Правый борт долины р. Вычегды очень четко фиксируется по границе аллювиальных отложений, образующих практически горизонтальную, слабо расчлененную поверхность, с предположительно ледниковыми, водно-ледниковыми отложениями, образующими сильно расчлененную логами более древ-

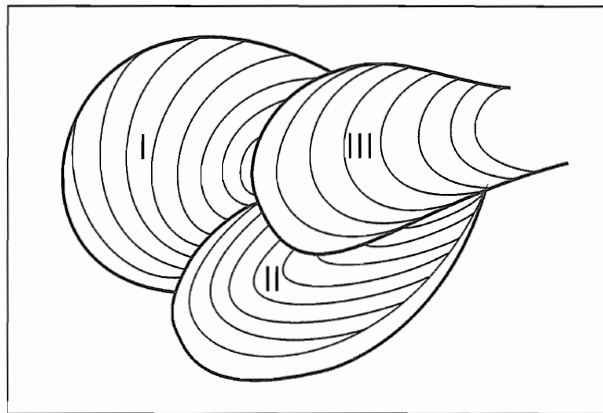

Рис. 3. Возрастное соотношение сегментов аллювия, фиксируемое по срезанию более древних сегментов более молодыми (I, затем II и III).

нюю поверхность. На участках долины, где река вплотную подходит к ее правому борту, на пологих осушенных отмелях правого берега наблюдаются валунно-галечные россыпи (рис. 4), местное происхождение которых не вызывает сомнения. Крупный размер некоторых глыб (до 1 м) не допускает предположения об их переносе речным потоком. Очень слабая окатанность свидетельствует о том же. На коротком расстоянии состав гальки и валунов суще-

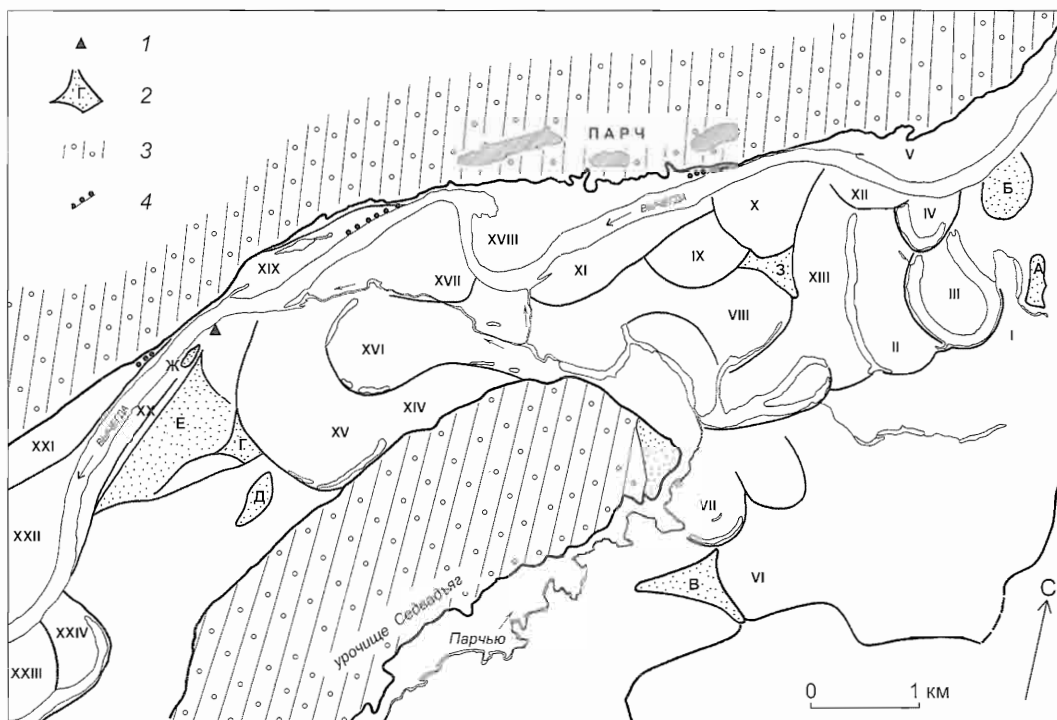

Рис. 4. Аллювиальные сегменты (I – XXIV) и останцы зандров (А – С) в исследуемом микрорайоне.
1 – стоянки Парч-1; 2 – останцы зандров; 3 – морена; 4 – валунно-галечные отложения на бечевнике.

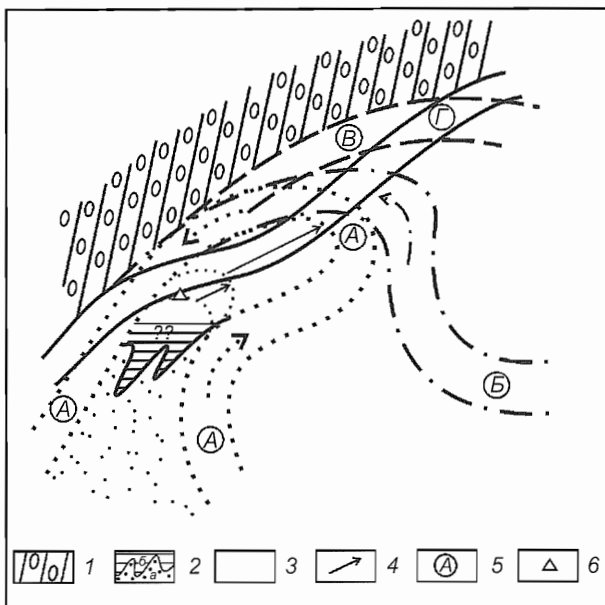

Рис. 5. Схема боковой миграции русла р. Вычегды на участке расположения памятников Парч-1 – 3.

1 – крутой правый берег, сложенный мореной; 2 – останец флювиогляциальных отложений: а – обнаженный, б – перекрытый верхней частью пойменных отложений; 3 – аллювиальные отложения долины реки; 4 – развитие излучины реки; 5 – положение русла (А – в момент обитания стоянки, Б, В – в процессе спрямления русла, Г – в настоящее время); 6 – расположение памятников.

ственно варьирует, чего не может быть при длинном переносе и перемешивании в русле реки. Вероятнее всего, это крупнообломочные остатки размываемых рекой морен и лежащих под ними коренных пород. Поражает обилие кремнистых конкреций и окремненных известняков. В избытке присутствуют хорошо окатанные гальки кварцитов, гальки кварцевых порфиров, других плотных с массивной текстурой метаморфических пород, конкреции сидерита, образцы крупнозернистого песка (до гравелита), цементированного марказитом.

Левый борт долины р. Вычегды четко фиксируется только на северо-западном склоне урочища Седвадьг, сложенном моренными отложениями.

Примечательное явление в долине р. Вычегды, и в частности на описываемом участке, – останцы флювиогляциальных отложений, обычно обрамляющих аллювиальную долину и подстилающих современный аллювий. Они представлены зандрами в виде вытянутых серпообразных или неправильной формы песчаных холмов, которые образуются охватом некоторого участка зандра глубоким меандром с последующим прорывом его шейки и перебросом русла реки на другую сторону образовавшегося останца. Поскольку холмы зандров выше

поймы, они представляют для боковой миграции реки большее препятствие. Поэтому река, в очередной раз подходя к останцу, образует в нем вогнутую дугу внутренней границы поймы, оставляя его то на левом, то на правом ее берегу. Именно вследствие этого останцы зандров имеют в плане многоугольную (чаще всего треугольную) форму с вогнутыми сторонами.

На территории описываемого района восемь останцов зандров (рис. 4, А – 3). На одном, самом крупном из них (Е) исследовалась группа памятников Вомяньг, датируемых от эпохи бронзы до раннего средневековья. На останце 3 обнаружено поселение энеолита – бронзы Ручкайтгяг. Остальные слишком малы по площади, чтобы представить интерес в качестве места для поселения. Памятники Парчгяг-1, 2 обнаружены на флювиогляциальных отложениях, слагающих восточную оконечность урочища Седвадьг в районе отметок 119,6 и 117,6 м, выше которых эти отложения сменяются моренными (рис. 4).

Геологические условия местонахождения пойменных археологических памятников Парч-1, 2

Пойменные мезолитические памятники Парч-1, 2 расположены в самом узком на этом участке створе долины р. Вычегды в 3 км юго-западнее с. Парч. Ширина долины составляет здесь всего 300 – 400 м. С севера она ограничивается высоким, сложенным мореной берегом, с юга – останцом флювиогляциальных отложений. Особенностью расположения памятников является то, что река в этом створе не имеет возможности свободно меандрировать. Ширина “горловины” здесь всего лишь в 1,5 – 2 раза превышает ширину русла в межень.

Памятники приурочены к аллювию крутого, интенсивно размываемого в настоящее время левого берега реки. Анализ разреза и планового расположения сегментов поймы показывает, что история накопления аллювиальных отложений и передвижений русла началась здесь обычным седиментогенезом руслового аллювия. Однако переходные от руслового к пойменному аллювию слои, в верхах которых залегают культурные остатки стоянки Парч-2, имеют большую, чем обычно, мощность. Это свидетельствует о длительном пребывании точки разреза в небольшом удалении от реки. Следовательно, стоянка располагалась чуть выше (и дальше от реки) границы песчаного речного пляжа. Излучина реки охватывала ее с юго-востока, северо-востока и северо-запада. Стоянка находилась на расстоянии не более первых сотен метров от русла на молодом образующемся, но еще недостаточно густо заросшем дуге.

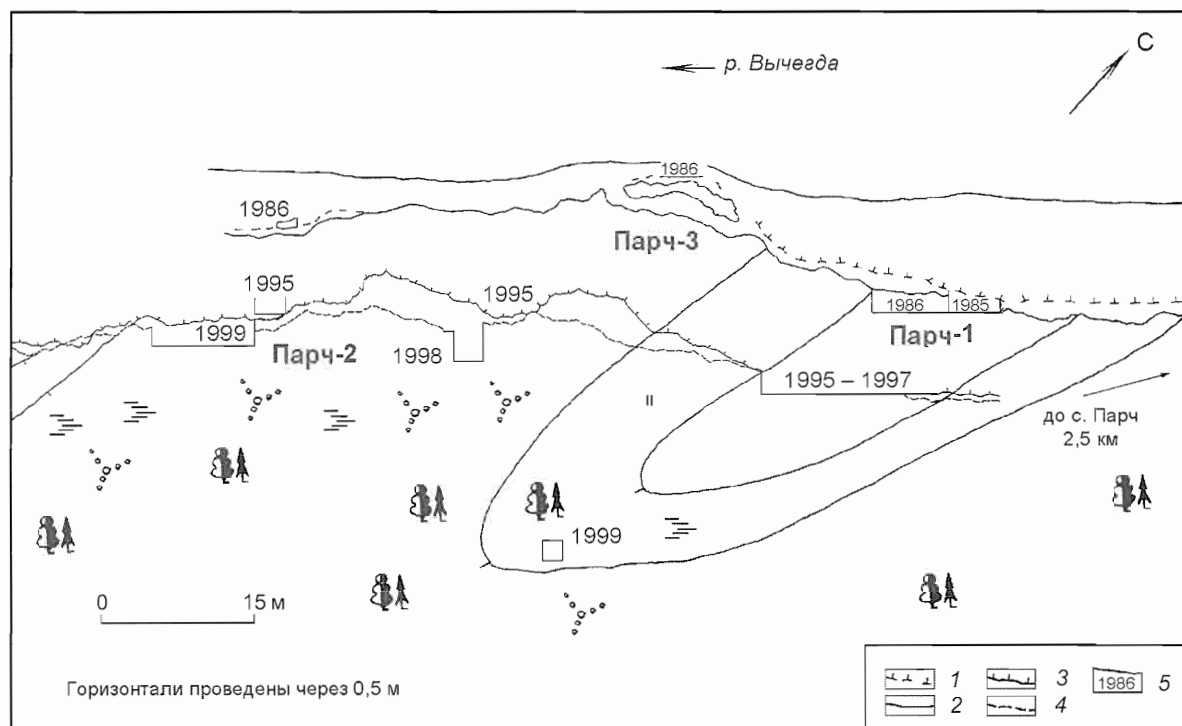

Рис. 6. План памятников Парч-1 – 3.
1 – кромка обнажения в 1985 г.; 2 – кромка обнажения в 1986 г.; 3 – кромка обнажения в 1998 г.;
4 – кромка обнажения в 1999 г.; 5 – раскопы разных лет.

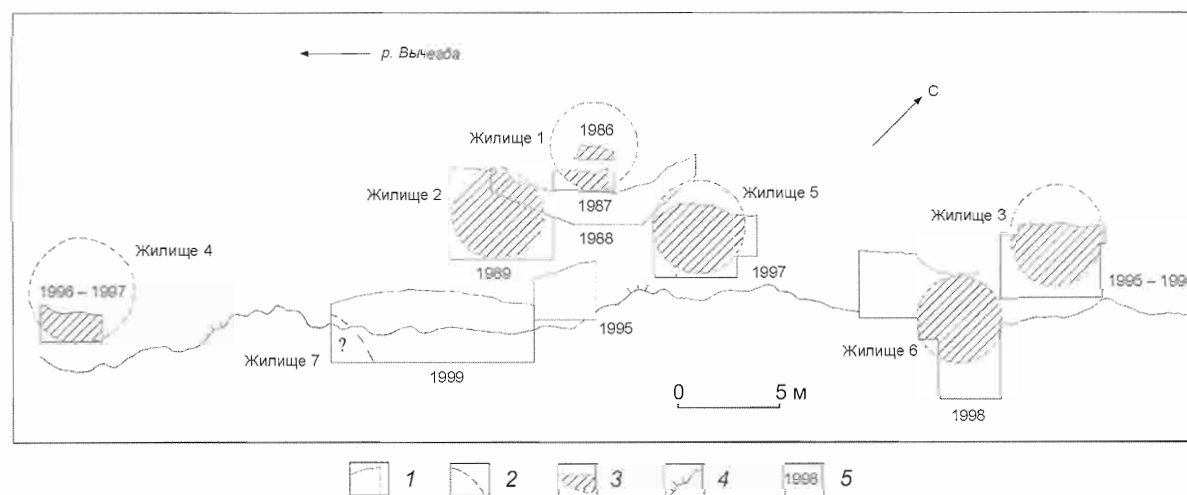

Рис. 7. План расположения жилищ на стоянке Парч-2.
1 – раскопы разных лет с кромкой обнажения террасы на уровне находок; 2 – граница предполагаемого жилища 7;
3 – сохранившиеся и раскопанные части жилищ 1 – 6; 4 – бровка обнажения террасы в 1999 г.;
5 – годы исследований.

В последующее время река все более удалялась от места стоянки, и оно стало типичной поймой, накопление осадков на которой происходило только в половодье в виде суглинка. В дальнейшем произошло спрямление излучины, а русло реки заняло край-

нее северное положение у современного крутого борта долины. В настоящее время участок с памятниками оказался на внешней стороне развивающегося левого меандра, а был на внутренней правого (рис. 5). Наличие в разрезе песка поверх пойменных суглин-

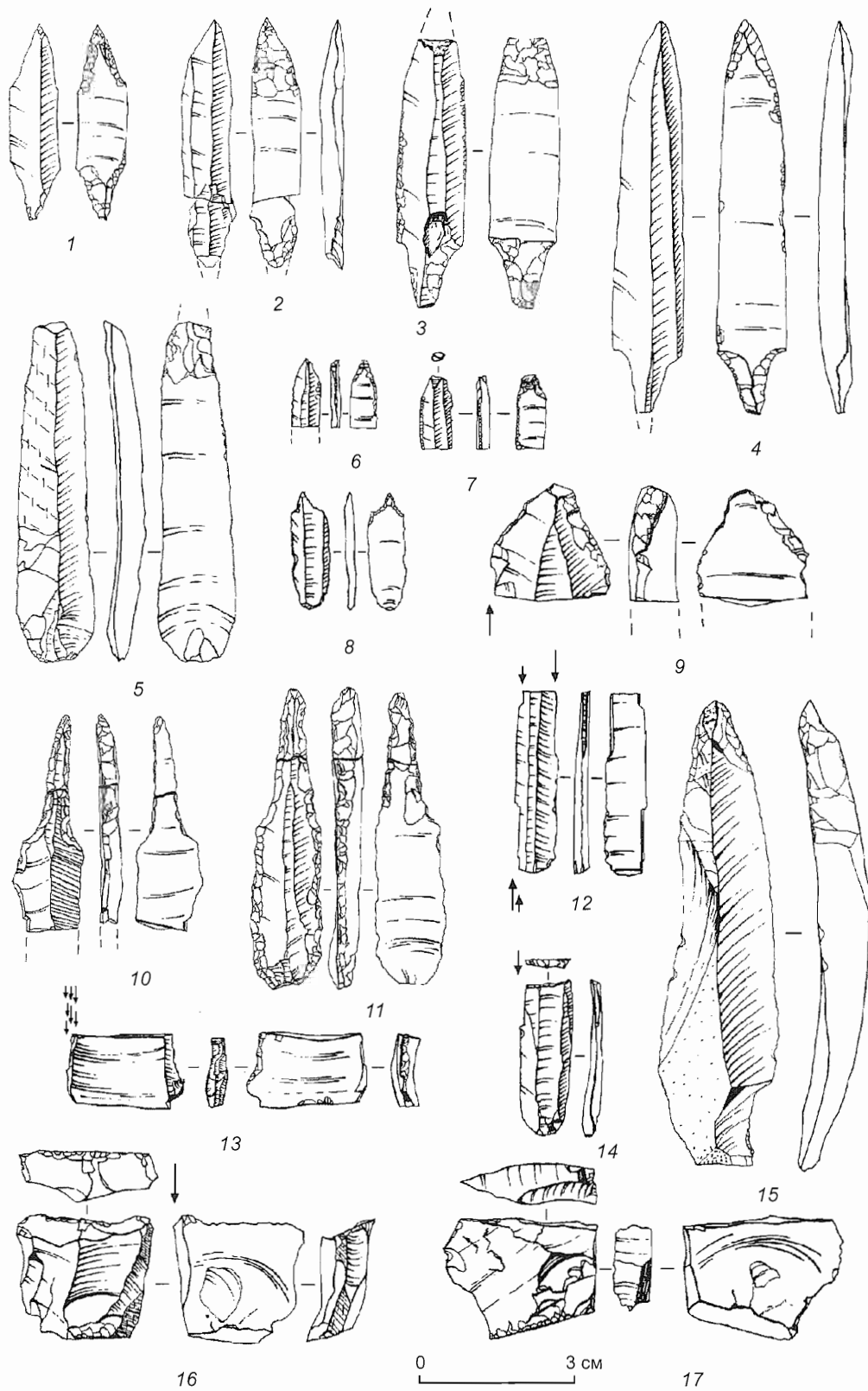

Рис. 8. Кремневый инвентарь.

1, 2, 4, 6, 7, 9-17 - Парч-1; 3 - Парч-3; 5 - Парч-2, жилище 5; 8 - Парч-2, жилище 6.
1 - 4, 5 (?) - наконечники стрел, 6 - 11, 15 - перфораторы, 12 - 14, 16, 17 - резцы.

ков всегда свидетельствует о перестройке планового расположения русла в близких окрестностях и о том, что данный разрез скоро размост*.

Зажатость реки в узком месте имеет следствием еще одно важное обстоятельство. В условиях весьма ограниченного меандрирования, колеблясь между крутыми берегами, река образует сегменты аллювия узкой прямолинейной или слегка изогнутой формы. Срезание одного сегмента другим трудно идентифицируется, поскольку параллельные древние гривки сменяются параллельными им молодыми, и все это пространственно сближено. Поэтому весьма правдоподобно предположение, что стоянки Парч-1 и 2 (первая находится на 45 м выше по течению от второй) могут располагаться в разных сегментах. Если бы они находились в одном сегменте, то можно было бы сделать уверенный вывод о существенно меньшем возрасте памятника Парч-1 по сравнению с Парч-2, т.к. первый залегает в верхней части пойменного аллювия (в типичной, хорошо структурированной почве, характерной для высоких гривок), тогда как второй – в нижней, переходной к русловой его части. Вероятнее всего, сегмент со стоянкой Парч-2 моложе.

Заключение

Таким образом, стоянка Парч-2 располагалась на мысу на молодом лугу, где устанавливались легкие наземные жилища типа чумов [Волокитин, Косинская, 1999]. Диаметр их пола был 4 – 5 м. В центре жилищ находились очаги, вокруг которых зафиксированы т.н. топталища. Обнаружены две группы жилищ (в одной – три, в другой – два жилища) и одно поодаль от других (рис. 7). Однако в последнем случае следует учитывать, что часть памятника утрачена. Очень близкое расположение жилищ (1 – 2 м между их границами) в группах может свидетельствовать об их одновременном существовании в древности. Скорее всего, один или два коллектива (семьи) численностью не более 8 – 10 чел. приходили сюда ранней весной в течение нескольких лет.

* В связи с абразией отложений работы на памятниках носили спасательный характер. Ежегодным разрушением во время половодий культуровмещающих слоев объясняется утрата части археологического контекста (рис. 6). Так, из шести обнаруженных на стоянке Парч-2 жилищ лишь два не пострадали от боковой эрозии реки и были изучены в полном объеме (рис. 7). Частично исследованный в течение трех сезонов и затем полностью разрушенный памятник Парч-3, как сейчас представляется, являлся одним из объектов стоянки Парч-2, культуровмещающие отложения которого затем были деформированы старицей.

Стоянка Парч-1 находилась на более возвышенном месте (другого аллювиального сегмента), но в непосредственной близости от Парч-2. Здесь не обнаружено следов ни очагов, ни жилищ. Возможно, хозяйственная деятельность вне жилищ коллективов, обитавших на стоянке Парч-2, протекала именно на этом, более сухом и обдуваемом месте*. Интенсивная кремнеобработка на обоих памятниках – свидетельство того, что значительная часть заготовок орудий производилась в запас. И это еще одно доказательство существования стоянок в теплое время года.

Выявлено сходство сырья, из которого изготовлены кремневые изделия на памятниках (рис. 8), и природного кремня бечевников правобережья р. Вычегды. Некремневый инвентарь (в т.ч. галечные орудия и гальки-отбойники, а также абразивы) представлен кварцевым, аркозовым, граувакковым песчаниками, глинистым алевролитом, глинистым силицитом, фтанитом, жильным кварцем, кварцитом, вулканогенными породами (долерит, андезит, лавобрекчия андезитового состава), что также довольно полно отражает состав валунно-галечного материала на бечевниках правобережья Вычегды. Следует полагать, что для достижения выходов минерального сырья на противоположном берегу реки существовали средства водного транспорта.

На описываемых памятниках впервые в регионе проведено массовое определение мезолитической фауны. В очагах жилищ стоянки Парч-2 зафиксированы фрагменты костей таких млекопитающих, как бобр (*Castor fiber*), лось (*Alces alces*), северный олень (*Rangifer tarandus*), волк (*Canis lupus*), собака (*Canis familiaris*), куны (*Martes* sp.), медведь (*Ursus arctos*); птиц – глухарь (*Tetrao urogallus* L.), рябчик (*Tetrastes bonasia* L.), утка (*Anatinae*), врановые (*Corvidae*); рыб – щука (*Esox lucius*), окунь (*Perca fluviatilis*), карповые (*Cyprinidae*)*. Таким образом, обитателями стоянок использовались биоресурсы и водоемов (река и старицы поймы), и тайги. В первом случае это рыба,

* Однако не стоит исключать (по крайней мере, на данном этапе исследования) возможность того, что эти две стоянки заселялись в течение одного сезона последовательно, в зависимости от уровня воды в реке. Здесь, в частности, обрабатывали кремь (как и внутри жилищ 3, 4, 6 стоянки Парч-2). По функциональной принадлежности Парч-1 характеризуется как небольшая сезонная стоянка-мастерская, обитатели которой занимались преимущественно первичной обработкой кремня [Косинская, Волокитин, 1993]. Жилища 3, 4 (?), 6 стоянки Парч-2 можно считать домашними кремнеобрабатывающими мастерскими. В жилище 6 зафиксировано более 10 тыс. кремневых чешуек, что сопоставимо с количеством чешуек, обнаруженных при раскопках памятника Парч-3 [Волокитин, Коноваленко, 1988].

** Определение П.А. Косинцева (млекопитающие) и А.Е. Некрасова (птицы и рыбы), Институт экологии растений и животных УрО РАН (Екатеринбург).

бобры, водоплавающие (утки), во втором – боровая дичь и большая часть млекопитающих, наиболее вероятным местом добычи которых были чистые сосновые боры прилегающих задровых останцов, имевших в то время большую по сравнению с настоящей площадь. Следует добавить, что охота на копытных (лось и лесная разновидность северного оленя) велась, очевидно, в месте переправы их через реку. Эксплуатируемая территория, таким образом, была в радиусе 1 – 2 км от стоянок, а система жизнеобеспечения их обитателей, ориентированная на все разнообразие среднетаежного природного окружения и достаточно полно использовавшая био- и минеральные ресурсы, была неспециализированной.

Список литературы

- Билибин Ю.А.** Основы геологии россыпей. – 3-е изд. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 453 с.
- Волокитин А.В.** Мезолит // Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – Гл. 2. – С. 91 – 145.
- Волокитин А.В., Карманов В.Н.** Пойменные археологические памятники Европейского Северо-Востока // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы научного семинара 18 – 19 ноября 2001 г. – Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2002. – С. 46 – 52.
- Волокитин А.В., Коноваленко Л.А.** Новый мезолитический памятник Парч-3 на Вычегде // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. – Сыктывкар: Изд-во Коми научного центра УрО РАН, 1988. – С. 19 – 32. – (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. 11).

Волокитин А.В., Косинская Л.Л. Мезолитические жилища Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар: Изд-во Коми научного центра УрО РАН, 1999. – 36 с. – (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН; Вып. 414).

Картанов И.П. Фации, динамические фазы и свиты аллювия // Изв. АН СССР. Сер. геол. – 1961. – № 9. – С. 77 – 90.

Косинская Л.Л., Волокитин А.В. Типология мезолитических памятников Европейского Северо-Востока // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. – Сыктывкар: Изд-во Коми научного центра УрО РАН, 1993. – С. 18 – 29. – (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. 12).

Лаврушин Ю.А. Аллювий равнинных рек субарктического пояса и перигляциальных областей материковых оледенений. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 267 с.

Майорова Т.П., Несанелене В.М., Волокитин А.В. Сырьевая база древних технологий на Европейском Северо-Востоке как адаптационный механизм // Коренные этносы севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: Материалы Междунар. науч. конф. Сыктывкар, 17 – 19 мая 2000 г. – Сыктывкар: Изд-во Коми научного центра УрО РАН, 2000. – С. 185 – 191.

Шанцер Е.В. Аллювий равнинных рек умеренного пояса и его значение для познания закономерностей строения и формирования аллювиальных свит. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 274 с.

Шанцер Е.В. Очерки учения о генетических типах континентальных осадочных образований. – М.: Наука, 1966. – 239 с.

Материал поступил в редколлегию 16. 06. 03 г.

Н.Ю. Кунгурова

НИЦ "Наследие"

ул. Ползунова, 39, Барнаул. 656043, Россия

E-mail: nasledie@barnaul.ru

ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ В IV ТЫС. ДО Н.Э. (по материалам погребений кузнецко- алтайской культуры)

Введение

Одежда является ярким проявлением традиций того или иного народа. К сожалению, в Саяно-Алтайском нагорье нет ни одного примера сохранившихся органических остатков одежды неолитического времени, и поэтому судить о ее элементах и принципах орнаментации можно только на основе размещения нашивок в погребениях. На данной территории наибольшее их количество найдено в погребальных памятниках кузнецко-алтайской культуры [Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000], которые датируются серединой – второй половиной IV тыс. до н.э. [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995; Маркин, 2000; Кунгурова, 2003]. Культура генетически связана с неолитом Прибайкалья. Среди захоронений на территории Алтайской горной системы, включая Кузнецкую котловину, выделяются женские погребения с богатым набором нашивок: в Каминной пещере (один скелет) [Маркин, 2000], на могильнике Большой Мыс (два костяка) [Молодин, 1999], погр. 6 могильника Лебеди (тоже два) [Bobrov, 1988]. Близко к ним захоронение могильника Меловное в верховьях Иртыша (шесть скелетов) [Ткачёв, 2001]. Во всех погребениях присутствуют лепестковые либо рыбковидные костяные нашивки и круглые плоские бусины, вырезанные из кости или перламутра. Этот набор дополняется другими формами костяных нашивок и подвесок из зубов животных. На могильнике Солонцы-5, исследованном в 2000 г. на левом берегу р. Бии, встречено наибольшее количество женских погребений с украшениями. Среди костей скелетов двух девочек 7 – 8

и 11 – 12 лет из погр. 8, и девочки 6 – 7 лет из погр. 6 найдены костяные нашивки, расположенные в одинаковой системе. Сходные по формам нашивок и их размещению наборы обнаружены с двумя погребенными на могильнике Большой Мыс (раскопки В.И. Молодина). В определении пола одного из них у антропологов существовали расхождения. Так, В.П. Алексеевым и Н.Н. Мамоновой он определялся как юноша 18 лет, В.А. Дрёмовым – как женщина возмужалого возраста. Второй скелет, по общему мнению, принадлежал женщине 25 лет [Молодин, 1999]. Система расположения нашивок на женских скелетах представляет большой интерес для изучения и реконструкции погребального костюма, характерного для данной культурной группы. В остальных погребениях Солонцов-5, где были захоронены женщины пожилого возраста (45 – 50 и более 60 лет) [Кунгурова, Чикишева, 2002], украшения редки либо вообще отсутствовали. Аналогичные данные имеются по захоронениям женщин того же возраста на могильнике Усть-Иша [Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000].

Описание расположения нашивок в погребениях могильника Солонцы-5

В погр. 8 могильника Солонцы-5 две девочки были захоронены положенными одна на другую. Хорошо сохранилась только нижняя часть скелетов. Все остальные кости были разрозненные (рис. 1, 2). Среди них найдены крупные бусины из раковин (перламут-

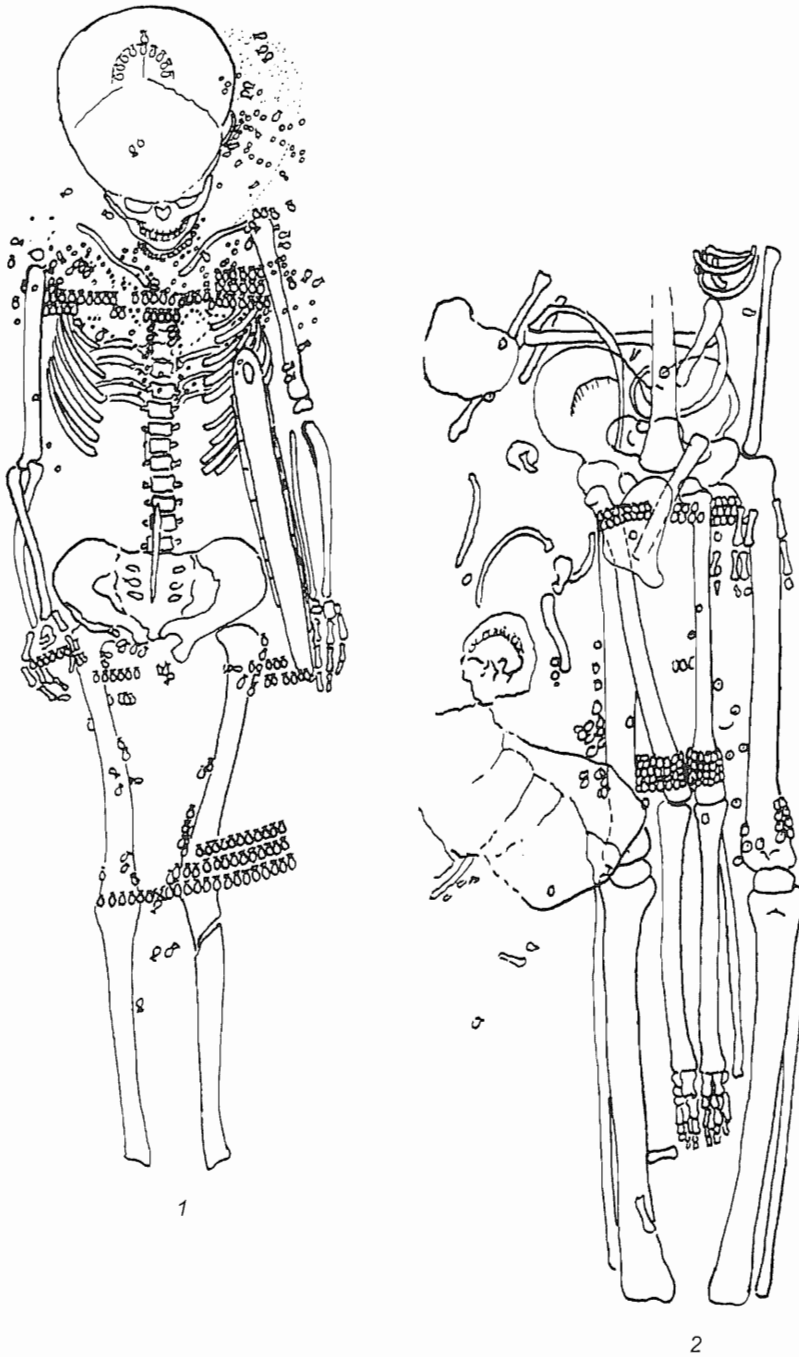

Рис. 1. Детские захоронения могильника Солонцы-5.
1 – погр. 6; 2 – погр. 8 (фрагмент).

ра), лепестковые нашивки, шесть резцов сурка, семь резцов и челюсть суслика. Последние попадались как по отдельности, так и выложенными последовательно. Кроме того, здесь встречены трубочка-пронизка, нашивки из расщепленных зубов животного (марала), мелкие круглые речные ракушки. Есть основание причислять эти ракушки к украшениям одежды, поскольку в основной части других погребений могильника и в составе суглинка их нет.

Нашивки лепестковой формы концентрировались на обоих скелетах чуть выше коленных суставов – огибали нижнюю часть бедренных костей. Особенно хорошо система их размещения просматривалась на верхнем скелете. На нижнем она та же, но сохранилась фрагментарно. На костях каждой ноги погребенных лепестковые нашивки располагались четырьмя параллельными рядами, причем края вышележащих слегка перекрывали нижние. Это образовывало плотную ленту шириной до 4 см.

Лента шириной 2 см из аналогичных нашивок, размещенных в два ряда, пересекала верх бедренных костей (чуть ниже тазовых) верхнего скелета. На нижнем лента, находившаяся на этом месте, сохранилась фрагментарно. Она состояла из трех-четырёх рядов нашивок.

Погр. 6, где была захоронена девочка, выделяется обилием и разнообразием нашивок (рис.1, 1; 2). Здесь встречены костяные нашивки рыбковидной формы и маленькие плоские бусины из кости – бисер, единичные подвески из мелких зубов животных (косули). Украшения концентрировались в трех зонах: возле тазовых суставов, ниже тазовых костей, в области грудной клетки и у черепа.

Лента шириной 5 см, состоящая из крупных нашивок рыбковидной формы, пересекала нижнюю часть бедренных костей, чуть выше коленных суставов. Нашивки располагались параллельными рядами, плотно подогнанными друг к другу, но не внахлест. На кости правой ноги фиксировался лишь один ряд, огибающий коленный сустав, выше хаотично размещались отдельные нашивки. Фрагмент ленты, находившейся на левой ноге погребенной, был смещен влево. Он имел форму прямоугольника длиной 11 см, шириной 5 см и состоял из трех рядов нашивок.

Лента из рыбковидных нашивок проходила через верхнюю часть бедренных костей. Она сохранилась фрагментарно, предположительно состояла из двух

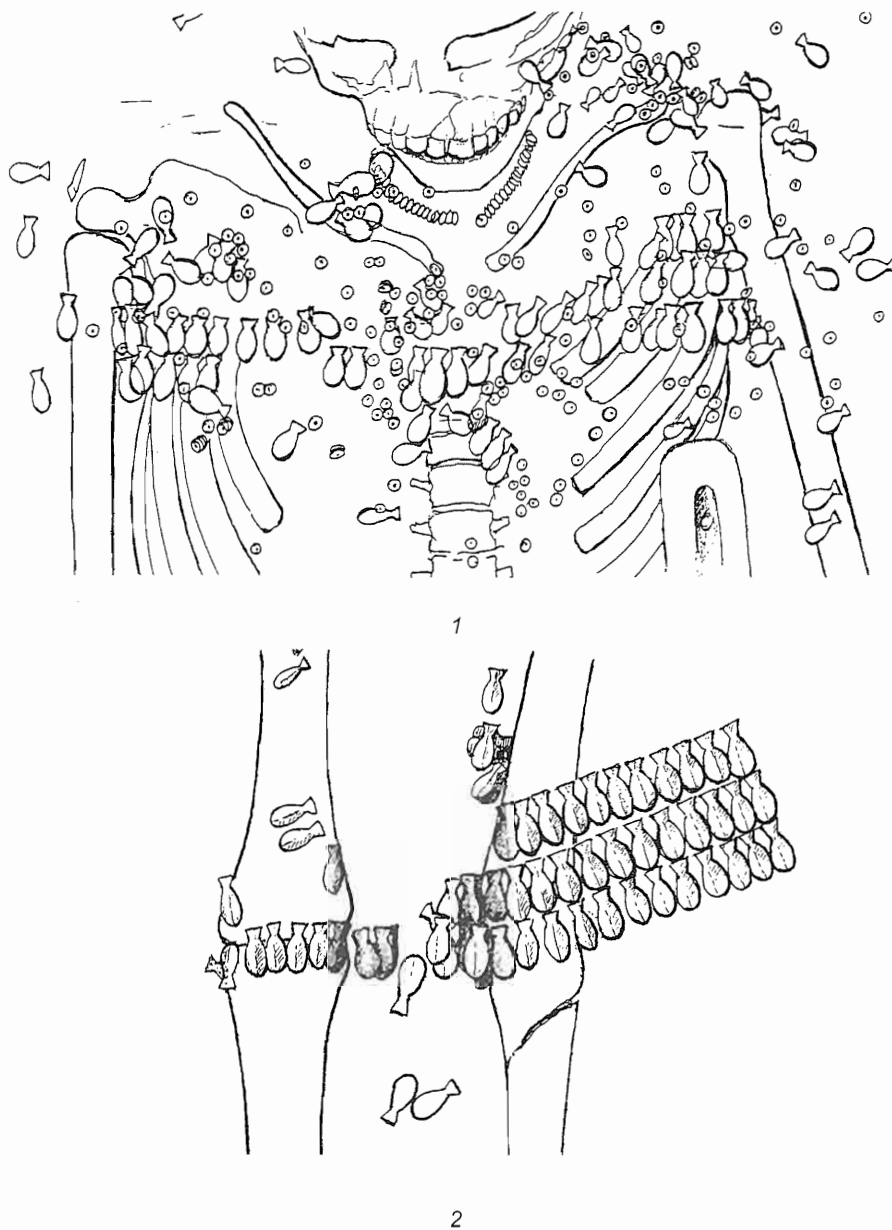

Рис. 2. Фрагменты погр. 6 могильника Солонцы-5.

рядов. Фаланги правой руки пересекал аккуратный ряд нашивок, на костях левой они отсутствовали.

Верхнюю часть грудной клетки пересекала полоса более мелких, чем описанные выше, нашивок рыбковидной формы. Она сохранилась не полностью. В центральной части просматриваются два параллельных ряда нашивок, по бокам по три. В центре под этой полосой определяются два коротких параллельных вертикальных ряда. Нашивки располагались на плечевых суставах и ниже на костях плеч.

Мелкие костяные бусины (бисер) диаметром до 0,2 – 0,3 см размещались в области грудной клетки. Некоторые из них были снизаны по несколько.

В расположении бусин просматриваются узоры в виде развернутых завитков. Низка бисерного канта огибала шейные позвонки.

Возле черепа украшения лежали хаотично, в основном слева. Здесь были мелкие рыбковидные нашивки и бисер. Под черепом запечатлелся орнамент в форме подковы концами вниз, выложенной крупными рыбковидными нашивками. Сверху “подкову” венчает одна нашивка (рис. 3, 3; 4).

Рыбковидные нашивки из погр. 6 различаются по цвету. Крупные нашивки, составлявшие орнаментальные полосы, располагавшиеся над коленными суставами и в верхней части бедренных костей, а также

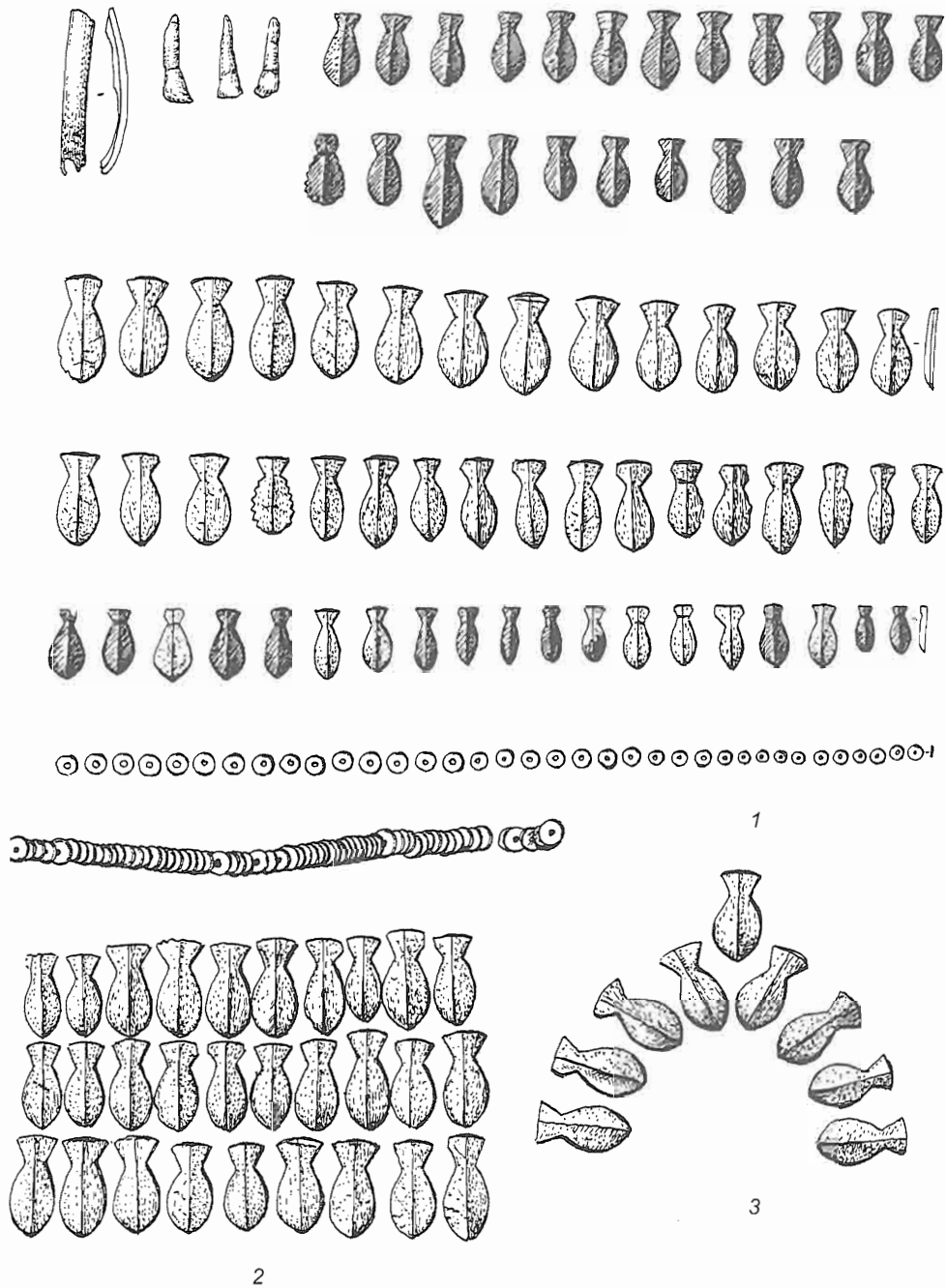

Рис. 3. Нашивки из погр. 6 могильника Солонцы-5.
1 – виды нашивок; 2 – ряды нашивок, располагавшихся на костях ног; 3 – орнамент под черепом.

орнамент под черепом, сделаны из светлой кости. В области грудной клетки чередовались светлые (цвет кости) и темные, почти черные нашивки, первоначальную окраску которых в настоящий момент определить сложно. Одни сохранили насыщенный черный цвет по всей поверхности, на других окраска местами стерлась или полиняла. Краска впиталась в верхний тонкий слой кости. Расположение цветовых вариаций не было прослежено при зачистке по-

гребеня из-за плотного глинистого налета, покрывавшего все предметы, а обнаружилось в ходе промывки украшений.

Выделяются пять групп костяных нашивок:

1) нашивки лепестковой формы с прямо срезанной вершиной из погр. 8. Их размеры от $1,0 \times 0,6$ до $1,5 \times 1,0$ см. Обе поверхности отшлифованы, отверстия просверлены либо насквозь с одной стороны, либо с двух;

Рис. 4. Нашивки на головной убор из погр. 6 могильника Солонцы-5, выложенные на ткань.

2) нашивки рыбковидной формы из погр. 6 (см. рис. 3, 1). Нижняя их часть аналогична по форме и размерам лепестковым, верхняя – треугольный “хвостик”. Крупные экземпляры длиной 2 см, мелкие – размерами от $1,1 \times 0,4$ до $1,5 \times 0,8$ см. Обе поверхности отшлифованы. Тыльная плоская, скошенная к концу, лицевая имеет продольное ребро посередине. У двух экземпляров зубчатый край. Отдельные нашивки имеют небольшие прорезы в выемках у основания “хвоста” и на ребре лицевой поверхности, вероятно, специально сделанные для закрепления нити, с помощью которой пришивались украшения;

3) круглые нашивки с отверстием в центре, вырезанные из двустворчатых раковин (перламутра) или кости. В погр. 8 их диаметр 1 см. Мелкие нашивки (бисер) из погр. 6 диаметром от 0,3 (иногда до 0,2) до 0,5 см;

4) трубочка-пронизка длиной 0,9, диаметром 0,2 см;

5) резцы марала, расщепленные повдоль. Они не имеют прорезей и отверстий и, возможно, закреплялись на кожаной основе каким-то иным способом.

Особенности украшений одежды погребенных разных возрастных категорий

Размещение нашивок в женских погребениях Салаир-Алтая подчинено определенному порядку, выраженному в компоновке орнаментальных лент и зональности. Анализ системы расположения нашивок,

выявил соответствие определенных стилей композиции орнамента возрастным категориям (рис. 5). Так, для захоронений девочек на Солонцах-5 характерна устойчивая система комбинаций нашивок в виде поперечных полос (лент) чуть выше коленных суставов и в верхней части бедренных костей (ниже таза), а также композиция из плоских бусин или бисера, подчеркнутая поперечной полосой нашивок, в области грудной клетки сверху. Возраст этих погребенных от 7 до 12 лет. Данный период первого жизненного цикла заканчивался важным событием – инициацией, означающей превращение в девушку [Откровение..., 1997]. У всех народов, в т.ч. Сибири, Америки, обряд инициации проводился во время первой менструации, в 12 – 14 лет, с этого момента начинался новый жизненный цикл, связанный со способностью к воспроизводству [La Flesche, 1939; Семейная обрядность..., 1980]. Девушек можно было уже сватать. Идентичность орнаментальных полос у всех погребенных данной группы населения приводит к выводу о существовании однотипной одежды, характерной для первой возрастной категории.

Об особенностях одежды молодых женщин можно судить только по материалам захоронений на могильнике Большой Мыс и в Каминной пещере. В погребениях на Большом Мысе лепестковые нашивки образовывали ленты, пересекающие бедренные кости в верхней части. Над коленными суставами одного скелета (женщина 25 лет) вместо орнаментальных лент были нашивки из раковин, по две на каждой

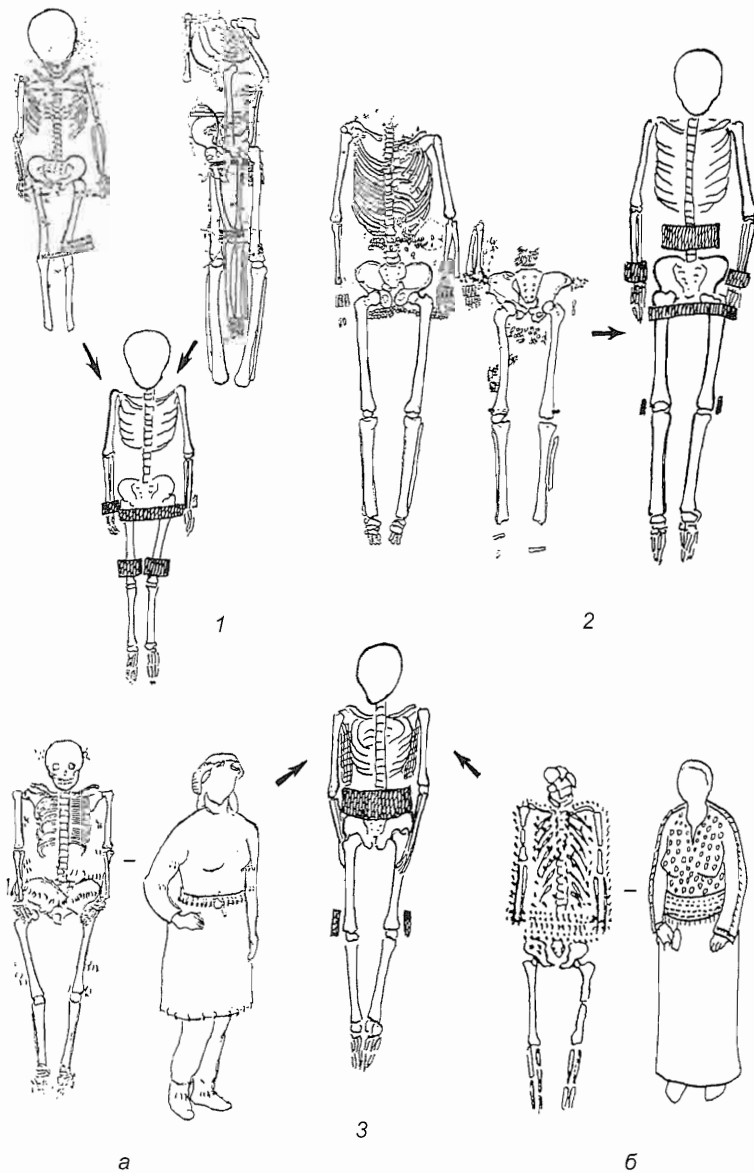

Рис. 5. Схема расположения нашивок в женских погребениях Салаиро-Алтая.

1 – дети. Солонцы-5; 2 – молодые женщины. Большой Мыс (по: [Молодин, 1999]); 3 – пожилые женщины: а – Лебеди-2 (план и реконструкция по: [Bobrov, 1988]); б – Меловное XI (план и реконструкция по: [Ткачѐв, 2001]).

кости. В.И. Молодин отметил, что они являлись украшениями штанов, а не юбки. На другом скелете (женщина возмужалого возраста?) эти нашивки отсутствовали. По мнению В.И. Молодина, в обоих захоронениях присутствовали пояса [Молодин, 1999]: в одном по линии талии располагались лепестковые нашивки, в другом в районе пояса сохранился фрагмент группы подвесок и нашивок. При видимом сходстве компоновки нашивок в погребениях девочек и взрослых женщин имеются отличия. В последних

присутствуют наборы нашивок, украшавших пояса, и отсутствуют орнаментальные полосы над коленными суставами.

Погребение в Каминной пещере принадлежало женщине 23 – 25 лет, которая к моменту смерти была беременной. Расположение нашивок отличало его от всех других женских захоронений, что, скорее всего, связано с причиной смерти (во время родов) или, возможно, с особым статусом погребенной. Зональность в орнаментации одежды здесь не прослеживается. Плоские бусины, “рыбки” и прочие костяные нашивки в основном находились в области грудной клетки и костей рук. По наличию костяной пряжки (уменьшенной копии) С.В. Маркин предположил, что здесь был пояс [Маркин, 2000, с. 62].

Следующая возрастная группа – пожилые женщины. На алтайских могильниках их захоронения почти не содержат нашивок. Богатые такими находками погребения встречены в Кузнецкой котловине (Лебеди-2) и в предгорьях Восточного Казахстана (Меловное XI). Погр. 6 могильника Лебеди-2 принадлежало женщине 60 лет [Bobrov, 1988, р. 35]. Система размещения украшений одежды близка вышеописанной по скоплению подвесок с внешней стороны бедренных костей выше коленных суставов и полосе из подвесок, пересекающей тазовые кости. По мнению В.В. Боброва, последняя включает украшения пояса. Аналогично распределялись украшения в погребении женщины (45 – 50 лет) на могильнике Меловное XI: два параллельных ряда из лепестковых нашивок прослеживались в районе грудной клетки и полоса из четырех рядов подвесок – в области пояса. Все прочие нашивки находились выше линии талии [Ткачѐв, 2001].

Реконструкция одежды и ее элементов. Этнографические параллели

Полосы нашивок, украшавших одежду, хорошо представлены в неолитических погребениях кузнецко-алтайской культуры и являются определяющим признаком погребального костюма детско-юношеской группы.

Погребальная одежда, независимо от сезона, состояла из определенных категорий вещей и элемен-

тов, декорировалась она также в определенном стиле. Этнографический анализ одежды сибирских народов свидетельствует о наличии древнего пласта отдельных категорий вещей и элементов [Прыткова, 1970а; Анучин, 1914]. Система расположения орнаментальных полос и зон в неолитических погребениях позволяет выявить его, опираясь на этнографические данные. У народов Сибири обрядовая одежда отличается от обычной большим количеством украшений, аппликаций [Прыткова, 1970б; Алексеенко, 1970]. Орнаментальные полосы, как правило, размещены вдоль края подола и дополняются полосами меха. Этнографические примеры показывают, что основным материалом для изготовления одежды является кожа. Полосы нашивок, огибающие кости каждой ноги девочек, погребенных на могильнике Солонцы-5 (см. рис. 2, 2), определяют кант, оформляющий края одежды, надеваемой на ноги (рис. 6, 1, 3). Распространенным элементом женской одежды сибирских народов являются ноговицы, прикрепляющиеся к натазникам – коротким облегающим штанам. Это длинные сапоги-чулки из тонкой кожи, достигающие колен или выше. В этнографических исследованиях якутского костюма отмечается, что вверху они декорировались кожаными аппликациями и бисером [Гаврильева, 1998; Сельскому учителю..., 1983, с. 169]. Орнаментальное оформление краев длинных женских ноговиц практиковалось у скифов Горного Алтая [Полосьмак, 2001]. На ноговицы могли надеваться короткие сапожки или иная низкая обувь. Признаки ее не сохранились. Лишь в погр. 6 могильника Лебеди-2 в районе стопы погребенной располагались нашивки из зубов животных, вероятно, украшавшие край короткой обуви.

Не исключено, что наплечная одежда девочек, погребенных на Солонцах-5, доходила до орнаментальной полосы ноговиц либо чуть прикрывала ее. В захоронениях молодых женщин (23 – 25 лет) полоса нашивок, располагавшихся по краю ноговиц, отсутствует, вероятно, вследствие того, что наплечная одежда женщин более длинная, чем у девочек. Лишь по бокам ноговиц пришивалось несколько подвесок или нашивок (см. рис. 5, 2). Установить, оформлялись ли края ноговиц вышивкой или аппликациями, не представляется возможным. Также практически невозможно определить край подола по остаткам украшений в погребениях. Полоса из трех рядов нашивок, пересекающая верхнюю часть бедренных костей, не обязательно окантовывала край подола. Например, долганы и эвенки перед шитьем парки отдельно изготавливали кайму (опуван) шириной от 10 – 12 до 20 – 25 см, которая должна украшать борта и подол [Сельскому учителю..., 1983, с. 177 – 178]. Она была многоступенчатая с различными аппликациями, полосами нашивок, лентами с вырезанными

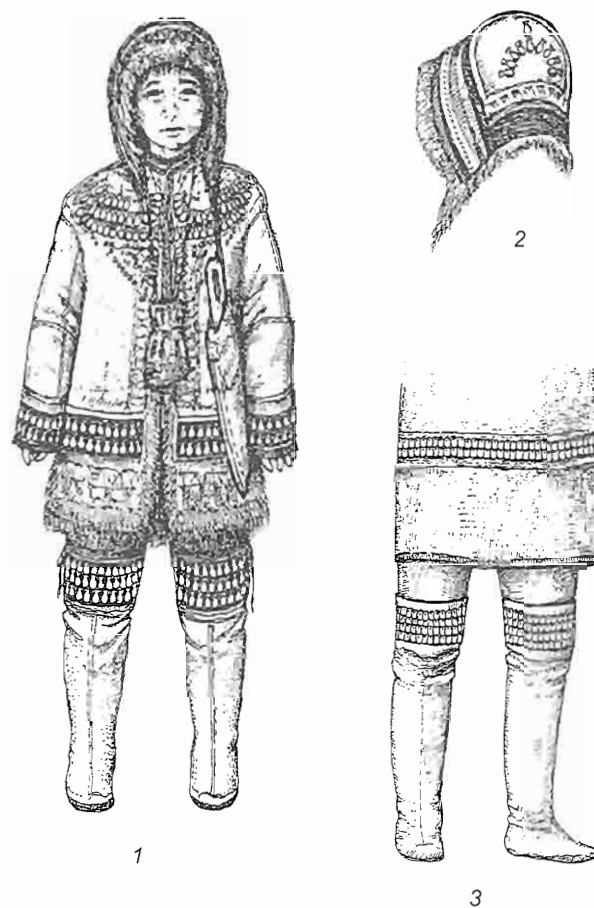

Рис. 6. Реконструкция одежды девочек, погребенных на могильнике Солонцы-5.
1, 2 – погр. 6; 3 – погр. 8.

узорами, могла завершаться по краю пушистой шерстью. Такое украшение подола являлось обязательным элементом женской одежды у многих сибирских народов. Надо отметить, что расстояние между верхней и нижней полосами нашивок, пересекающими бедренные кости, колеблется в разных погребениях от 12 до 20 – 23 см.

По нашивкам в погребениях не представляется возможным определить, была ли одежда распашная или глухая. В погр. 6 могильника Солонцы-5 полоса из нашивок сохранилась как разомкнутая, кроме того, бисер и нашивки в два ряда, составлявшие узор на груди, напоминали окантовку сходящихся бортов одежды. Однако это фиксируется только в данной орнаментальной зоне. Оформление края длинных рукавов прослеживается в Солонцах-5, в Каминной пещере, в двух погребениях Большого Мыса. Возможно, в нем допускалась асимметрия. В погр. 6 ряд нашивок, оформлявших край длинного рукава, очень хорошо прослеживался с одной стороны, а с другой – отсутствовал. В орнаментации каждого рукава одеж-

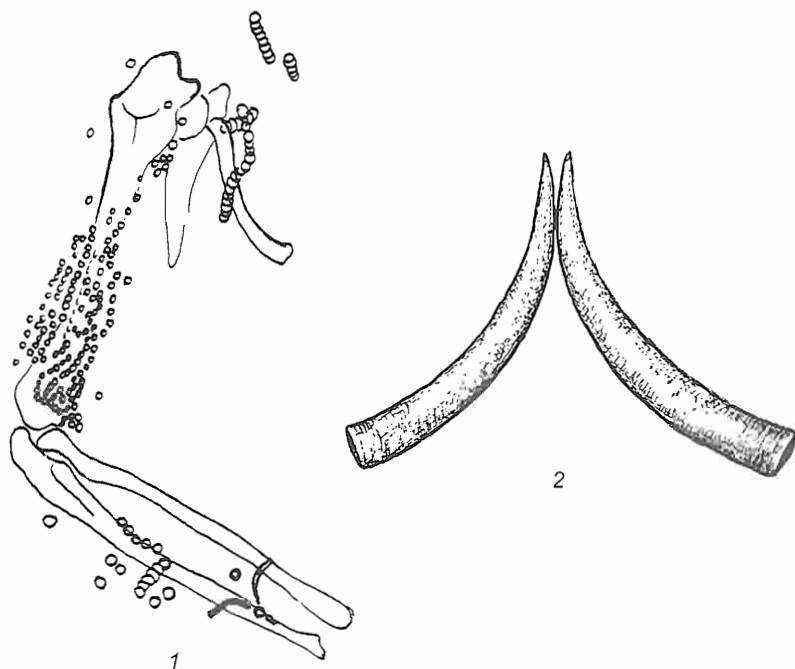

Рис. 7. Расположение нашивок на костях руки женщины, погребенной в Каминной пещере (по: [Маркин, 2000]) (1) и фигура из клыков кабарги, находившаяся под черепом в мог. 1 могильника Солонцы-5 (2).

ды женщины, захороненной в Каминной пещере, были использованы нашивки разной формы, а, судя по сохранившимся фрагментам орнамента, различались и сюжеты. Продольные цепочки нашивок отображают прямые и изогнутые линии композиции (рис. 7, 1).

Одежду погребенных на могильнике Солонцы-5, возможно, дополнял капор с орнаментом в затылочной части (см. рис. 6, 2). У долган и эвенков капор состоит из широкой полосы, охватывающей голову вокруг лба и щек, и аркообразной вставки, которая держит эту полосу. На вставке обычно выполнялся узор. У эвенков зафиксирован капор с вышитым орнаментом в форме арки с закрученными внутрь концами [Национальная одежда..., 1994]. В основе декора якутской шапки-дьябак сердцевидная либо лировидная фигура с завитками [Гаврильева, 1998]. К орнаментальному образу, запечатленному под черепом в погр. 6 (см. рис. 3, 3), близка фигура из сходящихся остриями вверх клыков кабарги (см. рис. 7, 2), обнаруженная под черепом ребенка 1,5 года в мог. 1 этого же могильника. Такая же фигура из резцов сурка находилась в области запястья женщины, погребенной в Каминной пещере (см. рис. 7, 1). Здесь острие образованного ими угла было продолжено круглой плоской и рыбковидной нашивками, на уровне основания фигуры по центру располагалась еще одна плоская нашивка.

В технике шитья у сибирских народов бисер плотно нанизывался на нитку и закреплялся по контуру узора. Группы бисерных низок обнаружены в области грудной клетки девочки в погр. 6; в районе грудной клетки, костей рук и черепа женщины, погребенной в Каминной пещере [Маркин, 2000, рис. 5].

Большой интерес представляет цветовая гамма одежды. Точно восстановить ее невозможно. Нашивки из погр. 6, составлявшие орнаментальную полосу на груди наплечной одежды, разноцветные и, возможно, даже контрастные – светлые (кость) и черные (рис. 8). Построение орнамента базируется на основе различий цветовой гаммы его элементов и фона. Поэтому, полагаю, что контрастные по цвету костяные нашивки из погр. 6 хорошо выделялись бы на не очень темном фоне, например, бордовом. Они также предполагают и определенную фактуру основы. Мелкие рельефные нашивки должны были нашиваться на гладкую тонкую

кожу – замшу (ровдугу). Обычно, создавая нарядный орнамент, мастера добиваются колоритности путем контраста кожаных, меховых вставок, нашивок и основного фона изделия. Сибирские народы, использовавшие для изготовления одежды ровдугу, как правило, окрашивали детали и окантовку нарядной одежды в черный, красный с оттенками охристого или бурого, белый цвет [Алексеевко, 1970; Прыткова, 1970б]. Контрастность светлых и черных нашивок могла быть подчеркнута черным либо бордовым контуром. Основной тон эвенкийских шаманских костюмов светлый с сероватыми, золотистыми и зеленоватыми оттенками [Сельскому учителю..., 1983, с. 169]. Вставки капоров, основы опуванов и передников, пояса обычно самые яркие по цвету. Там, где были преимущественно светлые нашивки, например на ноговицах, по краю подола и рукавов, фоновый цвет кожи мог быть черным или темно-коричневым (рис. 9).

Орнамент, основанный на цветовом контрасте бузинок, в сохранившихся старинных формах костюмов народов Сибири и Америки XVII–XX вв., носил пиктографический характер, его элементы имели символическое значение. Разноцветные нашивки на одежде компоновались по цвету, составляя символические изображения. Они несли в себе сообщения, сюжеты, способствующие в делах или оберегающие от зла. У народов Сибири сакральным смыслом наде-

Рис. 8. Нашивки из погр. 6 могильника Солонцы-5, выложенные на ткань.

Рис. 9. Нашивки из погр. 6 могильника Солонцы-5, выложенные на ткань.

лены охотничьи пояса; передники (нагрудники), так же как вампуны у ирокезов, представляли собой знаковое письмо из пронизок (раковин, бисера, бусин разного цвета) [Franklin, 1979, p. 56 – 57]. В шаманских костюмах Сибири к перечисленным “говорящим” деталям добавляются налобники, подвязки [Анучин, 1914; Жукова, 1999]. Л.Н. Жукова, изучая символы на одежде юкагиров, отметила важное значение знаковой системы в орнаментации передников. В чередовании контрастных бусин можно прочесть даже личные прозвища и песенки.

Выводы

Могильник Солонцы-5 предоставил нам уникальный материал для изучения женской одежды IV тыс. до н.э. Благодаря хорошо сохранившемуся расположению нашивок удалось выделить конструктивные детали детского костюма. Одежда является объектом культуры. Это еще один признак, который определяет культурное единство населения, оставившего погребения на оз. Иткуль, реках Бие, Ише, в Каминной пещере в Горном Алтае, на р. Ине.

Вероятно, сходная по составу и системе орнаментации одежда была у обитателей Восточной Сибири в эпоху неолита. В погр. 3 в устье р. Белой находились пояс из зубов животных, пересекающий верхнюю часть бедренных костей, и перламутровые низки, огибающие шейные позвонки и кости запястья. Перламутровые бусины располагались в области грудной клетки и возле черепов в погребениях могильников Верхоленинский, Усть-Белая, Китойский [Окладников, 1950]. Основная часть погребений с костяными и перламутровыми нашивками относится к китойской культуре неолита Прибайкалья [Герасимов, Черных, 1975]. Перламутровые плоские бусины и бисер широко использовали для украшения ритуальной одежды группы населения, оставившие могильники Тумек-Кичиджик, Хвалынский энеолитический [Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990; Виноградов, 1981]. Украшения из кости и раковин, их сочетание в орнаментике одежды были весьма распространены в эпоху неолита – энеолита на обширной территории, охватывающей юг Сибири и лесостепные районы Казахстана. Традиция шитья бисером сохранилась до наших дней.

Список литературы

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И.** Хвалынский энеолитический могильник. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. – 160 с.
- Алексеевко Е.А.** Техника изготовления одежды у кетов // Одежда народов Сибири. – Л.: Наука, 1970. – С. 122 – 236.
- Анучин В.И.** Очерк шаманства у енисейских остяков. – СПб.: [Тип. имп. Акад. наук], 1914. – 90 с.
- Виноградов А.В.** Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. – М.: Наука, 1981. – 174 с.
- Гаврильева Р.С.** Одежда народа Саха конца XVII – середины XVIII века – Новосибирск: Наука, 1998. – 141 с.
- Герасимов М.М., Черных Е.Н.** Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 23 – 48.
- Жукова Л.Н.** Одежда юкагиров: генезис и семантика: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Якутск, 1999. – 14 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф.** Археология Нижнетягескенской пещеры I. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. – 152 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х.** Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – 117 с.
- Кунгурова Н.Ю.** Материалы могильника Солонцы-5 (к проблеме этнокультурных связей носителей кузнецко-алтайской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2. – С. 30 – 40.
- Кунгурова Н.Ю., Чикишева Т.А.** Результаты исследования неолитического могильника Солонцы-5 на р. Бия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2002 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 121 – 129.
- Маркин С.В.** Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 53 – 64.
- Молодин В.И.** Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных компонентов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 36 – 57.
- Национальная одежда** эвенков. – Якутск: Б.и., 1994. – 24 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1/2. – 411 с. – (МИА; № 43).
- Откровение** черного Лося. – М.: Сфера, 1997. – 560 с.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 335 с.
- Прыткова Н.Ф.** Общие замечания об одежде // Одежда народов Сибири. – Л.: Наука, 1970а. – С. 216 – 222.
- Прыткова Н.Ф.** Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. – Л.: Наука, 1970б. – С. 1 – 99.
- Сельскому учителю** о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока / Сост. Т.Б. Митлянская. – Москва: Просвещение, 1983. – 256 с.
- Семейная обрядность** народов Сибири. – М.: Наука, 1980. – 240 с.
- Ткачев А.А.** Погребение каменного века из Верхнего Прииртышья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2001. – С. 111 – 115.
- Bobrov V.V.** On the problem of Interethnic Relations in South Siberia in the Third and Early Second Millennia B.C. // Arctic anthropology. – 1988. – Vol. 25, N 2. – P. 30 – 46.
- Franklin P.A.** Indians of North Amerika: The Eight culture arias and how their inhabitants lived before the coming of the whites. – N.Y.: David McKay Company, Inc., 1979. – 182 p.
- La Flesche F.** War ceremony and peace ceremony of the Osage Indians. – Washington: U.S. Gov. Prent. off., 1939. – VII, 280 p.

Материал поступил в редколлегию 28.10.03 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

УДК 903.2

А.П. Деревянко, П.В. Волков

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: wolf@archaeology.nsc.ru*

ЭВОЛЮЦИЯ РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРНОГО АЛТАЯ*

Введение

Более 20 лет ведутся непрерывные полевые исследования многочисленных палеолитических стоянок в различных районах Горного Алтая. Раскопки проводились и продолжают в восьми пещерах и на более чем десяти открытых стоянках. Все эти местонахождения многослойные, хорошо стратифицированные и содержат до 20 литологических и культуросодержащих горизонтов. По результатам раскопок опубликовано более 200 статей и ряд коллективных монографий.

В результате интенсивных полевых исследований районы Горного Алтая в настоящее время являются наиболее хорошо исследованными в Северной, Восточной и Центральной Азии, и на основании огромного фактического материала можно не только сделать важные выводы о региональных особенностях развития индустрии и культуры нижнего, среднего и верхнего палеолита в этом регионе, но и высказать некоторые гипотезы о древнейших миграциях и развитии культуры в палеолите Евразии в целом.

За последние 15 – 20 лет работами археологов, антропологов, палеогенетиков и других ученых окончательно установлено, что родиной человека является Африка. Наиболее древние каменные орудия возрастом 2,6 – 2,4 млн лет вместе с костями человека найдены в Восточной Африке в долине рек Кода-Гона, Омо, в Хадаре и других местах. Около 2 – 1,8 млн л.н. *Homo ergaster-erectus* вышел из своей колыбели за

пределы Африки, что положило начало первому Великому переселению, ознаменовавшему событие величайшей важности – заселение человеком планеты [Деревянко, 2001].

Тибет и Гималаи разделили дальнейшее распространение древнейших популяций на два потока [Derevianko, 2001]. Первый через Пакистан, Индию достиг Восточной и Юго-Восточной Азии ок. 1 млн л.н. Второе направление – через Иран на восток и по западному побережью Каспия на север. В Дманиси (Грузия) найдены костные остатки гоминидов, залегающие совместно с галечными орудиями возрастом 1,6 млн лет [Gabunia, 1992; Габуния и др., 2001]. Очень вероятно, что древнейшие популяции через Северный Кавказ могли продвинуться и дальше – в Восточную и Центральную Европу.

Северная миграционная волна древних популяций обошла Гималаи и Тибет с севера и проникла в Центральную Азию. Наиболее ранние стратифицированные местонахождения в этом регионе открыты в Таджикистане: стоянки Кульдара (11-я и 12-я палеопочвы), Хонако II (8-я палеопочва) и Лахути (5-я палеопочва), возраст которых от 800 до 500 тыс. лет [Ranov, 1993; Ранов, Шефер, 2000]. В Казахстане на стоянках Мангышлака, Каратау обнаружены древние галечные комплексы, свидетельствующие о заселении человеком данной территории в то же время [Алпысбаев, 1979; Медоев, 1982]. За последние годы на северо-восточном склоне хребта Каратау (Южный Казахстан), получившем название Кызыл-Тау, открыты десятки местонахождений с поверхностным залеганием артефактов в виде сплошного покрова на очень древних повер-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 01-01-00287а.

ностях и на больших площадях [Деревянко, Таймагамбетов, Бексеитов и др., 1996; Деревянко, Петрин, Таймагамбетов и др., 1997]. На некоторых стоянках насчитываются десятки тысяч галечных орудий на площади в несколько квадратных километров. В результате полевых работ собрано колоссальное количество изделий, которые находятся в стадии изучения, но большая древность отдельных памятников несомненна.

В Монгольском и Гобийском Алтае найдено более 30 раннепалеолитических местонахождений открытого типа, которые по геоморфологической ситуации, технико-типологическим показателям, коррелированы с галечными орудиями можно отнести к древнейшим. Для наиболее ранних из них (Нарийн-Гол-17 и др.) характерны сильно коррелированные галечные орудия типа чопперов, чоппингов, орудий с носиком, галечных нуклеусов, массивных скребел, залегающих на поверхности позднеплиоценовых террас [Derevianko, 1990; Деревянко, Дорж, Васильевский и др., 1990; Деревянко, Петрин, Цэвэндорж и др., 2000; Derevianko et al., 1991].

Ключевыми местонахождениями, свидетельствующими о распространении первой миграционной волны человека в Северную Азию, являются стоянки Карамы. Они дислоцируются в долине р. Ануй в 14 км от Денисовой пещеры вниз по течению реки. В 2001 – 2003 гг. на стоянках выполнен большой объем полевых работ [Деревянко, Шуньков, Зыкин, Маркин, 2002; Деревянко, Шуньков, 2002]. В раскопе № 2 на Караме-2, расположенном на высоте 51 м над современным уровнем р. Ануй, вскрыта толща рыхлых отложений мощностью до 8 м. Артефакты зафиксированы в четырех культуросодержащих горизонтах. Два из них залегают в средней и нижней части мощной пачки красноцветных отложений, и два – в пойменной фашии аллювия древнего водотока.

Первичное расщепление представлено галечными ядрищами, у которых ударная площадка сохраняет галечную корку. Продукты снятия – укороченные нефасетированные сколы различных размеров. В орудийном наборе преобладают поперечные и продольные скребла, орудия с носиком, чопперы, чоппинги, зубчатые и выемчатые орудия.

Красноцветные осадки, в которых залегают артефакты на местонахождениях Карамы, аналогичны красноцветам разреза на Черном Ануйе, расположенном в 20 км выше по течению реки от Карамы. Возраст этих осадков на основании РТЛ-датировок (542 тыс. лет) и палеонтологических характеристик определен как верхний рубеж нижнего плейстоцена [Деревянко, Лаухин, Малаева и др., 1992; Деревянко, Попова, Малаева и др., 1992]. Пойменные отложения древнего водотока, где также зафиксированы культуросодержащие горизонты, относятся к более раннему времени, возможно, среднему этапу нижнего плейстоцена.

Для всех стоянок Азиатского континента, соотносимых с первой миграционной волной, расщепление характеризуют нуклеусы с минимальной подправкой или галечной поверхностью ударной площадки. Орудийный набор включает микро- и макрочопперы, чоппинги, орудия с носиком, галечные скребла, обувшковые ножи и т.д. Типологически эта галечная индустрия в своей основе олдувайская. В результате длительного развития (более 1 млн лет) и в значительной мере изолированности многих популяций друг от друга, ввиду отсутствия сплошного заселения Евразии, а также в силу разных природно-экологических условий на огромной территории Восточной, Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии наблюдаются некоторое своеобразие и различия в индустриальных комплексах. Это закономерно. Но вся история и развитие культуры человека были связаны с одной популяционной средой *Homo erectus*.

Около 450 – 350 тыс. л.н. в Евразии началось продвижение с Ближнего Востока второй миграционной волны, а вместе с ней и распространение позднеашельской индустрии. На территории Горного Алтая хорошо изучены стоянки открытого типа и в пещерах, относящиеся ко второй миграционной волне. В силу, видимо, неблагоприятных природных факторов, в результате похолодания климата в начале среднего плейстоцена популяции первой волны с галечной индустрией вымерли либо вынуждены были покинуть эту территорию. На местонахождениях позднего ашеля – начального этапа среднего палеолита фиксируется первичная и вторичная обработка, основные технико-типологические характеристики индустрии, близкие к мугаранской традиции и ябрудьену Ближнего Востока [Деревянко, 2001].

На всех многослойных и хорошо стратифицированных пещерных местонахождениях и стоянках открытого типа прослеживается последовательность и преемственность в первичной и вторичной обработке каменных орудий. Такая преемственность – свидетельство непрерывности развития индустрии на протяжении почти 300 тыс. лет. Особенно хорошо эволюция каменной индустрии от среднего палеолита до раннего этапа верхнего палеолита прослеживается в материалах, полученных при раскопках в Денисовой пещере и на стоянке Усть-Каракол-1.

Денисова пещера представляет собой один из уникальных природно-антропогенных комплексов в Евразии. В ней зафиксировано 14 палеолитических культуросодержащих горизонтов и более 14 голоценовых. Археологический материал из нижней части слоя 22 характеризуется ортогональными, леваллуазскими и дисковидными нуклеусами. Из общего числа орудий 41,6% изделий выполнено на отщепках, 20,8 – на леваллуазских пластинах, 37,6% – на леваллуазских сколах. В орудийном наборе есть леваллуазские остроконеч-

ники, скребла, клювовидные острия, ножи, выемчатые и зубчатые орудия. Для нижней части слоя 22 получена дата 282 ± 56 тыс. л.н. (РТЛ-548). Во всех вышележащих культуросодержащих горизонтах пещеры четко прослеживается эволюция индустрии от позднего ашеля – раннего этапа среднего палеолита до начала верхнего палеолита. Очень важно отметить, что материалы из разных горизонтов Денисовой пещеры, несмотря на некоторую вариабельность, составляют единое целое как в технологическом, так и в типологическом плане.

Стоянка открытого типа Усть-Каракол-1 расположена в 3 км от Денисовой пещеры. Толща рыхлых отложений мощностью до 6,5 м вмещает в себя 20 основных литологических слоев и 20 уровней обитания палеолитического человека. Наиболее древние палеолитические находки связаны с 19-м культуросодержащим горизонтом. Артефакты залегают в пойменной фации аллювия и перекрывали русловой галечник, для которого получено две даты – 210 ± 42 (РТЛ-640) и 207 ± 41 (РТЛ-662) тыс. л.н. Литологический слой 19 датирован 133 ± 33 тыс. л.н. (РТЛ-661). Для всех 20 культуросодержащих горизонтов стоянки Усть-Каракол-1, так же как и в Денисовой пещере, характерны леваллуазские и параллельного принципа расщепления ядрища, острия, пластины и отщепы леваллуа, а также леваллуазские сколы, оформленные ретушью и анкошем. Типичны также скребла различных модификаций, боковые скребки, ножи с обушком, угловые, боковые резцы, проколки, шиповидные и клювовидные орудия, зубчато-выемчатые и комбинированные формы, унифасиальные и бифасиальные изделия, тронкированные сколы, пластины и отщепы. Очень важно отметить, что на стоянках Усть-Каракол-1 и Ануй-3, относящихся ко времени 100 – 90 тыс. л.н., появляются хорошо оформленные бифасы.

В верхних горизонтах Денисовой пещеры и Усть-Каракола-1, датируемых 45 – 35 тыс. л.н., преобладающей является верхнепалеолитическая индустрия: параллельное расщепление, направленное на получение удлиненных заготовок с одно- и двухплощадочных нуклеусов, среди которых имеются призматические и клиновидные; скребки типа карене, оформленные микропластинчатыми снятиями, и выразительная серия микропластин. Среди орудий преобладают продольные разновидности скребел, скребки концевые и высокой формы, ножи различных модификаций, угловые резцы, проколки, изделия из кости, в т.ч. иглы с ушками, различного рода украшения.

Формирование несколько другого варианта верхнепалеолитической индустрии прослеживается на местонахождении Кара-Бом. В ее основе также лежит среднепалеолитическая индустрия Горного Алтая [Деревянко, Петрин, Рыбин, Чевалков, 1998].

Таким образом, в конце среднего палеолита и на переходном этапе от среднего к верхнему в индустрии Горного Алтая намечаются две линии развития: кара-бомовская и усть-каракольская. Обе они формируются в процессе эволюции единой среднепалеолитической культуры. Зародившиеся на Алтае две технологии обработки камня широко распространились в Северной, Центральной и Восточной Азии.

На базе *усть-каракольской традиции* формируются многие индустрии с торцовыми и клиновидными микропластинчатыми нуклеусами среднего и финального этапа позднего палеолита Сибири, Монголии, Китая, Кореи и Японии. Усть-каракольские технологии легли в основу селемджинской позднепалеолитической культуры на Дальнем Востоке России (23 – 12 тыс. л.н.) [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998], а ее носители, мигрировавшие с территорий Амурского речного бассейна к северу, к р. Алдан, создали дюктайскую (18 – 10 тыс. л.н.). Последующая миграция людей на северо-восток Азии по “Берингийскому мосту” положила начало заселению Америки [Деревянко, 2001].

На основе *кара-бомовской традиции* сформировались индустрии многих палеолитических местонахождений Горного Алтая, таких как Кара-Тенеш ($26\ 875 \pm 625$ л.н. (СОАН-2134), $31\ 400 \pm 410$ (СОАН-2486), $34\ 760 \pm 1\ 240$ (СОАН-2135), $42\ 165 \pm 4\ 170$ л.н. (СОАН-2485)), Малояломанская пещера ($33\ 350 \pm 1\ 145$ л.н. (СОАН-2560)), Страшная пещера ($28\ 700 \pm 850$ л.н. (СОАН-2614), $29\ 900 \pm 2\ 070$ (ИГАН-877), $31\ 410 \pm 1\ 100$ (СОАН-2515), $31\ 430 \pm 1\ 180$ л.н. (ИГАН-1017)) и др. Далее на восток Сибири карабомовская традиция прослеживается на стоянке Малая Сья в Саянах ($34\ 500 \pm 450$ л.н. (СОАН-1226), $34\ 420 \pm 360$ л.н. (СОАН-1287), $29\ 450 \pm 420$ л.н. (АА-8876)), за оз. Байкал на местонахождениях Варварина Гора, Толбага, Подзвонкая, Каменка А, С. Можно уверенно сказать, что подавляющее большинство культур позднего палеолита Северной Азии формировалось на базе двух упомянутых традиций. Предложенные выводы были сделаны на основе общего сравнительного анализа типологии каменных орудий из культуросодержащих горизонтов среднего и раннего этапа верхнего палеолита [Деревянко, 2001; Деревянко, Петрин, Рыбин, Чевалков, 1998; Деревянко, Шуньков, 2002; Деревянко, Рыбин, 2003].

Специфика и задачи технологических исследований

При изучении эволюции палеолитических индустрий наиболее приоритетными представляются именно технологические исследования. В данной статье внимание сосредоточено на технике первичного расщепления камня в переходный период от среднего к позднему палеолиту.

Специальный технологический анализ, предполагающий изучение именно *процессов* расщепления, дает возможность определить не только последовательность действий работающего с камнем человека, но и предположить мотивы их совершения. Понимание назначения каждой из фиксируемых операций помогает отделить главное от второстепенного; отличить признаки реализации основной линии плана расщепления от следов вспомогательных действий, обусловленных спецификой конкретного сырья или формы исходной заготовки. Технологическая реконструкция процесса раскалывания каждого изделия позволяет выделить наиболее существенное, реально прояснить специфику изучаемой работы человека в древности. Данные такого анализа предоставляют наиболее значимый материал для общего изучения эволюции и генезиса палеолитических технологий.

При исследовании материалов памятников Горного Алтая первоочередное внимание было решено уделить коллекциям находок с ключевых местонахождений региона – Денисовой пещеры, Усть-Каракола-1 и Кара-Бома.

Усть-каракольский вариант развития объединяет индустрии Усть-Каракола-1, Денисовой пещеры, Ануя-3, Тюмичина-4 и, видимо, пещеры Страшная. В системе первичного расщепления в этих индустриях наряду с техникой параллельной редукции леваллуазских и простых площадочных нуклеусов начинают широко использоваться приемы серийного снятия удлиненных заготовок с призматических, конусовидных и торцовых нуклеусов, в т.ч. клиновидной формы. Прямым следствием прогрессивных технологических процессов явилось зарождение техники микропластинчатого расщепления, применявшейся как для получения собственно микропластин, так и для подготовки специальных форм верхнепалеолитических орудий [Деревянко, Шуньков, 2002].

Хронологически последовательная эволюция техники обработки камня на стоянке Кара-Бом несколько иная. Кара-бомовский вариант развития ранневерхнепалеолитической традиции представлен индустриями Кара-Бома, Кара-Тенеша и, возможно, Малояломанской пещеры. Их технические особенности носят отчетливо выраженный пластинчатый характер. Большая часть нуклеусов имеет параллельную огранку и предназначена для получения удлиненных сколов. Сохраняют свою роль отдельные элементы техники леваллуа. Вместе с тем отмечены новые технические приемы, характерные для скалывания микропластин, в т.ч. с торцовых разновидностей нуклеусов.

Для Горного Алтая в позднем среднем и раннем верхнем плейстоцене наиболее характерны леваллуазский и параллельный принципы первичного расщепления. Остается неясным: второй принцип своим про-

исхождением обязан первому или оба они развивались одновременно и независимо? [Деревянко, 2001]. Недостаточно ясен и сам механизм эволюции технологий на финальной стадии среднего палеолита.

В связи с этим первоочередные задачи технологических исследований можно сформулировать так:

1) выявить характерные признаки среднепалеолитической технологии первичного расщепления камня в регионе;

2) определить формы эволюции технологий на рубеже среднего и верхнего палеолита;

3) оценить степень взаимовлияния выделяемых эволюционных процессов в технологии.

Представляется актуальной и формулировка именно *технологического* видения наблюдаемых процессов.

Техника расщепления камня в среднем палеолите Горного Алтая

При выделении общего и особенного в расщеплении камня в эпоху среднего палеолита на территории Горного Алтая представляется рациональным детальное изучение наиболее информативных палеолитических местонахождений, имеющих хорошую стратиграфию и значительное число культуросодержащих горизонтов, – Денисовой пещеры и стоянок открытого типа Усть-Каракол-1 и Кара-Бом.

Коллекция среднепалеолитических изделий из Денисовой пещеры достаточно обширна. Сырье, использовавшееся обитателями пещеры, невысокого качества (относительно наихудшее по сравнению с материалами стоянок Усть-Каракол-1 и Кара-Бом). Отмечается довольно значительное количество ядрищ, расщеплявшихся бессистемно. Они составляют около 2/3 всех нуклеусов и пренуклеусов коллекции.

На рис. 1 представлены схемы расщепления ряда наиболее древних нуклеусов из Денисовой пещеры (слои с 22-го по 19-й): ДП-93.4.В5.26.В.813, сл. 22 – односторонние подготовительные снятия, основное расщепление ориентировано на получение отщепов, ядрище можно интерпретировать как радиальный нуклеус или незавершенный пренуклеус для леваллуазского расщепления (рис. 1, 1); ДП-84/IV.Г8/4390-22 – леваллуазский нуклеус, подготовительные снятия односторонние, основные производились с двух противолежащих площадок, одна из которых оформлена как “le chapeau de gendarme” (рис. 1, 2); ДП-84/IV.Д9/4825-21 – двусторонняя обработка, для леваллуазского снятия подготовлены пропорции изделия, ударная площадка не оформлена, изделие можно интерпретировать как незавершенный пренуклеус для леваллуазского расщепления (рис. 1, 3); ДП-97.4.ж-6в.20.316 – радиальный нуклеус, двусторон-

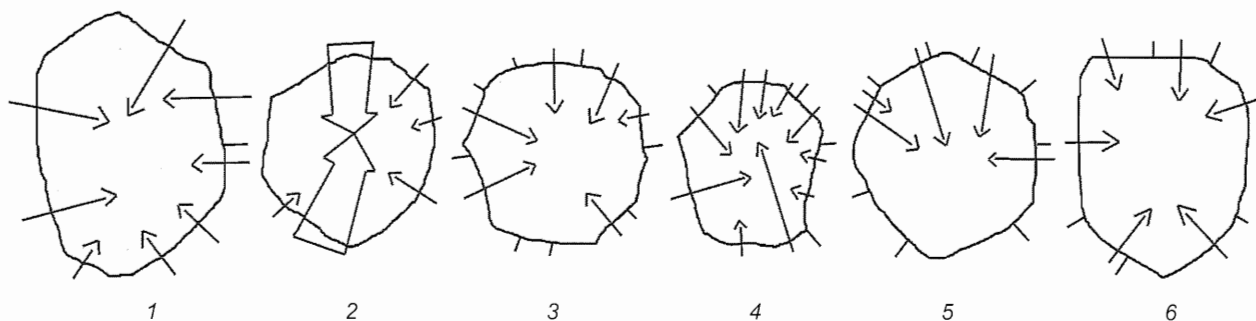

Рис. 1. Схемы среднепалеолитического расщепления в Денисовой пещере.

ние снятия, основное расщепление ориентировано на получение отщепов (рис. 1, 4); ДП-84/IV.Д8/4619-19 – двусторонняя ударная обработка, для основного снятия подготовлены пропорции изделия, ударная площадка не оформлена, ядрище можно интерпретировать как незавершенный пренуклеус для леваллуазского расщепления (рис. 1, 5); ДП-95.4.Е-6.19.372 – двусторонняя обработка, для основного снятия подготовлены пропорции изделия, оформление ударной площадки не завершено, изделие можно интерпретировать как незавершенный пренуклеус для леваллуазского расщепления (рис. 1, 6).

В целом расщепление в Денисовой пещере в наиболее ранний период обитания в ней людей можно охарактеризовать как леваллуазское, сравнительно архаичное. Обработка пренуклеусов перед основными снятиями довольно грубая. Тщательного выравнивания краев изделия не осуществлялось. Подготовка ударной площадки в виде “le chapeau de gendarme” далека от совершенства – подправляющие снятия производились плохо рассчитанными, неточными ударами. О низком качестве продукции свидетельствуют и негативы основных леваллуазских сколов на истощенных нуклеусах.

Исследуемая часть коллекции содержит ряд находок, которые, опираясь на их формальные внешние признаки, можно интерпретировать как радиальные нуклеусы. Формально (на основе анализа исключительно формы ядрищ) такое именование нуклеусов допустимо, но более рациональным представляется определение большинства из них как преформ, т.е. изделий, работа с которыми была прервана на стадии их подготовки, когда векторы силы еще направлялись преимущественно от латералей к центру. В некоторых случаях, при нехватке сырья, вероятна и “постлеваллуазская утилизация”, когда ради получения нескольких дополнительных отщепов истощенный, с точки зрения техники леваллуа, нуклеус раскалывался рядом радиально ориентированных ударов.

В наиболее древних материалах Денисовой пещеры доминирует односторонняя обработка пренуклеусов, в более поздних – двусторонняя.

Характеризуя нуклевидные изделия из Денисовой пещеры, необходимо отметить, что форма нуклеусов и пренуклеусов в значительной степени определялась формой заготовки. Большая часть сырья – галечное. Следствием этого можно считать и сравнительно округлые в плане формы нуклеусов, и относительно короткие леваллуазские сколы.

При характеристике материалов Денисовой пещеры следует обратить внимание на некоторую внезапность появления в поздних слоях нуклеусов технологически новых типов, свидетельствующих о новом, уже сравнительно развитом способе расщепления камня. Так, среди находок из горизонтов 14 и 13 отмечены ярко выраженные двухплощадочные ядрища. В материалах более ранних слоев никаких признаков технологической эволюции к такому способу раскалывания не прослеживается. Двухплощадочное расщепление “приходит” в пещеру в формах уже развитых и технологически совершенных. В это время отмечается отчетливая стабильность в приемах скалывания и в способах поддержания формы основного фронта расщепления. Получаемые сколы-заготовки отличаются практически оптимальными метрическими параметрами. Аналогично появление в Денисовой пещере и нуклеусов с признаками торцового принципа раскалывания. В слоях ниже 12-го не найдено ядрищ, расщепление которых можно было бы интерпретировать как эволюционно предшествующее формированию торцовой техники.

Очевидно, что зарождение и развитие отмечаемых технологий происходило вне ограниченного пространства самой пещеры, но, несомненно, на близлежащей к ней территории. Комплексные исследования долины р. Ануй дают возможность подтвердить этот тезис – близкий в культурном отношении материал был получен на стоянке Усть-Каракол-1, находящейся в нескольких километрах от пещеры. Коллекция среднепалеолитических изделий с этой стоянки достаточно представительна. Обработываемое сырье среднего качества (по сравнению с материалами Денисовой пещеры). Доля нуклеусов и пренуклеусов, расщеплявшихся бессистемно, меньше, чем в Денисовой пещере.

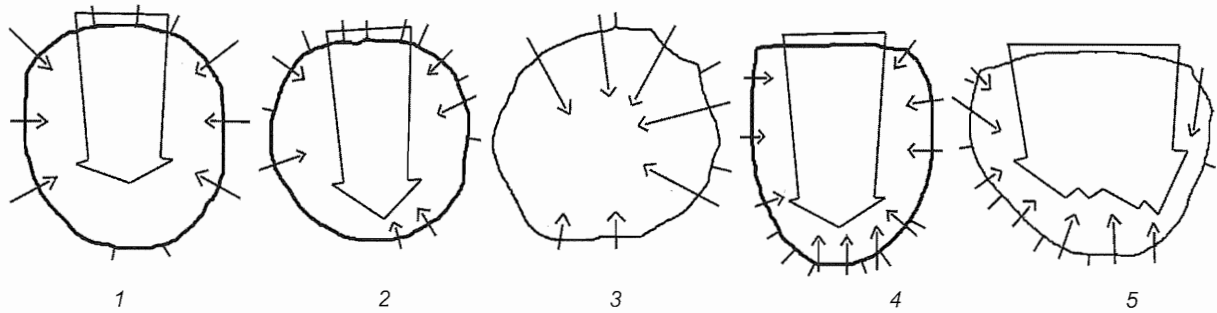

Рис. 2. Схемы среднепалеолитического расщепления на стоянке Усть-Каракол-1.

На рис. 2 представлены схемы расщепления ряда наиболее древних нуклеусов с Усть-Каракола-1 (слой с 18а по 11б): Ук-1.95.п52.18 – леваллуазский нуклеус, двусторонняя подготовка изделия, основное расщепление ориентировано на получение отщепов, форма фронта поддерживается снятиями с латералей ядрища, основная ударная площадка оформлена сколами как “le chapeau de gendarme” (рис. 2, 1); Ук-1.96.18\3.52.186 – леваллуазский нуклеус, двусторонняя подготовка изделия, основное расщепление ориентировано на получение отщепов, форма фронта поддерживается снятиями с латералей и частично с дистальной части ядрища, основная ударная площадка оформлена сколами как “le chapeau de gendarme” (рис. 2, 2); Ук-1.95.9\13.1.18а – радиальный нуклеус, двусторонняя обработка, основное расщепление ориентировано на получение отщепов, основная ударная площадка – ретушированная сколами грань бифаса, вспомогательная отсутствует, изделие может быть интерпретировано как представляющее незавершенную стадию подготовки к леваллуазскому расщеплению (рис. 2, 3); Ук-1.94.21\8.1.13 – леваллуазский нуклеус, основное расщепление ориентировано на получение пластинчатых сколов, форма фронта поддерживается снятиями с латерали и дистальной части ядрища, основная ударная площадка не ретуширована (рис. 2, 4); Ук-1.97.15\4.3.11б – леваллуазский нуклеус, основное расщепление ориентировано на получение острий, произведена серия однотипных сколов, форма фронта поддерживается снятиями с дистальной части нуклеуса и частично с латералей, основная ударная площадка – неретушированный негатив поперечного скола (рис. 2, 5).

Ведущая техника первичного расщепления на Усть-Караколе-1 в рассматриваемый период может быть определена как леваллуазская. Ядрища с формальными признаками радиального расщепления редки и почти всегда корректно интерпретируются как незавершенные формы леваллуазских пренуклеусов.

Подготовка камня к основному этапу его расщепления (получению леваллуазских сколов) на этой стоянке производилась более тщательно, чем в Денисо-

вой пещере. Почти всегда были удачно рассчитаны направление и сила удара. Форма основных ударных площадок и пропорции пренуклеусов близки к оптимальным. Обработка преимущественно двусторонняя.

Относительно качественное сырье на Усть-Караколе-1 позволяло не только успешно формировать пренуклеус, но и получать (часто неоднократно с одного фронта) симметричные, несколько удлиненные леваллуазские сколы.

Коллекция находок со стоянки Кара-Бом очень представительна. Бессистемно расщеплявшихся нуклеусов здесь крайне мало. Их доля среди ядрищ мустьерского времени составляет всего ок. 1/3.

Судя по материалам из культуросодержащих слоев, относящихся к финальному этапу среднего палеолита, основная техника расщепления на стоянке в это время – леваллуазская. Подготовка пренуклеусов для получения леваллуазских сколов почти совершенна. Направление и сила удара при работе с камнем, как правило, оптимальные. Обработка пренуклеусов преимущественно двусторонняя.

Сырье, расщеплявшееся на Кара-Боме, очень качественное и часто в плиточной форме, что позволяло хорошо контролировать процесс раскалывания и получать удлиненные, симметричные, почти пластинчатые леваллуазские сколы.

Схемы расщепления ряда наиболее ранних нуклеусов Кара-Бомы (среднепалеолитический слой 2) представлены на рис. 3: КБ-92.М2.–473.И8, 10.2055' – радиальный нуклеус, двусторонние снятия, сохранившиеся фрагменты специальной подготовки ударной площадки позволяют предположить более раннюю стадию утилизации нуклеуса в технике леваллуа (рис. 3, 1); КБ-93.М2.3-7,19.–467.4171' – леваллуазский одноплощадочный нуклеус для получения пластинчатых сколов, форма фронта поддерживается снятием с дистальной стороны, ударная площадка ретуширована (рис. 3, 2); КБ-93.М2.И-7,7.–466.4167' – радиальный двусторонний нуклеус, по характерным пропорциям может быть интерпретирован как вторично использованный леваллуазский нуклеус (рис. 3, 3); КБ-92.М2.–467.ж-11,14.2026' –

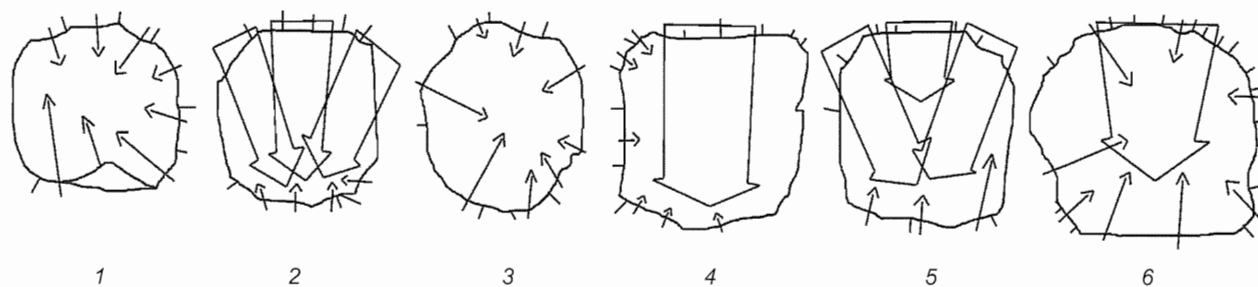

Рис. 3. Схемы среднепалеолитического расщепления на стоянке Кара-Бом.

одноплощадочный леваллуазский нуклеус, форма фронта поддерживается снятиями с латерали и дистала, следов ретуши на ударной площадке не сохранилось (рис. 3, 4); КБ-92.М2.–531.Г10,2.2054' – одноплощадочный леваллуазский нуклеус, основные сколы пластинчатые, форма фронта поддерживается снятиями с дистала, основная ударная площадка тщательно ретуширована и, вероятно, имела форму "le chapeau de gendarme" (рис. 3, 5); КБ-92.М2.И8,5.–467.2072' – одноплощадочный леваллуазский нуклеус, форма фронта поддерживается снятиями с дистала и латералей, основная ударная площадка тщательно ретуширована (рис. 3, 6).

Сопоставляя схемы среднепалеолитического первичного расщепления на всех трех местонахождениях (Денисова пещера, Усть-Каракол-1 и Кара-Бом), в первую очередь следует отметить их близость, сходство проявления основных приемов работы человека с камнем. Пренуклеусы подготавливались снятиями, направленными от краев к центру ядрища. Подготовка основного фронта, как правило, минимальная. Наиболее древние изделия не имеют следов многократных снятий с контрфронта; более поздние пренуклеусы и нуклеусы обработаны с двух сторон и более тщательно. Основная ударная площадка леваллуазских ядрищ тщательно оформлялась в виде "le chapeau de gendarme". Снятия с нуклеусов производились, как правило, от одного до трех раз. Основным принцип такого расщепления – параллельный.

Некоторые формальные отличия в результатах первичного расщепления обусловлены не столько разнотипностью технологического мышления операторов, сколько различием тех возможностей, которые предоставлял исходный материал. Когда размер, качество и форма камня позволяли изготавливать относительно более удлиненные пренуклеусы, снятия с основного фронта приобретали характеристики, близкие к пластинчатым. В целом же первичное расщепление на исследованных местонахождениях можно уверенно охарактеризовать как однотипное. Особенности технологии, отмечаемые на каждом из этих местонахождений, проявляются преимущественно в характере

вторичной обработки камня [Деревянко, Шуньков, Колобова, Петрин, 2002]. Что же касается первичного расщепления, то типичным для среднего палеолита Алтая можно считать параллельное леваллуазское, ориентированное на получение по возможности удлиненных сколов.

Для исследованных местонахождений характерно и радиальное расщепление. Но как именно таковое, т.е. когда оператор от начала до конца определял весь процесс своей работы с камнем как серийное получение заготовок орудий при осуществлении центростремительных снятий, оно используется реже. Доли ядрищ, представляющих системное и бессистемное расщепления, в коллекциях обусловлены преимущественно соотношением качественного и некачественного сырья, бывшего в распоряжении людей на той или иной конкретной территории. В целом среднепалеолитическое расщепление в изучаемом регионе можно рассматривать как единое культурно-историческое явление, что заставляет нас обратить внимание на характер более поздних эволюционных процессов в технике работы человека с камнем.

Эволюционные процессы в технологии

Усть-Каракол-1. Наиболее древней техникой расщепления камня на исследованной территории долины р. Ануй в месте дислокации местонахождений Денисова пещера и Усть-Каракол-1, как уже отмечалось, является леваллуазская.

На стоянке Усть-Каракол-1 леваллуазские нуклеусы встречаются в слоях 18а – 10. Торцовое раскалывание представлено ядрищами из горизонтов 11а – 9а. Число находок данного типа в коллекции с этой стоянки наибольшее.

Обобщение данных об устойчивых технологических процессах расщепления камня на Усть-Караколе-1 можно представить в виде схемы хронологически последовательных изменений способов основных снятий с "системных" нуклеусов.

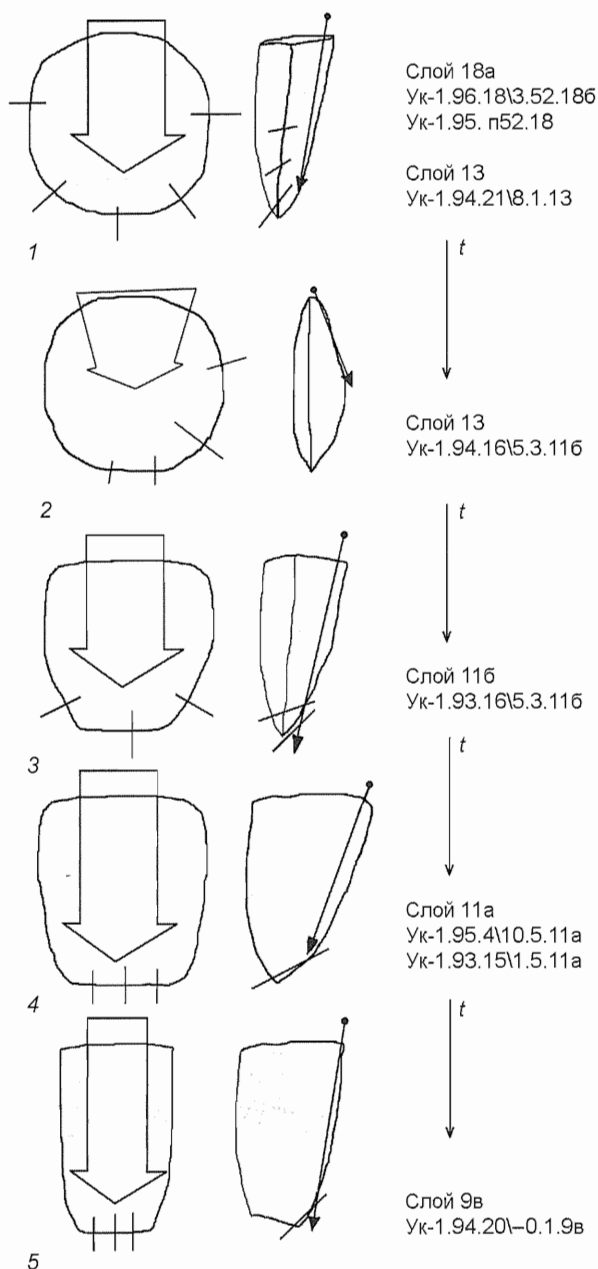

Рис. 4. Эволюция технологии расщепления нуклеусов.
“Линия 1”. Усть-Каракол-1.

Выделено две линии эволюции. На рис. 4 отображена “линия 1”, имеющая наиболее древние для данных материалов исторические корни. Беспрерывное развитие прослеживается от слоя 18а до слоя 9в. Фактически, наблюдаемый процесс представляет собой схему эволюции леваллуазского расщепления в пластинчатое.

На стадиях 1 и 2 (рис. 4, 1, 2) целью первичного расщепления нуклеуса, очевидно, является получение относительно широкого отщепа. Поддержание необходимой формы фронта осуществляется вспомо-

гательными снятиями с латералей и дистальной части нуклеуса, при этом точки приложения силы находятся в интервале сектора от 3 до 9 по схеме часового циферблата.

На стадии 3 (рис. 4, 3) форма фронта поддерживается снятиями в зоне, относительно более близкой к дисталу нуклеуса (точки приложения силы находятся в секторе от 5 до 7), чем это было характерно для более раннего периода. Специальные вспомогательные площадки по-прежнему еще не формируются. Форма нуклеуса со стороны фронта приобретает более вытянутые, подпрямоугольные очертания, что происходит, очевидно, за счет спрямления граней на участках, где они используются как линии с точками приложения силы при вспомогательных снятиях. На стадии 4 (рис. 4, 4) такие снятия производятся исключительно со стороны дистала. Специальной вспомогательной ударной площадки еще нет, но фронт нуклеусов трансформируется в подпрямоугольную форму, что определяет и пропорции основных сколов-заготовок, получаемых с нуклеусов. Процесс расщепления начинает приобретать отчетливые признаки пластинчатого.

На стадии 5 (рис. 4, 5) вспомогательные снятия для поддержания формы основного фронта, также как и на стадии 4, производятся исключительно со стороны дистала. Важной особенностью данной ступени наблюдаемой технологической эволюции является формирование в основании нуклеуса теперь уже специально подготовленной вспомогательной ударной площадки*.

Подпрямоугольная форма фронта становится более удлиненной. На стадиях 4 и 5 основные снятия чаще производятся многократно. Полученные сколы приобретают характеристики пластин – чем далее, тем более удлиненных.

На рис. 5 отображена наблюдаемая эволюция техники первичного расщепления, обозначенная как “линия 2”. Анализ проведен на основе изучения нуклеусов из слоев 11б – 9а.

На стадии 1 (рис. 5, 1) целью первичного расщепления нуклеусов является получение несколько удлиненных отщепов (относительно основных сколов на стадии 1 “линии 1”). Поддержание необходимой формы фронта (в фас и в профиль) вспомогательными снятиями на всех стадиях “линии 2” не осуществляется. Специальные вспомогательные площадки не формируются. При основном расщеплении сила прилагается в точке на ударной площадке, которой

* Именно такие площадки порой вводят в заблуждение морфологов, склонных именовать двухплощадочным обычный призматический нуклеус. Назначение площадки сугубо вспомогательное – обеспечение не “второй” серии регулярных снятий, а периодической подправки формы основного фронта.

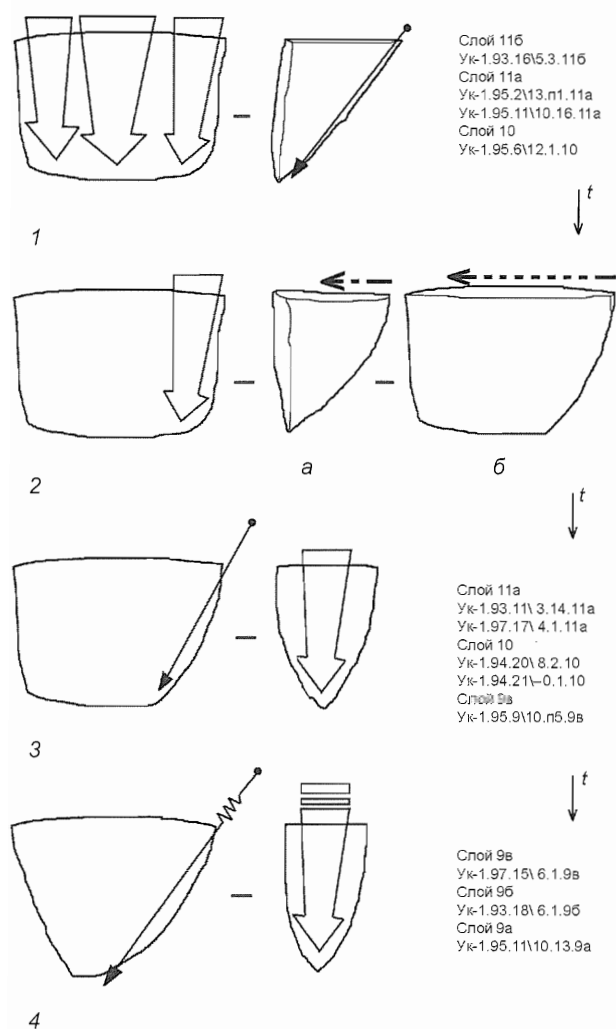

Рис. 5. Эволюция технологии расщепления нуклеусов.
“Линия 2”. Усть-Каракол-1.

обычно является подправленная “оживляющими” снятиями плоскость плиткой сырьевой заготовки (специфика утилизации такого рода форм сырья будет описана ниже).

На стадии 2 (рис. 5, 2) в конечных фазах утилизации нуклеусов наблюдается тенденция к смещению основного фронта снятий к одной из латералей. Это явление, возможно, объясняется тем, что при истощении нуклеуса (рис. 5, 2, а) открывается перспектива его дополнительного использования. Ударная сила прилагается теперь уже в новом направлении (рис. 5, 2, б). Становится очевидной рациональность продолжения расщепления в торцевой зоне нуклеуса.

Постепенное перемещение снятий “на торец” знаменует стадию 3 (рис. 5, 3). Незначительно, но достаточно заметно меняется и морфология нуклеуса. Сколы с торца приобретают отчетливые пластинчатые характеристики.

На хронологически наиболее поздней стадии 4 (рис. 5, 4) уже применяется техника отжима. Форма нуклеуса после достаточно логичной эволюции становится типичной для торцовых нуклеусов.

В целом “линия 2” может быть охарактеризована как один из вариантов генезиса пластинчатого и микропластинчатого расщепления.

Рассмотрим особенности генезиса выделенных линий эволюции техники первичного расщепления более детально.

Нуклеусы, представляющие “линию 1”, обнаруживаются в наиболее древних слоях (18а, 13) и практически исчезают в 10-м. Техника первичного расщепления, отнесенная к “линии 2”, зародившись в отно-

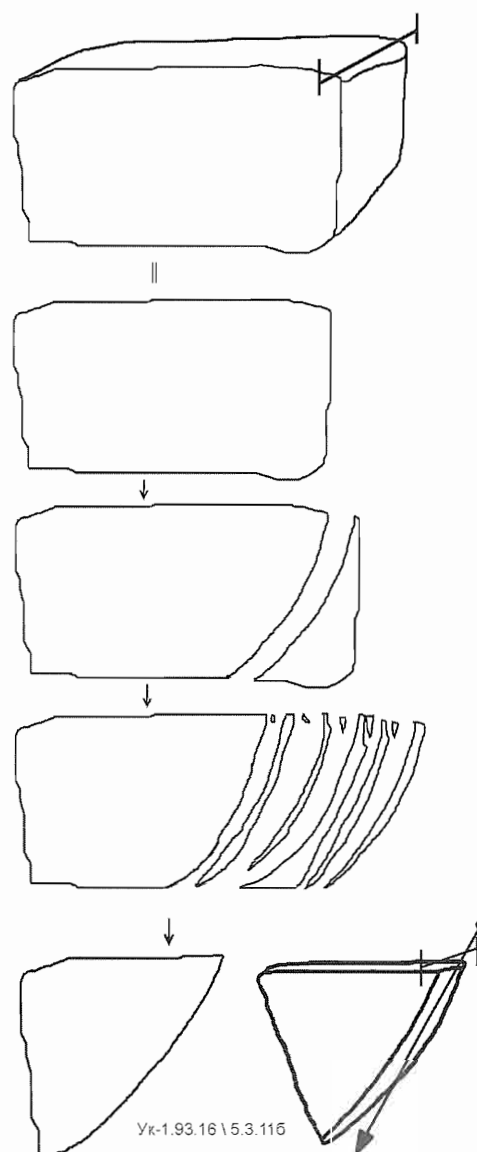

Рис. 6. Схема расщепления плиточных форм сырья на стоянке Усть-Каракол-1.

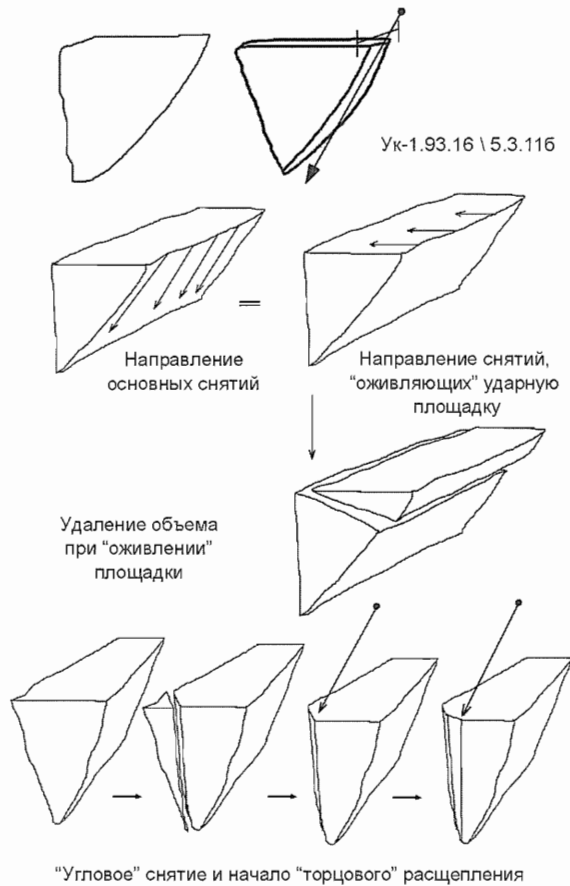

Рис. 7. Схема утилизации истощенного нуклеуса, оставшегося после "упрощенного" расщепления.

сительно более позднее время (в период накопления слоя 116), становится основной и далее единственной на Усть-Караколе-1.

При анализе расщепления плиточных форм сырья установлено, что раскалывание происходило по относительно упрощенной схеме (рис. 6). Его результатом было получение отщепов и пластинчатых отщепов не очень правильных пропорций. На конечной стадии такого рода "простейшей" утилизации нуклеус приобретал весьма характерную форму и, что очень важно, оставался еще достаточно большим по объему. Исходя из принципа рациональности, завершить утилизацию в этот момент, при общем дефиците хорошего сырья на исследуемой территории, конечно же, было нежелательно. Вне сомнения, в такой ситуации человек не мог не искать возможности продолжения снятий.

Поиск путей дальнейшей утилизации ядрищ, оставшихся после "упрощенного" расщепления плиточных форм сырья, вполне мог происходить по схеме, представленной на рис. 7. Интенсивное подновление ударной площадки приводит в итоге к изменению общей конфигурации нуклеуса. Теперь достаточно

произвести только одно "угловое" снятие, чтобы образовался новый фронт для продолжения получения пластинчатых сколов-заготовок. Фронт перемещался на другую сторону. Расщепление становилось "торцовым".

Если мы вспомним, что тенденция к смещению зоны основных снятий к латерали прослеживалась и ранее, при прежнем способе утилизации ядрищ (см. рис. 5), то в переоценке потенциала "истощенных" нуклеусов нет ничего радикально нового. Перемещение фронта основных снятий носит вполне эволюционный характер.

Новую позицию фронта и начало "торцового" расщепления, как и широкое применение техники отжима, можно считать проявлением общей тенденции перехода от *экстенсивных* технологий утилизации камня к *интенсивным*, что в целом вполне характерно для позднего палеолита.

Кара-Бом. Леваллуазские ядрища представлены в коллекции часто выразительными, "классическими" формами. Фронт основного снятия поддерживается скалыванием с дистала и латералей; ударная площадка почти всегда тщательно ретуширована, нередко оформлена в виде "le chapeau de gendarme". Отмечается в материалах стоянки и определенная эволюция техники леваллуа [Деревянко, Петрин, Рыбин, Чевалков, 1998, с. 99].

Нуклеусы с признаками радиального принципа расщепления обнаруживаются только в ранних слоях Кара-Боме. Анализ этих изделий дает основания полагать, что значительную часть из них можно считать преформами или артефактами, представляющими стадию подготовки сырья для леваллуазского расщепления. В позднепалеолитический период радиальный принцип расщепления на стоянке не отмечается.

В финале палеолита на Кара-Боме использовалось и двухплощадочное расщепление, которого не было в мустьерский период. Можно предположить, что оно является здесь результатом уже верхнепалеолитической технологической эволюции.

Анализ леваллуазских ядрищ из среднепалеолитических слоев стоянки показывает, что на стадии истощения нуклеусы часто приобретали форму, удобную для продолжения расщепления, но не по прежней схеме, а с образовавшегося торца. Особенно отчетливо такая перспектива проявлялась в тех случаях, когда после получения всех возможных леваллуазских сколов и в результате регулярных предшествующих подправок с дистала и латералей камень приобретал утонченную, симметричную в продольном сечении форму.

В целом коллекция нуклеусов Кара-Боме может рассматриваться как хорошая иллюстрация технологически вполне логичного перехода от леваллуазской техники к пластинчатому расщеплению камня.

Основные пути эволюции технологических процессов

Ранние материалы Усть-Каракола-1 характеризуются преимущественно леваллуазскими нуклеусами. В более поздних слоях доминируют артефакты, представляющие пластинчатое расщепление (рис. 8). Аналогичное направление эволюции наблюдается и на стоянке Кара-Бом (рис. 9). Коллекция с этой стоянки может рассматриваться как материал, демонстрирующий переход от среднепалеолитической техники расщепления камня к позднепалеолитической. Здесь отчетливо прослеживается постепенное сокращение количества мустьерских нуклеусов, скалывание с которых производилось с широких фронтов, и столь же стабильное возрастание числа артефактов, свидетельствующих о пластинчатых снятиях с торца. Хорошо выделяется период, когда оба эти способа как бы сосуществовали. Очевиден и факт постепенного вытеснения более архаичной технологии.

По результатам проведенных исследований мы можем выделить два основных варианта эволюции к позднепалеолитической технике пластинчатого расщепления.

Усть-каракольский вариант. В ходе технологической эволюции наблюдается хронологически постепенное сужение фронта снятий на леваллуазских нуклеусах до приобретения последними формы, делающей наиболее рациональным процесс получения именно удлиненных пластинчатых сколов (рис. 10). Характерно здесь и хронологически одновременное перенесение вспомогательных ударных площадок для снятий с целью поддержания формы фронта с латералей на дистал нуклеуса. В целом происходит *изменение формы* основного фронта нуклеуса.

Кара-бомовский вариант. В хронологической последовательности отмечаются все более учащаю-

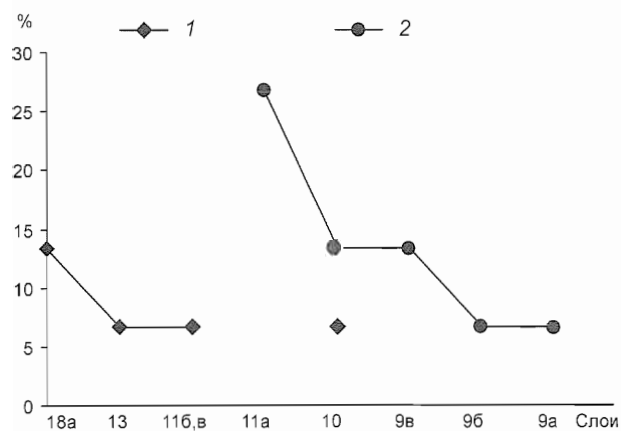

Рис. 8. Доля леваллуазских (1) и торцовых (2) нуклеусов в коллекции со стоянки Усть-Каракол-1.

щиеся факты переноса основного фронта снятий с широкой плоскости на относительно узкий торец истощенных леваллуазских нуклеусов (рис. 11). Приобретение опыта более рационального использования расщепляемого объема приводит и ко все более частым случаям, когда изначально снятия производятся с торца. В целом происходит *смена позиции основного фронта* нуклеуса.

С практикой пластинчатого расщепления генетически связана, пожалуй, главная составляющая позднепалеолитической технологии – отжимная техника расщепления камня, генезис которой рассматривался ранее [Деревянко, Волков, Петрин, 2002]. Сравнительный анализ материалов позволяет отметить две существенные тенденции: кара-бомовский вариант технологической эволюции нашел свое развитие в пластинчатом отжимном расщеплении камня; усть-каракольский – в микропластинчатом.

Эволюция усть-каракольских нуклеусов постепенно приводит к образованию форм, более удобных для получения пластинчатых сколов относительно небольших метрических параметров. Использование отжима в таких случаях более продуктивно, чем при работе с поздними нуклеусами Кара-Бома. Усть-каракольский путь более естественно ведет к микропластинчатому расщеплению нуклеусов клиновидного типа. Кара-бомовский вариант приводит к развитию традиции серийного пластинчатого отжимного расщепления преимущественно торцовых ядрищ с относительно широким дисталом.

Дискуссия

При специальном изучении материалов мустьерского слоя 2 стоянки Кара-Бом было установлено, что здесь использовалась исключительно ударная техни-

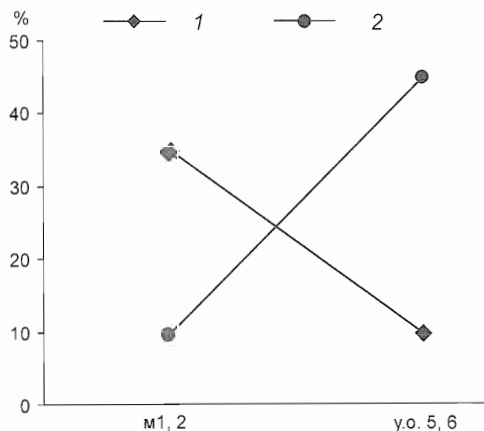

Рис. 9. Доля леваллуазских (1) и торцовых (2) нуклеусов в коллекции со стоянки Кара-Бом (м – мустьерский горизонт; у.о. – уровень обитания).

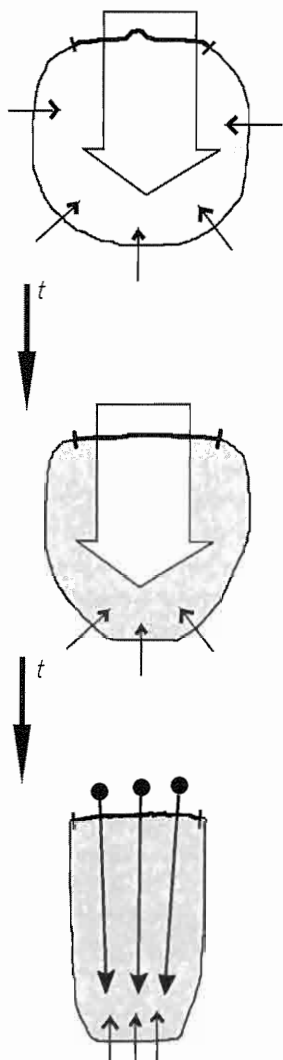

Рис. 10. Схема технологической эволюции.
Усть-каракольский вариант.

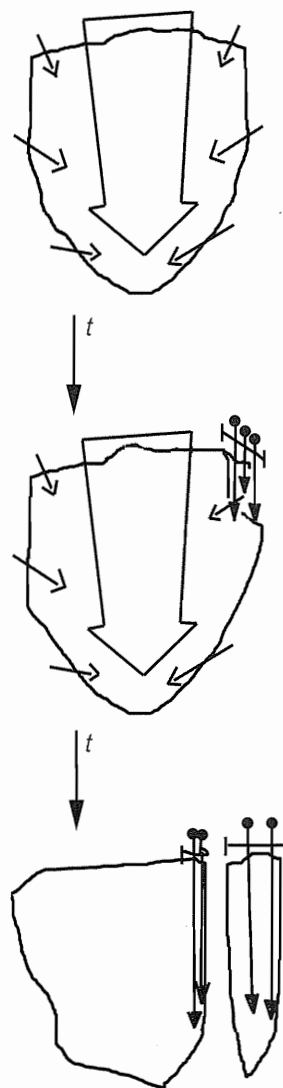

Рис. 11. Схема технологической эволюции.
Кара-бомовский вариант.

ка расщепления камня. Эта же техника в подавляющем большинстве случаев применялась и при ретушировании сколов. Такого рода вспомогательные операции производились, вероятно, обычным отбойником, который использовался при работе с нуклеусами.

Изучение материалов мустьерского слоя 1 показало, что продолжала доминировать ударная техника расщепления камня, сколы-заготовки по-прежнему чаще всего ретушировали отбойником. Но отжим “о наковаленку” при ретушировании практиковался шире, чем в период накопления слоя 2. Отмечено несколько изделий, негативы сколов на которых можно интерпретировать как следы воздействия уже именно отжимника. Похоже, что это пока только случайные пробы. Отжим производился, вероятно, еще не спе-

циальным инструментом. Но характерно, что он осуществлялся давлением не самого обрабатываемого изделия “на наковаленку”, как было прежде, а каким-то, вероятно, еще не специальным орудием на это изделие.

Изучение позднепалеолитических материалов уровней обитания 5 и 6 показало, что в это время все еще остается основной ударная техника расщепления камня. При ретушировании сколов-заготовок используется уже специальное орудие – ретушер-отжимник.

В ходе совершенствования общей технологии расщепления камня люди, вероятно, начинают осознавать реальный спектр возможностей отжима как способа, эффективного не только для ретуширования, но и для более существенного формопреобразования обрабатываемого материала. Формирование импульса рас-

щепляющей силы с помощью сжатия материала могло достаточно долго апробироваться людьми, в т.ч. и в ходе выполнения других (кроме ретуширования) технических операций, например, при удалении “карнизов”, образующихся на линии сопряжения фронта скальвания и ударной площадки нуклеуса. Одним из наиболее совершенных приспособлений для удаления “карнизов” можно считать специализированный инструмент, получивший условное наименование “орудие В” [Волков, 1999, с. 26]. Действия этим орудием подобны работе рашпилем при обработке древесины. Их важным элементом является давление инструментом на обрабатываемый материал. Не исключено, что результаты и опыт работы таким орудием могли создать своеобразную “пороговую” ситуацию в развитии технологии, когда по пути раскрытия возможностей отжима для получения сколов уже с фронтов нуклеусов оставался практически один шаг.

При использовании отжимной техники ретуширования или при отжиме “карнизов” нуклеусов вполне возможно периодическое получение неожиданных, аномальных результатов. Наибольший эффект, конечно, производили результаты, которые можно охарактеризовать как формообразующие. Снятия могли оказываться значительно более объемными, чем это планировалось человеком. Непроизвольное образование достаточно длинных пластинчатых сколов наверняка не оставалось без внимания людей. Отжим, как и удар по камню, дает возможность не только подправлять изделия (снятие “карниза”, ретуширование), но и осуществлять заметное по объему формообразование расщепляемого тела. Вполне вероятно, что эти открытия совпали по времени с возникновением потребности в таких орудиях, как резцы, а практика их производства могла стимулировать и развитие техники отжима в целом. Очевидно, именно в этот период древние мастера обнаруживают, что “при ударе импульс прилагаемой энергии относительно короткий, он изгибает снимаемый скол на коротком участке развития скальвающей. При отжиме, предполагающем плавное увеличение давления, импульс длиннее, скол изгибается на более длинном участке развития плоскости расщепления. Следовательно, с помощью отжима может быть снят более длинный и тонкий скол, чем при использовании ударной техники скола” [Гиря, 1997, с. 69].

Для эпохи среднего палеолита характерны основные, регулярные снятия с относительно широкой плоскости фронта расщепляемого тела, для ранней поры позднего палеолита – с торцевой части нуклеуса. Снятия с торца требуют значительно меньшего импульса силы, направленного на отделение объема, чем при снятиях с нуклеусов, подготовленных по мустьерской технологии. При скальвании со сравнительно широких фронтов мустьерских ядрищ использо-

вание отжима было невозможным. Для получения “мустьерских сколов” требовался относительно мощный импульс силы. Техника “усиленного отжима” (см.: [Волков, Гиря, 1990; Волков, 1999, с. 166]) еще не была изобретена, а мускульной силы и массы одного человека для создания необходимого давления отжимником на площадку мустьерского нуклеуса явно недостаточно. Для торцовых же снятий усилий человека, как правило, хватает с избытком.

Освоение расщепления “с торца” сделало возможным неосуществимое в эпоху среднего палеолита: для регулярных снятий с фронта нуклеуса люди стали использовать не только удар, но и отжим.

В переходную эпоху от мустье к позднему палеолиту накапливается своеобразная “критическая масса”: человек приобретает опыт использования отжима (как способа формообразования камня) и открывает преимущества торцевой ориентации фронта расщепляемых объектов.

Результатом развития техники обработки камня становится распространение практики расщепления торцовых, пока еще относительно крупных, нуклеусов, пластинчатые сколы с которых можно получать посредством и удара, и отжима.

Для получения пластинчатых сколов с торцовых нуклеусов средних размеров с использованием отжимной техники требуются усилия значительно большие, чем можно приложить с помощью простых отжимников, применявшихся при ретушировании.

Эволюция отжимников от “ручного” к “Т-образному” привела к резкому повышению эффективности в работе с камнем. Использование нового инструмента дало заметное увеличение мощности при сохранении прежнего контроля над процессом расщепления.

Применение отжимной техники естественным образом привело к изменению параметров серийно снимаемых пластин. В первую очередь это сказалось на размерах заготовок – они стали заметно меньше, чем те, которые получали посредством удара.

Техника отжима пластин появляется на стоянке Кара-Бом в период накопления позднепалеолитических слоев. Такое предположение можно сделать при анализе негативов сколов на нуклеусах и изучении ряда пластинчатых заготовок из материалов уровня обитания 6.

Определение достаточно большой серии пластин из позднепалеолитической коллекции Кара-Бомы как полученных с помощью отжима пока еще является предметом дискуссии. Для ее завершения необходимы проведение специальных экспериментальных исследований и продолжение изучения материалов нестратифицированной части стоянки. Бесспорным остается только факт периодического использования отжима для получения пластинчатых заготовок.

В переходную эпоху от среднего палеолита к позднему происходит становление новой технологии – использование торцовых нуклеусов и накопление опыта применения отжимной техники. Наблюдается эволюция нуклеусов в формы, при которых расщепление посредством отжима могло стать эффективным способом массового получения стандартизованных пластин.

Очень важно рассмотреть эволюцию первичного расщепления в хронологическом аспекте. В Денисовой пещере с 22-го культуросодержащего горизонта (282 ± 56 тыс. л.н.) до 14-го фиксируется радиальная и леваллуазская техника, при этом первая постепенно замещается второй; с 14-го (69 ± 17 тыс. л.н.) появляются ярко выраженные двухплощадочные нуклеусы, предназначенные для снятия с них пластинчатых отщепов и пластин; с 12-го представлена торцовая техника, пластины и микропластины; с 11-го ($^{14}\text{C} - > 37\ 325$ л.н. (СОАН-2504)) доминирует пластинчатое расщепление, преобладают нуклеусы торцовой и клиновидной формы, а также скребки высокой формы типа карене.

На стоянке открытого типа Усть-Каракол-1 с культуросодержащих горизонтов 18а, б ($90 \pm 18 - 100 \pm 20$ тыс. л.н.) в качестве основной фиксируется леваллуазская техника первичного расщепления; с самых низов 11-го преобладают пластинчатое расщепление и нуклеусы торцовой, клиновидной и призматической формы. Для культуросодержащих горизонтов с 11-го по 8-й получены даты в интервале от 50 ± 12 до 29 тыс. л.н.

На стоянке Кара-Бом в среднепалеолитических горизонтах 1 и 2, разделенных стерильной прослойкой, имеющей возраст 62 тыс. лет (ЭПР), наряду с хорошо развитой леваллуазской техникой представлены нуклеусы торцового типа, с которых снимали узкие и длинные пластины, использовавшиеся для изготовления резцов, концевых скребков и других изделий. Фиксируются и первые случаи применения отжимной техники. Для раннего этапа верхнего палеолита стоянки Кара-Бом получены даты $43\ 200 \pm 1\ 500$ и $43\ 300 \pm 1\ 600$ л.н.

Таким образом, на территории Горного Алтая и усть-каракольская, и кара-бомовская верхнепалеолитические традиции начинают формироваться 60 – 50 тыс. л.н. А в период 43 – 40 тыс. л.н. обе они полностью приобретают верхнепалеолитический облик. О формировании в столь раннее время на территории Горного Алтая верхнепалеолитической культуры свидетельствует и появление изделий из кости, новой стратегии поведения, адаптации, символической деятельности человека [Деревянко, Рыбин, 2003].

Предложенные выводы были сделаны на основе сравнительного технологического анализа материалов стоянок финального этапа среднего и ран-

него этапа верхнего палеолита. В данной статье сделана попытка проверить предложенную схему эволюции индустрии в хронологическом диапазоне 60 – 40 тыс. л.н.

Список литературы

Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 207 с.

Волков П.В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 192 с.

Волков П.В., Гиря Е.Ю. Опыт исследования техники скола // Проблемы технологии древних производств. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1990. – С. 38 – 56.

Габуния Л., Векуа А., Лордкипанидзе Д. Новые находки костных остатков ископаемого человека в Дманиси (Восточная Грузия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 2 (6). – С. 128 – 139.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий: Методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб.: ИИМК РАН. – 1997. – 198 с. – (Археологические изыскания; Вып. 44).

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3 (7). – С. 70 – 103.

Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон. Селемджинская позднепалеолитическая культура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 336 с.

Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т. Зарождение микропластинчатой техники расщепления камня (опыт экспериментальных исследований и технологического анализа материалов памятника Кара-Бом). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 170 с.

Деревянко А.П., Дорж Д., Васильевский Р.С., Ларичев Е.В., Петрин В.Т., Девяткин Е.В., Малаева Е.М. Палеолит и неолит Монгольского Алтая. – Новосибирск: Наука, 1990. – 644 с.

Деревянко А.П., Лаухин С.А., Малаева Е.М., Куликов О.А., Шуньков М.В. Нижний плейстоцен на северо-западе Горного Алтая // Докл. Акад. наук. Сер. Геология. – 1992. – Т. 323, № 3. – С. 509 – 513.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2 (2). – С. 33 – 52.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Бексеитов Г., Гладышев С.А., Рыбин Е.П. Изучение памятников открытого типа эпохи камня на северо-восточном склоне Каратау (Кызылтау-1) в 1997 г. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 76.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цвэндорж Д., Девяткин Е.В., Ларичев В.Е., Васильевский Р.С., Зенин А.Н.,

Гладышев С.А. Палеолит и неолит северного побережья Долины Озер. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 438 с.

Деревянко А.П., Попова С.М., Малаева Г.М., Лаухин С.А., Шуньков М.В. Палеоклимат северо-запада Горного Алтая в эпоху палеолита // Докл. Акад. наук. Сер. Геология. – 1992. – Т. 324, № 4. – С. 842 – 846.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 27 – 50.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Бексентов Г., Петрин В.Т., Маркин С.В., Ефремов С.А. Исследование памятников каменного века на северо-восточном склоне хребта Каратау (Южный Казахстан) в 1996 г. // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 80 – 82.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (9). – С. 16 – 42.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Зыкин В.С., Маркин М.М. Новый раннепалеолитический комплекс в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8: Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2002 г. – С. 84 – 89.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Колобова К.А., Петрин В.Т. Основные приемы оформления каменных ору-

дий в палеолитических индустриях Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4 (12). – С. 2 – 21.

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1982. – 51 с.

Ранов В.А., Шеффер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2 (2). – С. 20 – 32.

Derevianko A.P. Paleolithic of North Asia and the Problem of Ancient Migrations. – Novosibirsk: Inst. Arch. and Ethnogr. SB Acad. Sciences, 1990. – 168 p.

Derevianko A.P. Two Major Waves of the Early Human Population Migration into Asia: The 6th International Symposium: Suyangae and Her Neighbours (9 – 13 December). – Tanyang: Chongbook-go National University, 2001. – P. 11 – 13.

Derevianko A.P., Deviatkin E.V., Petrin V.T., Semeihan T. New Discoveries of the Lower Paleolithic in Mongolia and its geological-geomorphological position // The INQUA Intern. Sympos.: On Stratigraphy and Correlation of Quaternary Deposits in the Asian and Pacific Region. – Bangkok: CCOPT Technical Secretariat, 1991. – P. 119 – 132.

Gabunia L.K. Der menschliche Unterkiefer von Dmanisi (Georgien, Kaukasus) // JRGZ. – 1992. – Bd. 39. – S. 185 – 208.

Gabunia L., Vekua A. Plio-Pleistocene hominid from Dmanisi East Georgia // Nature. – 1992. – Vol. 373. – P. 185 – 312.

Ranov V.A. The Loessic Paleolithic in Southern Tajikistan, Central Asia: industries, chronology and correlation // Quaternary Science Reviews. – 1993. – Vol. 14. – P. 731 – 745.

Материал поступил в редколлегию 5.12.03 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

В этом номере журнал открывает дискуссию, посвященную проблемам, связанным с первобытным искусством. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что среди археологических источников памятники первобытного искусства вызывают, пожалуй, наибольший интерес как у специалистов, так и у широкого круга любителей древностей. Петроглифы с высокохудожественными одновременными отдельными изображениями и композициями, загадочные пещеры с удивительной полихромной живописью и гравюрами палеолитической эпохи, монументальная каменная скульптура эпохи бронзы, раннего железа и средневековья, наконец, мелкая пластика из кости, металла и дерева, художественные войлоки и ткани – все это памятники первобытного искусства. Они хранят немало тайн, разгадка которых зависит от решения многих проблем, например, связанных с обоснованием хронологии, выявлением особенностей стиля, семантики и семиотики. Немало трудностей и методического характера, возникающих в ходе поиска и изучения этого сложнейшего для понимания и интерпретации объекта.

Открытия последних лет в Евразии дополнили сокровищницу человечества блестящими образцами первобытного творчества. Чего стоят, например, изображения в пещере Шове во Франции и на открытых плоскостях Фоз-Коа (Фож-Коа) в Португалии, в Игнатьевской пещере на Урале, наскальные рисунки в Северном Пакистане, монументальное и пластическое искусство носителей окуневской культуры и удивительные войлоки и деревянные украшения пазырыкцев! Все перечисленные и сотни неупомянутых здесь объектов таят в себе массу дискуссионных проблем, решению которых, мы надеемся, будет способствовать профессиональная дискуссия на страницах нашего журнала.

Мы приглашаем вас стать участниками обсуждения вопросов, поднимаемых в этом номере журнала, и инициаторами дискуссии по интересующим вас как теоретическим проблемам, так и конкретным сюжетам, связанным с изучением первобытного искусства.

УДК 903.27

Я.А. Шер

*Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия
E-mail: sher@kemsu.ru*

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА*

Тема данной статьи была предложена редакцией как дискуссионная. Если я не ошибаюсь, последняя дискуссия о первобытном искусстве была в 1976 г. в журнале “Советская этнография”. Некоторые вопросы, поднятые тогда, остаются спорными и сейчас. За эти почти 30 лет появились новые факты, вышло много публикаций и, соответственно, возникли новые вопросы. Первобытное искусство – тема неисчерпаемая и необъятная. Поэтому прежде всего хочется выразить благодарность редакции за стремление обсудить эти вопросы на основе современных данных, накопленных за последние два-три десятилетия. Свободная дискуссия по любой научной тематике всегда

является очень эффективным источником если не новых фактов, то, во всяком случае, новых идей. А идеи иногда не менее важны, чем факты.

Не могу не отметить, что при подготовке этой статьи возникли определенные трудности. По некоторым вопросам оказалось почти невозможным избежать повторения того, что уже опубликовано. Обзор исследований по первобытному искусству за последние десятилетия был сделан совсем недавно в этом же журнале [Шер, 2000]. Моя точка зрения на проблему возникновения изобразительной деятельности тоже представлена в нескольких недавних публикациях [Шер, 1995, 1997а, 1998; Первобытное искусство, 1998; Sher, 1995, 1998]. Поскольку новые идеи, как мне представляется, зарождаются довольно редко, повторения становятся неизбежными. Стремись свести их к минимуму, позволю себе бо-

* Статья подготовлена в рамках проекта “Происхождение знакового поведения” при финансовой поддержке программы “Университеты России”, грант № 991375.

лее развернуто остановиться на наименее ясных с моей точки зрения вопросах, рассмотрение которых могло бы, как мне кажется, перерасти в дискуссию. Эти вопросы отражены в подзаголовках и выделены курсивом.

Что такое “первобытное искусство”?

Еще сравнительно недавно, когда в нашей исторической науке безраздельно господствовал формационный подход, ответ на этот вопрос был достаточно тривиальным: это искусство эпохи первобытного общества, т.е. палеолита, неолита, бронзового века. Но темпы развития культуры неравномерны и неодинаковы в разных регионах. Когда в одних уже формировались очаги древних цивилизаций, в других еще преобладал первобытный уклад, а в третьих он сохранился до Нового времени. При этом четких границ между ранними цивилизациями и первобытным обществом нет и не может быть. Хотя первые по меркам формационного подхода относились к рабовладельческому строю, по основному материалу орудий труда (камень и медь, бронзы еще нет) их культура была типично первобытной.

Если сейчас искусство является особой областью культуры, границы и специализация которой вполне осознаны как создателями, так и “потребителями” искусства, то чем глубже в древность, тем эти границы были более размытыми в сознании человека. Даже в наши дни, казалось бы, четко различаемые материальная и духовная культуры, физический и умственный труд, техническое и художественное творчество нередко тесно переплетаются. Тем более – в древности, когда искусство не выделялось в какую-то особую специализированную область культуры.

Способностью к созданию изображений, как и ныне, обладали редкие люди. Причем в те времена эти способности должны были проявляться намного реже, чем теперь. Сейчас существует система художественного воспитания детей, и любые малозаметные способности ребенка не остаются без внимания и поощрения со стороны взрослых. В первобытную эпоху, особенно на ранних этапах, ничего подобного не было. Поэтому способности к изобразительной деятельности могли проявиться только спонтанно, независимо от каких-то внешних стимулов. А для этого они должны были быть “сверхспособностями”, т.е. такими, которые рано или поздно сами прорываются, когда сознание переполнено яркими образами.

Вряд ли соплеменники, занятые трудной повседневной борьбой за существование, могли понять и по достоинству оценить такие всплески таланта.

Даже современной науке далеко не ясны психофизиологические процессы, в результате которых возникают художественные способности. Тем более этого не могли понимать люди каменного века. В лучшем случае они относились терпимо к своим “ненормальным” сородичам. Им приписывались некие сверхъестественные свойства. Подобно позднейшим шаманам, они получали особый сакральный и социальный статус. В худшем случае их могли преследовать, поскольку все непонятное и не приносящее немедленной пользы должно было вызывать вполне разумное подозрение и отторжение. Конечно, о подробностях положения первобытных художников в социуме можно только догадываться. В то же время нет никаких оснований априорно провозглашать “творческие достижения” людей эпохи палеолита. То есть это вполне возможно только с точки зрения наших эстетических критериев. Но во времена каменного века “творческие достижения” не осознавались ни теми, кто создавал пещерную живопись или мелкую пластику, ни теми, кто не обладал такими способностями.

Смысл понятия “первобытное искусство” шире и глубже, чем привязка к первобытной эпохе по времени и к каким-то этапам социально-экономической истории общества. Тем более что периодизация палеолита строится вообще на очень далеких от искусства основах – на технологических особенностях обработки камня.

Возникнув на рубеже между средним и верхним палеолитом, изобразительная деятельность довольно долго (не менее 30 тысячелетий) была вплетена в синкретический, нерасчленимый комплекс зачаточных форм ритуально-мифологической духовной культуры. Самостоятельный характер, как одна из форм осознанного знакового поведения, как совокупность произведений определенных авторов, искусство приобрело намного позднее. О том, что применение понятий “искусство”, “творчество”, “художественная культура” и т.п. к изобразительным памятникам первобытной эпохи не вполне корректно, речь уже шла в упомянутых выше публикациях. Например, при всем блеске древнегреческой словесности в архаической Греции еще не было литературы в том смысле, как мы ее понимаем сейчас. В виде авторских письменных текстов, ориентированных на читателей и тиражированных для них, литература возникает только в эллинистическую эпоху, на рубеже IV – III вв. до н.э. [Чистякова, 1988, с. 105 – 110].

Искусство развивается по своим, не всегда понятным нам законам. Достаточно вспомнить, что основные этапы истории искусств вовсе не совпадают с таковыми истории общества. Даже те, кто считал античное искусство порождением рабовладельческого строя, вслед за К. Марксом признавали, что оно выш-

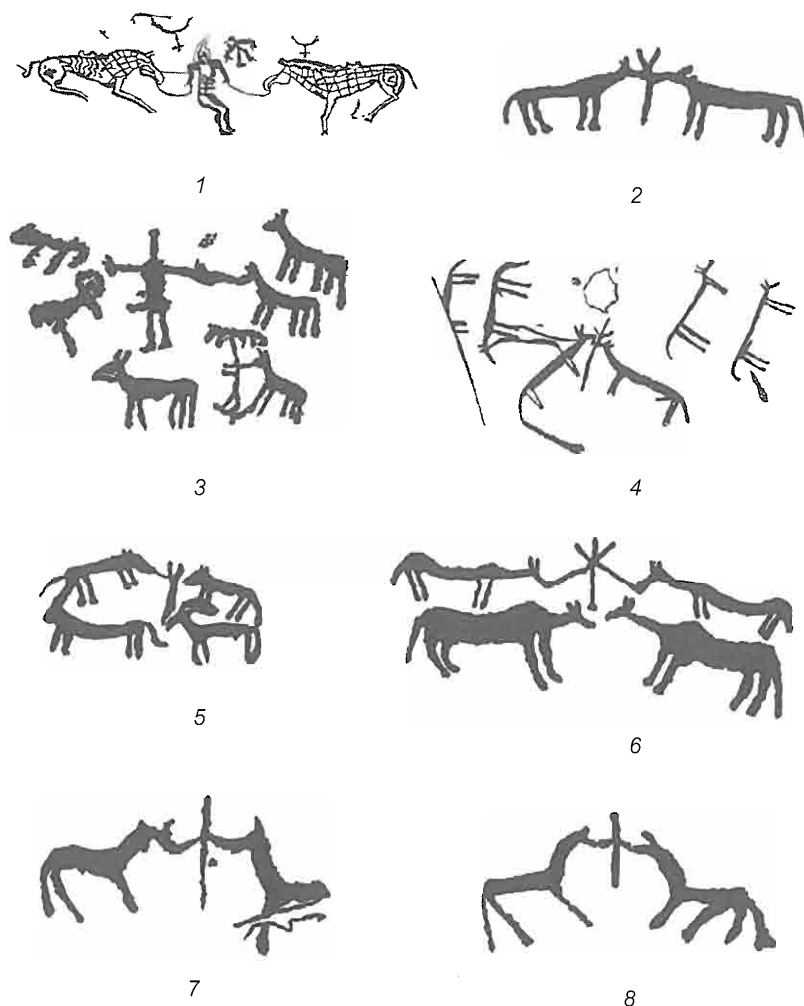

Табл. 1. Изобразительные формулы в петроглифах.
 “Господин коней”: 1 – Енисей, гора Оглахты; 3 – Кыргызстан, Талас, Жалтырак-Таш; “Кони у Мирowego древа”: 2 – Енисей, гора Тепсей; 4 – Енисей, рисунок на каменной плите из могильника Варча; 5, 6 – Енисей, гора Тепсей; 7, 8 – Восточный Казахстан.

ло “за пределы того круга понятий, чувств и критериев, которыми жило данное общество, создав непреходящие общечеловеческие ценности, которые, по словам Маркса, продолжают служить нормой и недостижимым образцом” [Утченко, Ковалев, 1961, с. 617].

Если бы понятие “первобытное искусство” не вошло столь прочно в современный научный язык, было бы уместно вообще от него отказаться и вернуться к старому, выдержавшему испытание временем понятию “фольклор”. Однако в последние десятилетия оно сузилось и относится в основном к народной словесности [Чистов, 1974, с. 231; Пропп, 1976, с. 16 – 33], хотя раньше охватывало наряду со словесным все виды народного творчества. Фольклор – искусство синкретическое, включающее в себя и другие жанры [Гусев, 1967, с. 86 – 87]. Например, хорошо известные мотивы народной вышивки, резь-

ба на наличниках, прялках, узоры на ложках и другой утвари, детские игрушки и иные подобные предметы [Рыбаков, 1981, с. 246, 400 – 401; и др.] по своим сюжетным и стилистическим особенностям очень близки петроглифам и росписям на стенах пещер, жилищ, древним рельефам, статуэткам и резным фигуркам. В палеолитической живописи и в петроглифах неолитического времени, в изображениях эпохи бронзы и более поздних при достаточно четком распознавании “стиля эпохи” почти невозможно выделить индивидуальные стили отдельных художников. То же и в фольклоре.

О первобытном искусстве как изобразительном фольклоре речь уже шла (подробнее см.: [Шер, 1997а]). Синкретизм устной и изобразительной традиции, а также других видов знакового поведения (танец, мимика, ритмичная речь и др.) в первобытной

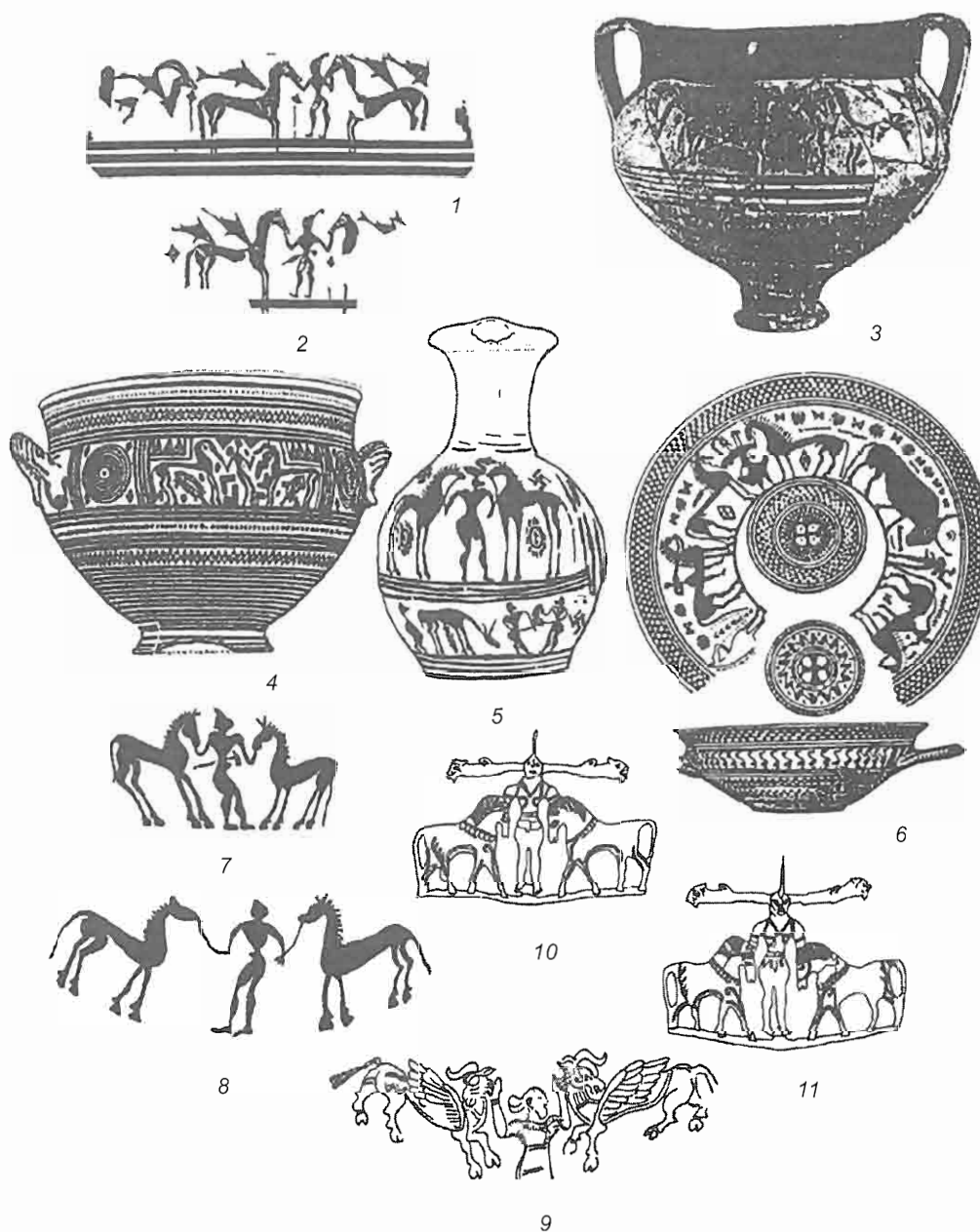

Табл. II. Изобразительная формула “Господин коней” в разных воплощениях.

1 – 3 – роспись на кратере из “Малого Дворца”, Рас Шамра, Угарит, около XIII в. до н.э. [Sandars, 1978, p. 154, fig. 103; Langdon, 1989, p. 188, fig. 3]; 4 – кратер, Аргос, геометрический стиль, 725 – 710 гг. до н.э. [Блаватский, 1953, с. 142; Langdon, 1989, fig. 1 – 2]; 5 – ойнохойя, Атика, геометрический стиль, VII в. до н.э., Нац. музей, Берлин [Wiesner, 1968, tabl. VI]; 6 – килик, Атика, геометрический стиль, 740 – 720 гг. до н.э., Нац. музей, Афины [Блаватский, 1953; Borell, 1978, p. 63, 96, fig. 10, tabl. 17]; 7, 8 – роспись на фрагментах сосудов (керамика, Афины): 7 – могила 50 и 8 – отдельная находка [Davison, 1961; Kubler, 1954, tabl. 110, 1410]; 9 – фигурная обкладка уругартского шлема [Tanabe et al., 1982, fig. 2]; 10, 11 – фигурные бронзовые ручки от котла [Pernice, 1904, p. 162 – 163, fig. 73a, 73b].

культуре имеет не только и, может быть, не столько социальные истоки, сколько единые природные, психофизиологические основы. Речь и образ – это (с самого начала и до сих пор) взаимодополняющие способы восприятия и познания внешнего мира. Взаимодействие между логическим и образным мышлением чем-то напоминает принцип дополнительности

в квантовой механике. Там энергетически-импульсная и пространственно-временная характеристики частиц, фиксируемые соответствующими приборами, дополняют друг друга. Здесь роль разных приборов выполняют правое и левое полушария головного мозга, а в целостном восприятии образ и слово взаимно дополнительны.

Рис. 1. “Господин (госпожа) коней”, реминисценция древнего образа, русская современная вышивка [Рыбаков, 1981, с. 246].

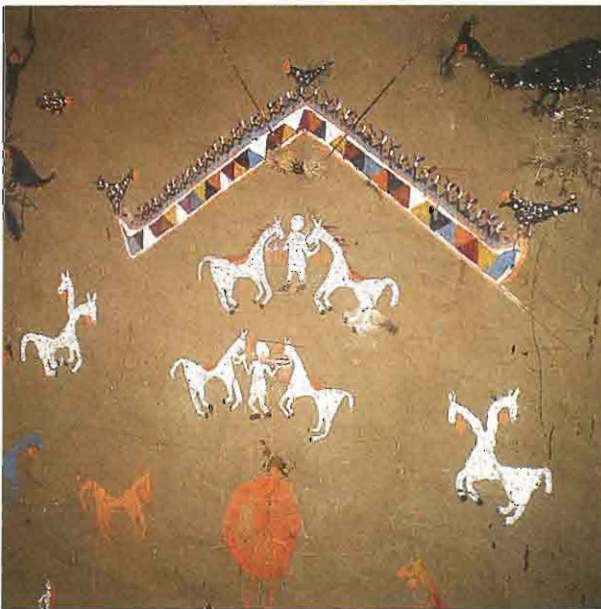

Рис. 2. “Господин коней”, современная настенная роспись в крестьянском доме. Индия, Бхопал [Vidal, 2001, p. 114].

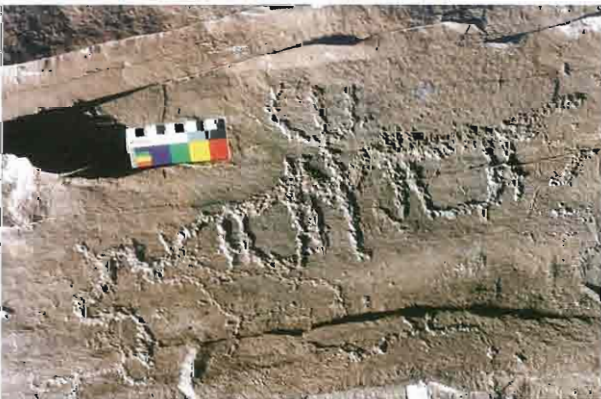
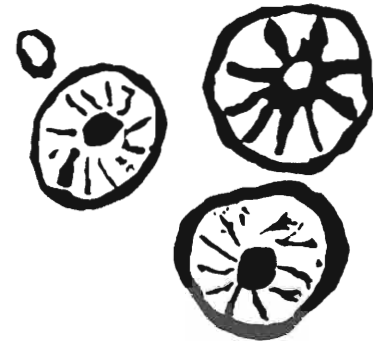
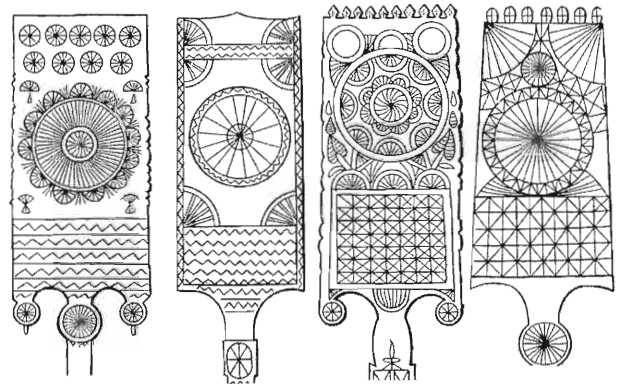

Рис. 3. Редуцированное изображение “Господина коней”. Енисей, гора Суханиха.

1

2

Рис. 4. “Колесо солнца”.

1 – петроглифы; 2 – резные узоры на современных прялках [Рыбаков, 1981, с. 246, 400 – 401].

Рис. 5. “Колесница Громовержца”.

Одной из главных особенностей фольклора является формульность текста – периодическое повторение однотипных сочетаний слов, “клише”. Чаще всего это эпитеты или метафоры, заклинания, предписания и т.п. Они достаточно жестко привязаны к определенным персонажам или ситуациям [Пермяков, 1970; Рождественский, 1970]. Формульность свойственна всем архаическим знаковым системам,

в т. ч. и изобразительным. Древние изображения – собственно, тоже знаковая система, – содержат в себе некие близкие по своей природе и функциям формулы, но не словесные, а изобразительные. И в самом деле, двигаясь ретроспективно в древность, можно видеть, что изобразительные формулы существовали и в средневековье, и в эпоху ранних цивилизаций, и в первобытные времена. В некоторых случаях наблюдаются почти прямые свидетельства близкого “родства” словесных и изобразительных мифопоэтических формул. Например, в Ригведе Утренняя Заря – “ярко пылающая юная женщина в светлых одеждах” (I, 113: 8); у Гомера в “Одиссее”: “Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос...” и далее: “златотронная Эос” (II: 1; XXIII: 345 – 348), а в Новгородской Хлудовской псалтири конца XIII в. Утренняя Заря изображена в виде огненно-красной юной женщины с Солнцем в руке [Зарубин, 1971].

Очевидны, например, такие параллели, как Индра с дубиной = Геракл с палицей, Вритра-дракон = Змей Горыныч, Одноглазый Полифем = Лихо Одноглазое и т.п. Конечно, совпадения между изображениями и текстами могут быть только ассоциативными. Прямые соответствия принципиально невозможны ввиду того, что это “тексты” не просто на разных, но и на несводимых один к другому языках.

Мифопоэтические формулы очень “живучи” и сопутствуют своей культуре в течение длительного времени. Некоторые из них настолько устойчивы, что сохраняются в фольклоре даже после потери первоначального смысла в виде заговоров, причитаний, современных детских “считалок” и т.д. (см., напр.: [Топоров, 1975, с. 3 – 49]). Точно так же сохраняются тысячелетиями визуальные символы в виде коньков на крышах русских изб, узоров резных наличников, вышивки на рушниках и т.д. Аналогичные по своей мифопоэтической природе визуальные формулы встречаются в таких изобразительных “текстах”, как петроглифы, орнамент на древних сосудах и т.п. Словесные и изобразительные мифопоэтические формулы передвигаются вместе с носителями данной культуры в пространстве и времени, уходя иногда далеко от места первоначального зарождения. Одним из таких примеров можно считать образ “Господина коней” и связанную с ним изобразительную мифологему “Кони у Мирового древа”, обнаруженные в петроглифах Южной Сибири и Средней Азии (подробнее см.: [Шер, 1993]) и имеющие четкие параллели как в самых разных древних изобразительных традициях, так и в современном народном искусстве очень удаленных друг от друга историко-культурных регионов (табл. I, II; рис. 1 – 3). Можно привести много других примеров соответствия словесных и изобразительных мифопоэтических формул: “колесо солнца” – солярные знаки в петрогли-

фах и резных узорах на прялках (рис. 4); “колесница Громовержца” – колесницы в петроглифах (рис. 5) и других древних изображениях и т.п.

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что психологический механизм, порождающий произведение первобытного искусства, и, соответственно, сами произведения существуют и сегодня, но называется это по-другому: народное искусство. Конечно, современное народное искусство существенно отличается от искусства эпохи палеолита и последующих древних периодов. Но это отличия не в социально-психологическом механизме, который практически не изменился, а в форме и технике исполнения самих произведений и в среде их бытования. Все сказанное выше позволяет считать первобытное искусство явлением вневременным и больше типологическим, чем хронологическим.

Итак, понятие “первобытное искусство” не отражает в полной мере того явления, для обозначения которого оно используется. Разумеется, его будут употреблять и впредь, но желательно, чтобы при этом учитывались особенности, отличающие изобразительную деятельность древних эпох от изобразительного искусства современности. Первобытным следует считать искусство тех времен и территорий, когда и где оно еще не осознавалось как самостоятельная область культуры; в сознании носителей культуры оно входило в единую и целостную совокупность элементов знакового поведения людей, независимо от того, к какой эпохе исторической хронологии мы их относим.

Происхождение искусства

Решение проблемы происхождения искусства, особенно изобразительного, в отечественной и зарубежной литературе традиционно вольно или невольно подменяется рассмотрением вопроса о том, что ему предшествовало (игра, магия, мифология, религия, “натуральный макет” и т.д.; подробнее см.: [Вишняцкий, 1998]). Конечно, это существенный вопрос. Но то, что предшествовало, не обязательно должно было быть источником или причиной. Более важными представляются другие вопросы: что такое искусство, т.е. какова его физическая и социальная природа? где истоки искусства – в природе или в истории? как и почему оно появилось? Первый и третий вопросы, по-видимому, еще долго будут оставаться спорными. Попытка ответа на первый была сделана на предыдущих страницах. На третий вопрос попытаюсь ответить ниже. А на второй уже можно ответить достаточно уверенно: в природе никаких явных предпосылок к изобразительной деятельности не обнаружено. Многочисленные эксперименты В. Келера, К. Бюле-

ра, Э.П. Фридмана, Л.А. Фирсова и других исследователей поведения высших обезьян показали, что даже при искусственном стимулировании они не создают никаких фигуративных изображений, а их “абстрактная живопись” не отличается от случайно нанесенных цветных пятен и линий (обзор см.: [Первобытное искусство, 1998, с. 150 – 156]). Не обнаружено этих предпосылок и в истории рода *Homo*. Редчайшие единичные предметы мустьерской эпохи, в которых можно увидеть некую фигуративность, продолжают оставаться предметом дискуссии (из последних обзоров см.: [Elkins, 1996, p. 185 – 226; Hodgson, 2000, p. 3 – 18]).

Одно из исходных допущений рассматриваемой здесь гипотезы состоит в том, что первичные стимулы к изобразительной деятельности находятся в сфере психофизиологической, т.е. природной. Из этого следует, что искусство – явление естественно-историческое. Поскольку способности к воспроизведению визуальных образов накапливались латентно, возможно, еще у предшественников *Homo sapiens sapiens*, но в виде отдельных, пока не связанных в единую систему нейропсихологических функций, вряд ли стоит надеяться на обнаружение каких-то материальных следов “вызревания” изобразительной деятельности. У отдельных представителей вида *Homo sapiens sapiens* интеграция этих функций спонтанно складывалась в единую систему, и когда их образное мышление накапливало некую “критическую массу”, возникала не вполне осознанная (во всяком случае, поначалу) потребность воплотить на плоскости (стена пещеры, скала) или в объеме (кусок рога или бивня) сформировавшиеся в сознании образы животных, людей и других объектов реального или воображаемого мира. Иными словами, изобразительная деятельность могла появиться только на стыке биологической и социальной эволюции. Ни биологическая, ни социальная среда в отдельности не могли породить такой феномен. Поэтому спор о том, чего больше в искусстве – природного или исторического, – не имеет смысла.

Изобразительная деятельность возникла как часть естественной индивидуальной и социальной информационной системы параллельно с членораздельной речью или несколько позже в результате адаптационных изменений в психофизиологических средствах восприятия, хранения и преобразования информации и связанных с ними изменений в сознании первобытного человека.

Подход к проблеме происхождения искусства с информационной и психофизиологической точки зрения представляется продуктивным еще и потому, что он не противостоит существующим гипотезам, а включает их в себя как частные случаи. Этот подход увязывает речь, язык, письменность, абстрактные

знаки и фигуративные образы, а также иные, неизобразительные искусства (музыку, пение, танец) в единое информационное поле культуры и позволяет искать общечеловеческие законы его формирования. Они должны быть универсальными для разных культур и разных периодов истории и действовать примерно так же объективно, как законы природы.

Один из этих законов, кажется, удалось “нащупать”. Накапливаются факты, свидетельствующие о некоем подобии биогенетического закона. Его суть состоит в том, что в спонтанном детском рисовании намечаются некоторые особенности, присущие первобытному искусству. “Что касается сходства детских рисунков с живописным искусством доисторического человека, то оно, очевидно, основано на том, что законы развития искусства в жизни народов те же, что и законы развития искусства в жизни отдельных лиц. На этом основании естественно, что общие черты развития детского рисунка как бы повторяют те ступени развития человеческого искусства, которые оно проходило, начиная от доисторического периода” [Бехтерев, 1991, с. 388].

Наряду с универсальным характером базовых психофизиологических процессов, породивших искусство как новую форму коммуникации, существует специфика локальных особенностей искусства разных периодов и разных регионов. Изучение стилей первобытного искусства (как это предлагал А. Леруа-Гуран) показывает, что каждая культура обладает не только своим естественным языком, но и присущим только ей “языком” образов – формой реализации образного мышления. Думается, что есть реальное сходство в механизмах действия естественного языка как средства выражения понятий и логики, с одной стороны, и искусства как средства выражения неязыковой, не понятийной, а образной, интуитивной информации – с другой. Есть также и функциональная аналогия с процессом формирования древних языковых макросемей типа ностратической, сино-кавказской, америндской. В развитии первобытного искусства тоже намечаются пространственно-временные совокупности изображений, содержащие определенные устойчивые стилистические элементы, неизменяющиеся черты сходства, которые объединяют изображения одной эпохи или культуры и отличают их от изображений других эпох или культур. В этом легко убедиться интуитивно, без формализованного описания, сравнив, например, петроглифы Северной Африки с наскальными рисунками Скандинавии и Карелии; пластику древних культур Южной Америки и Восточной Европы и т.д.

Изобразительная деятельность раньше или позднее появилась, по-видимому, у всех человеческих популяций, но в силу неравномерности историко-культурного развития не у всех одновременно. В этой свя-

зи нельзя не сказать об антропоморфной статуэтке мустьерского или даже ашельского времени, найденной на стоянке Берехат-Рам в Израиле [Goren-Inbar, 1986]. Могла ли изобразительная деятельность появиться у неандертальца или еще более раннего палеоантропа? Судя по возрасту слоя, в котором была статуэтка, – да. Значит ли это, что уже палеоантропы создавали изображения? Вряд ли. Факт пока один и относится к региону, где *Homo sapiens* появился намного раньше, чем в Европе [Козинцев, 1993], а человеческие кости, связанные с североафриканским мустье и атером, принадлежали индивидам, близким по ряду признаков людям современного физического типа [Вишняцкий, 2000, с. 248]. Поэтому эпоха, по абсолютному возрасту соответствующая европейскому мустье или ашелю, здесь могла быть уже временем появления *Homo sapiens*.

Рассуждения, представленные на предыдущих страницах, в конечном счете сводятся к тому, что изобразительная деятельность человека эпохи верхнего палеолита по сути является частью единой информационной системы, начало которой было положено при переходе от первой сигнальной системы ко второй. Главное ее отличие состоит в осознанности, т.е. помимо природного канала связи для передачи наследственной информации, помимо коммуникации на основе условных рефлексов, начала складываться социальная, осознанная информационная среда. Тем самым было положено начало формированию сферы духовной культуры или, другими словами, знакового поведения. Последнее, включающее в себя язык, речь, разные искусства, оказало решающее влияние на дальнейшее развитие материальной культуры и создало базу для “верхнепалеолитической революции” и для окончательного перехода от биологической к социальной эволюции. При таком подходе к проблеме отпадает необходимость связывать развитие духовной культуры с этапами прогрессивного изменения технологии обработки камня (мустье, шательперрон, ориньяк и т.д.), но, разумеется, понадобится своя периодизация.

Еще один спорный вопрос касается “праэстетики”. Многие авторы считают искусство порождением чуть ли не врожденного чувства прекрасного. Если инстинктивные или рефлекторные зачатки эстетических переживаний и есть у высших животных и были у ранних гоминидов, что признается некоторыми специалистами [Эфроимсон, 1995; Эйбл-Эйбесфельд, 1995; Филиппов, 1997; и др.], то их осознание пришло намного позднее.

Самым точным показателем осознания обществ тех или иных новых явлений в культуре является язык. Всякое новшество, осознанное и принятое людьми, получает свое название, т.е. возникают новые слова для обозначения инноваций.

Мы не знаем и вряд ли когда-либо узнаем, на каких языках говорили в эпоху верхнего палеолита. На этот счет есть только туманные догадки (см., напр.: [Старостин, 1990, с. 55 – 56]). Однако возможна ретроспективная экстраполяция по схеме: “если этих слов не было в языке позднего периода, то не могло быть и раньше”. Например, в языке древних греков, достигших высочайшего уровня в разных искусствах, только к VI – V вв. до н.э. появились слова, отличающие художника, работающего на плоскости ($\zeta\omega\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\omicron\varsigma$), от скульптора ($\kappa\eta\rho\omicron\text{-}\pi\lambda\acute{\alpha}\sigma\tau\eta\varsigma$, букв.: создатель восковых фигур). И еще, много позже, у Лукиана художник – $\acute{\epsilon}\rho\gamma\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$ (работник), а у Плутарха Фидий – $\acute{\epsilon}\rho\gamma\omicron\lambda\acute{\alpha}\beta\omicron\varsigma$ (подрядчик). Не отличались разнообразием терминов из области искусств и раннегреческие лирики. У Гомера все люди и события неизменно трактуются как “прекрасные” и “божественные”. Термин “искусство” совершенно одинаково применяется и к ремеслу, от гончарного до ювелирного, и к изящным искусствам, и к любым актам человеческой деятельности и жизни. Не отразилось ли здесь “запаздывание” осознания людьми искусства как особого рода деятельности? После Гомера наступает полуторатысячелетний период античной литературы, где термин “искусство” используется весьма активно. Но насколько широко и неопределенно понимался этот термин и в те времена, видно из того, что его по-прежнему применяют для всех сфер быта, начиная от искусства добывания пищи и кончая магической практикой и предсказаниями. Все это называли одним и тем же словом $\tau\acute{\epsilon}\chi\eta\eta$ (букв.: искусство, ремесло, наука), имея в виду не столько искусство, сколько искусность, т.е. уровень мастерства. Даже когда началось разделение наук, они еще продолжали называться искусствами [Лосев, 1985, с. 294 – 296].

Тем не менее представление о первобытном “творчестве” стало таким же формульным и каноническим, как всеобщая уверенность в том, что “человека создал труд”. Эти формулы насаждались везде, прежде всего в учебниках и поэтому усваивались еще со школьной скамьи без должного критического рассмотрения. При таком подходе к истории труд не только стал главным фактором “в процессе превращения обезьяны в человека”, но и “именно благодаря труду и возникло искусство”. Однако об этом ниже.

Процесс осознания искусства как творчества, как эстетического начала затянулся еще на десятки тысячелетий после того, как были созданы первые пещерные росписи и древнейшие статуэтки. Осознание эстетической стороны искусства впервые отразилось в идеях пифагорейцев (гармония, мера) и в произведениях Гераклита (объективность прекрасного). К более или менее четкому пониманию эстетики (от греч. “чувственный”) античная философия пришла в эпоху “культурного переворота”, а основы были сформулированы еще позднее Платоном и Аристотелем.

Первыми импульсами к изобразительной деятельности были вовсе не эстетические чувства. Стремление что-то изобразить поначалу возникало спонтанно у очень редких, одаренных людей и прежде всего как способ “разгрузки” от стресса, отягощавшего сознание, переполненное яркими и, возможно, навязчивыми зрительными образами (ср.: [Давиденков, 1947, 1975; Хайкин, 1989, 1992]). Художественная одаренность редко совпадает с высоким уровнем физического развития. В древности, по-видимому, эта особенность тоже имела место. На протяжении всего нижнего палеолита жизнь отдельных особей и популяций полностью регулировалась естественным отбором, который, может быть, немного в меньшей степени, но сохранил свою роль и в среднем палеолите, и даже частично в верхнем. В этих условиях, если и появлялись редкие особи с повышенной восприимчивостью образного мышления и способностями к воспроизведению визуальных образов, они не могли устоять перед естественным отбором, который не сохранял людей с неустойчивой психикой. Однако достижения в сфере материальной культуры, технологии и в организации жизни первобытного коллектива привели к тому, что люди стали более успешно противостоят действительности естественного отбора. Он перестал беспощадно выбраковывать людей, физически не способных к сопротивлению неблагоприятным факторам окружающей среды. Поэтому деятельность, связанная больше не с мускульной, технологической, а с духовной, образно-художественной активностью, стала постепенно занимать свое, хотя и небольшое в силу редкости талантливых людей, но вполне законное в формирующемся человеческом обществе место.

Помимо отмеченных выше вопросов о роли психофизиологических факторов в происхождении изобразительной деятельности и о едином информационном пространстве культуры, в котором взаимодействуют и взаимно дополняют друг друга несводимые один к другому “языки” (речь, письменность, музыка, танец и т.д.), а также гипотезы о функциональном подобии формирования “языков” искусства (стилей) процессу образования древних языковых макросемей типа ностратической, сино-кавказской, америндской, могут вызвать споры и другие вопросы.

Хронология первобытного искусства

Для оценки тех изменений, которые произошли в определении возраста произведений первобытного искусства, необходимо оглянуться примерно на 100 лет назад. В начале XX в., во времена молодости А. Брейля, П. Тейяра де Шардена, Г. Обермайера, П.П. Ефименко и др. возможность “привязать” свои находки и наблюдения к какому-либо геологическому пласту

уже считалась большим успехом. К сожалению, ситуация в этой области менялась очень медленно, и вплоть до 60-х гг. основными датированными материалами были предметы мелкой пластики, найденные в том или ином слое, датированном по характеру каменной индустрии. Затем их по особенностям стиля сопоставляли с пещерной живописью и наскальными изображениями.

Разные исследователи (А. Брейль, А. Леруа-Гуран, А.Д. Столяр и др.), пытавшиеся разработать хронологию первобытного искусства, рано или поздно сталкивались с фактами, которые либо противоречили предлагаемым хронологическим схемам, либо не вписывались в них. Думается, что это происходило прежде всего потому, что не учитывалась специфика искусства как социально-психологического феномена, не раскрывались его внутренние механизмы развития. А. Брейль “привязывал” стадии эволюции искусства европейского палеолита к этапам археологической периодизации (ориньяк – граветт – солютре – мадлен), которая отражала совсем другое явление – технологию изготовления каменных орудий.

В хронологической схеме Брейля изобразительные памятники верхнего палеолита были “разнесены” по периодам в соответствии с имевшимися в распоряжении автора датированными данными. В условиях отсутствия каких-либо иных хронологических привязок, кроме макрогеологических наблюдений, Брейль использовал малейшую возможность опереться на стратиграфию. В редких случаях, когда в культурном слое обнаруживались предметы с плоскостными или объемными изображениями, их сравнивали с настенной живописью и графикой, и по особенностям стиля получали, хотя и косвенное, но свидетельство принадлежности настенных изображений определенным периодам. Брейль изучал *in situ* практически все известные при его жизни произведения палеолитического искусства в разных местах мира. Его ученики и сотрудники подсчитали, что, исследуя древнейшие фрески и графику, аббат Брейль провел в подземельях в общей сложности более 700 дней.

Брейлю удалось наметить общую схему периодизации искусства палеолита, значение которой в основных чертах сохранилось и сейчас [Брейль, 1971, с. 40 – 52; Breuil, 1905, 1952, 1957]. Однако какой-либо внутренней типологии изображений он не предлагал. В основе хронологических построений Брейля в неявном виде лежал один из постулатов эволюционной теории Ч. Дарвина: идея развития от простого к сложному. Именно в этом Брейль ошибся. Но вряд ли кто избежал бы подобной ошибки на его месте. Это была ошибка не столько самого Брейля, сколько тогдашнего уровня нашей науки. В то время интуиция исследователя еще не подвергалась таким жестким проверкам, какие вошли в моду в конце 60-х и особенно

в 70-х гг. XX в. Авторитет Брейля был столь велик, что его мнения было достаточно для коллег. К вопросу об эволюции в искусстве мы еще вернемся ниже.

При всей своей приверженности эволюционизму, Брейль видел и отмечал в своих хронологических построениях не только последовательные, но и параллельные линии. Хронологическая схема Брейля долго была общепринятой и почти без изменений просуществовала до второй половины 60-х гг. XX в., т.е. до публикации фундаментального труда А. Леруа-Гурана “Доистория западного искусства” [Leroi-Gourhan, 1995 (1^e ed. – 1965)].

Практически одновременно с М. Рафаэлем и А. Ламен-Эмперер А. Леруа-Гуран провозгласил отказ от этнографического компаративизма и стал искать внутренние закономерности изменчивости в искусстве верхнего палеолита. Не отвергая хронологию Брейля, он писал: “Возможно наступит день, когда к этому методу обратятся, чтобы более точно установить хронологические рамки. На данном этапе я решил отказаться от него... но не для того, чтобы разрушить эту теорию, а чтобы развивать ее дальше” [Ibid, p. 146, 249]. Свою хронологическую систему, основанную на анализе стилей, Леруа-Гуран изложил в публикациях 1960-х гг. [Leroi-Gourhan, 1960, 1964, 1995 (1^e ed. – 1965); Леруа-Гуран, 1971] и затем следовал ей во всех своих работах. В чем основные различия между схемами периодизации Брейля и Леруа-Гурана?

Леруа-Гуран работал над своей концепцией стилей более 20 лет и практически был первым, кто попытался положить в основу периодизации искусства верхнего палеолита какую-то внутреннюю логику изменчивости изобразительных приемов. Это было его главным достижением, но здесь же кроется и главное противоречие в схеме Леруа-Гурана, на которое пока никто не обращал внимания. Его суть состоит в следующем. С одной стороны, Леруа-Гуран попытался выявить внутренние закономерности изменчивости выразительных средств в искусстве палеолита и представил их в виде последовательности четырех стилей, с другой – каждый из них оказался “привязанным” все к той же технологической периодизации верхнего палеолита (ориньяк – граветт – солютре – мадлен). Если стилистические особенности действительно связаны с реально существовавшими этапами в истории древнейшего искусства, то нужно было либо показать причины совпадения последних с этапами развития каменной индустрии, либо предложить иную периодизацию. Но ни того, ни другого Леруа-Гуран не сделал.

Позднее, в ответ на критические замечания в свой адрес, он признавал необходимость “коррекции” хронологических рамок своей схемы, однако считал, что общее развитие палеолитического искусства от сти-

ля I к стилю IV отвечает реальности, поскольку эта схема построена на датировках предметов мелкой пластики [Leroi-Gourhan, 1992, p. 189], т.е. фактически на тех же основаниях, что и у Брейля. Другим слабым местом периодизации Леруа-Гурана было то, что, пользуясь понятием “стиль”, он так и не раскрыл его точного смысла, а это делало уязвимой его схему с точки зрения обоснованности. Еще одной особенностью периодизации Леруа-Гурана была ее линейность.

Как отметил М. Лорбланше, стили А. Леруа-Гурана “гармонически следуют один за другим, хотя могли быть и некоторые незначительные наложения в пространстве и времени” [Lorblanchet, 1995, p. 87]. Этот вопрос представляется очень важным. Каким бы эволюционистом ни казался Брейль, блестящее знание материала постоянно приводило его к необходимости отмечать в одних и тех же пещерах разновременные изображения. Поэтому в его схеме названия одних и тех же пещер постоянно повторяются в разных хронологических подразделениях. Это вполне естественно.

Несколько иначе у Леруа-Гурана. В его хронологических этапах-стилях повторения очень редки. Это тоже понятно, если вспомнить, что Леруа-Гуран видел в последовательности фигур зверей, нарисованных на стенах пещер, не нагромождение разновременных изображений, а определенные “семантические структуры”. Думается, что пока не вполне ясно, где эти “структуры” реальны и выведены из дистрибутивной статистики расположения самих фигур, а где спроецированы на стены пещер интеллектом исследователя. Но так или иначе, хронологическая схема стилей-периодов Леруа-Гурана выглядит более последовательной (в буквальном смысле) и линейной, чем периодизация Брейля. На протяжении почти 30 лет, вплоть до появления серийных абсолютных датировок, стилистическая периодизация Леруа-Гурана была практически общепринятой.

После того как новая технология AMS позволила датировать непосредственно пещерную живопись, оказалось, что многие изображения не вписываются в стилистическую хронологию Леруа-Гурана. Так, по его схеме, “черные рисунки” в пещере Шове (около 32 тыс. л.н.) должны были бы относиться к дофигуративной стадии. На самом же деле они не просто фигуративны, а демонстрируют такой уровень художественности, который, по Леруа-Гурану, характерен для мадлена (на 14 – 15 тыс. лет позднее). Примерно такое же расхождение обнаружилось и в основной массе датированных изображений в пещерах Коске, Куньяк и Пеш-Мерль. Живопись в пещере Гаргас, помещенная в схему Леруа-Гурана между стилями II и III, оказалась древнее примерно на 8 тыс. лет – для нее получена дата $26\ 820 \pm 420$ тыс. л.н. Вместе с тем необходимо отметить, что многие другие

абсолютные даты изображений, особенно в кантабрийских пещерах, вполне согласуются с хронологией Леруа-Гурана.

Под впечатлением приведенных выше дат, как будто бы разрушающих стройную и последовательную схему Леруа-Гурана, М. Лорбланше и П. Бан поставили вопрос о “несостоятельности стилистических хронологий”. В 1992 г. на II Конгрессе AURA (Австралийской Ассоциации исследователей наскального искусства) был организован специальный симпозиум, доклады которого представлены в книге с многозначительным названием “Исследования наскального искусства: постстилистическая эра или куда мы от нее пойдём?” [Rock Art Studies..., 1993]. После открытия живописи в пещере Шове критика хронологических схем, построенных на анализе стиля, усилилась. Думается, что в пылу полемики коллеги несколько увлеклись. Сам факт наличия стилистических особенностей искусства эпохи верхнего палеолита (как, впрочем, и других эпох) давно никто не отрицает. У Леруа-Гурана не было необходимости в формализованном подходе к их описанию и определению. А формализовать особенности стиля не так уж сложно [Lumley, 1968; Smits, 1993; Шер, 1977; и др.].

В расхождениях между радиоуглеродными и стилистическими датировками, скорее всего, отразилось уже упомянутое выше противоречие в схеме Леруа-Гурана: стилистическая изменчивость соотносилась с периодизацией, выстроенной по изменениям в технологии каменных индустрий. Если отказаться от такой привязки, которая для Леруа-Гурана была вынужденной, то накопление абсолютных дат в сочетании с уточненными описаниями стиля позволит построить намного более точную стилистическую классификацию. И даже если она не совпадет со схемой Леруа-Гурана, его приоритет в самом подходе к анализу стиля как к совокупности выразительных средств, отражающих изменения во времени, останется незыблемым.

Косвенное подтверждение этому можно видеть в исследованиях, посвященных периодизациям искусства последующих эпох – мезо- и неолита, бронзы и раннего железа. Везде преобладают те же самые методы абсолютного и относительного датирования. Только для изображений железного века возможны дополнительные основания, если эти изображения обнаруживаются вместе с монетами или с узко датированными предметами импорта из очагов мировых цивилизаций. Но независимо от точности абсолютных и относительных дат, во всех периодизациях явно или неявно используются особенности стиля изучаемых изображений или их семантические характеристики.

Для обсуждения можно предложить вопросы:

1. *Следует ли считать правомерным принцип периодизации первобытного искусства (в частности, искусства эпохи верхнего палеолита) по эта-*

пам изменения человеческой деятельности в других сферах (технологической, экономической, социальной и т.п.) или необходимы поиски особых оснований для периодизации, непосредственно связанных с духовной культурой?

2. *Нужна ли для хронологических построений типологическая классификация изобразительных памятников, и если “да”, то на чем, кроме стилистики и семантики, она может быть основана?*

Искусство и труд

На протяжении последних 70 лет в отечественных исследованиях по истории первобытной культуры основное внимание уделялось развитию труда и социальной организации. Другие направления деятельности, в т. ч. и относящиеся к духовной культуре, считались как бы вторичными, производными от труда и общественных отношений. Этот подход соответствовал основополагающим принципам марксизма и неявным образом продолжает существовать и сейчас. Формула “человека создал труд” оказалась намного более жесткой, чем у самого Ф. Энгельса. На самом деле он высказывался не столь категорично, как те его последователи, которые упрощали позицию Энгельса. Из известной цитаты “труд создал самого человека”, как правило, опускались предшествующие ей слова “в известном смысле”. Двумя страницами дальше Энгельс писал: “Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг” [1949, с. 135]. А.А. Леонтьев отметил некоторые несоответствия русского перевода “Роли труда...” оригинальному немецкому тексту. В русском переводе: “Формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим” [Там же, с. 134]. У Энгельса: “Die werdenden Menschen kamen dahin, dass sie einander *etwas zu sagen* hatten” – “Формирующиеся (становящиеся) люди пришли к тому, что у них появилось что сказать друг другу”. Слова “потребность” здесь нет (цит. по: [Леонтьев, 1972, с. 136 – 139]). В ряде других публикаций Маркс и Энгельс практически во всех случаях, когда они касаются вопроса об антропогенезе, наряду с трудом упоминают речь, язык. В книге “Происхождение семьи, частной собственности и государства” Энгельс подчеркивал: “Главное достижение этого периода (дикости. – Я.Ш.) – возникновение членораздельной речи” [1980, с. 24].

После выхода в свет “Краткого курса истории ВКП(б)”, в IV главе которого язык не упоминался, о нем в этой связи вообще забыли. Правда, были иногда редкие исключения, но не среди историков (напр.: [Фабри, 1976, с. 280]). Позднее сам Сталин “исправился”*, но в целом почти во всех публикациях, посвященных первобытной эпохе, в основном речь шла об изучении орудий и средств труда. Происхождение языка большинство специалистов по истории первобытной культуры тоже связывало с трудом (или, во всяком случае, писало так). По мнению многих, в русле индустриального труда с начала антропогенеза развивалось и искусство как “непосредственно материальный генезис идей в единстве с их вещественным воплощением” [Столяр, 1985, с. 263]. Мне уже приходилось высказывать свою точку зрения по данному вопросу [Шер, 1995, 1997б; Первобытное искусство, 1998; и др.], поэтому повторю очень кратко.

До появления хабилиса “труд” ранних гоминидов ничем не отличался от подобных же действий вышших обезьян и других животных, птиц и даже насекомых. Это был труд инстинктивный, генетически запрограммированный и однообразный. Одни и те же действия, без изменений каждое поколение австралопитеков повторяло почти 3 млн лет. Хабилис начал раскалывать гальки для получения сколов с острыми краями. В отличие от австралопитека, который после употребления бросал свои “орудия труда”, хабилис стал носить их с собой. Мысль о том, что орудие может понадобиться в будущем, можно считать первым шагом к сознательной трудовой деятельности. Однако еще более 1 млн лет, отделяющих хабилиса и эректуса от неандертальца, заметных прогрессивных изменений в их технологии не наблюдается. Я не могу спорить с коллегами, специалистами по палеолиту, которые считают мустьерскую технологию обработки камня вполне осознанным трудом. Да и не все специалисты разделяют эту мысль. Ведь даже в Восточном Средиземноморье, там, где обитал т. н. прогрессивный неандерталец, мустьерская индустрия практически остановилась на уровне леваллуазской техники и оставалась таковой более 15 тысячелетий [Solecki, 1963]. Если бы эта индустрия создавалась вполне осознанно, вряд ли она могла бы 15 тыс. лет оставаться без прогрессивных изменений. Хотелось бы также обратить внимание на то, что мы пока не располагаем достаточно четкими критериями

осознанности трудовых действий. Можно говорить о двух видах технологий изготовления орудий: деструктивной (весь нижний и почти весь средний палеолит) и конструктивной, которая полностью восторжествовала только в эпоху верхнего палеолита. Первая включает в себя разные способы раскалывания камня и изготовления орудий из отщепов. Если орудия делали из таких материалов, как кость, дерево или рога, то тоже применялась деструктивная технология. Вторая – конструктивная технология – состоит в изготовлении орудий из двух или более заранее подготовленных частей. В этом случае нет никаких сомнений в том, что прежде чем сделать какое-то орудие (например, каменный топор, привязанный к рукоятке), человек уже “создал” его в своем сознании и в своей работе следовал этой мысленной модели. Такая трудовая деятельность, несомненно, сознательная. Однако конструктивная технология появляется только в верхнем палеолите. Правда, есть редчайшие наблюдения над следами сработанности мустьерских орудий, которые позволяют предположить, что орудие было составным: ударная часть и рукоятка [Anderson-Gerfaud, Helmer, 1987; Beyries, 1987]. Однако это, как, например, и “статуэтка” из Берехат-Рам, может быть скорее факт типа “забегания вперед” [Vishnyatsky, 1994], чем свидетельство перехода к уже устоявшейся и распространенной конструктивной технологии.

Несомненно, изобразительная деятельность так же, как и орудийная, является одной из разновидностей труда. Обе появились в результате формирования некоторых общих нейрофизиологических процессов, создающих замкнутую нейронную цепь между определенными центрами головного мозга, отвечающими за точные действия рук, и исполнительным органом. Для изобразительной деятельности нужны действия намного более точные, чем для орудийной. Исходя из этого, а также учитывая особенно важное для художника образное мышление, можно предположить, что изобразительная деятельность исторически моложе, чем орудийная, но оба вида деятельности принадлежат к единому информационному полю культуры. Это подтверждается, хотя и косвенными, но очень интересными наблюдениями Г. Хьюза над т. н. языковой и трудовой грамматикой.

Изучая “язык” жестикуляции у приматов, Хьюз пришел к выводу, что существует глубинная связь между речью и орудийной деятельностью или, как он ее называет, технологией. Проверка этой гипотезы на людях с мозговыми травмами показала, что нарушения речи при некоторых травмах совпадают с нарушениями в инструментальной деятельности. Некоторые формы афазии носят “синтаксический” характер, т.е. больной помнит и узнает слова, но не может связать их в некую грамматически правильную последо-

* “Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить свое мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время” [Сталин, 1950, с. 46].

вательность; и этот же больной сохраняет способность брать и удерживать в руках предметы, но испытывает затруднение в связывании действий в некую разумную последовательность. Иными словами, некая “грамматика” позволяет создавать упорядоченные последовательности и символов, и трудовых действий. «Можно думать, что эта фундаментальная способность к овладению и использованию сложных и структурированных последовательностей, проявляющихся в операциях с орудиями труда, в языке жестов, а позднее – в речи, и есть “глубинная структура” Хомского и что в длительном процессе гоминизации наиболее важным было именно эволюционное развитие такого рода синтаксических способностей, а не отдельные достижения в технологии и овладении языком» [Hewes, 1975] (цит. по: [Линден, 1981, с. 66]). *Это тоже один из спорных вопросов, который заслуживает обсуждения.*

Первобытное искусство, эволюция и прогресс

Почему до сих пор не удалось создать типологическую классификацию искусства самого длительного периода в истории человечества – эпохи верхнего палеолита? Конечно, отдельные искусственные пространственно-временные классификации есть, и они помогают в работе. Но если попытаться представить себе идеальную “естественную” типологию изобразительных памятников первобытного искусства, то в ней должны были бы отразиться такие группы или типы изображений, которые так же, в виде тех же совокупностей, связанных общими признаками, воспринимались бы их создателями или современниками и сменяли бы друг друга во времени и пространстве. Примерно так, как мы различаем в изобразительном искусстве нового времени академизм, классику, импрессионизм, фовизм и т.д. Также очевидна и привычна для нас изменчивость искусства во времени и пространстве: от античного к средневековому романскому и далее – готика, ренессанс, барокко, рококо и т.д. Мы легко отличаем европейское искусство от китайского, японского и т.п., а внутри каждого из них есть свои этапы эволюции. Но представим себе, что из многих тысяч изобразительных памятников средних веков и Нового времени только 1/1000 их часть имеет более или менее точные даты. Могла ли при таком условии быть построена пространственно-временная классификация? Вряд ли.

Очень много усилий приложили разные исследователи в поисках свидетельств какой-то эволюции в первобытном искусстве: от простого к сложному (А. Брейль), от одного стиля к другим (А. Леруа-Гуран), от “натурального макета” к рельефу, графике и живо-

писи (А. Столяр). Ни одна из этих попыток не дала ожидаемого результата, хотя и по разным причинам. Однако общей причиной неудач в создании типологии первобытного искусства является отсутствие достаточного количества абсолютных дат. На сегодняшний день наберется не более сотни изображений пещерной живописи и пластики верхнего палеолита, имеющих абсолютные даты. А всего их сейчас известно несколько тысяч.

Вряд ли следует рассчитывать на обнаружение “естественной” типологии, по крайней мере, в ближайшие 20 – 30 лет. Тем более что всякая классификация в большей или меньшей степени условна. Поэтому нужно откровенно признать, что любая, самая “естественная” и “историческая” типология памятников древнейшей изобразительной деятельности будет в той или иной мере искусственной. Например, все древние изображения можно разделить сначала на три большие группы: плоскостные, рельефные и объемные. Плоскостные, в свою очередь, подразделяются на живопись и графику, а далее можно выделить фигуративную живопись или графику и абстрактную. Попытки “привязаться” при помощи типологических классификаций к хронологии памятников и каким-то образом упорядочить их во времени, как это становится ясно сейчас, оказались малопродуктивными. Все предположения о том, что была какая-то эволюция в технике воспроизведения изображений (например, сначала рельеф, потом гравюра и затем живопись), не оправдались хотя бы уже потому, что еще “вчера” самыми древними считались блестящие полихромные росписи в пещере Шове (32 тыс. л.н.), а уже “сегодня” стали известны “палочки” охры из Южной Африки (найлены близ Кейптауна), покрытые резным сетчатым узором, с абсолютной датой 77 тыс. л.н. (см. в Интернете: nature.com/nsu/020107/020107-11.html). Правда, пока неясно, каким методом получена дата, и вообще данный факт нуждается в подтверждении.

В этой связи возникает вопрос: на обнаружение какой эволюции в искусстве можно вообще рассчитывать? В отличие от орудийной деятельности, в которой прогресс прямым образом зависит от изменений технологии, в искусстве подобные законы прогрессивного развития вообще не действуют. И отчасти поэтому настоящее искусство, в отличие от технологии, никогда не устаревает. Меняются и усложняются (или, наоборот, упрощаются) только материальные носители образов и технические средства их воспроизведения. По мере исторического развития могут изменяться внешняя оболочка семантических элементов, выразительные приемы, но главная суть искусства как средства образного воплощения универсальных общечеловеческих духовных ценностей не меняется с момента его возникновения.

1

2

Рис. 6. “Коррида”.

1 – Франция, пещера Ляско; 2 – Казахстан, Тамгалы.

Конечно, со временем в репертуаре первобытного искусства появляются новые сюжеты, порожденные развитием цивилизации, но, как правило, они продолжают свою “жизнь” и в искусстве последующих эпох. Например, сюжет единоборства человека

с быком возник, по-видимому, в мадленскую эпоху (рис. 6), но в том или ином воплощении существовал до средневековья, а в виде корриды сохранился до наших дней. Сюжет ряженого антропоморфа ведет свою известную на сегодня историю от изобра-

1

2

Рис. 7. Бык и женщина. Франция, пещера Шове.
1 – петроглиф; 2 – прорисовка (по: [La Grotte Chauvet, 2001, p. 168 – 170]).

жений типа Труа-Фрер, продолжает бытовать в мезо- и неолите, во все последующие эпохи и не исчезает до современности (карнавал, рождественские колядки и т.п.). Семантическая пара “бык – женщина” существует с верхнего палеолита (рис. 7) до античности и позднее, “лучник – зверь” (охота или жертвоприношение) – от мезолита до средневековья (а если лук заменить современным оружием, то и до нашего времени). Сюжет “всадник на коне” известен с середины II тыс. до н.э. до современности. Количество подобных примеров можно умножить. Некоторые из этих сюжетов могут быть соответствующими “реперами” для определения нижней даты: лук и стрелы – не ранее финальной фазы верхнего палеолита или мезолита, всадник или колесница – не раньше середины эпохи бронзы и т.п., но для верхних дат основания очень зыбки (исключение составляют изображения животных мамонтовой фауны, которые не могут датироваться позднее верхнего палеолита).

В связи с этим в данной статье нет попыток ни предложить какую-то “новую” типологию палеолитического искусства, ни присоединиться к какой-либо из “старых”. Ведь сама по себе типология не нужна. Она бывает необходима для каких-то определенных исследовательских задач. Думается, что для целей археологического изучения первобытного искусства вполне можно обойтись упомянутыми

выше искусственными типологиями и подразделением всех изображений на две очевидные группы – фигуративные и абстрактные. К первым относятся изображения, в которых легко распознаются люди, животные, птицы, рыбы, зоо- и антропоморфные существа, ко вторым – знаки, не имеющие очевидной семантической трактовки, хотя иногда она может быть вполне вероятной (например, знаки женского пола). Когда накопится достаточное количество абсолютных дат, можно будет попытаться построить “естественную” типологию.

Вопросы для обсуждения:

1. Возможно ли построение какой-либо естественной типологии первобытного искусства, и если “да”, то на какой основе?

2. Подчиняется ли искусство законам прогрессивного развития, и если “да”, то каковы объективные проявления этого?

Список литературы

- Бехтерев В.М.** Объективная психология. – М.: Наука, 1991. – 480 с.
Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. – М.: Изд-во АН СССР, 1953.
Брейль А. Запад – родина великого наскального искусства // Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1971. – С. 40 – 52.

- Вишняцкий Л.Б.** Обзор основных гипотез о происхождении искусства // *Первобытное искусство*. – Кемерово: Никалс, 1998. – С. 24 – 28.
- Вишняцкий Л.Б.** “Верхнепалеолитическая революция”: география, хронология, причины // *Stratum plus. Культурная антропология. Археология*. – 2000. – № 1. – С. 245 – 271.
- Гусев В.Е.** Эстетика фольклора. – Л.: Наука, 1967. – 213 с.
- Давиденков С.Н.** Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. – Л.: Медгиз, 1947. – 217 с.
- Давиденков С.Н.** Психофизиологические корни магии // *Природа*. – 1975. – № 8. – С. 68 – 72.
- Зарубин Л.А.** Сходные изображения Солнца и зорь у индоарийцев и славян // *Советское славяноведение*. – 1971. – № 6. – С. 41 – 49.
- Козинцев А.Г.** Связи между коллективами позднплейстоценовых гоминид: единство и многообразие в процессе сапиентации // *Динамика культурных традиций: механизм передачи и формы адаптации*: Тез. докл. симпозиума по теме гранта “Культурные трансляции и исторический процесс”. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993. – С. 4 – 6.
- Леонтьев А.А.** Проблемы глоттогенеза в современной науке // *Энгельс и языкознание*. – М.: Наука, 1972. – С. 129 – 141.
- Леруа-Гуран А.** Религии доистории // *Первобытное искусство*. – Новосибирск: Наука, 1971. – С. 81 – 90.
- Линден Ю.** Обезьяны, человек и язык. – М.: Мир, 1981. – 272 с.
- Лосев А.Ф.** Древнегреческий термин “teghne” в доплатоновский период античной эстетики // *Проблемы изучения культурного наследия*. – М.: Наука, 1985. – С. 282 – 311.
- Первобытное искусство** / Под ред. Я.А. Шера. – Кемерово: Никалс, 1998. – 209 с.
- Пермяков Г.Л.** От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). – М.: Наука, 1970. – 271 с.
- Пропп В.Я.** Фольклор и действительность. – М.: Наука, 1976. – 322 с.
- Рождественский Ю.В.** Что такое “теория клише”? // *Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише)*. – М.: Наука, 1970. – С. 238 – 265.
- Рыбаков Б.А.** Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 606 с.
- Сталин И.В.** Марксизм и вопросы языкознания. – М.: Госполитиздат, 1950. – 76 с.
- Старостин С.А.** Как говорили в палеолите? // *Наука и человечество*. – М.: Знание, 1990. – С. 55 – 56.
- Столяр А.Д.** Происхождение изобразительного искусства. – М.: Искусство, 1985. – 298 с.
- Топоров В.Н.** К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями // *Славянское и балканское языкознание: Проблемы интерференции и языковых контактов*. – М.: Наука, 1975. – С. 3 – 49.
- Утченко С.Л., Ковалев С.И.** Античность // *Советская историческая энциклопедия*. – М.: Сов. энцикл., 1961. – Т. 1. – С. 615 – 625.
- Фабри К.Э.** Основы зоопсихологии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 287 с.
- Филиппов А.К.** Происхождение изобразительного искусства. – СПб.: Академ-Принт, 1997. – 103 с.
- Хайкин Р.Б.** Художественное творчество глазами врача // *Природа*. – 1989. – № 4. – С. 40 – 49.
- Хайкин Р.Б.** Художественное творчество глазами врача. – СПб.: Наука, 1992. – 232 с.
- Чистов К.В.** Фольклор // *Советская историческая энциклопедия*. – М.: Сов. энцикл., 1974. – Т. 15. – С. 231 – 237.
- Чистякова Н.А.** Исторические типы античной художественной культуры // *Античность как тип культуры*. – М.: Наука, 1988. – С. 105 – 110.
- Шер Я.А.** Алгоритм распознавания стилистических типов в петроглифах (к теории стиля в первобытном искусстве) // *Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях*. – М.: Наука, 1977. – С. 127 – 143.
- Шер Я.А.** “Господин коней” на берегу Енисея // *Петербургский археологический вестн.* – 1993. – № 6. – С. 17 – 22.
- Шер Я.А.** Роль искусства в процессе превращения гоминида в человека // *Невербальное поле культуры*. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1995. – 187 с.
- Шер Я.А.** Петроглифы – древнейший изобразительный фольклор // *Наскальное искусство Азии*. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997а. – Вып. 2. – С. 28 – 35.
- Шер Я.А.** Происхождение искусства: одна из возможных гипотез // *Вестн. древней истории*. – 1997б. – № 1. – С. 3 – 14.
- Шер Я.А.** Асимметрия, антропогенез, искусство // *Международная конференция по первобытному искусству: Тез. докл.* – Кемерово: Никалс, 1998. – С. 13 – 17.
- Шер Я.А.** Первобытное искусство: факты, гипотезы, методы и теория // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2000. – № 2. – С. 77 – 87.
- Энгельс Ф.** Диалектика природы. – М.: Госполитиздат, 1949. – 326 с.
- Энгельс Ф.** Происхождение семьи, частной собственности и государства. – М.: Госполитиздат, 1980. – 237 с.
- Эйбл-Эйбесфельд И.** Биологические основы эстетики // *Красота и мозг*. – М.: Мир, 1995. – С. 29 – 73.
- Эфроимсон В.П.** Генетика этики и эстетики. – М.: Талисман, 1995. – 288 с.
- Anderson-Gerfaud P., Helmer D.** L'emmanchement au moustérien // *La main et l'outil. Manches et emmanchements préhistoriques: Table Ronde C.N.R.S. tenue a Lyon du 26 au 29 novembre 1984 sous la direction de D. Stordeur*. – P.: De Boccard, 1987. – P. 37 – 54. – (Travaux de la Maison de l'Orient; N 15).
- Beyries S.** Quelques exemples de stigmates d'emmanchements observés sur des outils du paléolithique moyen // *La main et l'outil. Manches et emmanchements préhistoriques: Table Ronde C.N.R.S. tenue a Lyon du 26 au 29 novembre 1984 sous la direction de D. Stordeur*. – P.: De Boccard, 1987. – P. 55 – 60. – (Travaux de la Maison de l'Orient; N 15).
- Borell B.** Attisch geometrische Schalen. – Mainz: Philipp von Zabern, 1978. – 237 p.
- Breuil H.** L'évolution de la peinture et de la gravure sur murailles dans les cavernes ornées de l'âge du Renne // *Congrès préhistorique de France*. – Périgueux: Pilot édition, 1905. – P. 13 – 29.
- Breuil H.** Quatre cents sciècles d'art pariétal. – Montignac: Dordogne, 1952. – 311 p.
- Breuil H.** L'Occident, patrie du grand art rupestre. – Lisboa: Cadosa, 1957. – 41 p.
- Davison J.M.** Attic geometric Workshops // *Yale classical studies*. – 1961. – Vol. 16. – P. 41 – 84.

- Elkins J.** On the Impossibility of Close Reading. The Case of Alexander Marshak // *Current Anthropology*. – 1996. – Vol. 37, N 2. – P. 185 – 226.
- Furtwängler A.** Griechische Vasen des s.g. geometrischen Stils // *Archäologische Zeitung*. – 1886. – Bd. 43. – S. 99 – 114.
- Goren-Inbar N.** A figurine from the Acheulian site of Berekhat Ram // *Mi'Tekufat Ha'Even*. – 1986. – Vol. 19. – P. 7 – 12.
- Gray D.** Seewesen. – Göttingen: Brill, 1974. – 117 S. – (Archaeologia Homeric; Bd. G).
- Hewes G.W.** The origine of Language. – Londres: Mouton, 1975. – Vol. 1. – 273 p.
- Hodgson D.** Art, perception and information processing: an evolutionary perspective // *Rock Art Research*. – 2000. – Vol. 17, N 1. – P. 3 – 18.
- Kubler K.** Die Nekropole des X bis VIII Jahrhunderts. – Berlin: Akademische Verlag, 1954. – Bd. 1. – 344 S.
- La Grotte Chauvet: L'Art des origins /** M. Arnold, N. Aujoulat, D. Baffier, J. Clottes, E. Debard, J.J. Delannoy, J. Evin, V. Feruglio, Ph. Fosse, C. Ferrier, C. Fritz, M.-A. Garica, B. Gely, J.-M. Geneste, M. Girard, C. Guerin, B. Kervazo, Y. Le Guillou, F. Maksud, Ph. Morel, C. Oberlin, C. Packer, Y. Perriette, M. Philippe, J. Robert-Lamblin, F. Rouzaud, J.-L. Schefer, N. Tiznerat, G. Tosello, H. Valladas. – P.: Seuil, 2001. – 225 p.
- Langdon S.** The Return of the Horse-Leader // *American Journal of Archaeology*. – 1989. – Vol. 93, N 2. – P. 185 – 201.
- Leroi-Gourhan A.** Problèmes artistiques de la Préhistoire // *L'information d'histoire de l'Art*. – 1960. – 5e année, N 2. – P. 39 – 45.
- Leroi-Gourhan A.** Les religions de la Préhistoire. – P.: RUF, 1964 (2e éd. – 1971). – 155 p.
- Leroi-Gourhan A.** Réflexions de méthode sur l'art Paléolithique // *L'art pariétal: Langage de la Préhistoire*. – Grenoble: Jerome Millon, 1992. – P. 183 – 201.
- Leroi-Gourhan A.** Préhistoire de l'Art occidental. – P.: Mazenod, 1995 (1e éd. – 1965). – 621 p.
- Lorblanchet M.** Les grottes ornées de la prehistoire. Nouveaux regards. – P.: Editions France, 1995. – 288 p.
- Lumley H. de.** Proportions et constructions dans l'art paléolithique: le bison // *Simposio International de Arte rupestre*. – Barselona: Instituto de prehistoria y arqueologia, 1968. – P. 123 – 145.
- Pernice E.** Untersuchungen zur antiken Toreutik // *Jahreshefte der Osterreichischen Archäologischen Institutes*. – 1904. – Bd. 8. – S. 157 – 171.
- Rock Art Studies: The post Stylistic Era or Where do we go from here? /** Eds. M. Lorblanchet, P. Bahn. – Londres: Oxbow, 1993. – 215 p.
- Sandars N.K.** The Sea Peoples: Warriors of the ancient Mediterranean. – L.: Thames and Hudson, 1978. – 311 p.
- Solecki R.** Prehistory in the Shanidar Valley, Northern Iraq // *Science*. – 1963. – Vol. 139, N 1551. – P. 179 – 193.
- Sher Ja.A.** Origines naturelles de l'activité plastique // *Pétroglyphes d'Asie Centrale: résumés des communications*. – P.: UNESCO, 1995. – P. 14 – 16.
- Sher Ja.A.** Les origines de l'art: une hipotèse, état de la question // *Bulletin de la Société Préhistorique Française*. – 1998. – N 4. – P. 457 – 465.
- Smits L.G.A.** Rock Paintings in Lesoto: Form Analysis of Subject Matter in Ha Baroana // *Rock Art Studies: The post Stylistic Era or Where do we go from here? /* Eds. M. Lorblanchet, P. Bahn. – Londres: Oxbow, 1993. – P. 127 – 142.
- Tanabe K., Hori A., Hayashi T., Miyashita S., Ishida K.** Studies in the Urartian bronze objects from Japanese collections // *Bulletin of the Ancient Orient Museum*. – 1982. – Vol. 4. – P. 17 – 31.
- Vidal P.** L'Art rupestre in péril. – Périgueux: Pilot édition, 2001. – 127 p.
- Vishnyatsky L.B.** "Running ahead of time" in the development of Palaeolithic industries // *Antiquity*. – 1994. – Vol. 68. – P. 134 – 140.
- Wiesner J.** Fahren und Reiten. – Gottingen: Brill, 1968. – 113 S. – (Archaeologia Homeric; Bd. I, F).

Материал поступил в редколлегию 22.01.02 г.

УДК 903.27

А.-П. Франкфор¹, Э. Якобсон²¹Институт археологии и этнологии, Франция*Maison d' Archéologie et Ethnologie*

21, allée de Université, 92023 Nanterre cedex France

E-mail: francfort@mae.u-paris10.fr

²Университет штата Орегон, исторический факультет, США

Department of Art History, University of Oregon

Eugene, OR 97403 – 5229, USA

E-mail: ejacobs@oregon.uoregon.edu

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПЕТРОГЛИФОВ СЕВЕРНОЙ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Введение

Научное направление, связанное с изучением образов, запечатленных на камне, – сравнительно молодое, но, тем не менее, вполне заслуживает почтительного к себе отношения. Литература почти по всем аспектам документации, датирования, а также интерпретации источников весьма обширна и продолжает увеличиваться количественно. Профессиональные общества, связанные с исследованием искусства, увековеченного на скальных выходах и отдельных камнях, немногочисленны, но они обрели надежную государственную поддержку, что нашло отражение в публикации ряда серийных изданий (“Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства (САИПИ)”, журнал Австралийской и международной ассоциации исследователей наскального искусства (AURA) и “Международный информационный бюллетень по наскальному искусству (INORA)”). В странах Запада обсуждение всех аспектов такого искусства ведется в рамках международных контактов. Открытие, а также изучение памятников подобного рода археологами (профессионалами и любителями) обеспечиваются совместным финансированием, организованным лицами, ответственными за международные связи деятелей науки и культуры. Такие усилия оказались плодотворными. Несмотря на то что археологи, которые ведут раскопки, все еще не считают работу, связанную с изучением наскальных изображений,

занятием истинно научным и не усматривают в ней особо значимых достижений по сравнению с тем, чего достигли культурологи, а также искусствоведы, все же становятся заметными перемены, равносильные началу восприятия петроглифики как важной сферы научной деятельности. Так, научно обоснованные выводы по палеолитическому пещерному искусству (*pariétal art*) были восприняты во Франции с полным удовлетворением (см.: [Leroi-Gourhan, 1971; Lorblanchet, 1999; Groupe de Réflexion sur l’Art Pariétal Paléolithique, 1993]). Некоторые исследователи петроглифов пытаются использовать методы, с помощью которых геологи и географы устанавливают истинность выявленных фактов и определяют их возраст. Многие из таких попыток предпринимались под воздействием публикаций Т. Луи и Р.И. Дорна, создателей хронометрических методов. Их достижения в этом плане пока остаются интригующими, но отнюдь не безоговорочными (библиографию и дискуссию см.: [Dorn, 2001]). Следует отметить, что во многих странах Запада искусствоведы не склонны включать изучение образов, запечатленных на камне, в круг своих научных интересов.

Иначе, чем на Западе, сложилась ситуация в России, Монголии и странах Средней Азии, где исследование петроглифов давно стало частью работ археологов. С начала организации в Советском Союзе исследований наскального искусства их включили в сферу деятельности институтов археологии и этно-

графии. Такой шаг был встречен с пониманием и одобрением в учреждениях, связанных по тематике с классическим искусствоведением. С ними-то и начали сотрудничать археологи. Яркий пример – Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург, Россия). Более того, в рамках советской концепции гуманитарных наук археологи, ведущие раскопки, и исследователи петроглифов должны были совместно изучать материальную культуру. Чтобы максимально подкрепить весомость своих выводов, и те и другие обращались также к этнографическим материалам.

Объединению тех, кто изучал петроглифы и вел раскопки, способствовали новостройки в Сибири. Сооружение там гидроэлектростанций требовало спасения в зонах затопления памятников старины, в т.ч. и объектов с петроглифами. Несомненным лидером в их сохранении был выдающийся сибирский археолог А.П. Окладников. Еще до того как он стал директором Института истории, филологии и философии СО АН СССР (позднее из него выделился широко известный ныне Институт археологии и этнографии СО РАН), А.П. Окладников руководил несколькими экспедициями по изучению памятников наскального искусства Ангары и Енисея. Его интерес к памятникам такого рода (в т.ч. и тем, существованию которых ничто не угрожало) привел к тому, что исследования петроглифов, а также каменных изваяний стали неотъемлемой и важной частью изысканий сибирских археологов. Среди наиболее активных исследователей первобытного искусства М.А. Дэвлет, В.Д. Кубарев, А.И. Мартынов, В.И. Молодин, В.Н. Пяткин, Я.А. Шер, а также М. Худжаназаров, А.Н. Марьяшев, В.А. Ранов, К. Ташбаева, З. Самашев и др.

Современные ученые Запада до недавних пор не знали, что на территории Северной, Центральной и Средней Азии сконцентрированы богатейшие комплексы наскального искусства, изучению которых в советской археологии и этнографии всегда придавалось большое значение. Одна из причин – языковой барьер. В странах Запада научные дискуссии ведутся почти исключительно на английском и французском языках, поскольку ими владеют большинство ученых. Как правило, они не знают ни русского языка, ни каких-либо других, на которых издаются материалы, связанные с петроглифами и каменными изваяниями Северной, Центральной и Средней Азии. И наоборот, советские археологи, изучавшие наскальное искусство, не владели европейскими языками настолько, чтобы свободно общаться с коллегами на Западе и плодотворно решать с ними общие научные проблемы. До относительно недавнего времени этот языковой барьер сводил обмен научной информацией к минимуму. К тому же как раз тогда, когда советские ученые стали изучать комплексы наскальных изображений Советского Союза и Монголии, научное сообще-

ство большей части стран Европы было изолировано от них вследствие известной политической обстановки. Кроме того, экономическая ситуация сдерживала обмен научной литературой. К сожалению, этот языковой барьер все еще остается.

Исключением из правила стало издание серии работ по наскальному искусству на французском (почти все) и английском, немецком и русском языках в “Ученых записках французской археологической миссии в Центральной Азии” (печатались начиная с 1994 г. в томах под номером V под редакцией Я.А. Шера и А.-П. Франкфора). В частности, были опубликованы работы, посвященные петроглифам Южной Сибири (Хакасии: [Sher et al., 1994; Blednova et al., 1995; Francfort, 1995; Martin, 1995]; Алтая: [Kubarev, Jacobson, 1996]) и Центральной Азии (Монголии: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001; Jacobson, Meacham, 2001]). Материалы же, опубликованные на русском языке, трудно, а то и невозможно найти где-либо помимо библиотек академий наук. Кроме того, зачастую иллюстрации в этих изданиях плохого качества. Это относится прежде всего к полезной серии работ по искусству под редакцией А.П. Окладникова, а также к трудам, написанным им лично и совместно с коллегами (речь идет о петроглифах Забайкалья, Прибайкалья и Средней Азии [Окладников, 1959; Окладников, Запорожская, 1969; Окладников и др., 1982]). То же самое можно сказать и о книге Я.А. Шера, посвященной петроглифам Средней и Центральной Азии [1980], о публикациях М.А. Дэвлет [1980, 1998], в которых рассматриваются наскальные изображения бассейна верхнего Енисея, и о недавно изданной в Бишкеке коллективной монографии по древнему искусству Средней Азии [Tashbaeva et al., 2001]. К сожалению, все эти книги трудно приобрести в книжных магазинах Запада. Вот почему в дискуссиях о художественных стилях, сюжетах, датировании рисунков, по теоретическим вопросам изучения петроглифов, истории их открытия все это не принималось в расчет. Иногда создавалось впечатление, что исследователи наскального искусства желали такой изоляции. Упомянутая выше серия публикаций под редакцией Я.А. Шера и А.-П. Франкфора выглядит своего рода мостом через пропасть, разделившую два мира исследователей петроглифов. Сооружение такого моста стало возможным благодаря помощи Национального центра научных исследований (Франция), Департамента научно-культурных связей Министерства иностранных дел Франции, а также ЮНЕСКО. Проведенные при поддержке Организации Объединенных Наций международные симпозиумы в Париже (1995), Кемерове (1998) и Чолпон-Ате (2001) способствовали оживлению обмена мнениями по актуальным вопросам петроглифики.

Итак, наступило время для международного обсуждения вопросов, связанных с древним искусством. И в предстоящих дискуссиях материалы по петроглифам Северной, Центральной и Средней Азии, несомненно, окажутся в центре внимания мировой научной общественности. К тому же следует учитывать, что каждый год открывают новые памятники. Многие из них поражают масштабностью, высоким художественным мастерством и древностью (Цагаан-Салаа/Бага-Ойгор, Цагаан-Гол, Арал-Толгой). Новые петроглифические материалы станут весомым вкладом в изучение культур доисторических эпох и времени появления государств, а с ними и письменности. Задача исследователей заключается в том, чтобы сделать информацию, вводимую в научный оборот, доступной для широкого круга специалистов. Кроме того, новые возможности для контактов через Интернет и наличие информационных изданий, ориентированных на международное научное сообщество, – INORA (International Newsletter of Rock Art), “Вестник САИПИ”) и журнал AURA (Newsletter of the Australian Rock Art Research Association) – более не позволяют ученым по обе стороны границы “Восток – Запад” игнорировать источники, которые не принадлежат лично им. Самое важное заключается в том, что возможное (по разным причинам) исчезновение петроглифов требует обостренного внимания к ним международной научной общественности и нацеленности ее на тщательную документацию и сохранение памятников. Петроглифы разрушаются уже не только природными силами или в ходе крупномасштабных промышленных строек (таких как гидроэлектростанции в долинах Ангары и Енисея). Большую угрозу представляет разного рода туризм. Невежественные люди ведут себя неразумно там, где располагаются памятники древних культур. Началась, наконец, кража плит с выбитыми на их поверхностях рисунками. Делается это зачастую ради обогащения или просто вследствие невежества и вандализма. Сложившаяся ситуация требует, чтобы дискуссии по наскальному искусству обрели международный характер и стали объективными. Ученые должны взять на себя ответственность за сохранение уникальных памятников культуры, чтобы их могли изучать последующие поколения исследователей.

Эта публикация посвящена значительной по объему информации, которая станет доступной всем участникам дискуссий, посвященных методам изучения памятников наскального искусства Северной, Центральной и Средней Азии и деятельности, связанной с их сохранением. Объем статьи не позволяет детально рассмотреть все теоретические и практические аспекты исследований подобного рода памятников. Мы сосредоточили свое внимание в основном на отдельных комплексах наскального искусства и тех ме-

тодах их изучения, которые подвергаются сомнениям. Анализироваться будут главным образом памятники открытого типа, поскольку с ними связано большинство изображений на камне.

Петроглифы и их копирование

К петроглифам относятся процарапанные, вырезанные или выбитые на камне изображения. Первые из них очень неглубокие по врезке. У второй разновидности рисунков контуры определяет глубокая выбивка камня. В результате ударов инструмента по каменной плоскости на поверхности оказывалась белая или красноватая порода. В большинстве случаев контуры фигур определяли прорезанные и процарапанные линии, реже выбивкой намечался силуэт изображения. Иногда использовалось сочетание разных технических приемов (рис. 1). Внимательное изучение рисунков позволяет выявить детали всего процесса создания образа. Вокруг выбитого контура или силуэта нередко можно заметить тонкие процарапанные линии (рис. 2), что воспринимается в качестве предварительного “наброска” художника. Мастера бронзового века и предшествующей ему эпохи неолита, похоже, начинали создание образа с головы, которая как бы предreshала размеры всего изображения (рис. 3). Часто встречаются незаконченные образы, будто их творца кто-то окликнул, он отошел от рабочего места и больше к нему не возвращался. Смежные и наложенные друг на друга разновременные изображения (*palimpsest*) (рис. 4) позволяют говорить о преднамеренных действиях одного или нескольких художников. О том же свидетельствует подправка или подновление образов.

Выбитые участки петроглифов по цвету отличаются от поверхности камня. Лишь с течением времени под влиянием выветривания некогда светлые линии рисунков вновь покрывались патиной (рис. 5) (см.: [Dorn, 1998, p. 85 – 86]). Изменение цвета – факт весьма значимый, и ему следует уделять должное внимание. Скорость, с которой выбитые участки восстанавливают исходную окраску, зависит от характера минералов, ориентации плоскостей с изображениями и степени их открытости, от меры воздействия на них атмосферных осадков и наносных пород, а также от климатических условий. Хотя патина может, в принципе, как-то помочь в датировании памятников искусства, ее с такой целью обычно не используют. Однако сопоставление патины на разных участках одного и того же местонахождения с одинаковыми ориентацией и степенью открытости плоскостей с рисунками может оказаться полезным [Nemlaghi, 1998].

Рис. 1. Изображение марала, выполненное с использованием техник выбивки контура (туловище) и силуэта (голова). Неолит. Секция 5, Арал-Толгой, Монгольский Алтай. Фото Г. Тепфера.

Рис. 3. Незаконченное контурное изображение маралухи. Неолит. Секция 12, Арал-Толгой, Монгольский Алтай. Фото Г. Тепфера.

а

б

Рис. 2. Эскизные наброски рисунков для последующей выбивки изображений.

а – незаконченное изображение оленя, выполненное резными линиями и выбивкой. Джалгыз-Тобе, Республика Алтай. Российско-французская экспедиция 1993 г. Гипсовый слепок Р. Дэвида; *б* – незаконченное изображение лошади, выполненное техникой выбивки. Тамгалы, Республика Казахстан. Казахско-французская экспедиция 1993 г.

Рис. 4. Изображения оленей (эпоха бронзы) и кинжала (железный век). Саймалы-Таш, Республика Кыргызстан. Киргизско-французская экспедиция 2002 г.

Рис. 5. Изображение марала, покрытое патиной. Поздний бронзовый век. Шивээт-Хайрхан, Цагаан-Гол, Монгольский Алтай. Фото Г. Тепфера.

Изображения на скалах зачастую бывают перекрыты лишайниками, а также глиной или землей, перенесенными ветром. По вопросу, стоит ли удалять их с поверхностей, мнения расходятся. Мы полагаем, что в случае необходимости расчистку от глины и земли следует проводить, но только легкой щеточкой и чистой прохладной водой. От всяких других жидкостей, а тем более от средств, вызывающих разрушение поверхности камня, стоит решительно отказаться. Лишайники же удалять не следует, и вот почему. При отсутствии у специалистов уверенности в определении точного возраста этих растений все же наметился некий прогресс в их использовании для датирования отдельных геологических событий (см., напр.: [Xie, Xiao, 1991]). Если в настоящее время мы не можем использовать лишайники для датирования петроглифов, то все же нужно непременно сохранить их для тех поколений исследователей, которым удастся разработать методы определения возраста этих растений. Иногда приводится еще один важный довод в пользу недопустимости нарушения роста лишайников в местах размещения памятников древнего искусства. Дело в том, что эти растения, хотя и делают поверхность камня менее плотной, но иногда они, напротив, становятся цементирующим компонентом. Если их удалить, то со скальной поверхности начнут исчезать микроскопические частицы минералов. К сожалению, совсем недавняя история изучения петроглифов преподнесла много печальных уроков, связанных с разрушениями скальных поверхностей после удаления лишайников.

Помимо того что очистка поверхности плоскостей, где размещаются рисунки, должна быть очень аккуратной (предельно осторожной), недопустимы какие-либо пометки на них (нумерация краской фигур и проч.), а также обводка изображений мелом и цветными карандашами. Следует помнить о том, что инородные вещества, вступая в контакт с камнем, нарушают химическое равновесие и тем самым исключают возможность датировать памятник методами более совершенными, чем те, которые применяются в настоящее время.

В истории изучения петроглифов существовало много способов копирования: зарисовка на глазок, дополненная сведениями о размещении рисунков на плоскости и масштабе копии; обводка мелом выбитых фигур и фиксация на прозрачную бумагу (калька); протирка на плотную бумагу; обводка изображений перманентными фломастерами на полиэтиленовую пленку; изготовление слепков из полимерных материалов; фоторепродукция. Зарисовка на глазок часто производилась на ранней стадии изучения наскального искусства, теперь такое случается редко, поскольку подобные копии весьма субъективны и неточны. До настоящего времени многие археологи использу-

ют эстампажный способ копирования на специальную микалентную бумагу, который заключается в том, что прозрачная и тонкая бумага накладывается на увлажненную скальную плоскость, а затем, когда она просыхает, протирается тампоном, пропитанным типографской краской. Эта техника позволяет получать более четкие копии рисунков, но она приводит к разрушению скальной поверхности или к загрязнению ее краской. Кроме того, материалы, применяемые при таком копировании (независимо от того, используется или нет вода), принадлежат к категории инородных веществ, контактирование которых с камнем и пребывающей на нем микрофлорой нежелательно.

В настоящее время скальные изображения часто копируют с помощью прозрачной полиэтиленовой пленки. Это дает возможность получать копии с минимальными искажениями. Использование больших полотен пленки создает благоприятные условия для работы над всей композицией. Недостаток такого метода состоит в том, что даже при хорошем качестве стержней разной толщины невозможно отразить в копии текстуру камня, степень его патинизации и наличие лишайников на скальной поверхности. Поэтому для извлечения большей информации этот способ следует сочетать с другим (что уже применяется на практике). Раньше вместо полимерных прозрачных материалов использовался латекс. Однако выяснилось, что он разрушает скальную поверхность. Более рациональным считается ныне метод с использованием силиконовых смол, которыми смазывают плоскость с петроглифами после удаления с нее глины или земли [David, Desclaux, 1992]. Но пока не известно, оказывает ли такая операция негативное воздействие на скальную поверхность, а потому ее следует использовать в разумных пределах. Изложенная проблема не имеет отношения к способам документации и сохранения петроглифов, коим грозит опасность разрушения (ранее речь шла о памятниках, которые необходимо сохранить как культурное наследие особой ценности), а также к методам исследования небольших участков с выбитыми или резными изображениями посредством сканирующего электронного микроскопа, когда исключается возможность получения стереоскопических макрофотографий.

Фотография остается единственным способом копирования, который не приводит к прискорбным нарушениям петроглифов. Используя аппараты с высококачественными объективами, искусный фотограф может точно зафиксировать каждый рисунок композиции, отразить качество выбивки и особенности скальной поверхности. Поскольку эффективность фотосъемки зависит от освещения, такой способ копирования можно успешно применять, только если свет падает слева под косым углом на плоскость с рисунками или когда он при определенных условиях

Рис. 6. Изображение быка, покрытое лишайником. Неолит. Секция 8, Арал-Толгой, Монгольский Алтай. Фото Г. Тепфера.

Рис. 7. Изображение оленя, от которого остался лишь след. Хар-Чулуут, Цагаан-Гол, Монгольский Алтай. Фото Г. Тепфера.

освещения отражается от нее. На фотографиях, сделанных в середине дня, когда свет падает на скальную поверхность вертикально, изображения обычно выглядят невыразительными. В редких случаях (но далеко не всегда) фотографирование при слабом освещении, какое бывает в облачные дни, позволяет получать более четкие снимки. Местонахождение Арал-Толгой – пример средоточия проблем, связанных с копированием рисунков. Часть их размещалась на поверхностях, сплошь покрытых лишайниками, а иные – на очень рыхлых, разрушающихся плоскостях.

В таких случаях фотографирование в часы, когда солнечные лучи падают на плоскость с изображениями под наибольшим наклоном, позволяет улавливать многое из того, что остается невидимым при ином освещении (рис. 6). Иногда лишь посредством прямого копирования можно было выявить нюансы, определяющие контуры фигур.

Перед каждым исследователем петроглифов возникает вопрос о том, какое число рисунков следует привлекать для изучения и какие изображения можно не фиксировать. Исследование наскального ис-

куства требует избирательности и четкого обоснования, какие именно элементы в нем значимы и для какой конкретно цели. Встречаются, конечно, определенные композиции петроглифов, которые вызывают потребность документировать каждый отдельный знак. Однако в случаях, когда приходится иметь дело с масштабными по размерам панно, да к тому же и со сложными сюжетами, это невозможно и нежелательно. Помимо того, часто изображения бывают незаконченными или запечатленными на рыхлой поверхности и потому потерявшими свой первоначальный вид (рис. 7). В таких случаях каждый исследователь должен сам определить, над чем работать не стоит. Однако в документации свое решение необходимо обосновать.

Проблемы терминологии и описание местонахождений

Масштабность и значимость памятников наскального искусства определяются вариантами их обозначения. В английском языке термин “site” означает “местонахождение”, т.е. территорию, на которой обнаружено отдельное скопление или несколько комплексов петроглифов. Термин “concentration” используется, когда речь идет о скоплениях большого количества рисунков на ограниченном пространстве (например, тех, что часто встречаются в окрестностях зимних жилищ). Такими памятниками являются Ялбак-Таш, Калбак-Таш в долине р. Чуи и Большая Боярская писаница в бассейне среднего Енисея. Группа петроглифов в долине р. Калгуты на плато Укок определяется как point – пункт. Рисунков здесь мало, и они настолько далеко отстоят друг от друга, что термин “концентрация” тут неуместен (см.: [Молодин, Черемисин, 1999]). Не стоит также использовать его для обозначения отдельной скальной поверхности с выбитыми изображениями. Петроглифы, расположенные на нескольких скальных выходах, но принадлежащие одной культуре, следует определять как петроглифический комплекс (complex). Он может быть относительно небольшим (например, Калбак-Таш), но при этом разительно отличаться от скопления (concentration) меньшей плотностью размещения изображений, или, наоборот, огромным по количеству рисунков, как на памятниках Елангаш, Мугур-Саргол, Цагаан-Салаа/Бага-Ойгор и Саймалы-Таш, где петроглифические комплексы простираются на многие километры вдоль долин.

При документировании любого местонахождения петроглифов преследуются две цели. Во-первых, нужно объективно представить сюжет и стиль, а также специфику размещения и контекст изображений или композиций, с тем чтобы тот, кто не был в тех местах, мог

легко уяснить содержание и особенности всего описанного первооткрывателем. Во-вторых (что не менее важно), необходимо ясно отразить топографию памятника: его план и расположение относительно бросающихся в глаза деталей рельефа местности и окрестных археологических памятников.

Там, где налицо концентрация рисунков, процесс их копирования сравнительно прост: петроглифы репродуцируются в одном направлении, т.е. от одного края плоскостей с рисунками к противоположному, с учетом рельефа земной поверхности. Как пункты, так и концентрации находок такого рода следует фотографировать, чтобы в последующем можно было сопоставлять фото со схемами размещения отдельных композиций (см., напр.: [Samashev, Rogozhinskij, 1997, fig. 1, 2; Sher et al., 1994, pl. 1]).

При небольшом количестве рисунков и композиций можно пользоваться последовательным цифровым обозначением, когда каждая плоскость с изображениями соответствует определенной секции на схеме. Если мы имеем дело с концентрацией петроглифов на обособленных друг от друга скальных плоскостях, то каждой из них присваивается свой номер (I, II, III и т.д.), а отдельные композиции и изображения соотносятся с конкретной плоскостью (см., напр., относительно местонахождений Тепсей и Усть-Туба: [Blednova et al., 1995]).

Крупномасштабные петроглифические комплексы требуют значительных усилий исследователей. Фотографические и схематические панорамы – бесценный источник для раскрытия замыслов древнего художника (см., напр.: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 2, map 1, landscape Model I, pl. 1 – 18]). Для документирования каждый обширный комплекс рисунков следует разделить на подсекции, чтобы при публикации можно было дать предельно точную информацию о каждом его сюжете (см., напр.: [González, 2001]). На некоторых местонахождениях копировать рисунки по секциям, подсекциям и отдельным скальным плоскостям относительно просто. Но в большинстве случаев требуется более сложная техника копирования. В некоторых публикациях удачно используются сочетания панорамных фотографий, масштабных копий рисунков, а также обособленных панно для передачи важной информации, связанной с отражением позиций специфических образов и отдельных скоплений рисунков (см., напр.: [Sher et al., 1994; Blednova et al., 1995]). В подобных случаях необходима единая нумерация петроглифов во всех видах их фиксации, иначе читателю придется столкнуться с озадачивающей путаницей в цифровых обозначениях (см., напр.: [Окладников, Запорожская, 1969; Окладников и др., 1982]).

Неординарные ситуации, связанные с документированием рисунков, возникли при работе на местонахож-

дени Саймалы-Таш. Оно расположено на высоте от 3 000 до 3 500 м над ур. м. и связано с плато, которое простирается с севера на юг на 5 – 6 км и с востока на запад на 700–800 м. Столь значительная высота, специфика климата и ошеломляюще огромное количество отвесных скальных плоскостей (их ок. 15 000) создали для исследователей исключительные трудности. Здесь побывало несколько экспедиций. В отдельных местах их участники провели широкие разведочные работы, в ходе которых задокументировали ряд местонахождений и пронумеровали рисунки. Но эти материалы хранятся в архивах нескольких научно-исследовательских институтов бывшего СССР (Кыргызстан, Россия, Казахстан), а сведения о памятнике представлены только в отчетах и в малоизвестных публикациях [Мартынов, Марьяшев, Абетеков, 1992]. При поддержке Международного института по изучению Центральной Азии при ЮНЕСКО (в Самарканде) исследования Саймалы-Таша под руководством профессора К. Ташбаевой были возобновлены с целью приведения в порядок соответствующей документации.

Обширный комплекс Цагаан-Салаа/Бага-Ойгор археологи решили подразделить на 10 секций так, чтобы их границы определялись характерными особенностями рельефа местности (русла рек и ручьев, глубокие горные впадины). Каждую из выделенных секций отличали примечательные горные склоны, речные террасы и урочища, в пределах которых петроглифы встречаются на обнажениях коренной породы или валунах.

Размеры и особенности местонахождений не позволили нанести на карту каждую плоскость с петроглифами. Возникли и трудности с нумерацией отдельных рисунков и композиций в каком-то одном направлении – с запада на восток или снизу вверх. Поэтому исследователи решили все протяженные секции подразделить на подсекции (петроноды), каждую из которых определяли долгота и широта, а также высота над уровнем моря. Все это делалось с помощью GPS. Так, каждая плоскость с рисунками включалась в петронод с указанием ее размещения в границах секции. Нанесение на географическую карту каждого конкретного местонахождения наскального искусства с использованием технологии GIS дало возможность фиксировать все петроноды по двум измерениям (широта, долгота). Так каждый выбитый рисунок или композиция в пределах петроглифического комплекса получали привязку к реальному реперу. В публикации, посвященной петроглифам Цагаан-Салаа/Бага-Ойгор [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001], выбитые наскальные изображения и композиции представлены по секциям. В каждой из них они пронумерованы в одинаковой последовательности – с запада на восток и снизу вверх.

Использование навигационных приборов существенно помогает документировать петроглифы и фиксировать расположение плоскостей, на которых они выбиты.

Отдельные изображения и композиции, описанные с указанием специфических особенностей их размещения и связи с петронодами, создают фундамент базы данных, включающей полезную информацию об объектах наскального искусства. В процессе документирования исследователь может отметить, например, характерные особенности местонахождения, дать описание рельефа местности, где обнаружены наскальные рисунки (такие детали могут играть важную роль при определении даты памятника и его культурной принадлежности). В базу данных следует также включать сведения о сохранности объекта, технике и качестве исполнения рисунков, стиле, о типах изображений и сюжетах. Чем обстоятельнее база данных, тем больше возможностей для демонстрации распространения специфических палимпсестов, характерных стилей, технических приемов и проч. Так, база данных позволяет составлять карты распространения, например, изображений колесниц в пределах особых комплексов или в сценах охоты на быков (буйволов) либо рисунков, датированных эпохой бронзы (об использовании такой методики при изучении комплекса Цагаан-Салаа/Бага-Ойгор см.: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 2, map 5 – 7]) (рис. 8). Если выявление тождества сюжетов – дело сравнительно простое, то датирование и культурная идентификация подвержены риску субъективных оценок. Поэтому в тексты, которые поясняют карты распространения памятников наскального искусства, следует включать детальный перечень аргументов, подтверждающих отнесение местонахождений к определенным эпохам и культурам. Еще одно достоинство обширной базы данных – возможность ее использования для сравнительного анализа петроглифов в пределах весьма крупных регионов (таких как, например, Монгольский Алтай).

База данных по местонахождению Цагаан-Салаа/Бага-Ойгор включает в себя содержание более 90 полевых дневников, в которых детально описан каждый объект. В них, в частности, приводятся сведения о рельефе местности, характеристика изображений, выбитых на скальных плоскостях, и сведения, связанные с типологией сюжетов; в некоторых случаях – и информация, необходимая для определения возраста памятников и их культурной принадлежности (см.: [Jacobson, Meacham, 2001]).

Определяемая статистическими методами повторяемость характерных черт рисунков каждого местонахождения имеет зачастую не абсолютную,

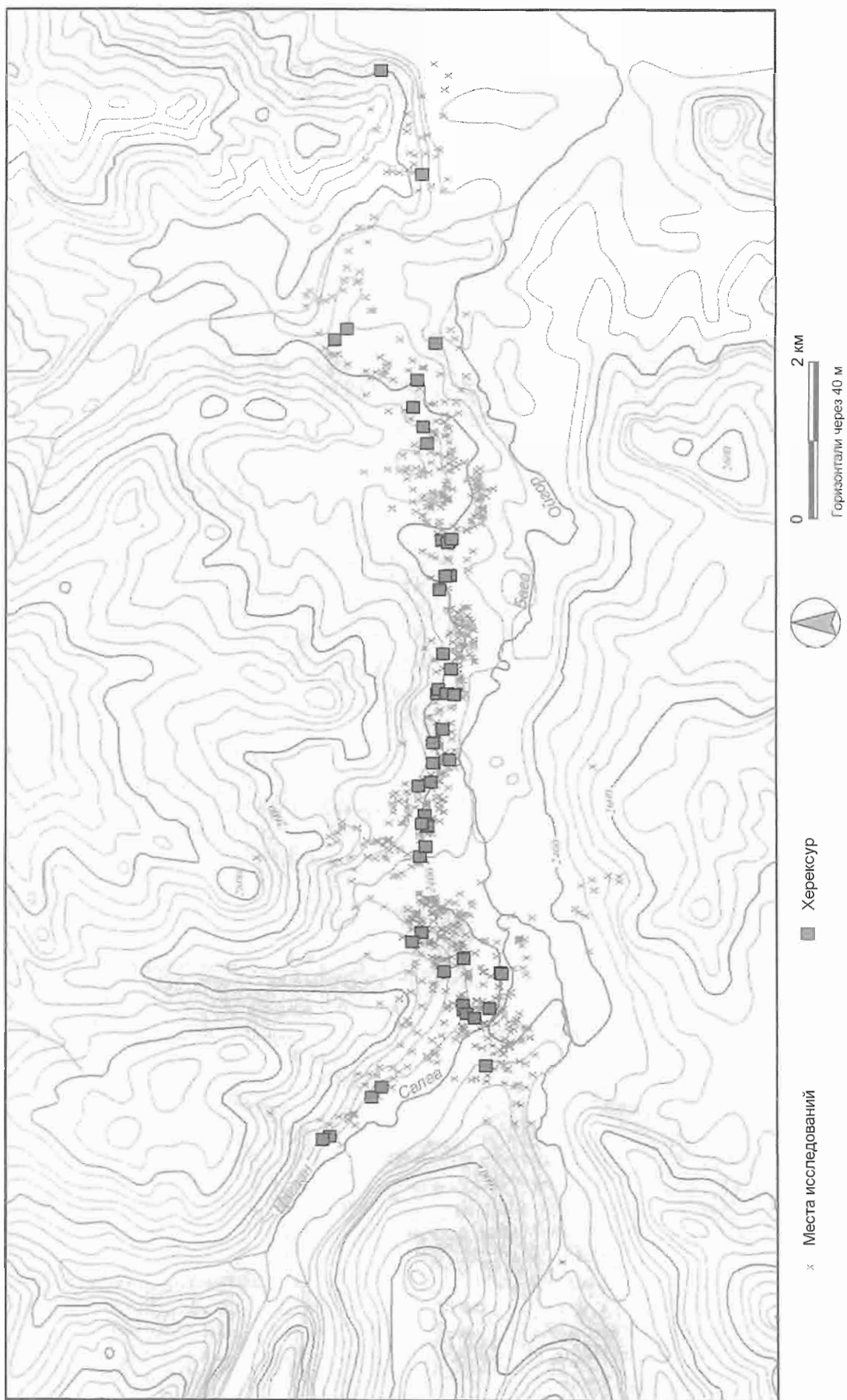

Рис. 8. Карта-схема, показывающая расположение херексуров в более широком контексте пунктов комплексного изучения. Цагаан-Салаа/Бага-Ойгор, Монгольский Алтай. Картирование Э. Якобсон и Дж. Мичама.

как хотелось бы, а всего лишь относительную или сравнительную ценность. Однако точные статистические показатели могут пролить свет на перемены в ориентации на определенные культурные ценности и даже на изменения в окружающей среде (см., напр.: [Martin, 1995]). К ним можно обращаться, например, при желании сравнить распространение во времени и пространстве наскальных изображений верблюда и лошади, диких козла и барана или при попытках наглядно представить ареал композиций определенного вида. Но в каждом случае важно, чтобы в базе данных было детальное описание рисунков и точное отражение контекста (т.е. что это за местонахождение, какая секция, какая высота над уровнем моря и т.д.). Даже если исследователь не учитывает все характерные особенности местонахождения (сюжеты, стили и проч.), польза от введения любой информации в базу данных все-таки будет достаточно значительной. Обширная база данных позволяет констатировать, что памятники наскального искусства предоставляют исследователям богатую информацию для углубленного изучения доисторического периода, что собрать воедино факты по всем аспектам исследования таких памятников можно лишь при неоднократном их посещении.

Выявление стилей в наскальном искусстве

Стиль – это совокупность отличительных особенностей художественного выражения представлений, присущих отдельным лицам, группе людей, школам мастеров своего дела, эпохам [Shapiro, 1953]. Иногда слова “стиль” и “искусство” употребляются как синонимы, но это не обязательно так. Например, понятие “готический стиль” используется для характеристики искусства особого периода (с середины XII до XV – XVI вв.) в истории Европы. Однако это искусство не было однородным в отношении стиля – факт, отраженный в художественных традициях, связанных с готическим периодом. Различались несколько стилей, и каждый из них характеризовался только ему присущими элементами.

Точно так же термины “скифское искусство”, “степное искусство” и “звериный стиль” использовались как синонимы применительно к искусству евразийских кочевников раннего железного века (VIII – III вв. до н.э.). Тем не менее, несмотря на единообразие, то, что обычно включается в понятие “степное искусство”, подразделяется специалистами на несколько стилей. Например, М.П. Грязнов выделил в нем аржано-черногоровский стиль, а другие постоянно используют термин “пазырыкский стиль”. Эти стили относятся к культуре, известной по материалам по-

гребений, но они же нашли отражение и в петроглифах. Заметим, однако, что, если художественный контекст погребального инвентаря выглядит относительно однообразным, то наскальное искусство отличается большим разнообразием стилей; при этом изображения, выполненные в разных стилях, могут встречаться на скальной поверхности рядом или наложенными друг на друга (см., напр.: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 1, fig. 956 – 966], где изображения, выполненные в аржанском и пазырыкском стилях, размещены рядом друг с другом). Подход к выявлению стиля (стилей) будет объективным, если мы осознаем, что наскальному искусству изначально были присущи свои вполне определенные темы или мотивы, а также стилистические особенности. В этом отношении важна попытка Я.А. Шера выявить (безотносительно разных археологических культур) “битреугольный”, “ангарский” и “минусинский” стили [Шер, 1980].

Тематический аспект не всегда входит в изучение стиля, но он уместен при определении стиля в наскальном искусстве. Сознательно или неосознанно художник был постоянно озабочен выбором тем (сюжетов) и воплощением их посредством использования канонических образов. В изображениях животных, например, стиль может отражать различия между дикими и домашними особями, между женскими и мужскими, а также связанную с ними специфику жизнедеятельности кочевников. Наличие или отсутствие характерных тематических элементов (таких как птицы, животные) – один из аспектов стиля наскального искусства. Деятельность людей также может быть отражена на одних петроглифах и вовсе не представлена на других. Идентификация сцен охоты (на каких животных? с каким оружием?) или культовых сюжетов (какого они рода? с чем связаны?) выявляет вариации воплощения этих тем. Они, однако, не всегда позволяют определить культурно-художественную традицию.

Мотив можно уловить лишь при тщательном анализе со множеством сопоставлений. Так, животное семейства кошачьих может быть изображено стоящим, свернувшимся клубком, бегущим, с двумя или четырьмя ногами, тогда как олени – стоящими в естественной позе или лежащими, с откинутой назад головой, подогнутыми под брюхо ногами и длинной клювовидной мордой. В пределах понятия “стиль” мотивы можно также соотносить с характерными деталями изображений (например, спирали или каплевидные узоры на задней части тела животного) или со специфическими часто повторяющимися элементами орнамента. Иными словами, темы и мотивы могут стать характерными и определяющими для одного или более стилей. Допустим, олень (тема) с величественными рогами (мотив) воплощался с использованием

выразительных средств стилей разных археологических культур, однако весьма специфическое изображение оленя на оленных камнях Монголии стало популярным мотивом только в наскальном искусстве позднего бронзового и раннего железного веков. Для аржанского стиля характерны фигуры стоящих аргали и медведя, а также свернутых кольцом животных семейства кошачьих. Все они исполнены в одной манере и потому не отличаются своеобразием. В пределах простых и понятных композиций, в которых представлены сцены грабежа, охоты, соития или езды на колесницах, специфические мотивы могут повторяться в разных образах. Так, угловатый горб на спине, характерный для фигур оленей, встречается на изображениях быков (рис. 9); овальные рога быков воспроизводились на головах антропоморфных существ (рис. 10); фриз из рогов оленей на оленных камнях обнаруживает сходство с изображением хвоста пантеры с местонахождения Жалтырак-Таш (рис. 11). Орнаментально вида мотивы и знаки вне контекста создают интерпретатору значительные проблемы.

Древние художники, используя разные стили и мотивы, воплощали всевозможные темы. В наскальном искусстве их не сдерживали изобразительные каноны той или иной культуры, которые находили отражение в культовых предметах “звериного стиля”, обнаруженных в погребениях. Опытному исследователю искусства удастся уловить стремление художника воспроизвести лишь определенный тип образа при помощи конкретных художественных средств. Сознательно или нет, древние мастера следовали, похоже, привычным культурным традициям и отвергали то, что не соответствовало их социальной среде.

Вместе с тем трудно проследить прямую связь между стилистическими приемами в наскальном искусстве и теми, что восходят к другим, более архаичным культурным традициям. Например, на одном из оленных камней в Баян-Булакском сомоне Баян-Хонгорского аймака (Монголия) [Волков, 1981, табл. 34, 2] соседствуют фигуры оленя в аржанском стиле и свернувшегося кольцом животного семейства кошачьих. В наскальном искусстве Алтая такого вида оленя изображались часто, чего не скажешь о свернувшимся кольцом животном семейства кошачьих, а вместе эти образы не встречаются. На оленном камне № 15 из Ушкийн-Увэра (Монголия) [Волков, Новгородова, 1975, рис. 2] стилизованные изображения оленей находятся рядом со сценой, в которой два животных семейства кошачьих нападают на лошадь (пазырыкский стиль); но такое сочетание персонажей отсутствует в наскальном искусстве. Не прослеживается оно и в материалах пазырыкских погребений. Иными словами, стиль в наскальном искусстве может определяться в пределах повторяющихся особенностей, которые присущи отдельным образам и композициям;

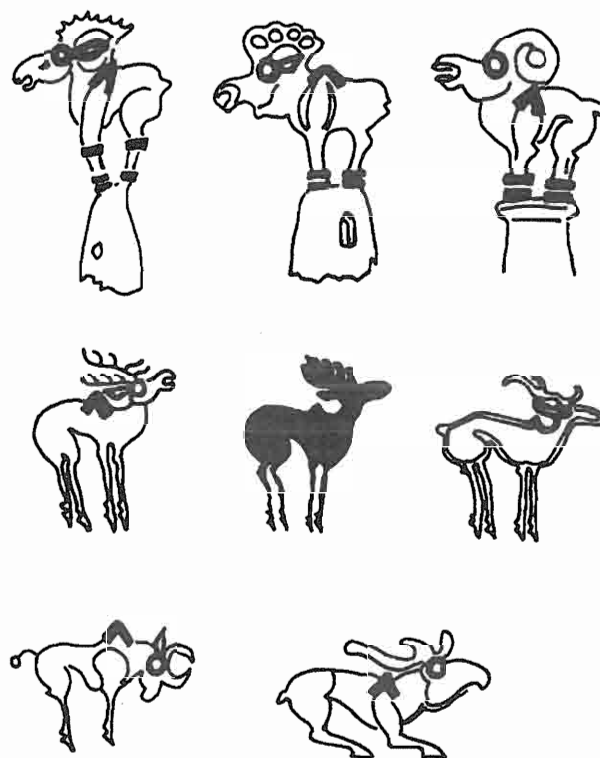

Рис 9. Изображения оленей и быков с угловатыми горбами (по: [Sher, 1992, fig. 11]).

только тогда его можно с успехом совмещать со стилистическими категориями определенной культуры. Но в таких случаях мы вторгаемся в область культурного канона, где различные темы и мотивы остаются неизменными, развиваются и сочетаются одинаково или трансформируются одновременно. Образ свернувшегося кольцом животного семейства кошачьих продолжает существовать в степном искусстве еще долгое время уже после исчезновения аржанского стиля (см., например, изображения животных семейства кошачьих, обнаруженные в петроглифах Чиликты в Восточном Казахстане (майэмский стиль) и в скифских погребениях Келермеса и Темир-Горы). Следовательно, аржано-майэмский стиль степного искусства — своего рода канон, созданный искусствоведами вне связи с изображениями, которые встречаются вместе либо на одних и тех же объектах (таких как оленные камни и стелы), либо в наскальных рисунках различных регионов Азии.

В спорах о стилистике наскального искусства позиции исследователей постоянно меняются, и это мешает разработке принципиально важных понятий, необходимых для научных контактов исследователей из разных стран.

Усилия художника направляются на то, чтобы на двухмерной плоскости передать трехмерность (а то и четырехмерность) реального или воображае-

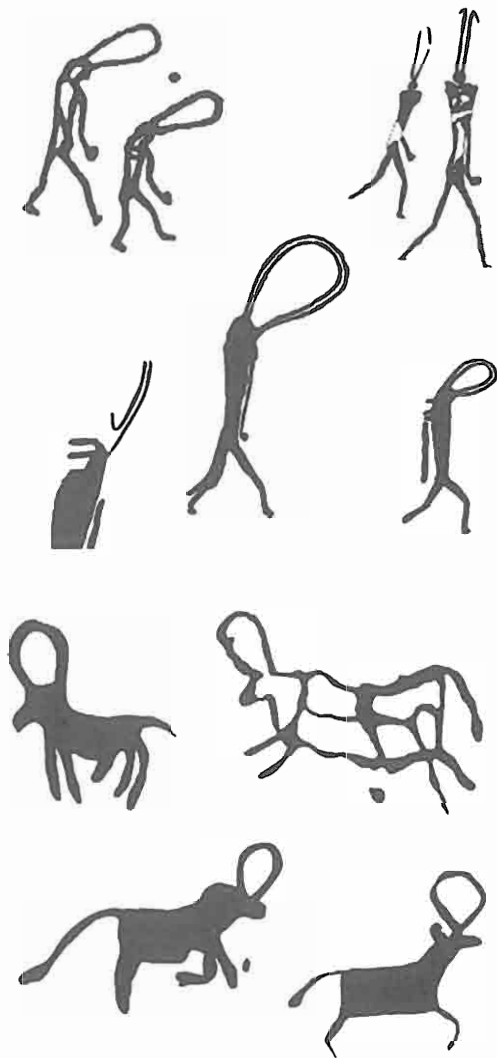

Рис. 10. Изображения антропоморфных фигур и быков с овальными рогами (по: [Кубарев, 1988, табл. V, рис. 1 – 5; табл. VII, рис. 1 – 4]).

мого мира. Для этого он прежде всего отбирал те элементы, которые считал существенными для воплощения на камне специфического сюжета, разрабатывал в деталях (сознательно или неосознанно) должную меру стилизации, а также обдумывал пропорции (абсолютные и относительные) образов или их частей. Следуя культурным традициям, мастер, изображая антропоморфные существа, имел право сам решать, как лучше разместить на плоскости ту или иную фигуру – анфас или в профиль, на какие части тела сделать больший акцент, какие аксессуары добавить, а какие детали особо отметить при создании композиции. При выборе способов воплощения образов он, однако, неизменно придерживался художественных традиций, известных не только ему, но и зрителям, его современникам, для которых все это, в конечном счете, и создавалось.

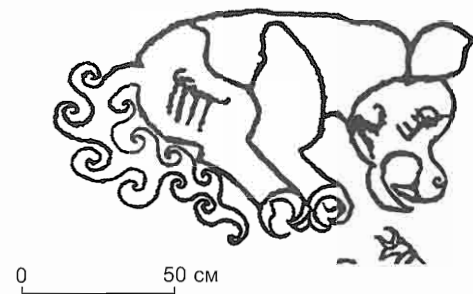

Рис. 11. Хвост пантеры и рога оленей, выполненные в одинаковой орнаментальной манере (мотив меандра) (по: [Nowgorodowa, 1980, fig. 14; Шер и др., 1987, рис. 7, 2]).

Поэтому есть основания предполагать, что представленная на памятниках наскального искусства художественная традиция заключала в себе некий отработанный каталог форм, рисунков и технических приемов, а также должных симметрий и композиционных элементов. На самом деле, размышления о стиле и суждения по поводу качества исполнения образов возникали в связи с тем, что мастер каждый раз должен был решать для себя, в какой мере он может реализовать свои намерения, соблюдая при этом каноны: когда и под влиянием каких обстоятельств ему следовало считаться с общепринятыми нормами изобразительного творчества в пределах тех или иных культурных традиций и когда он имеет право относительно свободно выражать свои творческие стремления. Если некоторые считают возможным не связывать наскальное искус-

Рис. 12. Изображения маралухи и марала. Неолит – бронзовый век.
Шивээт-Хайрхан, Цагаан-Гол, Монгольский Алтай.
Фото Г. Тепфера.

ство с “вещеведческой” археологией, а рассматривать его в рамках традиционного мирового искусства, то им следует самим приняться за решение столь сложного вопроса.

Технические приемы играют главную роль при создании образов, ибо посредством их художник как раз и воплощал задуманное в том или другом традиционном стиле. При оформлении на скальной плоскости или поверхности отдельного камня контуров и силуэтов использовались следующие технические приемы: выбивка, резьба, процарапывание, скальвание, стесывание. Свежевыбитые или свежевырезанные рисунки или контурные изображения сохраняют в Северной Азии белый цвет в течение 1 000, а то и более лет. Яркое свидетельство тому – петроглифы Российского и Монгольского Алтая тюркского времени. Изображения эпохи ранних кочевников выглядят в значительной мере потемневшими в зонах выбивки и резьбы. Только когда поверхность контура или силуэта рисунков вновь покрывается патиной, можно легко распознать качество выбивки: мелкая она и плотная или же грубая и неравномерная. Следы выбивки – потенциально значимые показатели типа орудия (каменного или металлического), которое использовалось мастером. Они же отражают качество выполненной им работы. Хотя глубокая и грубая выбивка вовсе не обязательно означает, что на скальные изображения относятся ко времени до эпохи бронзы, все же то и другое при учете стилистики и контекста может внести определенность в датировку объекта искусства. Так, например, каче-

ство выбивки фигуры марала на местонахождении Шивээт-Хайрхан (рис. 12) свидетельствует об использовании художником каменного орудия. Учитывая степень патинизации линий изображения животного и стиль, в котором оно выполнено, при сравнении с расположенными над ним меньшими фигурами бронзового века можно высказать предположение, что рисунок марала появился на скальной поверхности в эпоху неолита.

Рассуждая о наскальном искусстве и стилях воплощения его образов, стоит постоянно помнить о том, что процесс создания рисунков с помощью совершенно определенных инструментов – важнейший аспект изучения петроглифов. Вместе с тем при мастерском исполнении изображения, в принципе, неважно, какими техническими приемами достигалась его выразительность – прямыми ли резкими ударами камнем или же сплошной изящной выбивкой металлическим инструментом. Художественная выразительность отдельного образа или целой композиции столь же важный фактор, как и техника исполнения, и следует давать ее оценку. Как уже говорилось, изучение наскального искусства позволяет предполагать, что обычно древний художник начинал свою работу с предварительных “набросков” (легкие наметки (царапины) контуров фигур) или разметок головы и передней части туловища животного (вероятно, так определялись пропорции). После этого зачастую оформлялись контуры остальных его частей, а затем изображение детализировалось. Тщательный анализ технических аспектов создания художественного об-

Рис. 13. Изображения двух оленей и олененка. Фрагмент сцены охоты, многие персонажи которой находились под лишайником. Поздний бронзовый век. Шивээт-Хайрхан, Цагаан-Гол, Монгольский Алтай. Фото Г. Тепфера.

раза (т.е. процесса его “отделки”, когда особую роль играло мастерство художника и совершенство его инструментов) может больше сказать о “руке” и стиле творчества отдельного мастера, чем о художественном стиле какой-либо культуры в целом. Чисто технические показатели качества выбивки и резьбы по камню, к сожалению, редко находят отражение при традиционном способе копирования рисунков.

Время и природные коллизии существенно изменяют первозданный облик наскальных изображений: что было некогда белым или близким к этому цвету, с годами становится темным; на плотной поверхности выбитых участков появляются трещины; камень крошится, и крупницы его уносятся ветром, смываются дождем; поверхность рисунков начинают расти лишайники – и вот уже петроглифы становятся расплывшимся пятном с неясными очертаниями фигур. Исследователи наскального искусства постоянно сталкиваются с проблемой: как восстановить первоначальный вид художественного образа, скрытый патиной? По каким критериям следует оценивать качество его исполнения? Чтобы воспринять и понять суть изначального образа или композиции, необходимо мысленно ликвидировать последствия влияния времени, в частности, выветривания. К тому же исследователю надо постараться оценить умение художника: сколь удачно он использовал пространственные и тональные возможности в созданном им панно? По скольку очень многие памятники наскального искусства Алтая размещаются в долинах, образованных под действием сползавших с гор ледников, скальные плоскости имеют здесь зачастую сглаженную поверхность со следами глубоких царапин ледникового происхождения. Опыт изучения наскального искусства позволяет предполагать, что весьма одаренные художники часто выбирали для работы именно такие сглаженные плоскости (рис. 13).

Оценка качества художественных образов.

Вообще, исследователи наскального искусства Северной, Центральной и Средней Азии обычно уклоняются от дискуссий по вопросу совершенства отдельных образов или композиций. Они предпочитают больше внимания уделять типологической характеристике изображений, нежели выразительным особенностям их стиля. Такое положение дел, вероятно, обусловлено изучением наскального искусства археологами, которые обычно делают упор на анализ материального аспекта культуры в рамках хозяйственной деятельности человека. Однако художественное творчество есть документальное отражение весьма специфических особенностей культуры. Поэтому наскальное искусство необходимо рассматривать именно в таком свете. Для специалистов настало время обратиться к его эстетическим аспектам и попытаться выявить художественные особенности каждого конкретного изображения.

Оценка качества исполнения рисунка может осуществляться посредством сравнения с каким-либо типичным изобразительным элементом в рамках любого стиля. Соотносить следует с теми изобразительными элементами, которые отвечают признанным стандартам художественного совершенства. И все же мы никогда не удостоверимся до конца в том, что наше признание, допустим, какого-то изображения оленя лучшим в самом деле совпало бы с мнением древнего кочевника. Оценивать качество исполнения можно другим способом, положим, ссылаясь не на субъективное, конечно же, восприятие зрителя, а на мастерство художника и понимание им технических тонкостей искусства, заимствовав критерии оценки классических образцов античного, средневекового, эпохи Возрождения или этнографического искусства. Проблемы возникают, когда исследователи пытаются оценить сравнительно разные стили в культурной традиции ранних кочевников. Если исключить чисто субъективное восприятие зрителя, такие попытки мало что дают. Например, очень трудно определить, какое изображение оленя самое превосходное, когда сравниваются петроглифы саков или тагарцев, а также рисунки на оленных камнях Тувы и Монгольского Алтая.

Выявленные в наскальном искусстве стили не всегда взаимосвязаны с образцами художественного творчества, полученными в ходе археологических раскопок. Сравнения петроглифических образов с предметами мобильного искусства возможны, когда это касается пазырыкского или аржанского стилей, но не битреугольного, ангарского и минусинского. Два последних по происхождению связывают с охотниками и собирателями тайги и степей, а истоки битреугольного стиля остаются неясными. С уверенно-

стью можно говорить лишь о том, что он представлен на крашеной керамике земледельцев Иранского плато, но еще никому не удалось доказать историческую связь его с аналогичными культурными традициями иных регионов. О стилистическом сходстве можно говорить, только когда оно явное, – это предостережение, коим легко пренебрегают в поисках художественных корней.

Творчество древних художников и понимание зрителем того, что рисунки на тех или других скальных плоскостях делались разными людьми, вызывают интересные, но трудные вопросы. По мнению историков, во все времена образ мышления, мировосприятия отдельной личности был частью коллективного менталитета и всегда существовал особый “ментальный набор инструментов”, который формировался общими для каждого *Homo sapiens* познавательными возможностями (умение думать, рассуждать и выражать свои мысли и чувства с помощью символов) [Febvre, 1942]. Размышляя о создании выразительных специфических образов, запечатленных на скальных поверхностях и отдельных камнях (например, оленях), мы невольно осознаем, что их творцом был человек отнюдь не “примитивный и лишенный логического мышления” [Lévy-Bruhl, 1927], а скорее наделенный незаурядными логическими и классификаторскими способностями “первобытного ума” [Lévi-Strauss, 1962]. Вслед за Е. Гомбрич [Gombrich, 1977] можно допускать, что все доисторическое наскальное искусство Центральной, Средней и Северной Азии было концептуальным, в котором художник выражает не то, что он видит, а то, что знает.

Индивидуальное творчество осуществляется в рамках восприятия и понимания мира обществом. Такая установка во все времена диктовала, что именно должно быть представлено, кем и с какой целью. Для нас, однако, спустя века и тысячелетия, кажется невозможной полная реконструкция ментальности или общей системы культуры любого периода. В одном можно быть твердо уверенным: хоть исследователь и способен уловить индивидуальность работы отдельных художников (из чего следует, что каждый из них умел самовыражаться в пределах изобразительных канонов наскального искусства), все же скорее традиция, чем самобытность была движущей силой творчества вплоть до относительно недавнего времени. Для того чтобы точно оценить специфические художественные традиции, необходимо проанализировать максимум сведений, связанных с разными категориями объектов: стелами и погребальными плитами; изделиями из металла, дерева, тканей, войлока и нитей (плетение). Особого внимания заслуживает живопись, если таковая существовала. Наскальное искусство Центральной и Средней

Азии следует рассматривать и в контексте монументальных скальных рельефов соседних стран (особенно Ирана), а также архитектурных барельефов Ближнего Востока и настенных росписей Центральной и Средней Азии.

Датирование наскальных изображений

Работа по особому проекту, связанному с датированием отдельных образцов наскального искусства, только начинается. Осуществляя его, следует больше внимания уделять точному определению стилей, как индивидуальных, так и свойственных определенным культурам, периодам, если мы в самом деле намерены когда-либо достичь должного взаимопонимания по относительной и абсолютной хронологии в наскальном искусстве Северной, Средней и Центральной Азии. Общее согласие по главным хронологическим подразделениям уже достигнуто. При их выделении учтены как художественно-культурные элементы, так и социально-экономические показатели.

Для датирования петроглифов можно использовать в разных сочетаниях следующие способы.

1. Изделия, запечатленные на поверхности камня или скальных плоскостях, могут быть сходными с датированными образцами из материалов археологических раскопок (например, карасукские кинжалы – бронзовый век).

2. В качестве надежных хронологических показателей могут выступать изображения вымерших животных или тех, что в прошлые времена существовали в разных природных условиях, но только когда есть возможность реконструировать палеоэкологию.

3. Если палимпсесты хорошо идентифицированы по группам или стилям, то фигуры, совмещенные друг с другом или перекрещенные, позволяют определить последовательность их появления на скальной поверхности. Установление такого факта важно и для решения вопроса о хронологии изображений в других регионах.

4. При определенных обстоятельствах патина или лишайники могут использоваться для уточнения относительной хронологии (последовательности выбивки изображений). Такая информация может пригодиться в будущем при расширении исследований в регионе.

5. Установление инструментов и технических приемов, которые художники использовали при создании рисунков, только начинается. В последующем такое направление исследований может привести к получению важной информации для определения относительной хронологии изображений.

6. На стелах и могильных плитах могут быть изображения, сходные с рисунками на скальных плоскостях; но тут важно, чтобы образы искусства были тес-

Рис. 15. Фрагмент сцены охоты на оленя: два лучника, один из них верхом на лошади. Поздний бронзовый век. Шивээт-Хайрхан, Цагаан-Гол, Монгольский Алтай. Фото Г. Тепфера.

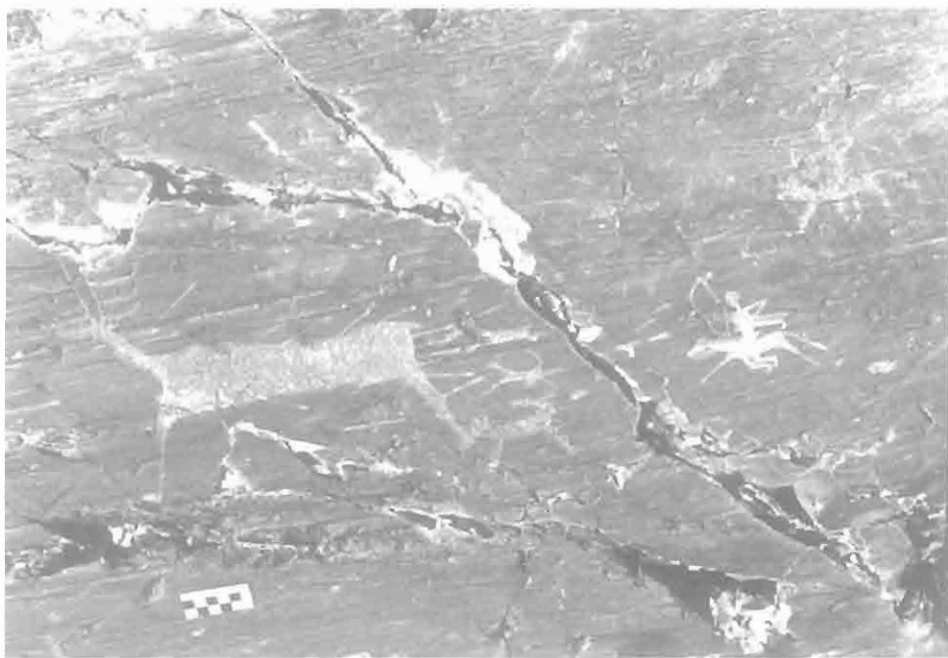

Рис. 16. Изображение лучника, верхом на лошади преследующего оленя. Поздний бронзовый век. Шивээт-Хайрхан, Цагаан-Гол, Монгольский Алтай. Фото Г. Тепфера.

определенность этих двух параметров (см., напр.: [Francis, 2001, fig. 8, 1]), все же понятно, что они в корне различны. Фигуры существ с двумя или четырьмя ногами, туловищем, длинным хвостом и двумя рогами

могут быть изображениями быков; но нельзя сказать, что любое из них в точности такое же, как другое. Для каждого характерна своя степень совершенства техники исполнения рисунка, как и уровень мастерства

использования этой техники, что определяло силу эмоционального воздействия на зрителя. Его могла особо впечатлять выразительность линий контуров воплощенных в рисунках тел животных. На качество выбивки оказывало влияние умение художника преодолеть сопротивление камня, используя лучшим образом имеющиеся в его распоряжении рабочие инструменты.

На первом этапе анализа изображения проводится идентификация того, что или кого оно отражает; а это совсем не так просто, как представляется на первый взгляд. Зачастую возникают затруднения при попытках определить, нарисован бык или корова, особь крупного рогатого скота или як. Если у изображения отсутствуют признаки пола (а такое бывает часто), имеем ли мы право утверждать, что это фигура не быка, а коровы? А ведь символика данных образов различается. Или в случае наличия массивного горба на определенном месте фигуры животного можно ли уверенно утверждать, что это изображение яка? Очевидно, естественные отличительные элементы не всегда отображались мастерами, но неспособность исследователей выявить различия не отражается в научных отчетах. К примеру, в публикациях по наскальному искусству редко отмечается, кто именно нарисован на скальной поверхности – марал, олень или северный олень. А ведь особенности изображений рогов и холка позволяют провести точную идентификацию животных. Следует также иметь в виду, что различия между двумя или более воплощениями одного и того же образа могут быть легко упущены при небрежном копировании и публикации лишь черных силуэтных заливок.

Проявление очевидного сходства какого-либо изображения с другими – также очень важный аспект изобразительного контекста. Там, где, допустим, мы видим реальную, как нам кажется, сцену охоты, в действительности есть всего лишь группа рисунков, случайно оказавшихся друг около друга на скальной поверхности. Или эта композиция представляет ритуальную сцену, в которой в качестве главных героев выступают охотники (см., напр.: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 2, pl. 255 – 258]). Иные художники в последующем могли подправить и дополнить выбитые ранее сцены охоты или превратить в такую некую первоначальную анималистическую композицию, добавив в нее фигуру охотника. Например, на панно Цагаан-Гола, где представлено большое количество фигур охотников на оленя (рис. 15), один лучник изображен стоящим, а остальные верхом на лошадях. Данные рисунки весьма отличаются мастерством их исполнения от других. Можно, однако, принять это собрание фигур за единую композицию, созданную одним художником, а разное качество изображений всадников отнести поначалу к последствиям неодинаковой степени минерализации поверх-

ности камня. Около метра выше и левее описанной сцены изображен еще один лучник, который стоя стреляет в оленя, проткнутого стрелами, а правее этой сцены выбит с большим мастерством третий лучник (рис. 16), но сидящий на лошади, а изображение пронзенного стрелами оленя много больше тех, что связаны с ближайшими композициями. Техника выбивки и манера воплощения фигур представляется весьма сходной во всех трех композициях. Поэтому не исключено, что это была единая композиция и она охватывала пространство всех трех плоскостей. Но тогда возникает вопрос: почему изображение одного всадника выполнено на очень высоком уровне, а несколько других столь несовершенны? Сходные по мастерству исполнения изображения оленей позволяют сделать вывод, что все они созданы одним и тем же художником, а сцены охоты свидетельствуют об участии в ней как конных, так и пеших охотников. Сказанное как будто дает право датировать панно Цагаан-Гола поздним этапом бронзового века. Однако один элемент в этой сцене позволяет отклонить вывод о том, что все фигуры в ней выполнены одним художником и в одно время. Над пешим лучником (см. рис. 15) размещается небольшой величины персонаж, который склонился над охотником и стреляет в его голову, выпущенная стрела почти достигла охотника. Эта любопытная деталь разъясняет смысл всей сцены. В данном случае либо фигура рослого охотника является лишь частью сцены преследования животных, либо здесь также представлен еще один сюжет – убийство охотника. То, какой воспринимается последовательность появления на скальной поверхности фигур, определяет, в конечном счете, интерпретацию всех этих композиций. Как правило, палимпсест, наложение образов, как в данном случае, изменяет первоначальное значение сцены и делает его второстепенным, а то и просто скрытым.

Палимпсест может быть делом случая или результатом преднамеренного действия, изменяющего замысел первого художника. В итоге “композиция” с двумя или более уровнями рисунков представляет несколько сюжетов. В то же время изображение, выбитое над более ранним, несет смысловую нагрузку в значительной мере отличную от той, что могла быть, окажись оно на еще не занятой рисунками плоскости (см.: [Jacobson, 2000]).

Второй этап анализа мотива того или другого изобразительного контекста касается его повторения – как в границах самого петроглифического комплекса, так и в пределах более обширной зоны размещения рисунков. Поиск аналогий или похожих образов требует установления различий между тождеством и всего лишь приблизительным сходством. Иными словами, так же как не все образы в сценах распятия Христа абсолютно (в деталях) повторяют друг друга, все

Рис. 17. Изображение оленя на горизонтальной плоскости, оконтуренное трещинами ледникового происхождения. Ранний железный век (?). Ирбисту, Российский Алтай.
Фото Г. Тепфера.

изображения быков и охотников имеют свои нюансы. Ко всему прочему рогатые фигуры обязательно представляют образ, характерный для какой-то одной культуры. Всякое проявление особого мотива, а с ним и художественного контекста приносит в канон нечто свое, особенное. К примеру, когда за один изобразительный элемент принимаются бык с шаровидным хвостом или сцена охоты на дикого буйвола, вероятно, невозможно выявить два абсолютно сходных воплощения этих элементов внутри отдельного комплекса или в пределах более широкой культурной зоны (см.: [Якобсон, 2002]). Разгадка значения любого мотива требует обнаружения достаточного количества местонахождений петроглифов, где бы эти мотивы и стилистика их исполнения повторялись. Только так можно подтвердить определенную идентификацию и впредь воспринимать ее не случайностью, а “правилом”. Так, если колесные повозки отождествляются с военными колесницами, которые увязываются с индоевропейскими мифологическими традициями, то нужно же обратить внимание на следующий немаловажный факт: в пределах Северной Азии не удалось обнаружить ни одной настоящей сцены военного сражения на колесницах. Между тем во всех дискуссиях, посвященных идентификации объектов наскального искусства, лишь немногие участники споров спокойно относились к замечаниям о том, что на петроглифах изображены всего лишь повозки, да еще и без куче-

ра и лошадей (иногда представлены только колеса), а не колесницы. Тщательное изучение изображений колесных повозок не подтверждает отождествления их именно с колесницами.

Финальный этап анализа самого изобразительного контекста включает в себя (как это ни парадоксально!) определение того, что не представлено в тех или других композициях или сценах. Отсутствие, например, прямых указаний на военные баталии делает недопустимым вывод о том, что колесные повозки намекают на события, связанные с вторжением мифических или героических персон. Тщательный учет изобразительных элементов контекста иногда позволяет установить более высокий уровень культурного и социально-экономического развития общества, чем можно было представить при небрежном анализе того же контекста. Так, если из какой-либо сцены явствует, что все яки одомашненные, то значит, можно говорить и о соответствующем уровне культурного развития; но если изображены дикие яки, на которых охотятся, то это отражает иной уровень и другое время.

Третий этап анализа касается физического (минерального) контекста, т.е. породы камня, на поверхности которого воспроизводились художественные образы и композиции. В то время как многие древние художники проявляли равнодушие к специфическим качествам скальной поверхности, были и такие, кто ясно понимал, какие возможности предоставляла под-

ходящая для выбивки изображений порода камня и особенности поверхности (рис. 17). Одно дело – многогранный валун моренных отложений, а другое – пласт коренной породы. Поэтому нужно, проводя анализы, идентифицировать виды минералов и определять характер поверхности камня (гладкая или неровная и т.д.). Следует также отметить особенности ее текстуры (в настоящее время и предположительно когда выбивались рисунки): зернистая, выветренная или “обработанная” ледником.

Анализ физического контекста должен включать также определение угла падения света на плоскость с рисунками и степени освещенности изображений в разное время суток (и сезонов). Даже свежесбитые изображения могли быть видимыми и невидимыми в зависимости от изменения их освещенности. В большинстве случаев этот аспект, вероятно, не учитывался художниками. Однако некоторые рисунки преднамеренно располагались так, чтобы лучи солнца попадали на них в определенное время суток, да еще и с учетом сезона. Например, в восточной секции Цагаан-Салаа IV серия изображений рожающих женщин была, похоже, намеренно ориентирована на восход солнца. Большое количество изображений “духов” Цагаан-Салаа II, III, V, очевидно, связано с культом плодородия и разведением домашних животных [Jacobson, 2001]. Их ориентация на юг, возможно, подчеркивает особую значимость такого вида образов.

Качество скальной поверхности использовалось для достижения большей выразительности образов наскального искусства. В одной из сцен Цагаан-Салаа I два навьюченных животных изображены на плоскости, обрамленной оранжевой кристаллической прослойкой камня [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 2, pl. I]. Другая сцена той же секции, где лучник целится из лука в крупного аргали, выбита на поверхности, исцарапанной ледником и пересеченной контрастными по цвету линиями минеральных прожилок [Ibid, pl. II]. В обоих случаях художники, похоже, преднамеренно выбирали “полотна”, прикидывая заранее, насколько эффектно будут выглядеть задуманные ими сцены на скальных поверхностях. Эта грань мастерства проявилась при размышлениях о смысловой значимости петроглифов и о роли художника в создании отдельных образов и композиций. Однако о ней предпочитают почему-то не говорить. Такую ситуацию можно уподобить анализу божественных росписей без упоминания о том, что они предназначены для размещения внутри церкви.

Физический контекст петроглифов включает также расположение плоскостей, выбранных для выбивки изображений. Во многих случаях может и не быть чего-то примечательного в позиции той или иной из них, в других петроглифы оказываются связанными с

подобием навеса на террасе, или с подчеркнута вертикальной стеной, или с одним из многих часто встречающихся огромных камней. Примеров такого заранее обдуманного использования примечательных элементов природных объектов множество. В этой связи сошлемся, в частности, на святилище Саймалы-Таш, на западные и восточные ритуальные памятники Бага-Ойгор II [Ibid, t. 2, map 12] или на местонахождение Калбак-Таш в долине р. Чуи [Kubarev, Jacobson, 1996]. Во всех перечисленных случаях трудно отделаться от впечатления, что наскальные изображения оказались именно там, где им и следовало находиться.

Отдельные памятники наскального искусства укрыты под скальными навесами. Это относится к необычайно изящным по исполнению петроглифам западного святилища Бага-Ойгор II, из которого в бронзовом веке обозревали сверху богатые пастбища с мелкими водоемами, поросшими травой. В комплексе Цагаан-Гол выявлены под навесом три панно с величественными фигурами буйволов. Это святилище связано с единственным холмом над Хар-Салаа. С него хорошо видны священная гора Шивээт-Хайрхан на севере и покрытая ледником Таван-Богд на западе [Якобсон, 2002]. Трудно сказать, умышленно или нет использовали скалы с такими навесами. Скорее всего, художники искали, в первую очередь, необычные по текстуре и притом по возможности более обширные плоскости, но, вполне вероятно, учитывались и особенности места размещения рисунков, и прикрытие его скальным навесом. То и другое усиливало, надо полагать, выразительность обширных композиций.

Четвертый этап анализа физического контекста наскального искусства – выявление связи с ритуальной деятельностью. Хотя большинство местонахождений размещалось, как нам кажется, там, где просто были подходящие условия для творчества художников, все же некоторые пункты явно использовались для свершения около них обрядов. Выше уже упоминались именно такие памятники – Цагаан-Салаа V и Бага-Ойгор II, каждый из которых имеет свои специфические особенности (физические и ритуальные), а также необычные навесы (козырьки), что, по-видимому, определяло ритуальный характер обоих мест и, возможно, вдохновляло художников. Ритуальный характер изобразительного контекста, в свою очередь, может определять значимость включенных в него отдельных образов и композиций (см.: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 1, pl. 34 – 39]). Иными словами, наскальные изображения могут подтверждать значимость особых мест, и наоборот.

Пятый этап изучения петроглифов – реконструкция окружающей палеосреды. Это, пожалуй, самый сложный из всех рассмотренных ранее этапов выяснения смысла отдельных образов или композиций,

Рис. 18. Изображение шерстистого носорога. Поздний палеолит. Арал-Толгой, Монгольский Алтай. Фото Г. Тепфера.

но не менее важный. Нельзя, не принимая во внимание природную среду, в которой создавались объекты наскального искусства Азии, безошибочно определить информативность каждого художественного образа или композиции. Но как воссоздать природный контекст? Решение такой задачи требует комплексного подхода, в т.ч. соответствующего анализа петроглифов, а также критического (с учетом археологических фактов) изучения публикаций, посвященных палеосреде. Например, четыре наскальных рисунка Цагаан-Салаа/Бага-Ойгор можно было бы интерпретировать как изображения мамонтов [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 2, pl. 120, 295, 296], а одна фигура на местонахождении Арал-Толгой похожа на носорога (рис. 18). Имеющаяся информация по палеобиологии и климату этого обширного района Северо-Западной Монголии подтверждает гипотезу о том, что данные представители плейстоценовой мегафауны могли быть, в принципе, запечатлены на скальных плоскостях не позже 10 600 л.н. (время, когда в этой части Северной Азии мегафауна исчезает) [Vereshchagin, Baryshnikov, 1984].

Другой пример возможности сопоставления петроглифов с данными о палеосреде представляют несколько сцен охоты на медведя и дикого кабана на памятниках Цагаан-Салаа/Бага-Ойгор и Цагаан-Гол. Вообще-то присутствие среди петроглифов бронзового века Монгольского Алтая этих образов факт необычный. На памятниках наскального искусства

железного века изображений медведя уже не встретишь, а фигуры кабанов, если и есть кое-где, обычно стилизованы и образно-условны (см., напр.: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 2, pl. 155]). В настоящее время в указанном районе нет леса и мелких водоемов, поросших травой, т.е. природных условий, подходящих для жизни медведей и кабанов. Изящно выполненная в стиле бронзового века сцена охоты на медведя была обнаружена в долине верхнего течения Цагаан-Гола (рис. 19). Эти животные в данной местности не обитают, хотя местные пастухи говорили нам, что они водятся в лесах между долиной Цагаан-Гола и восточными склонами горы Таван-Богд. В настоящее время древесной растительности в долине Цагаан-Гола нет, но невдалеке, на склонах террас кое-где все еще растут лиственные деревья – возможно, свидетельство того, что некогда здесь были леса. Сцена охоты на медведя отражает или воспоминание об охоте в тех самых лесах, или желание, чтобы в районе реки вновь появились деревья, а с ними и соответствующие животные, на которых можно было бы поохотиться. Эти и другие изображения медведей и диких кабанов в петроглифических комплексах Северо-Западной Монголии свидетельствуют о том, что в позднем бронзовом веке данный район был более лесистым, с более разнообразной растительностью, чем сейчас. Такая природная среда благоприятствовала развитию разных экономических укладов у обитателей этих долин, что обуславливало возникнове-

Рис. 19. Деталь сцены охоты лучника на медведицу и ее детенышей; ниже – изображения двух испуганных коз. Бронзовый век. Шивээт-Хайрхан, Цагаан-Гол, Монгольский Алтай. Фото Г. Тепфера.

ние специфических моделей организации жизнедеятельности общества. Иными словами, наличие среди петроглифов изображений диких кабанов и медведей намекает на соответствующий природный контекст. Он же, в свою очередь, позволяет интерпретировать анималистические рисунки.

Исчерпывающее определение контекста образов и композиций дает возможность достаточно точно представить характер самой культуры, одним из творцов которой был создатель произведений наскального искусства. Из него же следует исходить, реконструируя общественные структуры и разнообразную деятельность людей. Культура же в целом – наиболее трудноуловимый контекст, если задаться целью определить ее фундаментальную сущность. Поэтому мы не намерены обсуждать эту проблему в данной статье. Отметим лишь следующее: на характер культуры намекают отраженные в образах наскального искусства общественная организация и хозяйственная деятельность, элементы одежды и украшения, которые можно различить в деталях фигур людей. Культура проявляется также в манере передачи образов отдельных животных. Правда, нам не дано определить культурную значимость специфических деталей (например, шаровидность хвоста буйвола). Такие черты вполне можно отнести к сфере стилистики (см. выше наши размышления о стиле). Определение культурного контекста зачастую расплывчато. В этом деле приходится постоянно

обращаться к предшествующим по времени культурам и экстраполировать их характерные особенности на культуры последующие.

В конечном счете, определение значимости какого-либо мотива или композиции требует огромного терпения. После описания изображений, установления их повторяемости на других местонахождениях и уяснения сути многоуровневых контекстов исследователю необходимо решить, когда тот или иной мотив или композиция отражают объективную реальность или мифологическую парадигму, а когда образ, а то и композиция приукрашены личными выдумками художника. Принятие определенного решения зависит от ответа на вопрос: например, в сценах с гиперболически преувеличенными фигурами быков отражал ли мастер некую мифологическую традицию? Если аналогичные композиции представлены в рамках особого контекста на нескольких местонахождениях, то вполне вероятно, что они иллюстрируют такую традицию; но поскольку ни одна из этих композиций не тождественна другой, то сделанный вывод все же остается, в конечном счете, субъективным.

В итоге получается, что интерпретация древних изображений основывается на субъективных суждениях в пределах, однако, объективных фактов. Следует лишь признать возможность ее существенных изменений, опровержения сделанных выводов новой информацией или дополнительными наблюдениями.

Способствовать тому могут и контекст самого искусства, и археологические материалы, и этнографические данные. В конце концов, исследователю необходимо осознать, что изучение петроглифов находится где-то между наукой и искусством. Методология же есть тот мост, который перебрасывается через пропасть, разделяющую эти две сферы.

Петроглифы и познание доисторических культур

Петроглифы могут предоставить важную информацию относительно миграции культур разных моделей. Наскальные изображения, в отличие от образцов мобильного искусства, отражают реальное присутствие в данном месте художников, которые длительный период времени воссоздают образы, придерживаясь одного и того же характерного стиля. Это позволяет проследить пространственное и временное распространение того или другого мотива. Подобные “отметки” как бы очерчивают границы значительных ареалов. Например, стилизованное изображение оленя монгольских оленных камней фиксируется на западе до Баян-Журека, Джунгарского Алатау [Акишев, 1981]; петроглифы чисто “пазырыкского стиля” обнаружены на местонахождении Эшкеолмес (Казахстан), а наскальные изображения, выполненные в “келермесском стиле”, – в Жалтырак-Таше [Шер и др., 1987]. Широкое распространение этих изображений свидетельствует о грандиозной миграции, которая не нашла отражения в древних текстах или даже в известных погребальных памятниках. Петроглифы верховьев Инда, выполненные в характерной для среднеазиатских культур бронзового и железного веков стилистике, углубили наши представления о связях между древними обитателями Северной и Средней Азии, что опять-таки не нашло отражения в письменных источниках (например, миграция ариев во II тыс. до н.э. и саков во II в. до н.э.). Недавно опубликованные изображения на деревянных предметах железного века из Синьцзяна подтверждают предположение о том, что контакты между этими весьма отдаленными друг от друга регионами осуществлялись достаточно долго [Francfort, 2001].

Есть еще одно обстоятельство, о котором нельзя забывать. Петроглифы представляют т.н. примитивное искусство. Наскальные рисунки Центральной и Средней Азии [Francfort, 1995], а также Европы (например, Леванта) (см.: [Vialou, 1991]), имеющие отношение к обществам охотников и собирателей, содержат информацию преимущественно лишь о самих животных. Что касается сцен охоты, то они стали, похоже, наиболее частыми, когда люди перешли к земледелию и разведению домашнего скота. В большинстве

регионов Евразии “примитивное искусство” автохтонных неолитических и последующих культур соотносится по хронологии с искусством земледельческих, вернее, пастушеско-земледельческих цивилизаций с более развитой экономикой, которое лишено наивности и простоты. В наскальном искусстве Северной, Центральной и Средней Азии бронзового века постоянно присутствует образ человека, его художественное воплощение отражает изменения в культуре. А признание этого факта, по нашему мнению, не позволяет употреблять термин “звериный стиль” по отношению к изобразительной традиции, в которой часто находит отражение человек и его судьба.

Плодотворным может стать обращение к петроглифам периферий имперских оседлых цивилизаций. Например, множество изображений, которые датируются временем после III в. н.э., иллюстрирует жизнь идеального общества рыцарей (сцены сражений, поединков, соколиной охоты и т.д.). Такого рода композиции характерны для наскальных рельефов сасанидов, а также согдийских и китайских (эпохи Тан) настенных росписей. Однако, возможно, импульс к развитию этих художественных традиций оседлых цивилизаций таился в “степном искусстве”. Во времена, предшествующие железному веку, многие мотивы наскальных рельефов ахеменидов переносились в древней Бактрии и верховьях Инда на каменные печати. Сходные изображения встречаются также на изделиях земледельцев Средней Азии эпохи бронзового века, на отдельных предметах, наскальных рельефах и среди петроглифов древнего Элама. Подобные аналогии позволяют раскрыть подоплеку сложных отношений между “степняками” и земледельцами.

Это краткое обсуждение материалов мы можем свести в единственное наблюдение: петроглифы могут использоваться как индикаторы культурного родства, но не как надежные признаки культурной идентичности. Они и в самом деле рассказывают очень многое о жизни тысячи лет назад. Это повествование помогает нам лучше понять археологические материалы, обнаруженные при раскопках. Как уже указывалось, значительные изменения окружающей среды, например, на протяжении последних 14 тыс. лет в Северо-Западной Монголии не могли не сказаться на культурах, что нашло отражение в художественных образах петроглифов. Может быть, вместо того чтобы привязывать априорно эти рисунки к конкретным культурам, есть смысл рассматривать их как возможные свидетельства изменений окружающей среды, повлиявших и на экономику, и на образ жизни. Такие наблюдения могут позволить нам выявить ряд надежных культурных признаков, которые обычно определяются в археологических исследованиях, и, в конечном счете, получить картину палеоэкологических, социальных и культурных изменений в древности.

Признанием культурной значимости таких выдающихся памятников, как Цагаан-Салаа/Бага-Ойгор или Саймалы-Таш, станет, вероятно, концепция исследования и сохранения их как части мирового культурного наследия.

Список литературы

Акишев А.К. Петроглифы Джунгарского Алатау // АО 1980 г. – 1981. – С. 428 – 429.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: АН МНР, 1981. – 254 с.

Волков В.В., Новгородова Э.А. Оленные камни Ушкиин-Увера // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 78 – 84.

Дэвлет М.А. Петроглифы Мургур-Саргола. – М.: Наука, 1980. – 271 с.

Дэвлет М.А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 286 с.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 172 с.

Мартынов А.И., Марьяшев А.Н., Абетеков А.К. Наскальные изображения Саймалы-Таша. – Алма-Ата: Каз. пед. ун-т, 1992. – 52 с., 132 рис., 29 фото.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск: Наука, 1999. – 160 с.

Окладников А.П. Шишкинские писаницы. – Иркутск: Кн. изд-во, 1959. – 211 с. – (Памятники древней культуры Прибайкалья).

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы урочища Сары-Сатак (долина р. Елангаш). – Новосибирск: Наука, 1982. – 149 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1969. – Ч. 1. – 219 с.; 1970. – Ч. 2. – 363 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Шер Я.А., Миклашевич Е.А., Самашев З.С., Советова О.С. Петроглифы Жалтырак-Таша // Проблемы археологических культур степей Евразии / Под ред. А.И. Мартынова. – Кемерово: Кем. ун-т, 1987. – С. 70 – 78.

Якобсон Э. К вопросу об информативности петроглифических и погребальных памятников эпохи бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3 (11) – С. 32 – 47.

Bahn P.G. Save the Last Trance for Me // The Concept of Shamanism: Uses and Abuses. / Eds. H.-P. Francfort, R. Hamayon. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2001. – P. 51 – 94.

Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher Ja.A., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Sibérie du Sud 2: Tepselj I – III, Ust'-Tuba I – IV (Russie, Khakassie). – P.: De Boccard, 1995. – 151 p., 93 pl. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale / Eds. H.-P. Francfort, Ja.A. Sher; T. V.2). – (Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale; N 2).

Calmeyer P. Metamorphosen iranischer Denkmäler // Archäologische Mitteilungen aus Iran. – 1994. – N 27. – S. 1 – 27.

David R., Desclaux M. Pour copie conforme: Les techniques de moulage en paléontologie, en préhistoire et en archéologie historique. – Nice: Editions Serre, 1992. – 326 p.

Dewey J. Art as Experience. – N.Y.: Putnam, 1934; Reprint. – 1979. – 355 p.

Dorn R. Rock Coatings // Developments in Earth Surface Processes 6. – Amsterdam: Elsevier, 1998. – 429 p.

Dorn R. Chronometric Techniques: Engravings // Handbook of Rock Art Research / Ed. by D.S. Whitley. – N.Y.; Oxford: Altamira Press, 2001. – P. 167 – 189.

Febvre L. Le problème de l'incroyance au 16e siècle: La religion de Rabelais // L'évolution de l'humanité. – P.: Albin Michel, 1942.

Francfort H.-P. Perspectives de recherches // Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher Ja.A., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Sibérie du Sud 2: Tepselj I – III, Ust'-Tuba I – IV (Russie, Khakassie). – P.: De Boccard, 1995. – P. LXX – LXXVII. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale / Eds. H.-P. Francfort, Ja.A. Sher; T. V.2). – (Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale; N 2).

Francfort H.-P. Central Asian petroglyphs: between Indo-Iranian and shamanistic interpretations // The Archaeology of Rock Art / Eds. Ch. Chippendale, P.S.C. Taçon. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 1998. – P. 302 – 318.

Francfort H.-P. De l'art de steppes au sud du Taklamakan // Bulletin of the Asia Institute. – 2001. – N 11. – P. 45 – 58.

Francis J.E. Style and Classification // Handbook of Rock Art Research / Ed. by D.S. Whitley. – N.Y.; Oxford: Altamira Press, 2001. – P. 221 – 244.

Gombrich E.H. Art and Illusion: a Study in the Psychology of Pictorial Representation. – L.: Phaidon. – 1977. – 386 p.

Gonzáles R. Art et espace dans les grottes paléolithiques cantabriques: – L'Homme des origines. – Grenoble: Jérôme Millon, 2001.

Groupe de réflexion sur l'Art Pariétal Paléolithique. L'art pariétal paléolithique. Techniques et méthodes d'étude (Documents préhistoriques, 5). – P.: Edition du Comité des Travaux Historiques et Scientifiques, 1993. – 427 p.

Helvenston P.A., Bahn P.G. Deperately Seeking Trance Plants: Testing the "Three Stages of Trance" Model. – N.Y.: RJ Communications LLC, 2002. – 58 p.

Jacobson E. On the Question of Shamanism among the Early Nomads of Eurasia (The First Millennium B.C.) // Altaica Osloensia / Ed. by B. Brendemoen. – Oslo: Universitetsforlaget, 1990a. – P. 165 – 179.

Jacobson E. Warriors Chariots and Theories of Culture: John Gombojab Memorial Volume. Pt. I // Mongolian Studies. – 1990b. – Vol. 13. – P. 83 – 116.

Jacobson E. The "Bird-Woman", the "Birthing Woman" and the "Woman of the Animals": A Consideration of the Female Image in Petroglyphs of Ancient Central Asia // Arts Asiatiques. – 1997. – N 52. – P. 37 – 59.

Jacobson E. "Emblem" against "Narrative" Rock Art of the Mongolian Altai // Bulletin of the Siberian Association of Prehistoric Rock Art Researches. – 2000. – Vol. 3. – P. 6 – 14.

Jacobson E. Shamans, Shamanism, and Anthropomorphizing Imagery in Prehistoric Rock Art of the Mongolian Altai // The Concept of Shamanism: Uses and Abuses / Eds. H.-P. Francfort, R. Hamayon. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2001. – P. 277 – 294.

- Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D.** Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor: En 2 t. – P.: De Boccard, 2001. – 481 p., 1318 figs. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale / Eds. H.-P. Francfort, Ja.A. Sher; T. V.6). – (Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale; N 6).
- Jacobson E., Meacham J.** The Rock Art Imagery at Tsagaan Salaa/Baga Oigor: Methodological Considerations // Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor: En 2 t. – P.: De Boccard, 2001. – T. 1. – P. 3 – 6. – (Mémoire de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale / Eds. H.-P. Francfort, Ja.A. Sher; T. V.6). – (Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale; N 6).
- Kubarev V.D., Jacobson E.** Sibérie du Sud 3: Kalbak-Tash I (République de Altai) – P.: De Boccard, 1996. – 45 p., 622 figs. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale / Eds. H.-P. Francfort, Ja.A. Sher; T. V.3). – (Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale; N 3).
- Leroi-Gourhan A.** Préhistoire de l'art occidental: L'art et les grandes civilisations. – P.: Mazenod, 1971. – 499 p.
- Lévi-Strauss C.** La pensée sauvage: Collection Agora. – P.: Plon, 1962. – 347 p.
- Levy-Bruhl L.** L'âme primitive. – P.: Quadrige, 1927. – 451 p.
- Lorblanchet M.** La naissance de l'art: Genèse de l'art préhistorique. – P.: Errance, 1999. – 304 p.
- Martin L.** Pétrabase, une base données consacrée aux gravures repêtres d'Asie centrale // Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher Ja.A., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Sibérie du Sud 2: Tepsej I – III, Ust'-Tuba I – IV (Russie, Khakassie). – P.: De Boccard, 1995. – P. 21 – 32. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale / Eds. H.-P. Francfort, Ja.A. Sher; T. V.2). – (Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale; N 2).
- Nemlaghi A.** Approche géomicrobiologique des processus d'altération et de bioconstruction des surfaces d'art rupestre en Asie centrale (Kazakhstan et Sibérie méridionale): Thèse de doctorat de l'université de Paris 1. – Panthéon-Sorbonne, 1998. – 359 p.
- Nowgorodowa E.A.** Alte Kunst der Mongolei. – Leipzig: E.A. Seemann Verlag, 1980. – 280 p.
- Samashev Z.S., Rogozhinskij A.E.** Tentative d'interprétation de pétroglyphes de Tamgaly // Bulletin of the Asia Institute. – 1997. – N 9. – P. 198 – 207.
- Shapiro M.** Style // Anthropology Today / Ed. by A.L. Kroeber. – Chicago: University of Chicago Press, 1953. – P. 287 – 312.
- Sher Ya.A.** A propos de origines du "style animalier" // Arts Asiatiques. – 1992. – Vol. 47. – P. 5 – 18.
- Sher Ja.A., Blednova N., Legchilo D., Smirnov D.** Sibérie du Sud 1: Oglakhty I – III (Russie, Khakassie). – P.: De Boccard, 1994. – 51, XXXVII p., 9 pl. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale; T. V.1). – (Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale; N 1).
- Tashbaeva K., Khujanazarov M., Ranov V.A. Samashev Z.S.** Petroglyphs of Central Asia. – Bishkek: International Institute of Central Asian Studies, 2001. – 220 p.
- The Concept of Shamanism: Uses and Abuses / Eds. H.-P. Francfort, R. Hamayon.** – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2001. – 408 p.
- Vereshchagin N.K., Baryshnikov C.F.** Quaternary Mammalian Extinctions in Northern Eurasia // Quaternary Extinctions / Eds. Paul S. Martin, Richard G. Klein. Tuscon, Arizona: University of Arizona Press, 1984. – P. 483 – 516.
- Vialou D.** La Préhistoire: L'Univers des Formes. – P.: Gallimard, 1991. – 256 p.
- Xie X-s., Xiao Z-m.** A Study of Lichenometry and its Application to Some Geological Events in Shaanxi, China // Chinese Science Bulletin. – 1991. – Vol. 35, N 15. – P. 1281 – 1285.

Материал поступил в редколлегию 18.03.03 г.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903

В.С. Мосин

*Южно-Уральский отдел Института истории и археологии УрО РАН
Челябинский научный центр
ул. Коммуны, 68, Челябинск, 454000, Россия
E-mail: mvs54@mail.ru; sudarh@csc.ac.ru*

ЭНЕОЛИТ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ*

Введение

Южный Урал простирается к югу от 55°50' с.ш. Наиболее резко здесь выражен водораздел между системами рек Урала и Камы, проходящий по хребту Урал-Тау. Близ широты г. Магнитогорска горная область начинает снижаться, далее к югу она постепенно сменяется древними пенепами южной оконечности Урала, в той или иной степени расчлененными позднейшей эрозией [Геология СССР, 1969].

Южное Зауралье включает территорию Челябинской обл., западную часть Курганской, восточную Оренбургской и восточные (зауральские) районы Башкирии. Северной границей Южного Урала считается долина р. Уфы от Нязепетровска и Верхнего Уфалея на востоко-северо-восток через оз. Иткуль и Каменск-Уральский до устья р. Исеть; южная проходит от широтного отрезка р. Сакмары через Орск, вдоль долины р. Кумак и далее на восток южнее истока р. Тобол; восточной можно считать верхнее течение р. Тобол; на западе естественной границей являются основные хребты Южного Урала (рис. 1).

В Южном Зауралье выделяются три ландшафтные зоны. Горно-лесная охватывает северо-западную возвышенную часть Челябинской обл. Восточнее находится лесостепная зона, которая выделяется в пределах и Уральской горной страны, и Западно-Сибирской низменности. К ней относятся все районы севернее р. Уй. Степная зона охватывает часть Челябинской обл., расположенную южнее р. Уй, а также Орский р-н Оренбургской обл.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 02-01-00505 а/т.

Близость к горам определяет еще и меридианальное деление ландшафтных зон. Так, например, южные степные районы Зауралья, примыкающие к восточному склону, по сути, являются лесостепью. Разнообразие ландшафтов дополняет большое количество живописных озер, цепочкой вытянутых вдоль восточного склона, и развитая речная система. Здесь же проходит знаменитый “яшмовый пояс Урала” – выходы на поверхность южно-уральского кремня и яшмы, дававшие высококачественное сырье для изготовления орудий. Население каменного века Южного Зауралья использовало кремневый материал, происходящий из размывов отложений древних потоков или из местных коренных месторождений. Такое разнообразие природных богатств Южного Зауралья, естественно, привлекало людей и давало возможность стабильного проживания в различные периоды голоцена.

На Южном Урале в эпоху энеолита, приходившуюся на конец атлантика и начало суббореала, граница между лесом и степью, перемещавшаяся на предшествующих этапах послеледниковья к югу, достигла в атлантический период положения, близкого к современному, и в дальнейшем оставалась более или менее стабильной. В самом конце атлантика отмечается некоторое расширение степных пространств в лесостепных районах и незначительное остепнение самой южной окраины лесной зоны.

Суббореальный период в Южном Зауралье характеризуется наиболее сложными, скоротечными и контрастными изменениями в ландшафтах. Начальный этап – глобальное похолодание климата продолжительностью ок. 500 лет. На юге региона в ландшафтах выявлено определенное участие лесных сообществ с сосной, елью и даже кедром, а также лугово-

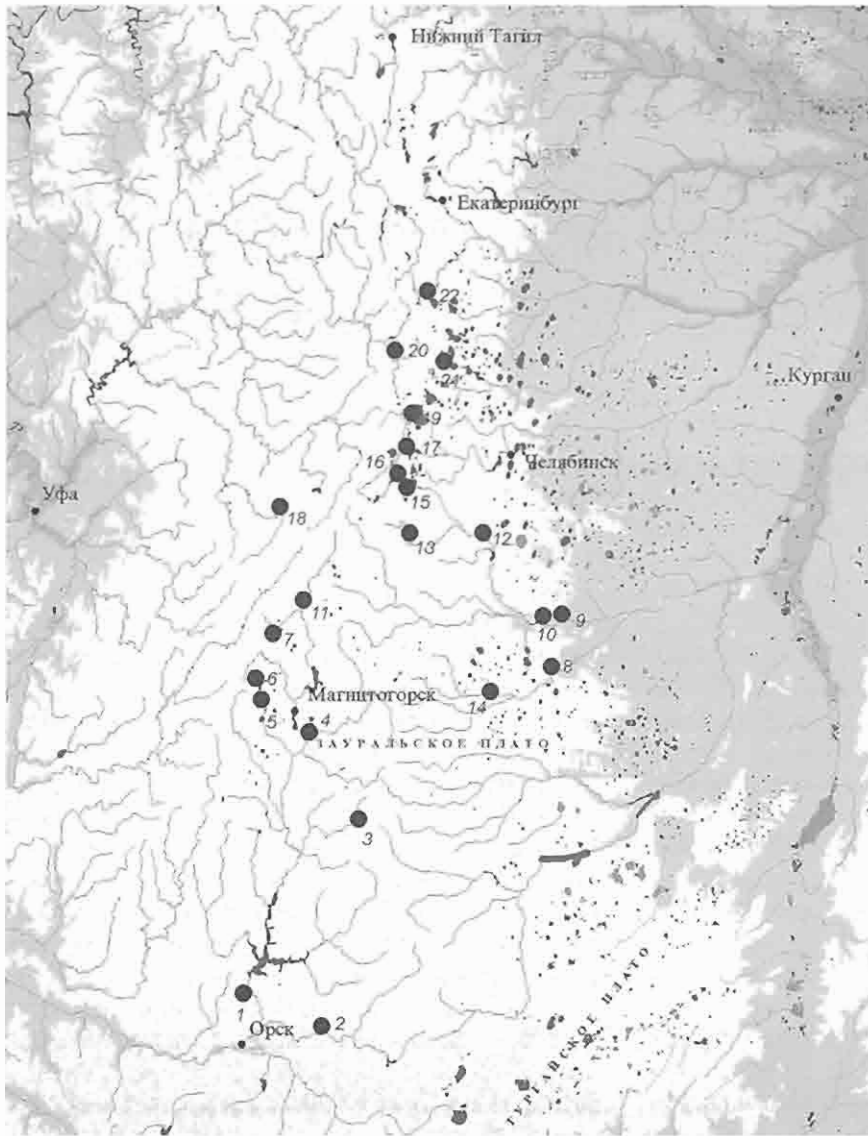

Рис. 1. Основные энеолитические памятники Южного Зауралья.

1 – Ишкиновка I; 2 – Новокумакское I, Ударник; 3 – Александровский IV; 4 – Агаловка I; 5 – Суртанды VIII, III и др.; 6 – Карабалыкты IX, Березки, Мысовая; 7 – Мурат; 8 – Бурли II; 9 – Стрелецкие II–IV; 10 – Путиловская Заимка; 11 – Новобайрамгулово; 12 – Красносельская; 13 – Краснокаменка; 14 – Дружный; 15 – Чебаркуль I, II, IV, Ха, б, XV, XVI; 16 – Кысы-Куль; 17 – Латочка, Кораблик, Няшевка II; 18 – Юрюзанская IIб, в; 19 – Аргазы VII и др.; 20 – Уфа IV; 21 – стоянки на оз. Большая Наного; 22 – Абселямовская, Иткульские I, II.

го разнотравья и злаков. В этот период произошло первое, самое значительное продвижение к югу темнохвойного флористического комплекса в голоцене, обусловленное усилением влияния воздушных масс сибирского антициклона.

Средний этап суббореального времени связан с экстремумом ксеротермической фазы голоцена (4 100 – 3 800 л.н.). Интенсивная аридизация и потепление климата способствовали расширению в южных районах зоны пустынь. В Южном Зауралье в растительности стали доминировать полупустынные кус-

тарничковые сообщества, образованные полынными и маревыми. Подобная очень быстрая смена лесостепных ландшафтов полупустынными, несомненно, может рассматриваться как катастрофическое природное явление. Эти события приходится на конец энеолита в Южном Зауралье [Лаврушин, Спиридонова, 1995; 1999].

Открытие первого энеолитического памятника в Южном Зауралье связывается с именем К.А. Шишковского, который обследовал берега оз. Кысы-Куль, расположенного в 10 км к северо-северо-западу от г. Миасса. В 30 – 50-х гг. XX в. раннеголоценовые памятники Южного Зауралья изучали Н.П. Кипарисова и К.В. Сальников, создавшие начальную источниковую базу и определившие основные черты энеолита Южного Зауралья [Кипарисова, 1960; Сальников, 1962]. В 60 – 70-х гг. прошлого столетия исследования памятников раннего голоцена в Южном Зауралье проводились Л.Я. Крижевской и Г.Н. Матюшиным [Крижевская, 1977; Матюшин, 1982].

К началу 1980-х гг. в изучении энеолита Южного Зауралья сложилась парадоксальная ситуация. Л.Я. Крижевская выделила кысы-кульскую культуру, а Г.Н. Матюшин – суртандинскую. Было очевидно, что многие характеристики этих культур очень близки или практически идентичны, однако их корреля-

ция не проводилась ввиду личного конфликта между исследователями. Решение проблемы требовало новых изысканий в различных природных зонах Южного Зауралья. Такие исследования проводились археологическими экспедициями Челябинского и Уральского университетов [Петрин, Нохрина, Шорин, 1993; Мосин, 1993].

Со второй половины 1990-х гг. каменный век Южного Зауралья изучается Южно-Уральским отделом Института истории и археологии УрО РАН под руководством В.С. Мосина. [Древняя история..., 2000].

Материальная культура

К настоящему моменту в Южном Зауралье известно ок. 50 в той или иной степени исследованных памятников, содержащих материалы энеолитического времени. Они расположены во всех природно-ландшафтных зонах от степи до горной тайги. Среди однослойных памятников Агаповка I, Бурли II, Стрелецкие II–IV, Юрюзанская IIв и др. Из смешанных нео-энеолитических слоев материалы выделены на стоянках Аргазинского водохранилища, Чебаркульских, Абселямовской, Путиловская Заимка и др. (рис. 1).

Зафиксированных остатков энеолитических жилищных или хозяйственных построек в Южном Зауралье совсем немного. Так, на стоянке Кысы-Куль были прослежены округлое углубление размерами $2,5 \times 3$ м и глубиной 0,45 м от уровня материка, возможно, являвшееся остатками жилищного котлована, и две ямки от столбов. На одном участке раскопа обнаружено скопление отщепов и изделий из камня, вероятно, здесь было “рабочее место” мастера.

На стоянке Уфа IV зафиксированы три каменные выкладки овальной формы, расположенные на уровне материка. Их размеры $0,6 \times 0,3$, $0,65 \times 0,5$ и $2,1 \times 1,1$ м. В двух выкладках обнаружены зола и угольки. Кроме этого, в раскопе зафиксированы три небольших углубления и девять ямок от столбов.

На стоянке Юрюзанская IIв в центре раскопа на уровне материка обнаружено очажное пятно неправильно-овальной формы, размерами $0,45 \times 0,35 \times 0,3$ м. Углубление заполнено прокаленным грунтом, стенки наклонные, дно округлое. В районе очага зафиксировано скопление керамики – 121 экз.

На Чебаркульских энеолитических стоянках из остатков хозяйственных сооружений, обнаруженных в раскопах, можно отметить очаги с кольцевыми выкладками из камней, которые, вероятно, использовались как подставки под сосуды. На Чебаркуле XV внутри такой выкладки был найден развал энеолитического сосуда.

На стоянке Суртанды VIII на отдельных участках раскопа прослежены углубления с остатками очагов, прокаленной почвой и т.п. Г.Н. Матюшин предполагал наличие здесь шести жилищ, которые окружали ровную площадку. Анализ материалов публикации [Матюшин, 1982, с. 14 – 28] и отчетов показывает, что это естественные углубления в скале (явление, часто встречаемое на Южном Урале), заполненные культурным слоем, где наблюдается концентрация находок. Если они и использовались в качестве наземных жилищ, то вряд ли были выдолблены в скале.

Коллекции энеолитической керамики с памятников Южного Зауралья представлены более чем 4 тыс. фрагментов от 250 сосудов. В подавляющем большинстве посуда орнаментирована оттисками гребен-

чатого штампа, но иногда наряду с этой использовалась и другая техника, которая играла явно подчиненную роль. Встречены сосуды с нарезками или насечками на внутренней стороне или по срезу венчика, с овальными вдавлениями, с ямками по венчику, с элементами прочерчивания.

Судя по реставрированным экземплярам и днищам, форма сосудов полуяйцевидная со слегка раздутым туловом, наибольший диаметр в его верхней части, венчик чаще всего отогнут наружу, иногда прямой, дно округлое. Отношение высоты сосуда к наибольшему диаметру составляет в среднем 1,25.

Керамика изготовлялась из ожелезненной и сильноожелезненной глины, в качестве минеральных примесей использовался тальк или слюда (до 90 – 95%). Формовка сосудов осуществлялась ленточным налепом внахлест и встык, ширина лент 5 – 6 см. Об этом свидетельствуют многочисленные фрагменты сосудов, разломавшихся по лентам. В результате обжига керамика приобретала характерный для Южного Зауралья красновато-бурый цвет, в разломе иногда двухцветный из-за недостаточно высокой температуры. Несколько отличается формовочная масса для изготовления веревочной керамики. В качестве отошителя использован песок и дресва, слабо окатанная и выступающая на поверхность острыми углами. Поверхность шероховатая, темно-коричневого цвета.

Толщина стенок у основной массы сосудов в среднем 6 – 8 мм, причем встречаются крупные экземпляры (Чебаркуль IV, XV) с очень тонкими стенками – до 4 мм. Толщина стенок не зависела от объема посуды. Внешняя поверхность обычно гладкая или при большом количестве талька шероховатая, внутренняя в большинстве случаев заглажена гребенчатым штампом. В энеолитических материалах Южного Зауралья представлена посуда вместимостью от 0,3 до 26 л. Наиболее многочисленны группы сосудов в 7 – 8 и 10 – 13 л.

Штампы для орнаментации керамики в Южном Зауралье изготавливались из мягких пород камня, в основном из сланца. Такие изделия встречены на памятниках Башкирского Зауралья – Карабалыкты IX, Мурат, Бельская II; один экземпляр – на стоянке Иткульская II. Как правило, это тонкая плитка овальной или полуовальной формы с зубцами по выпуклому краю.

Керамика, орнаментированная гребенчатым штампом, делится на два типа: с простыми (монотонными, линейными) и геометрическими мотивами (рис. 2). Первый составляет 62,5%, второй – 37,5%. Среди простых орнаментальных мотивов наиболее распространенными являются горизонтальная полоса наклонных оттисков штампа, зоны из многорядных наклонных оттисков, двух- и трехрядные полосы таких оттисков, горизонтальный зигзаг, полосы “шагающей гребенки” (рис. 2, 1 – 4).

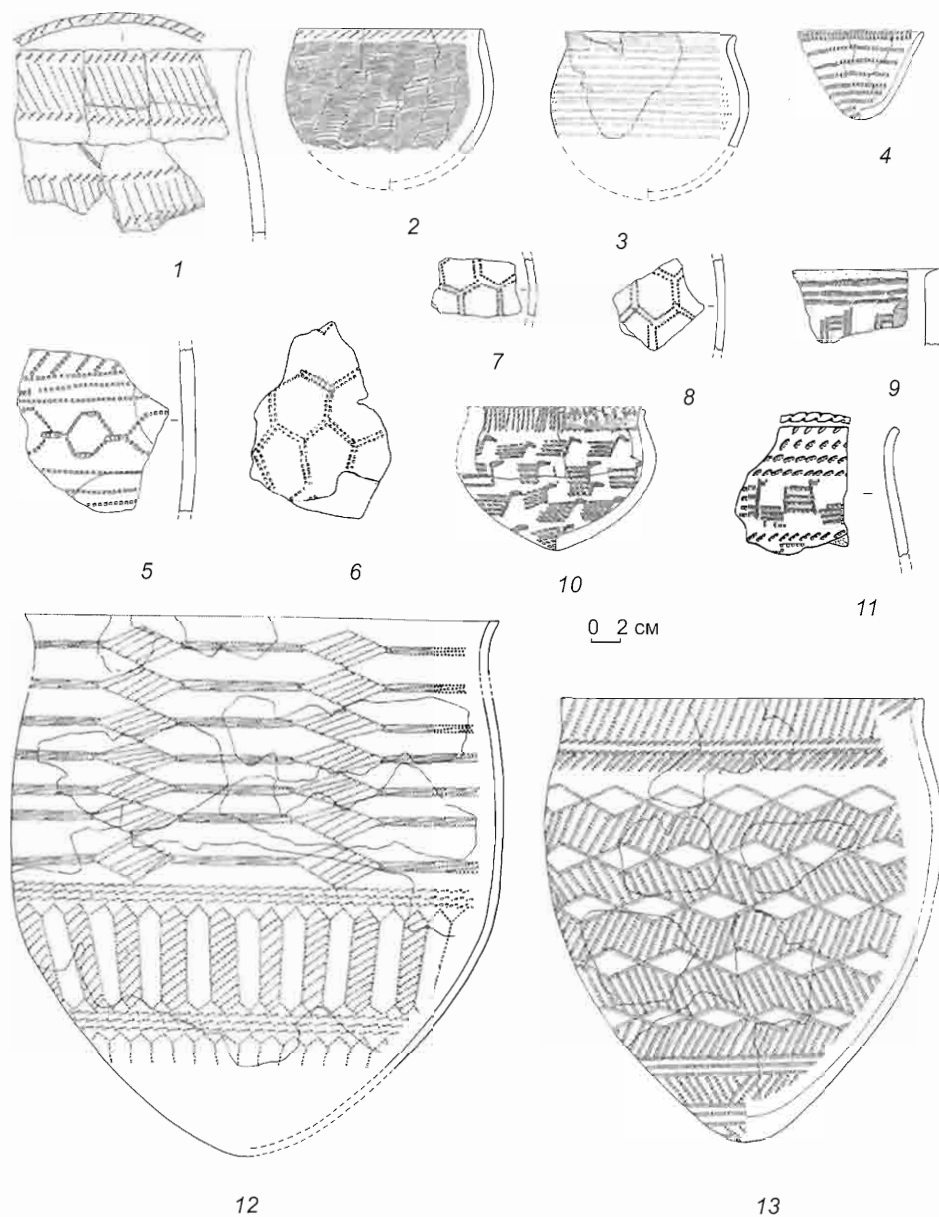

Рис. 2. Керамика с гребенчатой орнаментацией.

1, 7, 8 – Кысы-Куль; 2, 3 – Чебаркуль I; 4 – Стрелецкое IV; 5 – Юрюзанская Пв; 6 – Чебаркуль XV; 9 – Абсеямовская; 10 – Ишкиновка I; 11 – Путиловская Заимка; 12 – Чебаркуль IV; 13 – Уфа IV.

Геометрические мотивы разнообразны и оригинальны, но можно выделить несколько групп близких мотивов. Наиболее часто встречается косая сетка, которая образует горизонтальные зоны, иногда даже с внутренней стороны венчика, или покрывает весь сосуд. Следующей группой являются различные комбинации горизонтально вытянутой цепочки ромбов, заштрихованных или нет, выполненных одной или двумя линиями оттисков штампа. По такому же принципу построены мотивы из различных треугольников: высоких, низких, равнобедренных, равноносторонних, вверх или вниз вершинами, иногда вза-

имопроникающих или отдельно стоящих. Часто встречаются различные варианты “лесенок” – вертикальные, наклонные, горизонтальные. Близки к “лесенкам” ленты-зигзаги. Очень оригинальными и, как правило, неповторяющимися, являются шевроны разнообразной формы – прямоугольные, трапециевидные, многоугольные. Они могут быть заштрихованные или нет, с прямыми либо ступенчатыми краями, с разделителями в виде вертикального зигзага – “змейки” (рис. 2, 12, 13).

Особо следует отметить орнамент, изображающий уток. Такие сосуды встречены на стоянках Пути-

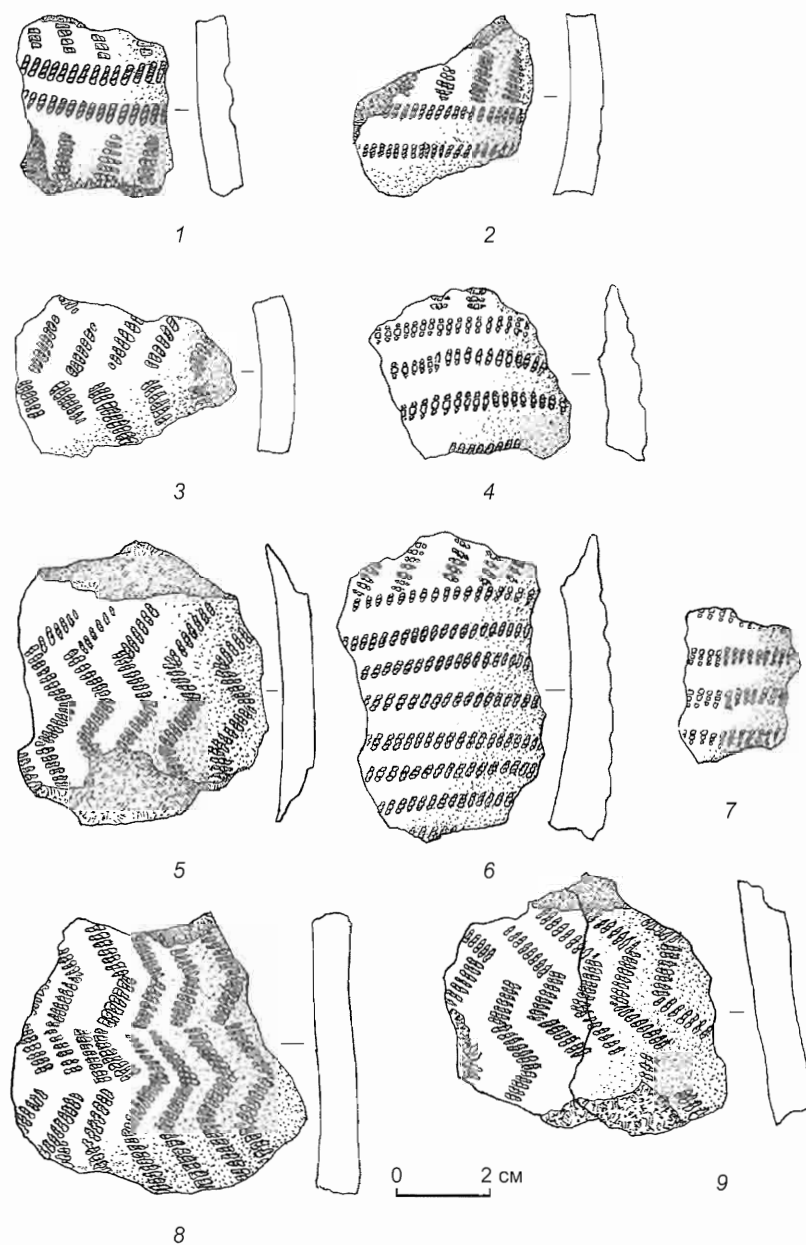

Рис. 3. Керамика с веревочной орнаментацией со стоянки Агаповка I.

ловская заимка, Латочка, Суртанды VIII, Абсеямовская, Ишкиновка [Древняя история..., с. 204]. Изображения могут быть стилизованы или более реалистичны, однако все они отражают движение плывущих слева направо птиц (рис. 2, 9 – 11). Своеобразным “эталоном” южно-уральского геометризма является “сотый” орнамент, встречающийся, однако, редко (рис. 2, 5 – 8).

Керамики с веревочной орнаментацией в Южном Зауралье пока найдено немного. Она встречена на стоянках Агаповка I (рис. 3), Суртанды III, Березки и в незначительных количествах на некото-

рых других. Необходимо отметить, что под веревочной понимается техника нанесения орнамента, при которой тонкая перевитая веревочка наматывалась перпендикулярно твердой основе, и затем таким орнаментом делались оттиски. К сожалению, когда еще не была известна керамика с подобным орнаментом, Л.Я. Крижевская назвала веревочным “ложношнуровой” орнамент липчинского типа [Крижевская, 1977]. Иногда такое разное понимание одного термина приводит к путанице. Веревоочная керамика Южного Зауралья очень фрагментарна, реконструировать сосуды пока не удастся.

Ее орнамент относится к простым: горизонтальные полосы наклонных и вертикальных отгисков, горизонтальные линии, вертикальный зигзаг (рис. 3).

Керамика с “ложношнуровой” орнаментацией липчинского типа встречается на большинстве памятников, однако она, как правило, представлена мелкими фрагментами, не поддающимися реставрации, и составляет, в лучшем случае, 10 – 12% от числа орнаментированных фрагментов. Исключением, пожалуй, являются стоянки с Аргазинского водохранилища, где “ложношнуровая” липчинская керамика как будто бы более многочисленна [Петрин, Нохрина, Шорин, 1993].

Каменный инвентарь энеолитических памятников Южного Зауралья генетически связан с предшествующим неолитическим и продолжает единую линию развития. Наиболее распространенным сырьем для изготовления орудий остается южно-уральский кремний и яшма различного цвета: зеленая, сургучная серая, черная. Кроме этого, в энеолите начинают широко использоваться кремнистые породы более низкого качества. В инвентаре стоянки Путиловская Заимка представлено такое сырье белого, желтого, красно-коричневого, серо-синего и других цветов. На стоянках-мастерских Стрелецкие II – IV использовали желто- и темно-коричневый кремний; окремененный в процессе выщелачивания серпентинит от светло-серого до темно-серого с синевой цвета; реже кварцит и халцедон. В районах, граничащих с территорией распространения энеолитических памятников Северного Казахстана, сырьем служил яшмокварцит коричневатых оттенков.

На памятниках, относящихся к раннему этапу энеолита, таких как Агаповка I, Суртанды VIII, Новокумакское, характер первичного расщепления и номенклатура орудий практически идентичны неолитическим. В позднем энеолите постепенно уменьшается количество каменного инвентаря, изменяется его структура, происходит общее обеднение номенклатуры изделий, и наконец, на самых поздних памятниках (Чебаркуль IV, Юрюзанская IIв и др.) кремневые орудия составляют единицы (табл. 1).

На раннем этапе энеолита сохраняются основные формы нуклеусов – призматические, конические, как правило, одноплощадочные (рис. 4, 1, 2), полностью отсутствуют плоские на плитках яшмы, характерные для неолита. К концу энеолита нуклеусы практически исчезают.

Правильная призматическая пластинка как основная заготовка неолитической эпохи в течение энеолита постепенно деградирует. Происходит изменение основных морфологических признаков пластин. Возрастает роль пластин шириной свыше 1 см. Изменяется их контур. Они становятся грубее, менее стандартизованы. Наряду с экземплярами с параллельными

краями часто используются конвергентные. Медиальные части, преобладающие в неолите, встречаются значительно реже.

Только в раннеэнеолитических материалах представлены практически все типы неолитических орудий вплоть до пластин с притупленным краем, резчиков, геометрических микролитов и др. (рис. 4, 3 – 19, 21 – 25). Но пока известны единичные коллекции с таким орудийным набором. Основной массив энеолитических материалов характеризуется обедненной номенклатурой орудий (рис. 4, 38 – 58). Следует отметить, что на стоянке позднего энеолита Уфа IV найдены две трапеции (рис. 4, 43, 44).

Наиболее распространенными становятся скребки на отщепе и двустороннеобработанные орудия. Концевые скребки на пластинах постепенно исчезают. Скребки на отщепе различных размеров и конфигураций рабочего лезвия – округлые, подтреугольные, боковые, концевые и т.д. Значительную их часть составляют аморфные скребки, форма которых зависит от формы отщепе. Скребла малочисленны, менее стандартизованы и отличаются от скребков большей массивностью. Двустороннеобработанные наконечники стрел и дротиков в основном листовидной формы – лавролистной и иволистной. Ножи на отщепе с двусторонней обработкой, асимметричной формы и выпуклым лезвием (рис. 4, 20, 26 – 37, 45 – 54).

Разнообразны орудия из некремнистых пород камня – рубящие, абразивы, грузила, “утюжки” и т.п. Шлифованные орудия из сланца представлены в основном топорами и теслами, очень часто в обломках. Использовались как полное, так и частичное шлифование изделий. Широко представлены грузила для сетей, а также, возможно, ножи и скребла округлой, овальной, подпрямоугольной формы из тонких плиток сланца, обработанных по всему периметру оббивкой (рис. 5, 13 – 18). Грузила имеют выемки на противоположных краях для крепления (Краснокаменка, Уфа IV и др.). “Утюжки” из талькового камня встречаются нечасто и представлены изделиями подромбической или подпрямоугольной формы с характерным поперечным желобком (Уфа IV, Путиловская Заимка, стоянки Аргазинского водохранилища, Башкирского Зауралья) (рис. 5, 1 – 5). Встречены также изделия неясного назначения (рис. 5, 6 – 12).

В целом, как уже отмечалось, каменный инвентарь, сохраняя на раннем этапе вполне неолитические черты, постепенно меняет свой облик, и к концу энеолита становится малочисленным и невыразительным.

На многих памятниках встречены единичные предметы из меди и следы металлургического производства. Кованые ножи найдены на стоянках Кысы-

Таблица 1. Инвентарь энеолитических памятников Южного Зауралья

Категория находок	Алаповка I	Новокумакская	Суртады VIII	Ударник	Бурли II	Стрелцево II	Стрелцево IV	Новобайрамгулово	Кызы-Куль	Латочка	Кораблик	Няшевка II	Уфа IV	Чебаркуль IV	Юрзанская IIб	Юрзанская IIв
Нуклеусы	7	15	125	6	5	64	10	1	9	-	-	-	2	-	1	-
Продольные, поперечные сколы, ребристые пластины	69	-	391	7	5	143	-	+	-	-	-	-	-	-	3	4
Пластины без обработки	520	44	1917	64	89	1410	258	-	-	61	40	10	15	-	59	2
Пластины с ретушью	158	16	357	12	49	13	-	7	16	21	5	-	-	+	6	-
Резцы	43	2	4	-	6	4	-	-	-	6	1	-	-	2	-	-
Резчики	10	1	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Пластины с выемкой	15	3	+	3	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-
Острия, сверла, проколки	12	1	6	1	4	-	-	-	-	-	1	-	-	1	1	-
Пластины с обработанным торцом	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
Геометрические микролиты	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-
Скошенные острия	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Пластины с пригупленным краем	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Наконечники на пластинах	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Скребки на пластинах	33	5	17	1	14	12	14	-	-	+	-	-	2	-	2	1
Скребки на отщепах	86	62	-	-	25	62	25	8	18	17	+	-	22	+	1	3
Двустороннеобработанные наконечники	36	11	268	1	1	13	6	+	7	3	5	3	6	1	-	-
Ножи	3	2	183	1	1	-	-	3	+	4	-	-	-	1	-	-
Грузила	-	1	+	-	1	-	-	-	+	-	-	-	2	-	-	-
Отбойники	3	-	+	-	-	-	-	2	+	+	-	-	-	-	1	-
Шлифованные орудия "Утюжки"	1	-	47	-	2	-	-	-	+	2	2	-	5	2	-	-
Орудия на плитках	-	-	-	-	-	-	-	13	+	+	+	-	1	-	-	-
Орудия на нуклеусах	-	-	25	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	2	-	-
Отщепы с ретушью	31	67	13	-	-	-	54	-	-	-	-	-	36	-	2	2
Отходы	-	-	-	-	-	-	6 833	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Керамика	210	8	1 581	5	+	24	48	18	+	+	+	+	678	+	26	158
Металл	-	-	5	-	+	-	-	-	1	1	-	1	-	1	-	-
Изделия из кости	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Украшения	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-

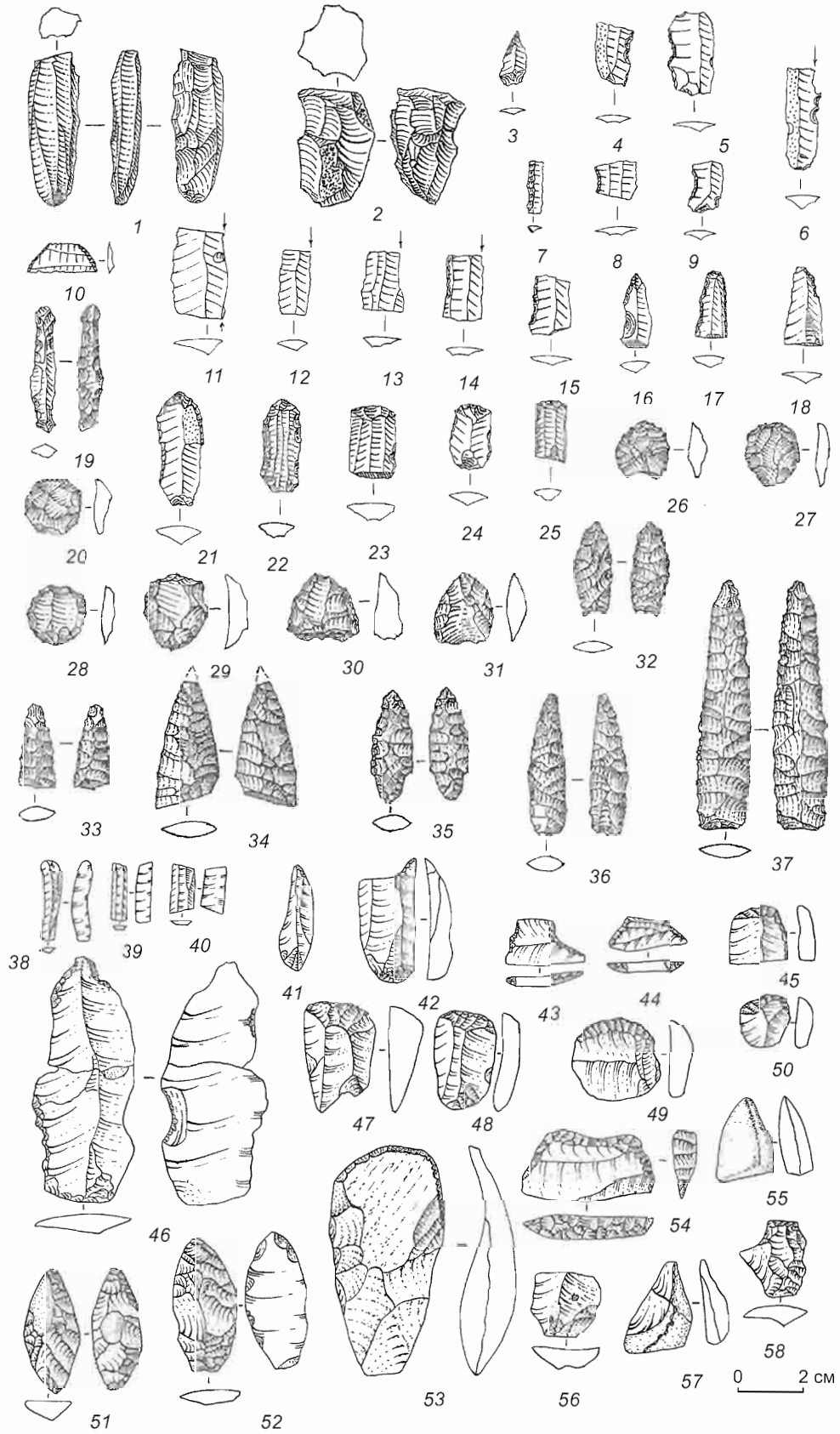

Рис. 4. Каменный инвентарь.
1 – 37 – Агаповка I (ранний энеолит); 38 – 58 – Уфа IV (поздний энеолит).

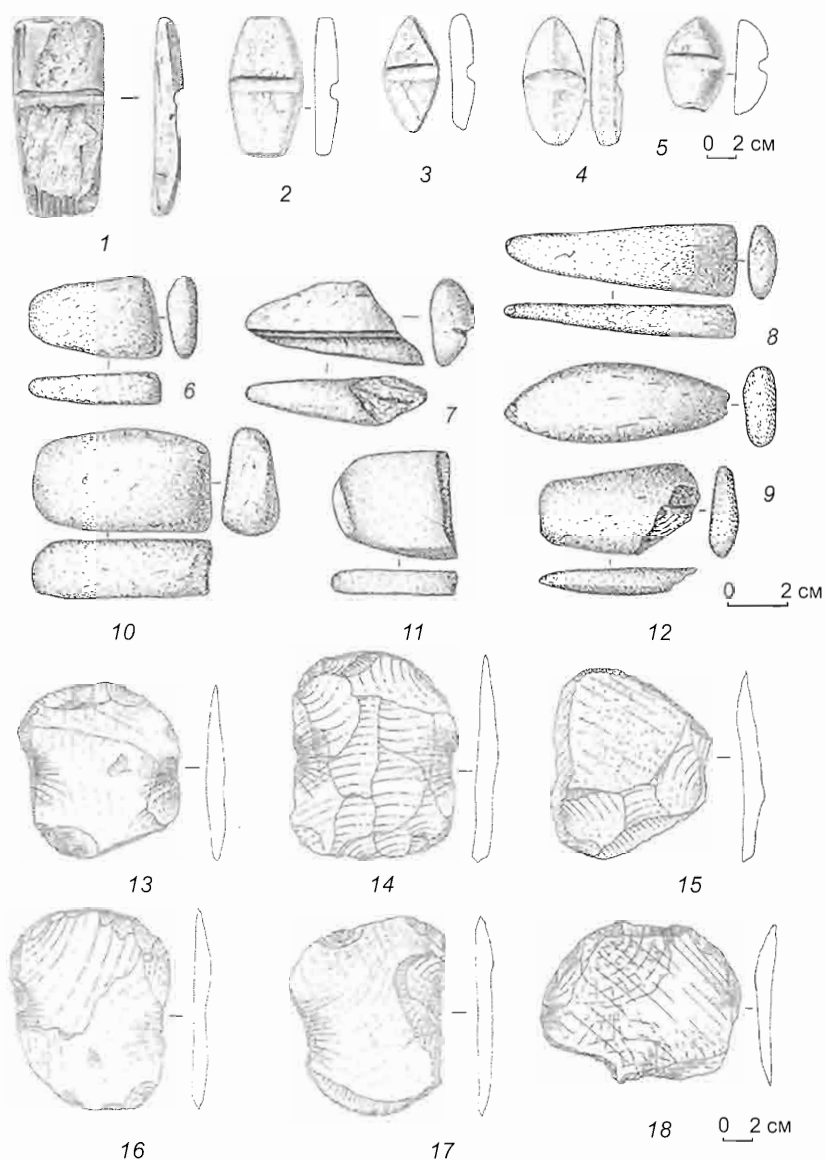

Рис. 5. Изделия из некремнистых пород камня.

1 – Путиловская Заимка; 2, 3, 5 – Березки VIII; 4 – Уфа IV; 6 – 8, 12 – Чебаркуль Ха; 9, 10 – Чебаркуль XV; 11 – Чебаркуль XVI; 13 – 18 – Краснокаменка.

Куль, Няшевка II, Чебаркуль IV, Карагайлы I, Яньш-ка, М. Липовый X [Сальников, 1962; Крижевская, 1977; Петрин, Нохрина, Шорин, 1993]. Они различаются по размерам, форме рабочей и рукояточной частей. Медные шилья встречены на стоянках Чебаркуль Ха и Карабалыкты IX [Древняя история..., 2000; Матюшин, 1982]. В погребении у пос. Дружного были найдены два медных колечка. На памятниках Суртанды VI – VIII, Латочка, Мурат, М. Липовый X, Путиловская Заимка и др. обнаружены остатки металлургического производства: медные пластинки, слиточки, сплески и капли меди. На стоянке Бурли II найдены кусочки медной руды [Крижевская, 1977;

Петрин, Нохрина, Шорин, 1993; Древняя история..., 2000]. Кроме того, встречаются фрагменты энеолитической керамики с капельками меди или ошлакованностью на внутренней стороне. Как правило, это обломки небольших сосудов, поверхность их от воздействия высокой температуры видоизменена, имеет белесый цвет и шероховатая. Спектральный анализ образцов показывает, что в подавляющем большинстве случаев медная основа составляет 99% и 1% распределяется между естественными примесями. Эти данные отчетливо характеризуют начальный этап металлургического производства в Южном Зауралье.

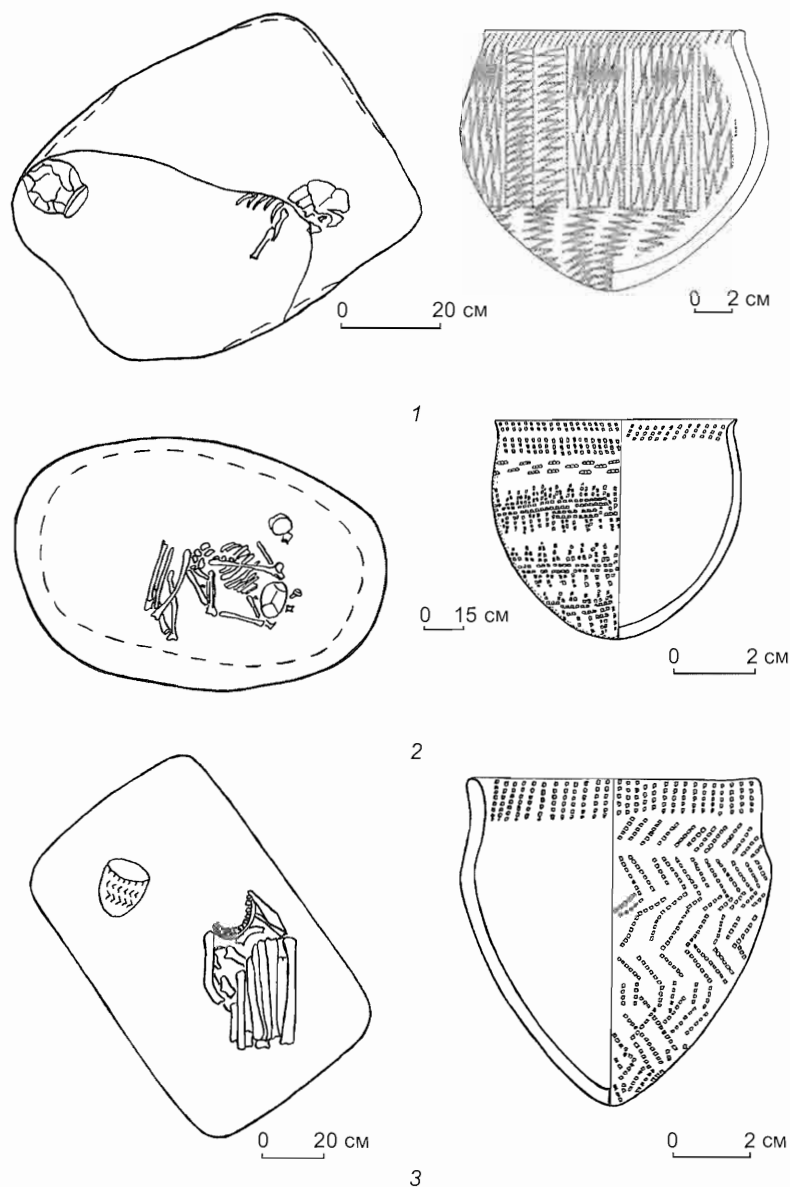

Рис. 6. План энеолитических погребений и сосуды из них.

1 – Александровский IV; 2 – Дружный (по: [Шорин, 1982]);

3 – Верхняя Алабуга (по: [Потемкина, 1982]).

Погребения

Всего в Южном Зауралье известно восемь погребений, относящихся к нео-энеолитическому времени. В четырех погребениях захоронены в вытянутом положении на спине, трое из них с инвентарем; в двух – в скорченном положении на боку, с сосудами (один из них с металлом); в одном – вертикально. Одно погребение представляет неполное трупосождение. Из восьми только два достоверно энеолитические.

На границе лесостепной и степной зон Южного Зауралья было исследовано погребение у пос. Дружного Челябинской обл. на правом берегу р. Тогузак

[Шорин, 1982]. Оно находилось на территории многослойного памятника поздней бронзы Дружный I, западная часть которого частично перекрывает стоянку позднего каменного века Дружный XV.

Могильная яма овальной формы, размерами $1,5 \times 1 \times 0,95$ м, ориентированная по линии ВЮВ – ЗСЗ, была зафиксирована на уровне материка под культурным слоем поселения (рис. 6, 2). В профиле яма имеет трапециевидную форму, расширяется ко дну, где размеры достигают $1,88 \times 1,24$ м. Мужчина в возрасте ок. 25 лет был погребен в скорченном положении на левом боку. Череп лежал теменной частью вверх, лицевой – на юг.

У правого плеча погребенного был поставлен небольшой сосуд, изготовленный из глины с характерной примесью талька. Сосуд полуяйцевидной формы со слегка отогнутым наружу венчиком и округлым дном. Орнаментированы вся наружная поверхность и внутренний край венчика. Орнаментальные мотивы представлены горизонтальными полосами наклонных оттисков штампа и “шагающей гребенки”. В качестве бордюра использована полоса неглубоких продолговатых вдавлений, расположенных в шахматном порядке.

В сосуде были обнаружены два медных колечка с несомкнутыми концами, диаметром 11 мм, изготовленные из тонкой проволоки. По характерным признакам керамики и наличию медных колечек погребение можно уверенно датировать энеолитом и отнести к кысы-кульско-суртандинской культуре Южного Зауралья.

Еще одно захоронение энеолитического времени было обнаружено при раскопках могильника эпохи бронзы Александровский IV, расположенного на р. Большая Караганка в степной зоне Южного Зауралья (рис. 6, 1). Погребение (кург. 1, мог. 2) находилось под полой курганной насыпью, сооруженной над могильными ямами синташтинской культуры. Оно фиксировалось на уровне материка как пятно гумусированного суглинка. Яма подпрямоугольной формы со скругленными углами ориентирована по линии ЗСЗ – ВЮВ, ее размеры 0,6 × 0,4 м. Возле западно-северо-западной стенки находился круглодонный сосуд, под которым зафиксирована прослойка черного органического тлена, уходившего под северо-северо-восточную и восточно-северо-восточную стенки. На дне ямы обнаружено пятно такого тлена, имевшее подпрямоугольную форму, размеры 0,73 × 0,56 м и ориентированное по линии ЮЗ – СВ. По диагонали ямы лежал костяк ребенка 2 – 4 лет, захороненного головой на восток, на левом боку. Кости предплечья были расположены перед грудной клеткой, нижняя часть скелета отсутствовала. Кости и дно ямы вокруг них обильно окрашены охрой.

Сосуд, обнаруженный в погребении, имел полуяйцевидную форму, слегка отогнутый наружу венчик, раздутое тулово и округлое дно. Вся поверхность орнаментирована гребенчатым штампом. По венчику с внешней и внутренней стороны расположена узкая полоска наклонных оттисков штампа, по тулову – вертикальные зоны, заполненные горизонтальными или вертикальными рядами “шагающей гребенки”. Погребение относится к кысы-кульско-суртандинской культуре.

В Курганской обл. при раскопках могильника эпохи бронзы Верхняя Алабуга было исследовано энеолитическое погр. 5 (рис. 6, 3). По всем признакам оно наиболее близко погребениям Южного Зауралья.

Очертания могильной ямы выявлены на глубине 0,4 м под слоем темно-серой супеси, составляющей верхние наслоения на неразрушенной части останца. Могила прямоугольной формы, со слегка закругленными углами, размером 0,95 × 0,6 м, глубиной 0,25 м, в разрезе – полуовальная, продольной осью ориентирована по линии СЗ – ЮВ.

В южной половине могилы, ближе к восточной стенке, обнаружены нижняя челюсть и трубчатые кости взрослого человека. Последние лежали компактной кучкой: сверху берцовые, ниже бедренные, под ними тазовые и обломки мелких косточек плохой сохранности. Судя по положению костей, умерший был захоронен в сильно скорченном, возможно связанном, положении на спине, головой на северо-запад. Слева от челюсти найдено массивное медное четырехгранное шило с двумя заостренными концами, утолщенное с одного края. Длина изделия 14,5 см, ширина граней в наиболее утолщенной части 0,6 см. В северо-западном углу могилы стоял с небольшим наклоном на восток сосуд полуяйцевидной формы с отогнутым верхним краем и округлым венчиком. В глиняном тесте выявлена примесь шамота. Орнамент из наклонных оттисков крупной гребенки, образующих горизонтальную елочку, нанесен по всей наружной поверхности и у края с внутренней стороны [Потемкина, 1982].

Получается, что во всех достоверно энеолитических захоронениях погребенные находились в скорченном положении на боку или спине, а сопроводительный инвентарь обязательно включал сосуд и металлические изделия (кроме Александровки IV). Погребения, в которых умершие были положены в вытянутом положении на спине, возможно, могут относиться к неолиту.

Периодизация и хронология

Проблема периодизации энеолитических памятников Южного Зауралья очень сложна ввиду малочисленности достоверных фактов. Подходы к ней только намечаются после открытия в Среднем Зауралье памятников шувакишского типа и в Южном – стоянки Агаповка I. Комплекс остатков материальной культуры с этой стоянки характеризуется следующими чертами: 1) каменный инвентарь представлен изделиями как из отщепов, так и из пластин; среди последних большая часть (в т.ч. геометрический микролит – трапеция) шириной менее 1 см; в качестве сырья использовались местные кремь и яшма; из отщепов изготовлены скребки, скребла, ножи, двустороннеобработанные наконечники стрел; 2) посуда орнаментирована гребенчатым и веревочным штампом, гребенчатая керамика не имеет геометрических узоров, встречены “шагающая гребенка” и “гусенички” [Древняя история..., 2000].

Таблица 2. Радиоуглеродные даты энеолитических памятников Зауралья и Северного Казахстана

Памятник	Культура	Образец	Дата, л.н.	Источник
Горбуновский торфяник, VI разрез	Липчинская	МО-1	4360 ± 200	Долуханов, Тимофеев, 1972
Разбойничий остров	»	ИРЖ-131	4960 ± 210	Чаиркина, 1995
Макуша III	Аятская	ИРЖ-130	4525 ± 175	Там же
Ботай	Ботайская	ИГАН-432	4340 ± 120	Логвин, 2002
		ИГАН-4234	4900 ± 50	Там же
		ИГАН-4236	4540 ± 60	»
		ИГАН-4237	4430 ± 60	»
		ОхА-4315	4630 ± 75	»
		ОхА-4316	4620 ± 80	»
		ОхА-4317	4630 ± 80	»
Красный Яр	»	ОхА-4284	4690 ± 80	»
Кожай I	Терсекская	ИГАН-656	4600 ± 320	Калиева, Логвин, 1997
		ИГАН-748	4570 ± 40	Там же
		ИГАН-655	3200 ± 260	»
Кумкешу I	»	ИГАН-747	4570 ± 270	»

Краткая характеристика комплексов шувакишского типа заключается в следующем: 1) каменная индустрия имеет преимущественно пластинчатый облик при наличии орудий из отщепов; 2) посуда украшена оттисками гребенчатого, рамчатого, веревочного штампов и “гусеничкой”. Среди шувакишских материалов есть наконечник стрелы кельтеминарского типа. В стратиграфической колонке торфяниковых памятников Среднего Зауралья шувакишские занимают нижнюю позицию в рамках энеолита и перекрываются слоями, содержащими керамику липчинского и шувакишского типов. Хронологические рамки существования памятников шувакишского типа определяются в пределах второй четверти – середины III тыс. до н.э. Таким образом, мы впервые получаем возможность аргументированного выделения раннего этапа энеолита Зауралья [Чаиркина, 1995, 1997].

Сравнение материалов стоянки Агаповка I и шувакишских памятников показало их очень большую близость (порой до идентичности) как в керамике, так и в каменном инвентаре. На этом основании стоянку можно отнести к раннему энеолиту. Подобные материалы встречались в Южном Зауралье и ранее, однако до открытия стратифицированных шувакишских слоев на них не акцентировали внимание. Наиболее близкими по всем показателям к комплексу Агаповки I являются материалы стоянки Суртанды III, исследованной Г.Н. Матюшиным [1982, с. 35, 135 – 136].

Поздний этап энеолита Южного Зауралья характеризуется “классическим” комплексом гребенчатой керамики, сочетающим посуду с простыми и геометрическими узорами. В каменном инвентаре начинают преобладать изделия из отщепов.

Хронология энеолита Зауралья разработана еще недостаточно, однако есть несколько радиоуглеродных дат, на которые можно опираться [Зайберт, 1993; Чаиркина, 1995, 1997; Калиева, Логвин, 1997; Логвин, 2002; Шорин, 1999] (табл. 2). Все они указывают на существование энеолитических культур Зауралья в рамках III тыс. до н.э. По данным с памятников Среднего Зауралья ранний этап можно датировать временем 4 800 – 4 600 л.н., поздний – 4 600 – 4 100 л.н. Для Южного Зауралья верхний рубеж определяется появлением синташтинской культуры, четко отграничивающим энеолит от эпохи бронзы, это XVIII в. до н.э.

Выводы

По всем рассмотренным выше характеристикам памятники энеолита Южного Зауралья независимо от их территориально-ландшафтной принадлежности очень близки между собой и относятся к единой кысы-кульско-суртандинской культуре.

В Среднем Зауралье существовала родственная аятская энеолитическая культура. Основная территория ее распространения – восточные склоны горнолесного Зауралья [Чаиркина, 1995; Шорин, 1999]. Памятники кысы-кульско-суртандинской и аятской культур расположены непрерывной цепочкой вдоль восточного склона Урала от Орска на юге до Нижнего Тагила на севере. В своем “классическом” варианте эти культуры имеют яркие характерные черты: гребенчатую керамику с простыми и геометрическими мотивами и пластинчато-отщеповый комплекс камен-

ных орудий. К востоку от Южного Зауралья расположены памятники ботайско-терсекской культуры, для которой также характерна гребенчатая керамика с геометрическими мотивами (табл. 3) [Зайберт, 1993; Калиева, Логвин, 1997; Логвин, 2002].

Рассматривая керамические комплексы энеолита Зауралья и Северного Казахстана как наиболее информативную часть находок, можно заключить, что они очень близки между собой по форме, пропорциям, обработке внутренней поверхности, технике нанесения орнамента (преобладание оттисков штампа средней величины квадратной или прямоугольной конфигурации), орнаментальным мотивам (простые и геометрические), способам построения композиции (при простой сплошной орнаментации, при геометрической преимущественно горизонтальная, иногда вертикальная зональность). В обоих регионах керамика с простой и геометрической орнаментацией имеет сходные пропорции; геометрические композиции, несмотря на близкий набор мотивов, оригинальны на каждом сосуде и практически не повторяются; явно подчиненный характер в орнаментации гребенчатой керамики несут ямки, вдавления, насечки и т.п., которые часто нанесены поверх оттисков гребенки и ограничены самым верхом сосуда.

Помимо отмеченных признаков, объединяющих данные комплексы, есть, конечно, и черты, характерные только для определенной территории. Для Зауралья это малый процент неорнаментированной посуды и примесь талька или слюды в тесте; для Северного Казахстана – отпечатки текстиля на внешней поверхности части гребенчатой и неорнаментированной керамики в результате формовки.

Несомненным является то, что энеолитические комплексы Зауралья и Северного Казахстана входят в одну зауральскую энеолитическую культурно-историческую общность, для которой характерна гребенчатая керамика с простыми и геометрическими мотивами. А оригинальные черты, зафиксированные на отдельных территориях, только подчеркивают общие правила. [Зайберт, 1993; Мосин, 1993; Шорин, 1999; Чаиркина, 1995; Калиева, Логвин, 1997; Логвин, 2002; Мосин, 2003].

Для определения места этих комплексов на археологической карте энеолита Евразии необходимо провести сопоставление с материалами более отдаленных территорий по таким наиболее характерным для урало-казахстанской керамики признакам, как сложные геометрические мотивы гребенчатой орнаментации, изображение водоплавающих птиц на сосудах, наличие керамики с веревочной орнаментацией.

Картографирование памятников, на которых зафиксированы указанные признаки, показывает, что они занимают огромную территорию от Северного Казах-

Таблица 3. Синхронизация культур неолита и энеолита Зауралья и Северного Казахстана

Период	Южное Предуралье		Южное Зауралье		Среднее Зауралье		Северный Казахстан		
	Ямная культура		?	Кысы-Куль, Суртанды VIII, Стрелецкие II-IV, Ишкитовка I, Чебаркуль IV, Уфа IV, Бурли II, Александровский IV	Памятники коптяковского, раннефедоровского, раннечеркаскульского типов	Ботайско-терсекская культура		Сергеевка, Баландино, Вишневка	
Ранняя бронза	Памятники турганского, гаринского, волосовского типов		Кысы-Кульско-суртандинская культура	Агатовка I, Суртанды III, Юрюзанская IIб	Береговая I, Аятские I, II, Палати I, II, Кокшаровское	Ботай, Терсек-Карагай, Красный Яр, Ливановка, Коль, Кожай I, Кумкешу I, Солёное озеро I			
Поздний энеолит	Мулдино, Давлеканово, Ивановская, памятники типа Русский Азбей		Чебаркуль I, II, X, XV, XVI, Аргазинские стоянки, Путиловская Займика, Краснокаменка, Карабалыкты VIIIа, Ташбулатово I	Аятская культура	Шувакиш I, Макуша III, Шувакиш XI-E, Разбойничий остров	Дузбай-2, 3, Алкау-2, Светлый Джаркуль, Амангельды, Бестамак			
Ранний энеолит	Волго-уральская культура		Чебаркульская культура	Полденская культура	Полденка I, II, Нижняя Макуша, Исетское правобережье, Козлов Мыс, Карьер II	Маханджарская, атбасарская культуры			
Неолит									

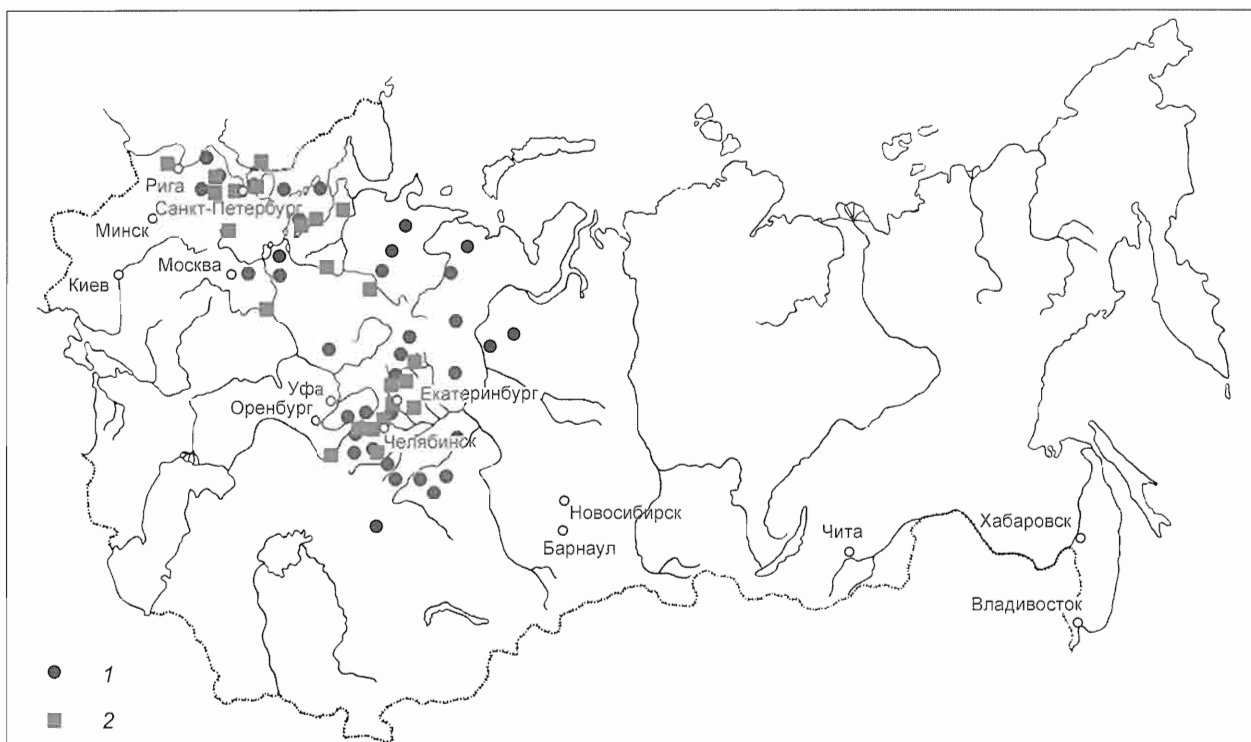

Рис. 7. Распространение в III тыс. до н.э. гребенчатой керамики с геометрическими мотивами (1) и с изображениями “уточек” (2).

стана до Балтийского моря (рис. 7) (подробную библиографию см.: [Мосин, 2003]). Четким южным рубежом ареала в европейской части России выступает граница лесной зоны: в лесостепной и степной памятники с такими материалами неизвестны – этим регионом присущ другой путь развития.

На данный момент можно констатировать факт появления в III тыс. до н.э. на огромной территории Евразии керамики с определенным набором геометрических мотивов, выполненных оттисками гребенчатого штампа. Среди наиболее часто встречающихся мотивов – ромб, равносторонний или равнобедренный низкий треугольник, лента-зигзаг, “лесенка”. Своеобразием лесной зоны Зауралья и севера Западной Сибири является сотовый орнамент. Среди простых мотивов – вертикальный и горизонтальный зигзаг, ряды вертикальных или наклонных оттисков штампа, полосы “шагающей гребенки”.

Орнаментация оттисками веревочки, намотанной на палочку, известна почти на всех отмеченных нами памятниках. Как правило, эта техника нанесения орнамента составляет небольшой процент, так выполнялись преимущественно простые мотивы, однако она подчеркивает своеобразие комплексов. Границы распространения веревочной орнаментации также не опускаются южнее лесной зоны. Шнуровая

керамика, известная во многих культурах лесостепи и степи Евразии, принципиально отлична от веревочной и относится к бронзовому веку. Памятники с гребенчатой, гребенчато-ямочной и ямочно-гребенчатой (с востока на запад) керамикой с геометрическими мотивами отражают существование финно-угорского этнокультурного пространства, которое начинало формироваться еще с мезолита.

Список литературы

- Геология СССР.** – М.: Недра, 1969. – Т. 12. – 724 с.
- Долуханов П.М., Тимофеев В.И.** Абсолютная хронология неолита Евразии (по данным радиоуглеродного метода) // Проблемы абсолютного датирования в археологии. – М.: Наука, 1972. – С. 69.
- Древняя история Южного Зауралья.** – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. ун-та, 2000. – Т. 1. – 536 с.
- Зайберт В.Ф.** Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Наука, 1993. – 246 с.
- Калиева С.С., Логвин В.Н.** Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. – Кустанай: Кустанайский печатный двор, 1997. – 182 с.
- Кипарисова Н.П.** О культурах лесного Зауралья // СА. – 1960. – № 2. – С. 7 – 24.
- Крижевская Л.Я.** Раннебронзовое время в Южном Зауралье. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 160 с.

Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Геологическая история зоны евразийских степей в последние 10 000 лет // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы конф. – Челябинск: Чел. ун-т, 1995. – С. 165 – 170.

Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Основные геолого-палеоэкологические события конца позднего плейстоцена и голоцена на восточном склоне Южного Урала // Природные системы Южного Урала. – Челябинск: Чел. ун-т, 1999. – С. 66 – 103.

Логвин В.Н. Тургайский прогиб в эпоху мезолита – энеолита: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2002. – 40 с.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. – М.: Наука, 1982. – 328 с.

Мосин В.С. Энеолитическая керамика Северного Казахстана и Южного Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1993. – 24 с.

Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. ун-та, 2003. – 208 с.

Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища эпохи камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1993. – 211 с.

Потемкина Т.М. Черты энеолита лесостепного Приоболья // Волго-уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1982. – С. 159 – 172.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1962. – Т. 1. – С. 18 – 24.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1995. – 20 с.

Чаиркина Н.М. Зауральско-Североказахстанская культурно-историческая область эпохи энеолита // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург: УрО РАН, 1997. – № 4. – С. 26 – 39.

Шорин А.Ф. Энеолитическое погребение у поселка Дружный в Южном Зауралье // Волго-уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1982. – С. 183 – 188.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999. – 182 с.

Материал поступил в редколлегию 20.01.04 г.

УДК 903.01

В.В. Бобров¹, Н.Ю. Кунгурова²¹Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия

E-mail: bobrov@kemsu.ru

²НПЦ "Наследие"

ул. Ползунова, 39, Барнаул, 656043, Россия

E-mail: Хyкlop@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ГРУПП ИЗДЕЛИЙ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА С ПОСЕЛЕНИЯ ТАНАЙ-4а*

Введение

В III тыс. до н.э. в северных предгорьях Алтая и Салаирского кряжа (Кузнецкая котловина) существовала большемысская культура. Ее памятники распространены в лесостепной зоне Верхнего Приобья, долинах Бии и Катунь [Кирюшин, 2002]. Наиболее крупное большемыское поселение Танай-4а было полностью исследовано на берегу оз. Танай в Кузнецкой котловине (Тогучинский р-н Новосибирской обл.) [Бобров, 1996, 1999]. Его площадь 4 тыс. м². Культурный слой содержал материалы от эпохи неолита – энеолита до раннего средневековья. Но более существенным для решения проблем переходного периода от каменного века к эпохе палеометалла явилось то, что на поселении были исследованы 44 жилища и хозяйственные постройки, значительное количество ям, три клада орудий и сырья для производства костяных изделий. Жилища не были нарушены в периоды более позднего освоения территории памятника, и предметные комплексы из них относятся только к одному времени и одной культуре. Они представлены значительными сериями керамических, каменных, костяных и роговых изделий, которые дают информацию о материальной культуре населения середины III тыс. до н.э. По всем археологическим признакам, особенно керамике и ее

орнаментации, коллекция из жилищ относится к большемысской культуре, выделенной Ю.Ф. Кирюшиным [1986].

В жилищах и на межжилищном пространстве найдено несколько сотен каменных орудий, качественные характеристики которых позволяют выделять технико-морфологические группы. Они довольно устойчивы и выдержаны в единых технологических традициях. Большое количество найденных предметов требует специального исследования на уровне как археологической интерпретации, так и определения их функционального назначения. Но в коллекции представлены изделия, ранее не известные в материальной культуре не только эпохи энеолита, а также орудия, не типичные для Западной Сибири, в частности, когтевидные долотца, ареал которых связан с северо-западными районами Европы. Именно это явилось основанием для проведения трасологического анализа и публикации его результатов.

На предварительном уровне выделены типологические группы каменного инвентаря, основная часть которого изготовлена из отщепов (изделий из пластин в 10 раз меньше) [Бобров, 1999]. Ведущими типами являются скребки, топоры-тесла, ножи, наконечники стрел и дротиков, копий, точильные бруски. Обращают на себя внимание шлифованные ножи и когтевидные долотца. Среди костяных изделий типолого-морфологические группы не выражены. Можно выделить только наиболее распространенные образцы орудий и бытовых предметов: “вилки” с двумя ос-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 02-01-00102а.

триями, орнаменты, основы с пазами, нож с вкладышами, наконечники гарпунов с одним рядом зубов и упором в основании, игольники из трубчатых костей [Там же].

Техника изготовления и стереотип, заложенный в формы каждой группы вещей, тесно связаны с функциональным назначением. Поэтому наиболее характерные предметы каждого ведущего типа были нами изучены комплексным методом анализа [Коробкова, 1987, с. 22], который включает выявление микро- и макропризнаков сработанности орудий и определение характера оформления рабочего участка (заточка, конфигурация лезвия).

Каменные изделия

Скребки. Они изготовлены из отщепов и реже – плиток сланца или сливного песчаника. Ведущим типом скребков на отщепах являются концевые языковидные. Рабочий край у большей части изделий высокий, размеры – крупные и мелкие. На основе трасологического анализа выделен особый тип скребков – концевые тесловидные. Техника оформления рабочего края и рукояточной части однообразна для всех: ретуширование с двух сторон. Дорсальная сторона отщепа многих языковидных скребков, оформленная ретушью, являлась вентральной стороной заготовки орудия (рис. 1, 1 – 7). Проксимальная часть с ударным бугорком, как наиболее массивная, приспособлялась в качестве рабочей – скребковой. Со стороны ударного бугорка, где отщеп наиболее толстый и широкий, наносилась ретушь. В качестве рукоятки использовалась зауженная под углом часть отщепа. Чтобы ее края не были острыми, их ретушировали с двух сторон. В результате рабочий край получался вогнутым со стороны брюшка и высоким (от 45° до 80°). При оформлении использовалась ретушь, оставляющая крупные узкие параллельные фасетки. Микроизнос на орудиях хорошо выражен и соответствует признакам износа на скребках [Семёнов, 1957, с. 107 – 115; Семёнов, Коробкова, 1983]. Он наблюдается на концевой кромке орудия с наибольшим смещением вправо. Средняя интенсивность износа не свидетельствует о грубой структуре обрабатываемого сырья или об абразивной добавке [Кунгурова, 1997].

Скребки из плиток в основном изготовлены по тем же принципам, что и языковидные скребки (рис. 1, 9 – 11, 14). По признакам преимущественного износа они концевые. Ретушью оформлен овальный рабочий край и рукояточная часть с двух сторон. У некоторых орудий было два рабочих края, расположенных на противоположных концах. Боковые грани подработаны фрагментарно либо регулярной рету-

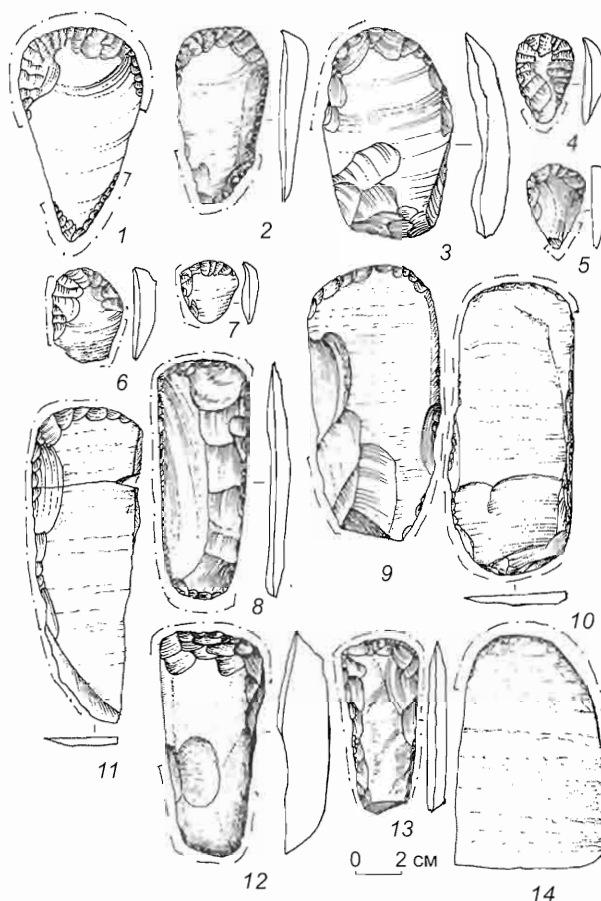

Рис. 1. Скребки с поселения Танай-4а. Пунктиром с точками обозначена часть орудия с двухсторонней ретушью, пунктиром – с ретушью, нанесенной с одной стороны.

шью. Как и у языковидных скребков, форма рабочего края овальная. Износ на скребках хорошо выражен в виде заполированности, скругленности кромки, а также поперечных тонких царапин, распространенных по всей длине заполированного участка.

В группу скребков включены изделия, изготовленные из тесел-топориков. Типологически они были первоначально выделены как тесла (рис. 1, 8, 12, 13). Использование в качестве скребков установлено трасологическим методом. Длина изделий в 3 раза превышала их ширину. Предметы двусторонне ретушированы в области рабочего края и рукоятки. Поверхность одного тесла из жилища № 19 зашлифована, однако рабочий край был сильно забит и стал непригоден для рубящих и тешущих операций, его оббили под тупым углом и использовали орудие в качестве скребка (рис. 1, 9). Еще один скребок, по форме напоминающий языковидный, близок к когтевидным долотцам (рис. 2, 10). Плоскости его от боковых краев обработаны встречной двусторонней ретушью, а рабочего лезвия зашлифованы. В профиль рабочее

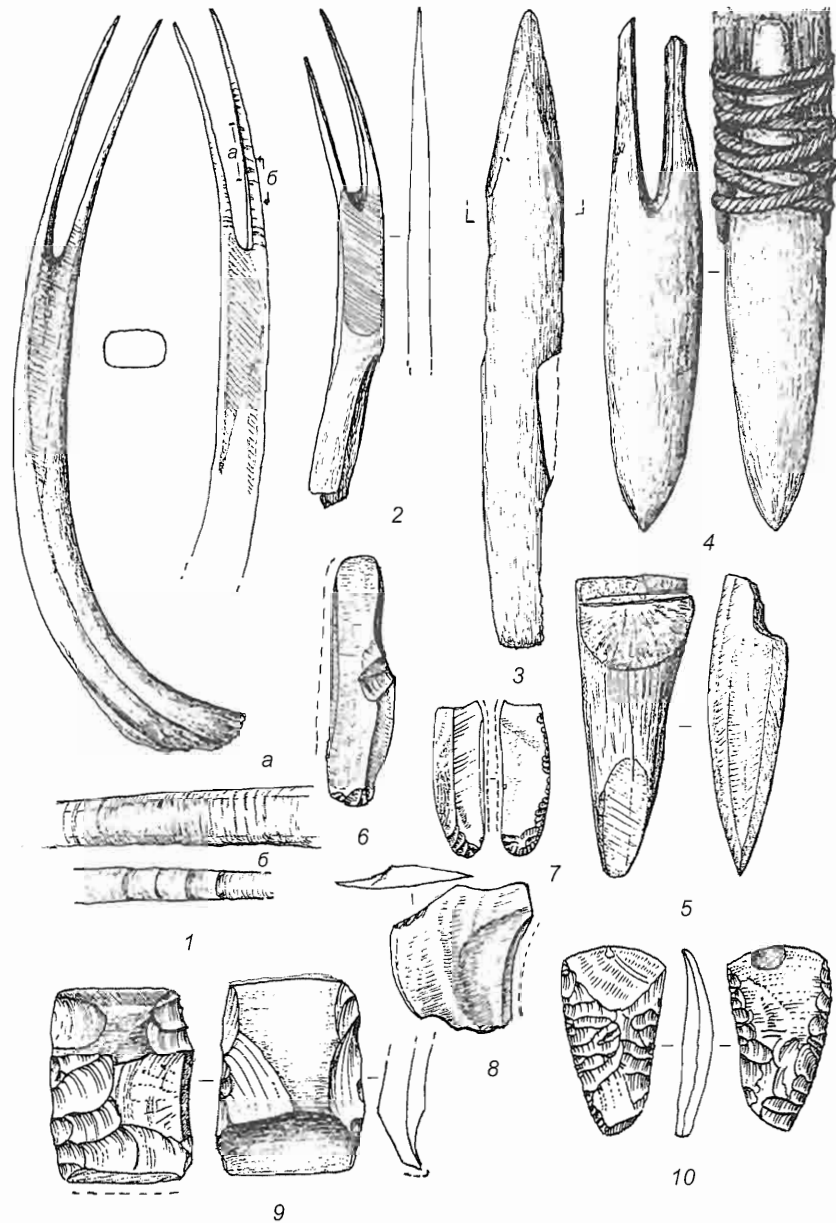

Рис. 2. Костяные (1 – 5) и каменные (6 – 10) предметы с поселения Танай-4а.

1, 2 – “вилки” (а, б – бинокулярное увеличение рабочих краев); 3 – шпатель; 4 – отбойник и реконструкция закрепления в рукоять; 5 – острие; 6 – 8 – шлифованные ножи; 9 – когтевидное долото; 10 – скребок со шлифованным лезвием.

лезвие изогнуто, как у когтевидных долотец. Признаки сработанности рабочего края характерны для функционального износа скребков.

Ножи. Под бинокулярным микроскопом были исследованы остриеконечники, некоторые из них типологически интерпретированы как наконечники дротиков. В жилище № 29 обнаружено скопление коротких ножей листовидной формы одинаковых пропорций – 8×4 см. Они изготовлены из отщепов (рис. 3). Узкий проксимальный конец с ударным бугорком очень тща-

тельно оформлен встречной ретушью. Широкий дистальный конец уплощен продольным широким сколом. Все изделия двусторонне обработаны, края дополнительно приострены регулярной ретушью. Макро- и микропризнаки износа, технология оформления ножей указывают на то, что они изначально предназначались для разделки туш животных. У части этих орудий кромки лезвий были интенсивно сработаны: наблюдается мельчайшая двусторонняя утилитарная ретушь со специфическим для таких ножей распро-

странением, фиксируются участки с затертой рельефностью по кромочной полосе. У одного изделия выделяется заостренный конец и короткая рукояточная часть. В ходе изучения следов сработанности на орудиях из могильника Старое Мусульманское кладбище [Кирюшин, Кунгурова, 1996] была выделена функциональная группа ножей для разделки мяса. Их технико-морфологические типы близки таковым на поселении Танай-4а. В коллекциях обоих памятников присутствуют листовидные ножи крупных размеров и листовидные асимметричные с намеченной рукояточной частью. При этом в отличие от погребений на поселении распространены короткие ножи листовидной формы с зауженной проксимальной частью (рис. 3, 1 – 4).

Кроме устойчивых форм орудий для разделки мяса, на поселении присутствуют ножи с коротким рабочим краем. Их функция несколько иная: это резаки для разрезания грубого материала, которым могла быть кожа либо мездра. Один такой нож (из жилища № 31) имел овальный тонкий край, ретушированный с двух сторон (рис. 3, 7). У другого (из жилища № 39) аналогично ретушированный с двух сторон край был предназначен для операции разрезания, а край без ретуши использовался в качестве скребка (рис. 3, 6).

Шлифованные ножи. Они относятся к самостоятельному типу и отдельной функциональной категории. Эти орудия существенно отличаются от ножей для разделки мяса. Одни из них изготовлены из пластин и пластинчатых отщепов, другие – из отщепов. Трасологическому анализу были подвергнуты три ножа: два из жилища № 28 (см. рис. 2, 6, 7) и один из жилища № 8 (см. рис. 2, 8). Первые два имеют одинаковые пропорции. Один сделан из пластины, а другой из пластинчатого отщепа. У обоих овальные концы ретушированы с двух сторон, но у ножа на пластинчатом отщепа, кроме того, обушковый край подправлен приостряющей мелкой ретушью. Плоскости с двух сторон зашлифованы до блеска. Рабочими служили вогнутые края. Вдоль кромки проходит полоса шлифовки. Проксимальный рукояточный конец ретуширован.

Эти ножи использовались в качестве резаков по бересте. Ранее одним из авторов проводились экспериментальные исследования по раскройке бересты. Микропризнаки износа, аналогичные выявленным, были обнаружены на шлифованных ножах [Кунгурова, 1993]. Оба экземпляра из жилища № 28 имели характерные признаки. Вдоль всей вогнутой кромки фиксировались мелкие неравномерные выщербинки и тонкая матовая полоса с продольными очень тонкими рисками, образовавшаяся в результате периодического подшлифовывания лезвия с одной стороны с целью его заострения.

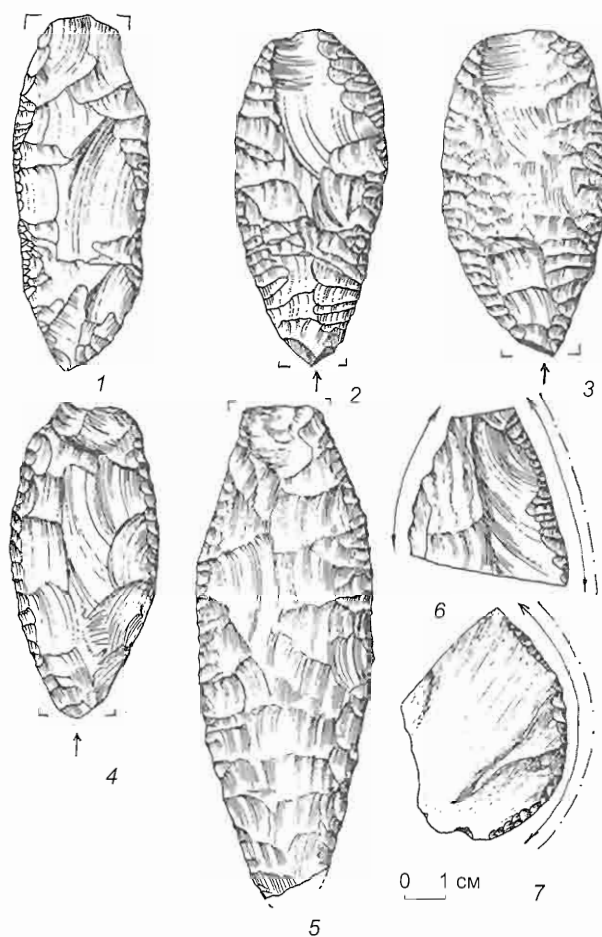

Рис. 3. Ножи с поселения Танай-4а.

Линией со стрелками обозначены рабочие лезвия на орудиях, пунктиром с точками – край с двухсторонней ретушью.

Нож из жилища № 8 широкий и короткий, на его вогнутом рабочем крае с одной стороны выражена полоса шлифовки (см. рис. 2, 8). Вся поверхность орудия с двух сторон шлифованная. Признаки износа указывают на использование орудия в качестве стружка по дереву.

Рубяще-тешущие орудия. На поселении они встречены в большом количестве (ок. 90 экз.). Несмотря на различия операций по обработке дерева, все орудия близки по форме и технологии изготовления (рис. 4). При оформлении их поверхности применяли технику оббивки и шлифования. Рабочие края изделий, как правило, прямые, чуть вогнутые в плане. Топорики из жилища № 16 имеют следы сработанности на обеих плоскостях рабочего края (рис. 4, 1), углы которого отколоты. На этих участках видны фасетки сколов. На орудиях отчетливо выражены характерные признаки их использования для рубки и затесывания дерева – царапины различной интенсивности и длины, отдельные мелкие фасетки сколов. Один топорик маленький, всего 5 см длиной.

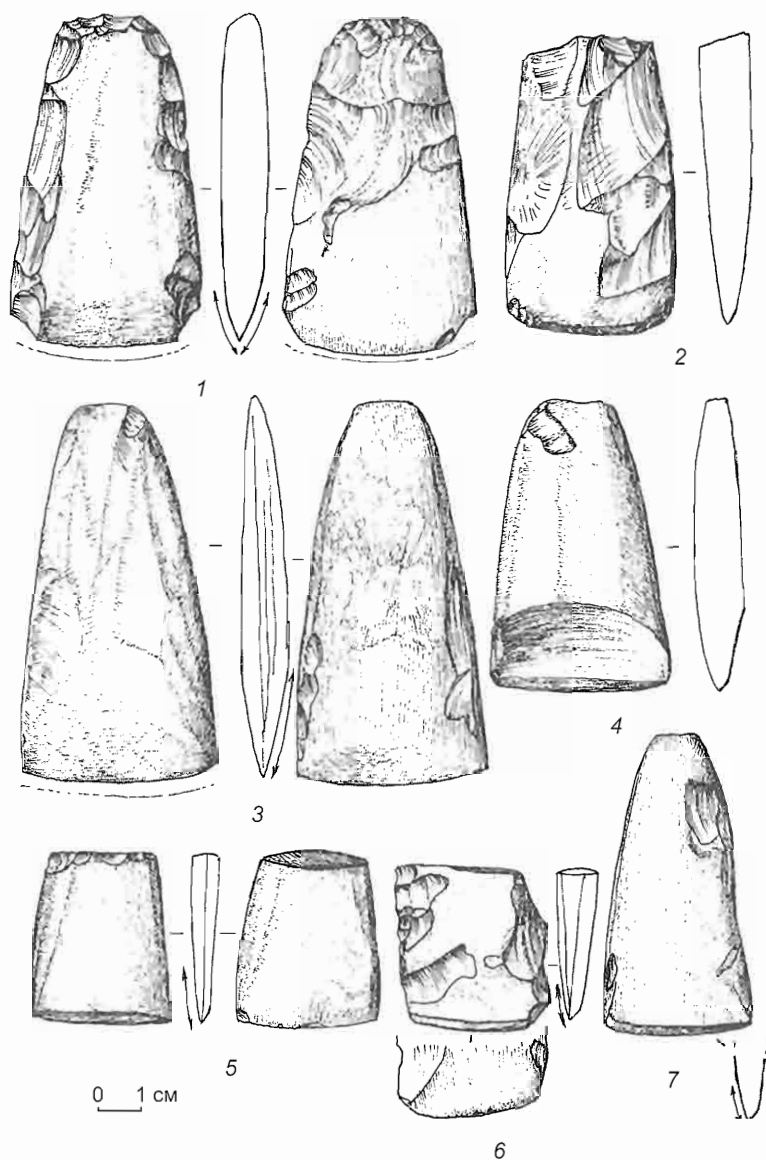

Рис. 4. Рубяще-тешущие орудия с поселения Танай-4а.
Линией со стрелками обозначена рабочая плоскость орудия.

Среди тесел встречаются инструменты комплексного действия, т.е. совмещающие функции тесания и вырубания. Тесла, как правило, немного скошены в профиле и наиболее сработаны по одной плоскости. По оформлению рабочей части они разделяются на три типа. Первый характеризуется тем, что его плоскости ровные, шлифованные, симметричны друг другу и образуют угол $30 - 40^\circ$ (рис. 4, 1, 3).

Второй тип тесел по оформлению лезвия близок первому (шлифовкой образованы две ровные плоскости, в профиле симметрично сходящиеся под тем же углом), но отличается односторонней скошенностью края за счет полосы пришлифовки, образующей плоскость упора, расположенную под углом в $60 - 80^\circ$

к смежной плоскости (рис. 4, 2, 5 - 7). Эта последняя является рабочей, она должна была плотно контактировать с затесываемой деревянной поверхностью. Среди данных орудий встречены короткие экземпляры, которые отличаются от остальных иной конструкцией крепления в рукоять либо какую-то деревянную основу (рис. 4, 5, 6).

Третий тип тесел характеризуется тем, что одна сторона рабочей части орудия вогнутая (рис. 4, 4). Судя по признакам микроизноса, рабочей плоскостью является полоса пришлифовки, расположенная с вогнутой стороны орудия под углом 80° к смежной плоскости.

Среди деревообрабатывающих инструментов в жилище № 2 найдена длинная шлифованная ста-

меска с дугообразным узким лезвием. Ее размеры $12,5 \times 2,2 \times 1,4$ см. С одной стороны плоскость рабочего участка немного вогнута. На кромке имеются мелкие выбоинки.

Когтевидные долотца. Они типичны для неолита Финляндии, известны в Прибалтике, Карелии и памятниках каргапольской культуры [Фосс, 1952, с. 186]. На территории Сибири такие орудия единичны. Одно найдено близ г. Томска (хранится в Историческом музее), 7 экз. происходят из памятников екатерининской культуры Среднего Прииртышья [Петров, 1986, с. 9]. В коллекции с поселения Танай-4а пять таких изделий. Они представляют собой бифасы, рабочая часть с одной стороны имеет полосу пришлифовки, образующую угол в 50° со смежной плоскостью, с другой – параллельный лезвию желобчатый участок шириной 1,3 см, полученный продольной шлифовкой (см. рис. 2, 9). Следы износа фиксируются на внешней стороне лезвия – на полосе пришлифовки. Наиболее выражены они на угловых участках. Следы представлены тонкими короткими дугообразными бессистемными царапинами. Кромка лезвия скруглена и не имеет повреждений. Такие следы износа характерны для инструментов, которыми чистят рыбу с крупной чешуей.

На поселении были обнаружены ямы, забитые рыбьей чешуей, но не содержавшие костей рыб. В таком случае можно предположить, что здесь рыбу чистили, чешую и, видимо, внутренности зарывали в ямы, а переработка осуществлялась в другом месте [Бобров, 1999, с. 19].

Костяные изделия

Двузубые “вилки”. На поселении обнаружено шесть целых и обломанных экземпляров [Там же, с. 31]. Инструменты похожи на вилку с двумя зубьями. Они сделаны из ребер животных: на концевой части вырезана выемка параболической формы, а образовавшиеся два зубца заострены. Выпуклые стороны ребер, неровности, острые грани сняты грубым абразивом. При бинокулярном исследовании на остриях обнаружены следы сработанности, наиболее выраженные на внутренней поверхности одного из зубьев и переходящие на его ребро. Следы концентрируются на прилегающей к основанию зубца половине. Даже невооруженным взглядом можно заметить протертые неглубокие выемки, пересекающие ребро острия (см. рис. 2, 1, а, б). Поверхности зубьев заполированы до блеска и покрыты тончайшими царапинами. Распространение следов износа указывает, что концы зубьев особой нагрузки, как, например, у спиц для вязания или плетения, не несут. На них микроследы очень слабые. Подобные признаки износа наиболее харак-

терны для инструментов, связанных с растительными волокнами. На этом же поселении в слое бронзового века найдено костяное зубчатое “трепало” с ручкой. Такие орудия были широко распространены на территории Западной Сибири с эпохи поздней бронзы. Признаки сработанности на инструменте аналогичны следам износа на двузубых “вилках”. На конце рукояти имеется широкая выемка (желобок), перетертая грубыми волокнами. Эта часть орудия использовалась для разминания размягченных стеблей растений и грубых растительных волокон. Зубчатой частью разделяли и протаскивали волокна.

Следы износа на “вилках” совмещают в себе признаки, не только характерные для трепал, но и отмечаемые на кочедыках. Кочедыки – это костяные пластины, используемые в этнографических производствах для разламывания и разминания стеблей растений и отделения тонких волокон [Семёнов, Коробкова, 1983]. Они обычно изнашиваются по одной из плоскостей, преимущественно по грани (экспериментальные образцы Н.Ю. Кунгуровой). Признаки износа на “вилках” указывают на то, что ими разминали, протаскивая между зубцами уже размягченные стебли и волокна, трепали на весу. Только при таких манипуляциях одно из ребер инструмента оказывалось наиболее интенсивно сработанным. В этом случае “вилки” совмещали функции кочедыков и трепал. Подобные этнографические примеры известны в материальной культуре чукчей и эскимосов [Богораз, 1991, рис. 157]. Костяными двузубыми “вилками”, как гребнями, расчесывали траву и сухожилия.

Изделие с острием треугольной формы (см. рис. 2, 3). Рабочий участок находился в области острия. Края его двусторонне заострены. На них фиксируются признаки износа, характерные для шпателей по керамике.

Роговой отбойник (см. рис. 2, 4). Интерес представляет способ крепления в рукояти. В основании отбойника вырезана выемка параболической формы, в которую вставлялась деревянная часть и привязывалась к орудию. На его конце фиксируются выбоины, одна крупная. На сторонах расщеп отмечены нарушенные участки.

Роговое острие. Край его уплощенного конца дугообразной формы. Признаки микроизноса не выявлены. Однако изделие было оформлено, как и все остальные каменные и костяные предметы, с помощью шлифовки грубым абразивным напильником либо на абразивной плитке. Стачивались округлости, неровности поверхности, уплощалось тело предмета и его рабочие плоскости.

Абразивы на поселении найдены в большом количестве: 34 – в жилищах, 23 – в культурном слое за их пределами. Среди них выделяются бруски (активные инструменты) и абразивно-шлифовальные плит-

ки, на которых обрабатывалась поверхность предметов. Тесла и топорики шлифовались с помощью грубого абразива, их поверхность доводилась мелкоструктурными абразивами. На плоскостях предметов, особенно боковых сторонах, прослеживается продольная огранка. Эта же техника была перенесена на производство изделий из кости (см. рис. 2, 1, 2, 5).

Выводы

Анализ ведущих типов орудий эпохи энеолита с поселения Танай-4а позволяет сделать следующие выводы. Для разделки туш животных, очистки кожи и ее раскряя использовались короткие ножи с двусторонней обработкой. Инструменты для дальнейшей выделки замши существовали, но они, скорее всего, остались в неисследованной части коллекции. Население, обитавшее на поселении Танай-4а, практиковало резку бересты для изготовления настилов и покрытий, домашней утвари. Ножи по бересте хорошо представлены в лесостепных районах, где присутствуют породы деревьев (береза, осина), кора которых использовалась в хозяйстве. Этнографические аналогии в культуре северных алтайцев, а также данные археологии подтверждают эти наблюдения [Потапов, 1935, с. 108; Кунгурова, 1993].

О развитии деревообработки свидетельствуют широко представленные различные варианты рубяще-тешущих инструментов, которыми можно было подрубать и тесать, выдалбливать и подрезать, изготавливая всевозможные деревянные предметы обихода с прямыми и вогнутыми плоскостями, а также обрабатывать дерево для строительства жилищ, делать орудия пассивной охоты и др.

Наличие на поселении вильчатых кочедыков, применявшихся для разминания растительных волокон, свидетельствует об изготовлении нитей для тканья, плетения или вязания изделий.

Важным культурным признаком является технология изготовления орудий: принципы выделения рабочего края и участка рукояти, шлифовка поверхности и подшлифовка (заточка) рабочего края. Отмечаются единые принципы обработки разного сырья (камень, кость) с помощью абразивов. Техника стесывания и шлифовки поверхности предметов, большое количество абразивов на поселении указывают на то, что последние широко применялись в хозяйстве. Вопреки распространенному мнению об абразивах как определяющем критерии металлургии, на поселении Танай-4а они использовались для оформления и заточки каменных и костяных орудий.

Стереотипы технологии и формы ведущих категорий инструментария характерны для данной локальной группы населения. Они устойчивы и определяют ос-

новные направления деятельности обитателей Верхнеобского бассейна в середине III тыс. до н.э. Разные локальные группы на территории распространения большемысской культуры объединяет специфика формы и орнаментация керамики. Особенности материалов поселения Танай-4а, выраженные в формах и технике изготовления каменных орудий, отличают его от других известных памятников. Отдельные элементы являются общими для всех комплексов. Так, единичные экземпляры языковидных скребков с двусторонне ретушированным или шлифованным лезвием встречаются на поселениях оз. Иткуль (Верхнее Приобье) и Катунь [Кирюшин, 2002, рис. 118, 13; Кунгурова, 1991, с. 10]. Концевые укороченные скребки с поселений Катунь можно было бы интерпретировать как альтернативное проявление языковидных (конвергентных). Среди них встречаются удлиненные скребки из сланцевых плиток [Кунгурова, 1991, с. 10]. Большое количество рубяще-тешущих орудий, аналогичных по форме и технике изготовления танайским, присутствует в комплексах с оз. Иткуль [Кирюшин, 2002, рис. 23]. В частности, здесь отмечена огранка, характерная для тесел и топориков с поселения Танай-4а [Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000, с. 39]. Однако продольная полоса пришлифовки, скашивающая угол лезвия, в этих комплексах не зафиксирована и является особенностью танайских материалов. Изучение технико-морфологических свойств и функционального назначения орудий с поселения Танай-4а позволяет сделать вывод об изготовлении и использовании его обитателями довольно ограниченного количества типов инструментов, которые нами расцениваются как ведущие. Рубяще-тешущие орудия, скребки, ножи, наконечники стрел и гарпунов представляют собой основной набор инструментария, использовавшегося в хозяйственной деятельности. Вне анализа остались орудия охоты и рыболовства (наконечники стрел, дротиков и гарпунов, стерженьки для крючков, детали прочих приспособлений). Объемной темой исследования являются разновидности сверл, пилок и вкладышевых инструментов. Данная работа освещает лишь часть материальной культуры обитателей поселения Танай-4а. Судить обо всех видах занятий этого населения можно будет только после анализа всего орудийного комплекса.

Список литературы

Бобров В.В. Танай-4а – новый памятник большемысской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 66 – 71.

Бобров В.В. Общая характеристика раннего комплекса поселения Танай-4а // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 17 – 35.

Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1986.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. Следы использования на каменных орудиях из могильника на Старом Мусульманском кладбище // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 5 – 7.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – 117 с.

Коробкова Г.Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. – Л.: Наука, 1987. – 320 с.

Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье Куюма // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1991. – С. 3 – 22.

Кунгурова Н.Ю. Шлифованные ножи Верхнего Приобья // Культура народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – С. 30 – 33.

Кунгурова Н.Ю. Признаки сработанности на скребках в изучении технологических традиций // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Ом. ун-т; Ом. фил. Объед. ин-та ист., филол. и филос. СО РАН, 1997. – С. 84 – 87.

Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1986.

Потапов Л.П. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. – М.; Л.: Гос. изд-во экон. лит., 1935. – Т. 1: Материальное производство. – 122 с.

Семёнов С.А. Первобытная техника. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 240 с. – (МИА; № 54).

Семёнов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Мезолит – энеолит. – Л.: Наука, 1983. – 256 с.

Фосс М.Е. Древняя история Севера европейской части СССР. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – (МИА; № 29).

Материал поступил в редколлегию 11.11.03 г.

УДК 903.9.653

Н.Г. Артемьева

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690600, Россия
E-mail: ihae@eastnet.febras.ru*

БУДДИЙСКИЙ ЖЕЗЛ ИЗ КРАСНОЯРОВСКОГО ГОРОДИЩА*

Археологические исследования на Красноярском городище, расположенном в 5 км к югу от г. Уссурийска в Приморском крае, постоянно приносят интересные находки, которые дают возможность не только идентифицировать его с Верхней столицей чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215 – 1233 гг.), но и выявить связи этого города с другими районами империи [Артемьева, 2003].

Во время раскопок дворцового комплекса на территории внутреннего города обнаружена уникальная находка – жезл, который олицетворял собой буддийский космос (рис. 1, 2). Длина изделия 21,5 см. Изготовлено оно из белой бронзы. Средняя часть жезла представляет собой шестигранный стержень (держатель) длиной 8 см, диаметром ок. 2 см, разделенный на пять зон. Концы жезла оформлены идентично. Держатель заканчивается с обеих сторон изображением головы животного, напоминающего льва, из пасти которого выходит четырехгранный стержень (продолжение шестигранного), а от боков в противоположных направлениях отходят головы рогатых драконов. Из пасти последних вырываются, возможно, пламеобразные отростки в виде дуг, соединяющихся со стержнем, выходящим из пасти льва. Внешне это напоминает натянутый лук со стрелой. Данный жезл является ритуальным буддийским предметом – ваджрой. Слово “ваджра” первоначально употреблялось для обозначения громового скипетра “индийского Зевса” – ведийского бога Индры, в Ведах оно исконно обозначало особое оружие, некогда изготовлявшееся из комля дерева с заост-

ренными и оставленными торчать в разные стороны частями корней. Потом материал сменился, а форма осталась прежней. Буддийская ваджра как ритуальный предмет по форме представляет удвоенный оголовок этого оружия [Торчинов, 2002, с. 32 – 33]. Считается, что ваджра – метательное оружие воинов древней Индии [Синицын, 2001, с. 18]. Подобный жезл вкладывался в руку хранителя буддийских храмовых входов, который с его помощью укрощал и побеждал демонов, оборотней, злых духов, подобно Будде.

Изображения драконов и львов исполнены в агрессивной манере. Они связаны с буддийской символикой: лев является защитником закона и стражем священных храмов, служит средством запугивания демонов [Сидихменов, 1987, с. 206]. На красноярском жезле изображены четыре одинаковые морды льва – по две с каждой стороны. Хорошо проработаны глаза миндалевидной формы с круглыми зрачками, подчеркнутые полуовальными бровями. Двумя продольными полосами выделен нос, переходящий в закругленный кончик. На жезле образ льва занимает главенствующее положение. Его с двух сторон как бы охраняют и одновременно помогают ему драконы. Изображения последних проработаны более детально. Открытые пасти драконов как бы извергают пламя, скулы сильно напряжены. Глаза круглые, выпуклые. Жаберный плавник переходит в шейный и оформлен вертикальными полосками. Такие же полоски с внутренней стороны пасти дракона. На голове приподнятый рог. Образ дракона играл огромную роль в пантеоне буддийских изображений [Чеснов, 1986; Терентьев-Катанский, 1971; Решетов, 1981; Забелина, 1960; Ларицев, 1958, с. 83 – 85; Сычев Л.П., Сычев В.Л., 1975,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 03-01-18081е.

Рис. 1. Буддийский жезл.

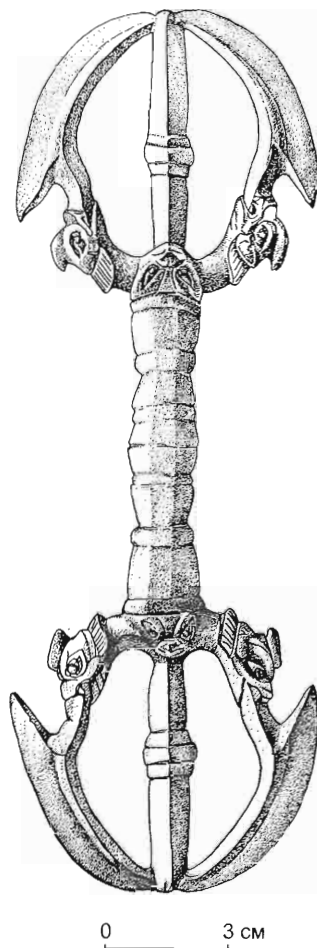

Рис. 2. Прорисовка жезла.

с. 26 – 27], в первую очередь, как оберег от злых духов. Его изображениями украшались крыши дворцовых и храмовых построек.

На стержне-держателе жезла вычеканена регистрационная надпись: “Управление чжэнсы области Линьхуан (фу)”*. Указанная область находилась на территории Внутренней Монголии (КНР), в верховьях р. Шара-Мурэн, в районе современного города Балиньцзоци. Здесь раньше располагалась Верхняя столица киданьской империи Ляо, которая в свое время была завоевана чжурчжэнями.

В “Ляо-ши” приводится довольно подробное описание этого города:

Верхняя столица – место, где император Тай-цзу основал государство. Это место окружено горами и опоясано реками, так что имевшиеся естественные преграды были достаточны, чтобы сделать его неприступным. Плодородная почва подходила для посевов, а имевшаяся трава и вода

* Перевод надписи, как и использованных в статье источников на китайском языке, сделан А.Л. Ивлиевым, за что автор приносит ему огромную благодарность.

благоприятствовали скотоводству... В юго-восточном углу внутреннего города Тай-цзу построил буддийский храм Тяньсюнсы, в котором поместил изображение своего знаменитого отца – императора Сюань-цзяня.

Поздняя династия Цзинь за то, что Тай-цзун помог ее основанию, отправила к киданям канцлера Фэн Дао, Лю Сюя и других лиц, имевших при себе верительные знаки, императорские регалии и одежды. Они прибыли сюда, чтобы поднести Тай-цзуну и императрице Ин-тянь почетные титулы. Тай-цзун, приказав всем племенам варваров следовать китайским установлениям, явился в зал Кайхуан, открыл ворота Чэнтянь и совершил церемонию принятия титула. После этого он изменил название Императорская столица на Верхняя столица.

На восточной стороне улицы, шедшей от ворот Императорского города прямо на юг, находились управление наместника, управление по делам соли и железа и храм Дракона, стоявший вблизи южных ворот. На южном конце улицы располагалось управление округа Линьхуан, рядом с которым стояло управление уезда Линьхуан. К юго-западу от последнего стоял буддийский храм Чунсяосы, построенный императрицей Чэн-тянь. К западу от храма находилось управление уезда Чантай и далее на запад – даосский храм Тяньчангуань. На юго-западе была расположена школа для детей

и младших братьев сановников, к северу от нее стоял храм Конфуция, к востоку от которого находился буддийский храм Цзеисы, а к северо-западу буддийский храм Аньгосы, построенный императором Тай-цзуном. К востоку от храма находилась старая резиденция императрицы Ци-тянь, к востоку от которой стояла резиденция старшей наложницы, построенная императрицей Фа-тянь. К югу от последней были расположены буддийский храм Бэйшэннисы, мастерские по изготовлению шелковых тканей, дворцовое управление и два склада, принадлежавшие управлению оказания помощи государству. Все это находилось к юго-востоку от императорского дворца. Управление восемью ремеслами стояло против буддийского храма Тяньсюнсы.

К востоку от южных ворот находилось уйгурское подворье. Это подворье было создано уйгурскими купцами, находившимися в Верхней столице, в которой они жили. На юго-западе находилось подворье Тунвэнь, в котором останавливались послы различных государств. К юго-западу от этого подворья стояло подворье Линьхуан для приема послов из государства Ся. К западу от подворья находился буддийский храм Фусяньсы [Е Лун-ли, 1979, с. 497 – 499].

Из приведенного описания видно, что в Верхней столице было шесть буддийских храмов. Таким образом, буддизм на данной территории имел очень широкое распространение, а предметы культа из этих мест попадали в разные части империи.

Рассматриваемый жезл не единственная находка, попавшая на территорию Приморья из Линьхуана. В жилище 149 Шайгинского городища найден фрагмент бронзового зеркала, на бортике которого выбита надпись: “Чантай сянь” – “Уезд Чантай”. В чжурчжэньской империи уезд Чантай входил в область Линьхуан провинции Северной столицы. Он также был основан еще киданями и находился северо-западнее Борохотона в бассейне р. Шара-Мурэн (северо-западная часть современной пров. Ляонин) [Ивлиев, 1978, с. 106]. Исходя из этого можно сделать вывод, что существовала постоянная связь между центральными районами империи и Приморьем, хотя расстояние между ними было довольно большим – ок. 1150 км (рис. 3).

Подобный красноярскому жезл был обнаружен на памятнике Юнфэн в районе г. Байчэн пров. Цзилинь, где находилось селище, впоследствии перестроенное в буддийский храм. В этом районе обнаружено пять памятников такого типа, датируемых эпохой Ляо. На них прослежены большие строения, а в западной части – храмы. Найденный в Юнфэне жезл сделан из бронзы. Его длина 17 см. Оба конца оформлены в виде пестов, соединенных между собой рукоятью. По форме жезл напоминает красноярский, но из-за плохого качества фотографии невозможно различить, чем он украшен [Байчэн..., 1985, с. 24, табл. 7, 2].

Подобные жезлы и сейчас используются в ритуальных церемониях буддистов. По форме они схожи

с красноярским жезлом, правда, вместо львов и драконов изображены бутоны и цветы лотосов, а концы оформлены в виде пестов с четырьмя пламевидными отростками. В тибетском буддизме такие жезлы называются *dogje*, что означает “удар грома”. Причем вместе с *dogje* в религиозных церемониях использовался колокол, верхняя часть которого также оформлена в виде жезла. Колокол всегда держат в левой руке, он обозначает женскую мудрость, *dogje* – в правой, он символ мужского порядка. Вместе эти культовые предметы символизируют союз мудрости и порядка или достижение Просвещения и связаны с историческим Буддой. Если Будда изображен с одним жезлом, то последний находится в левой руке, причем всегда в вертикальном положении, если с жезлом и колоколом, то жезл – в правой руке, а колокол – в левой [Цултэм, 1982, с. 96, рис. 79, с. 102, рис. 85].

Буддийские культовые предметы – достаточно редкие находки среди археологических коллекций с чжурчжэньских средневековых памятников Приморья. На Ананьевском и Шайгинском городищах найдены бронзовые, каменные и фарфоровые статуэтки Будд, бронзовые зеркала и амулеты с буддийскими сюжетами. С буддизмом чжурчжэни познакомились довольно рано, еще в период создания государства. Причем есть сведения, что данная религия к ним проникает из Кореи, однако это влияние было крайне слабым. То, что известно о буддизме среди чжурчжэней в конце XI – начале XII в., говорит о киданьском его происхождении [Воробьев, 1966, с. 69]. Жезл, обнаруженный на красноярском городище, по крайней мере, подтверждает возможность проникновения культовых буддийских символов на территорию Приморья с бывших киданьских земель. Хотя не исключено, что буддийские традиции сохранились здесь со времени существования государства Бохай (VII – X вв.), когда буддизм в Приморье был довольно широко распространен. Об этом мы можем судить по результатам исследования шести культовых сооружений, раскопанных на территории Приморья: пять из них – буддийские храмы, одно – прихрамовая постройка [Артемьева, 1998]. Глиняные и бронзовые фигурки Будд и боддисатв, обнаруженные на данных памятниках, имеют черты, присущие практически всем культовым изображениям того времени, т.к. существовали определенные каноны буддийской мелкой скульптуры, хотя некоторые исследователи пытались доказать, что в бохайских культовых изображениях прослеживаются черты когурёской культуры [Чжу Ен Хён, 1967, с. 26].

Китайские исследователи считают, что бохайцы при строительстве своих буддийских храмов подражали китайским [Вэй Цуньчэн, 1984, с. 39]. Интересные сведения были собраны М.В. Воробьев-

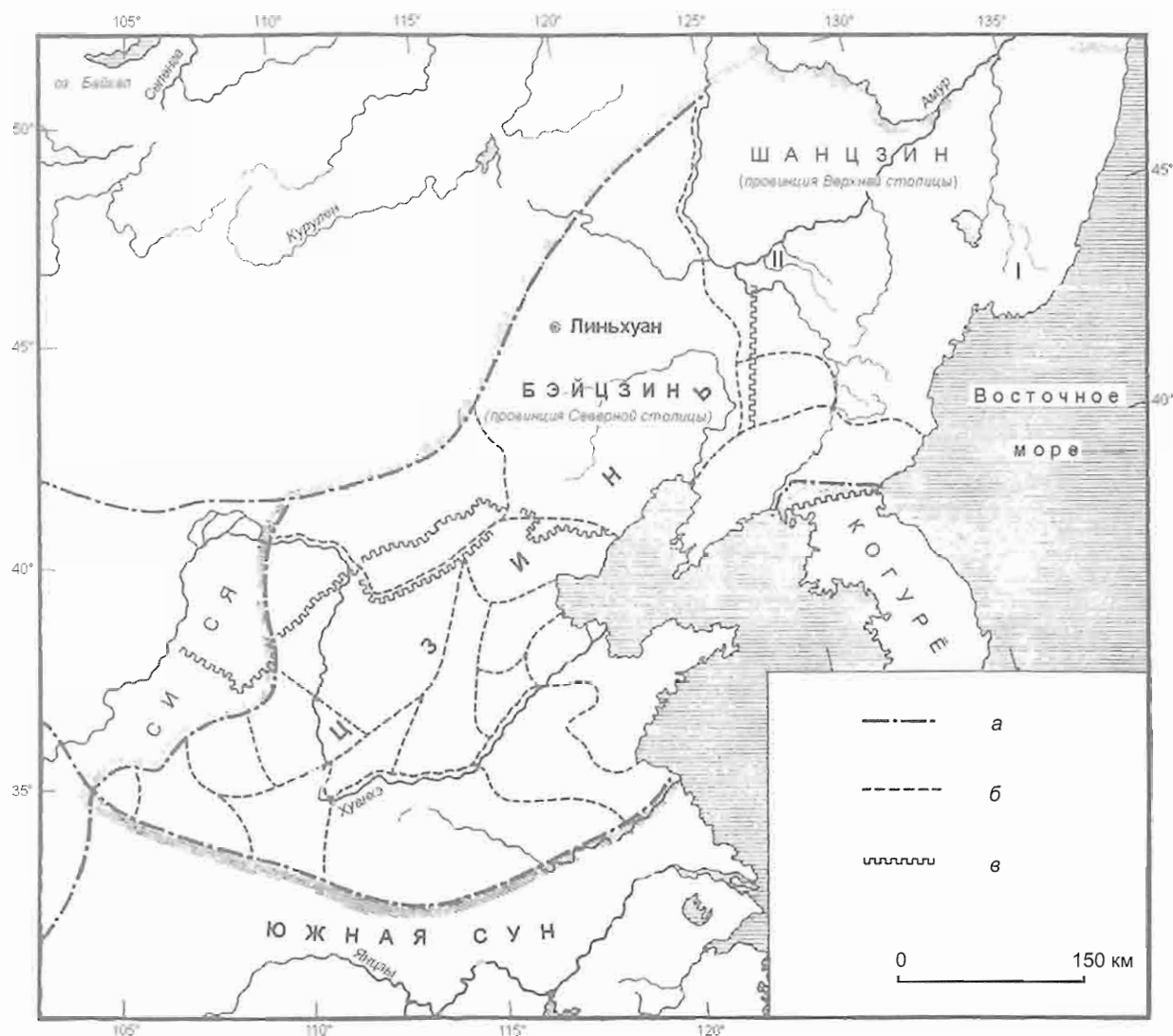

Рис. 3. Карта с указанием местонахождения жезла (I) и его местом происхождения (II).
а – государственные границы; б – административные границы; в – стены и валы.

вым о происхождении термина, обозначающего “буддийский храм”, у чжурчжэней. Он восходит к корейскому “тэль”. Это свидетельствует о том, что термин к чжурчжэням проник из Кореи, по-видимому, до того, как они вступили в тесные связи с киданями [Воробьев, 1983, с. 51]. Вопрос о происхождении буддизма у чжурчжэней довольно сложный. Но поскольку центром развития культуры Восточной Азии был Китай, не исключено, что непосредственно отсюда и проникло буддийское учение.

Список литературы

- Артемьева Н.Г.** Культовые сооружения бохайского времени на территории Приморья // РА. – 1998. – № 4. – С. 174 – 191.
- Артемьева Н.Г.** Новые эпиграфические находки в Приморье // Вестн. Российского гуманитарного научного фонда. – 2003. – № 1. – С. 200 – 210.
- Бэйчэн** ши вэньу чжи [Описание памятников материальной культуры г. Бэйчэн]. – Цзилинь, 1985. – 123 с., 12 табл. (на кит. яз.).
- Воробьев М.В.** Религиозные верования чжурчжэней // Докл. по этнографии / Геогр. об-во СССР. – Л., 1966. – Вып. 4. – С. 61 – 82.
- Воробьев М.В.** Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). – М.: Наука, 1983. – 367 с.
- Вэй Цуньчэн.** Архитектура Бохая // Хэйлуцзян вэньу пункань. – 1984. – № 4. – С. 15 – 43 (на кит. яз.).
- Е Лун-ли.** История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1979. – 607 с.
- Забелина Н.Н.** Из области средневекового искусства Дальнего Востока // Тр. Дальневосточной археологи-

ческой экспедиции. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 1. – С. 214 – 224. – (МИА; № 86).

Ивлиев А.Л. О надписях на бортиках средневековых бронзовых зеркал // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1978. – С. 104 – 117.

Ларичев В.Е. Китайская надпись на бронзовом зеркале из Сучана (Приморье) // Эпиграфика Востока. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 12. – С. 82 – 89.

Решетов А.М. Дракон в культурной традиции китайцев // Сб. МАЭ. – Л.: Наука, 1981. – Т. 37: Материальная культура и мифология. – С. 81 – 92.

Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. – М.: Наука, 1987. – 448 с.

Синицын А.Ю. Рыцари Страны восходящего солнца. – СПб.: Паритет, 2001. – 352 с.

Сычев Л.П., Сычев В.Л. Китайский костюм: Символика, история, трактовка в литературе и искусстве. – М.: Вост. лит., 1975. – 132 с.

Терентьев-Катанский А.П. Китайская легенда о драконе // Страны и народы Востока. – М.: Наука, 1971. – Вып. 11. – С. 119 – 126.

Торчинов Е.А. Буддизм: Карманный словарь. – СПб.: Амфора, 2002. – 107 с.

Цулгэм Н. Выдающийся монгольский скульптор Г. Дзанабадзар. – Улан-Батор: Гос. изд-во, 1982. – 126 с.

Чеснов Я.В. Дракон: метафора внешнего мира // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. – М.: Наука, 1986. – С. 59 – 72.

Чжу Ен Хён. Бохай – наследник Когурё // Кого минсок. – 1967. – № 2 (на кор. яз.).

Материал поступил в редколлегию 29.05.03 г.

А.В. Бауло¹, Б.И. Маршак², Н.В. Федорова³

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: baulo@archaeology.nsc.ru*

²*Государственный Эрмитаж
Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия
E-mail: bmarshak@yandex.ru*

³*Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия
E-mail: fedorova@mail.utk.ru*

СЕРЕБРЯНЫЕ БЛЮДА С РЕКИ ВОЙКАР

Серебряные изделия эпохи средневековья, изготовленные в странах Востока и Запада и найденные в Приобье, сравнительно мало изучены. Более знакомы исследователям и широкой публике серебряные сосуды и украшения, обнаруженные в Прикамье. Лишь в последние десятилетия XX – начале XXI в. западно-сибирские находки стали приобретать вполне заслуженную известность. Этому способствовало несколько событий. Во-первых, проведение двух выставок “Сокровища Приобья”, одна из которых прошла в 1996 г. в Государственном Эрмитаже, вторая открылась в сентябре 2003 г. в Ямало-Ненецком музейно-выставочном комплексе в г. Салехарде; открытие обеих выставок сопровождалось изданием каталогов [Сокровища Приобья, 1996, 2003]. Во-вторых, выход в свет ряда работ, в которых публиковались отдельные вещи и целые группы, подробно анализировался контекст находок и древний, и современный, давалась их атрибуция [Гемуев, 1988; Бауло, 2000, 2001, 2002; Бауло, Маршак, 2001; Борисенко, Худяков, 2003; Федорова, 2002, 2003; Яковлев, 1995, 2000]. Тем не менее, полного представления о богатстве региона шедеврами средневекового сереброрделия до сих пор нет, т.к. практически каждый год появляются новые известия о серебряных сосудах или других предметах из серебра и бронзы.

Авторы статьи видят свою задачу в максимально подробной публикации двух новых находок из Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого автономного окр., ставших известными в 2001 г. в ходе работ При-

полярного этнографического отряда Института археологии и этнографии СО РАН [Бауло, 2004].

Серебряное блюдо с изображением филина, стоящего на спине оленя, и взлетающей утки (рис. 1) найдено в начале 1970-х гг. в Шурышкарском р-не Ямало-Ненецкого автономного окр. на р. Войкар при спаде воды на берегу около Святого мыса. Блюдо почти полностью было укрыто в песке, наружу выступал только край, разрушенный донными камнями.

По обычаю, люди, проплывавшие мимо мыса, бросали в воду в жертву живущему здесь духу монеты или металлические изделия. Это, возможно, объясняет причину попадания блюда в реку (ср.: «В районе Вагильска в водоворот, называемый среди вогулов “котельным водоворотом”, бросали в качестве жертвы живущему в нем духу медный котел» [Kannisto, 1958, S. 308]).

В последние годы блюдо хранилось в одном из поселков на р. Сыне в составе семейных святынь. Имевшее статус найденной вещи блюдо, завернутое в несколько платков, постоянно находилось в сенях дома (т.е. вне жилого помещения). Его использовали при жертвоприношении оленя: хозяин дома обводил блюдом пространство вокруг шеи и вдоль спины животного. Таким образом подчеркивалось, что олень подносился в жертву семейному духу-покровителю, который выступал в птичьей ипостаси. По мнению хантов, на блюде была изображена сцена жертвоприношения оленя, на спине которого стоял предок-покровитель в облике филина (рис. 2).

Рис. 1. Серебряное блюдо с изображением филина, стоящего на спине оленя. IX – X вв.

Рис. 2. Центральный медальон блюда.

Рис. 3. Серебряное блюдо с изображением всадника, убивающего льва. IX – X вв.

Для поселков сынских хантов характерно почитание предков в облике птиц: кукушки, орла, горного гуся (казарки). Охранители поселка в образе Старика-филина на протяжении XIX – XX вв. были известны у кондинских [Ibid, S. 188 – 189], ляпинских (поселки Межи-пауль, Хурумпауль) [Чернецов, 1939, с. 25; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 8 – 16] и верхнесосьвинских (пос. Халпауль) манси [Источники..., 1987, с. 204 – 206; Гемуев, Бауло, 1999, с. 36 – 39]. В более ранней практике во время обряда блюдо, видимо, вывешивалось, о чем можно судить по имеющемуся в нем отверстию.

В 2003 г. блюдо приобрел для своего музея Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск).

Блюдо с изображением всадника, убивающего льва (рис. 3), было найдено в 1950-х гг. в верховьях р. Войкар. Лежавшую на земле вещь обнаружил хантоленевод во время легкой перекочевки оленей по Северному Уралу.

К сожалению, мы не знаем, как использовалось блюдо в обрядовой практике хантов до его обнаружения в середине XX в. Имеющееся отверстие на его

крае позволяет предполагать, что блюдо подвешивали за кожаный ремешок во время ритуальных церемоний. В современных представлениях войкарских хантов фигура всадника на коне однозначно ассоциируется с изображением Сына Верховного бога – *Мир-ваннты-хэ*.

В последние годы блюдо входит в состав семейных святынь. Завернутое в материю, оно, как найденная вещь, хранится в сенях дома. По праздникам и при жертвоприношении оленя блюдо выставляют вместе с фигурами домашних духов-покровителей. Ему также подносят рюмку водки и угощения.

Описание блю́д

Серебряное блюдо с изображением филина, стоящего на спине оленя, и взлетающей утки

Техника изготовления. Круглое блюдо диаметром 39,2 см выполнено ковкой. Бортик утолщен, снизу с лицевой стороны пройден чеканом. Ширина бор-

Количественный химический анализ серебряного блюда с изображением филина, IX – X вв., % массы:

Определяемый элемент	Верхний слой	Средний слой	Нижний слой
Ag	~ 60,5	~37,0	~63,6
Al	$1 \cdot 10^{-2}$	$< 3 \cdot 10^{-3}$	$3 \cdot 10^{-3}$
Au	0,11	0,11	0,11
Bi	$2 \cdot 10^{-2}$	$2 \cdot 10^{-2}$	$2 \cdot 10^{-2}$
Ca, Si, Fe, Mg	$3 \cdot 10^{-2}$	$3 \cdot 10^{-2}$	$3 \cdot 10^{-2}$
Cd	$6 \cdot 10^{-4}$	$6 \cdot 10^{-4}$	$6 \cdot 10^{-4}$
Co	$< 1 \cdot 10^{-3}$	$1 \cdot 10^{-2}$	$< 1 \cdot 10^{-3}$
B, Cr, Mo, Pd, Ti, Pt, Zr, V, La	$< 4 \cdot 10^{-3}$	$< 4 \cdot 10^{-3}$	$< 4 \cdot 10^{-3}$
Cu	36,0	52,0	33,0
Mn	$2 \cdot 10^{-3}$	$4 \cdot 10^{-4}$	$2 \cdot 10^{-3}$
Ni	$1 \cdot 10^{-3}$	$1 \cdot 10^{-2}$	$\leq 1 \cdot 10^{-3}$
Pb	0,26	0,20	0,26
Sb	$2 \cdot 10^{-2}$	$8 \cdot 10^{-3}$	$2 \cdot 10^{-2}$
Sn	0,40	0,2	0,42
Zn	2,6	10,0	2,6

Примечания: Погрешность определяемых концентраций примесей характеризуется относительным стандартным отклонением $s_k = 0,15 - 0,2$; методы анализа: атомно-эмиссионный спектральный, химико-атомно-эмиссионный спектральный, атомно-абсорбционная спектрометрия; аппаратура: спектрограф PGS-2, АА спектрофотометр Z-8000, Hitachi. Анализ выполнен старшим научным сотрудником Института неорганической химии СО РАН Т.А. Чвицышевой.

тика 0,9 см, толщина 0,15 см, толщина блюда ок. 0,2 см. Блюдо сделано из трех наложенных друг на друга металлических листов (см. таблицу).

Декор выполнен тонким и очень хорошим точечным чеканом с лицевой стороны, благодаря чему изображения выглядят немного выпуклыми. Чеканом, по-видимому, проходили по контуру, предварительно очерченному тонким металлическим инструментом (в двух местах он соскользнул и в результате остался след). Голова центрального персонажа – филина – чеканилась, по-видимому, на мягкой подложке; она более выпуклая, чем остальные изображения.

Сохранность. Блюдо сильно помято, потрескалось; верхнее покрытие местами отслоилось. На оборотной стороне фиксируются трещины. Утрачен фрагмент правой верхней части, прилегающей к бортику. Поверхность покрыта темной патиной. Лучшее всего сохранился центральный медальон: он без утрат, лишь в некоторых местах слегка отслоилось верхнее покрытие.

Декор сосредоточен в центральном медальоне. Медальон круглый, диаметром 20,7 см, обведен бордюром шириной 1 см. Бордюр орнаментирован узором из двух параллельных дуг и отходящего от одного из них вертикального штриха с тремя круглыми отпечатками чекана, сгруппированными в пирамидку. Композицию составляют три взаимодействующих персонажа: филин с распахнутыми крыльями стоит на спине оленя, между ними внизу располагается фигурка летящей водоплавающей птицы, похожей на утку.

Филин. Фигура и голова филина изображены в фас; крылья распахнуты, маховые перья свисают вниз; мощные когтистые лапы упираются одна в круп, другая в

холку; опущенный хвост свисает на бок оленя. Голова филина в форме слегка сплющенного сверху круга, обведена имитацией витого канта; длинные перья на голове переданы уголками, вложенными один в другой. Клюв изображен во фронтальной проекции; круглые глаза со зрачком, обозначенным отпечатком чекана, показаны со слезной бороздкой (отходящий вниз штрих). На шее птицы – ряд из трех кружочков. Верхняя часть крыльев ладьевидной формы обведена орнаментальным кантом, украшенным косо поставленными насечками. Вниз с каждой стороны спускаются по четыре гладких неорнаментированных пера. Туловище гладкое, неорнаментированное, прямоугольной формы, внизу поясок, имитирующий витой кант. Лапы четырехпалые, один палец резко отставлен; верхняя часть лап обведена сердцевидным кантом, оформленным косо поставленными насечками. На каждой лапе отпечаток пунсона. Хвост, состоящий из трех перьев, в верхней части орнаментирован рядом из трех кружков, аналогичным показанному на шее птицы.

Олень. Запечатлен внизу композиции, в профиль влево. Трехчастные рога изображены расходящимися в разные стороны, в основании рогов – волнистая линия. Лоб выпуклый; нос небольшой, с выделенной ноздрей; глаз миндалевидной формы с дугой внутри; под подбородком имеется треугольный выступ; скула очерчена плавной линией. Пасть передана прямой линией. Очертания и пропорции тела, рисунок короткого хвоста соответствуют реальному прототипу; ноги сведены вместе, обрисованы правые и левые конечности; раздвоенные копыта непропорционально длинные. Передние ноги подняты вверх, лежат на бордюре, окружающем центральный медальон, задние также опираются на бордюр, но подо-

гнуты под живот оленя. Как и на лапах филина, на каждой ноге оленя – отпечаток круглого пунсона. Вдоль абриса живота, задней части и хвоста сделаны короткие насечки, по-видимому, имитирующие шерсть.

Водоплавающая птица. Птица, похожая на утку, изображена в профиль. Короткая шея вытянута; одно крыло поднято; лапа поджата под живот. Глаз миндалевидной формы, на шее – дуга из отпечатков точечного чекана. На крыле показаны четыре пера, орнаментированные короткими насечками. Хвост отделен от туловища двойной линией, оставленной точечным чеканом; между линиями – ряд отпечатков круглого пунсона. На хвосте изображено пять перьев, украшенных, как и крыло, короткими косыми насечками. На плавно обрисованной лапе, прижатой к животу, – отпечаток круглого пунсона.

Особенности техники и изобразительных приемов. Блюдо трехслойное, подобные встречаются редко. В декоре сочетаются отпечатки тонкого точечного чекана и круглого пунсона. Особенностью изображения является использование таких элементов, как двойные дуги с отходящими от них штрихами (характерный мотив аббасидской живописи IX в.) и пирамидкой из отпечатков пунсона, фигурная скобка, которой обрисованы некоторые детали изображений – живот и ноги оленя, когти филина. Мастер, наносивший декор, вероятно, придавал особое значение отпечаткам круглого пунсона: ими помечены ноги и лапы персонажей.

Образцы. В какой-то степени “блюду с филином” по композиции декора аналогично позднеасанидское блюдо VII – VIII вв. из клада, найденного в центре г. Уфы [Тревер, Луконин, 1987, кат. № 29]: на нем – хищная птица (орел) с распахнутыми крыльями стоит на спине лани. Можно усмотреть некоторые общие черты и в трактовке сюжета – непропорционально большая фигура птицы с распахнутыми крыльями, и в изобразительных приемах – отделение верхней части крыла кантом из параллельных линий. Фигура стоящей на спине газели хищной птицы украшает блюдо из клада, обнаруженного у д. Мальцевой Кудымкарского р-на Пермской губ. Изделие датировано VII – VIII вв. [Там же, кат. № 41]. В овальных медальонах, которыми оформлена серебряная бутылка VI – VII вв., запечатлена аналогичная сцена – крупная хищная птица стоит на спине лежащей с подогнутыми ногами газели [Там же, с. 116, кат. № 31]. Бутылка была обнаружена у д. Куриловой Осинского уезда Пермской губ. Подобная сцена показана еще на одной бутылке, также датированной VI – VII вв. [Там же, кат. № 30]. По общим принципам построения композиции (она размещена в круглом медальоне, обведенном бордюром), форме блюда (тарелка с отогнутыми краями и бортиком по краю), а также позы копытного (с подогнутыми ногами) можно усмотреть

Рис. 4. Изображение филина на бронзовой бляхе. Сайгатинский VI могильник. X – XI вв.

сходство публикуемого блюда и с согдийскими сосудами VIII в. школы А [Маршак, 1971, с. 21 – 23], найденными также в Прикамье [Даркевич, 1976].

Аналоги. Аналогии изображениям на блюде можно найти в трех различных по происхождению группах художественного металла. Во-первых, в группе “ураловенгерского” серебра – несколько блюд из Северного Предуралья (починок Утемилский) и с Южного Ямала (могильник Хето-сеи), датированных IX – X вв. [Сокровища Приобья, 1996, 2003]. С изделиями, входящими в эту группу, “блюдо с филином” объединяют как техника нанесения декора – тонкий и точный рисунок, выполненный точечным чеканом, так и несколько повторяющихся художественных приемов – изображение двух параллельных дуг с отходящим от них штрихом, штриховка короткими косыми насечками линии живота или ног животных, фигурная скобка. Блюдо из починка Утемилского, как и войкарское блюдо с филином, выполнено в редкой технике наложения тонкого листа серебра на более массивную основу. Рисунок летящей водоплавающей птицы на блюде с филином и разрезанном диске с Ямала [Сокровища Приобья, 2003, с. 57] практически одинаков (следует признать, что сохранность изображения этого персонажа на диске с Ямала очень плохая). Все это позволяет отнести блюдо с филином к продукции одного центра и датировать IX – X вв.

Во-вторых, в группе раннебулгарских сосудов подобная сцена – хищная птица, стоящая на спине травоядного, – встречена на блюде [Федорова, 2003, с. 149]. Изделие известно более как блюдо с сокольным из Томской губ. [Смирнов, 1909; Даркевич, 1976]. На нем сцена дополнена изображением человеческой фигуры.

В-третьих, в группе западно-сибирского бронзового литья. Сюжет “хищная птица (иногда сова или филин), стоящая на звере”, причем в той же иконографии – в фас, с распахнутыми крыльями и опущенным на спину животного хвостом – встречается на изделиях, относящихся еще к раннему железному веку. Самые ранние датированные вещи с этим сюжетом зафиксированы в комплексе Усть-Полуйского святилища [Усть-Полуй, 2003, кат. № 16, 31]. Средневековые изображения совы (филина) в фас с распахнутыми крыльями довольно многочисленны. Одно из них – на круглой бляхе, найденной в погр. 73 Сайгатинского VI могильника; оно практически тождественно изображению филина на блюде с Войкара (рис. 4) [Древние бронзы..., 2000, кат. № 28]. Бляха датируется X – XI вв.

Серебряное блюдо с изображениями всадника, льва, двух оленей и двух птиц

Техника изготовления. Круглое блюдо диаметром 30,5 см, высотой 2,5 см выполнено ковкой; вертикальный бортик утолщен, снизу с лицевой стороны пройден чеканом. Декор выполнен по предварительно нанесенному рисунку тонким точечным чеканом с лицевой стороны. Работа производилась на мягкой подложке, поэтому рисунок выглядит выпуклым. На оборотной поверхности хорошо виден негатив изображения.

Сохранность. Блюдо сохранилось полностью; нижний (если смотреть на рисунок) край покрыт темной патиной. Вверху под бортиком пробито небольшое аккуратное отверстие.

Декор охватывает всю лицевую поверхность. На блюде запечатлена сцена охоты всадника на льва. Перед лицом всадника – две фигурки оленей, сзади над крупом коня и над правым плечом всадника – две птицы.

Всадник. Нижняя часть фигуры всадника изображена в профиль так, что видна только правая нога; верхняя часть развернута в три четверти к зрителю. На голове всадника убор типа башлыка, его концы, показанные в виде тройной полупальметты, лежат на правом плече. Лицо всадника овальное, длинные брови параллельны верхнему абрису больших миндалевидных глаз с радужной оболочкой, но без зрачков. Линия прямого носа тянется от внутренних углов глаз; рот очень маленький; усы короткие. Всадник одет в длинный, до колен, кафтан, расходящийся от пояса на две полы. Пояс украшен узором из двух поперечных параллельных дуг, от одной из которых отходит штрих с точкой. Так переданы ремни, хвосты птиц и крылья грифонов в аббасидской живописи Самарры второй трети IX в. [Herzfeld, 1927, Taf. LXIII, LXV, LXVI, LV, LXV, LXVI, LXIX]. В X – XI вв. этот мотив использовался

как орнаментальный и при изображении птичьего хвоста [Marschak, 1986, Abb. 115 – 118; Даркевич, 1976, кат. № 42, 44]*. Традиция передачи лица с огромными глазами тоже восходит к раннеисламской художественной традиции [Herzfeld, 1927, Taf. II – VI, IX, XXV – XXVI, LI – LV, LXVII – LXVIII, LXX, LXXI; Wilkinson, 1973, Pls. 59, 62, 64 – 66, Color Pls. II – VI]. Пальметка на головном уборе всадника похожа на пальметки, которые украшают саманидскую чашу Больше-Аниковского клада [Marschak, 1986, Abb. 118]. На ногах наездника мягкие сапоги с острым носком и строчкой, отделяющей нижнюю часть сапога от голенища (?). У всадника подчеркнута развитая мускулатура плеч и рук. В руках он держит копьё, которым поражает голову льва.

Конь. Массивный конь с фигурой округлых очертаний показан в профиль. Передние ноги как бы зажимают льва, задние переданы в шаге так, что правая нога опирается на бортик блюда, левая приподнята и “перешагивает” через львиные лапы. Морда коня передана овалом; глаз по форме и размеру такой же, как и у всадника, тоже без зрачка. На лбу коня – челка, уши орнаментированы вертикальным рядом отпечатков чекана. Грива не показана. На шее и голове коня – оголовье, состоящее из ремней и двух круглых блях. Бляхи в центре орнаментированы отпечатком чекана; ремни (налобный и шейный) украшены узором в виде двух дуг с отходящим от них штрихом. Дуга, идущая от оголовья к нижней челюсти коня, возможно, изображает уздечку, положенную на шею, т.к. руки всадника заняты копьем. Крупный псалий изогнут в виде буквы S, с окончаниями в виде фигурной скобки. Седло обозначено загнутой волюттой задней луки и чепраком, свисающим ниже уровня колена всадника (?). Стремя маленькое, квадратное – в него только-только входит носок сапога всадника. От седла к хвосту коня тянется задний сбруйный ремень, украшенный тем же орнаментом, что и пояс всадника. Хвост коня не орнаментирован. Изображены мохнатые бабки, в верхней части копыта – ряд точечного орнамента. На каждом копыте нанесено по одному отпечатку круглого пунсона.

Лев. Изображен в профиль; он лежит под ногами коня. Всадник пронзает льва копьем, причем наконецник, вонзенный в затылок зверя, выходит под правым глазом. У льва открыта пасть, в которой видны два верхних клыка, и высунут язык. Глаз изображен так же, как у коня и всадника. Грива языком спускается на правое плечо зверя, не орнаментирована. Передние лапы подняты и как бы держат за задние ноги оленя, задние вытянуты назад. Хвост с кистью на конце пропущен под правое бедро и поджат под живот. На лапах льва, как и на копытах коня, имеются отпечатки круглого пунсона.

* Дата последнего не позднее первой половины XI в. [Marschak, 1986, S. 111].

Олени. Оба безрогие, изображены в профиль. Нижний с вытянутыми задними и поджатыми передними ногами, задние зажаты в лапах льва. Верхний олень лежит с поджатыми и сложенными под животом ногами и повернутой назад головой. Живот и задняя часть верхнего и грудь нижнего оленей украшены линиями, нанесенными точечным чеканом. На ногах обоих оленей выше копыт – отпечатки круглого пунсона.

Птицы. Изображены летящими: с распахнутыми крыльями и прижатыми к животу лапами. Верхняя птица, по-видимому, водоплавающая: по пропорциям, форме головы и клюва она похожа на утку. Нижняя часть крыльев и хвост украшены параллельными линиями, между которыми – ряды отпечатков точечного чекана. Рядами таких же отпечатков сверху и снизу обведена шея. На прижатой к животу лапе – отпечаток круглого пунсона. Вторая птица, как бы летящая за первой, судя по форме загнутого крупного клюва, хищная. Ее левое крыло вписано между крупом коня и рукой всадника. Орнамент на крыльях и хвосте аналогичен тому, которым украшена первая птица; так же расположены и ряды чекана по низу и верху шеи, но еще одна добавочная линия отпечатков чекана опускается от верхнего ряда по дуге вдоль всей шеи. На лапе, прижатой к животу, также фиксируется отпечаток пунсона.

Особенности техники и изобразительных приемов. Необходимо отметить высокое мастерство чеканщика, наносившего изображения на блюдо. В декоре блюда сочетаются элементы, выбитые тонким точечным чеканом, и отпечатки круглого пунсона. К особым приемам можно отнести орнамент в виде двойных дуг с отходящими от них штрихами и отпечатками круглого пунсона в декоре на ремнях коня и всадника, специфический орнамент на крыльях и хвостах птиц – заключенные между параллельными отрезками прямых линии, оставленные точечным чеканом, а также изображение глаз без зрачков у всадника, коня и льва. Видимо, важной деталью следует считать отпечатки круглого пунсона, нанесенные на нижние части ног животных и птиц.

Образцы. Прототипом блюда со всадником, львом и другими животными являются сасанидские блюда, например, с изображениями Шапура III, охотящегося на кабанов [Тревер, Луконин, 1987, кат. № 6, ил. 13], царя, охотящегося на тигров [Там же, кат. № 11, ил. 23], и царя, охотящегося на льва и тигра [Там же, кат. № 12, ил. 25]. Блюда похожи по форме – круглые, с вертикальным бортиком, по размещению фигур композиции – в центре всадник, одно животное расположено горизонтально под ногами коня, другое вертикально перед его головой, а также по манере изображения всадника – нижняя половина туловища показана в профиль, плечи и торс в фас – и массивного коня. Блюда с изображением охотящихся Шапура III и царя входили

в состав кладов, обнаруженных у деревень Нижняя Шахаровая и Мальцева в бывшей Пермской губ. Отметим, что блюдо со всадником лучше, чем остальные сосуды “венгерской” группы, позволяет представить, каким был их исламский прототип. Вообще восточно-европейские сосуды являются важным источником, помогающим в какой-то мере понять “темный период” истории иранской и мавераннахрской торговли с 830-х гг. до начала XI в.

Аналоги. Наибольшее сходство блюдо со всадником имеет с группой серебряных блюд (чаша с изображением всадника и разрезанный диск с фигурой всадника), обнаруженных в Предуралье около починка Утемилевского и на юге п-ова Ямал, в могильнике Хето-се [Сокровища Приобья, 2003, с. 53, 57]. Поза и одежда всадников, правильные овальные лица, фигура коня, некоторые изобразительные приемы, такие как заимствованный в странах ислама мотив параллельных дуг с отходящим штрихом, а также наличие в декоре изображений летящей водоплавающей и хищной, по-видимому ловчей, птиц позволяют уверенно считать блюда произведениями мастеров одного центра. Ранее этот центр был определен одним из авторов статьи как восточно-европейский ранневенгерский [Маршак, 1996, с. 16 – 19, 114 – 121], другим автором – как урало-венгерский [Федорова, 2003, с. 141 – 143]. Особенностью войкарского блюда со всадником является, пожалуй, размещение сюжета на всей поверхности блюда, что не характерно для остальных сосудов группы. Мастер, изготовивший эту вещь, вероятно, старался очень точно следовать образцам.

Необходимо обратить внимание на то, что публикуемые здесь блюда со всадником и с филином имеют совпадающие детали: однотипны фигуры птиц, одинаковы полосы с поперечными насечками (на первом изделии – у пояса всадника и упряжи коня, на втором – у канта медальона).

Дата. Группа серебряных блюд, к которым можно отнести блюдо со всадником, львом, оленями и птицами, датирована IX – X вв. Псаалии, изображенные на блюде, аналогичны псаалиям из памятников, относящихся ко второму этапу сросткинской культуры, и могут быть датированы также IX – X вв. [Степи Евразии, 2000, с. 45, рис. 27 – 65, 80].

Заключение

Блюдо с филином можно рассматривать как дополнительный аргумент в пользу предположения об уральской локализации венгерской группы серебряных блюд, которые до сих пор связывали то с импортом из Паннонии, то с изделиями мастеров времен пребывания венгров в Ателькузе и восточно-европейских степях [Даркевич, 1976, с. 176; Сокровища Приобья, 1996,

с. 17 – 18]. Теперь ясно, что это не продукция Дунайской Венгрии и что в иконографии и стиле этих сосудов сочетаются признаки зарождающегося искусства восточно-европейских кочевых венгров, старой уральской традиции их предков и торевтики Аббасидского халифата и государства Саманидов. Стало также очевидным, что картина формирования художественных школ в молодых государствах и даже догосударственных образованиях на северо-востоке Европы, например, таких как Волжская Булгария, Великая Венгрия или прикамские городки, была много сложнее, чем это представлялось до сих пор. Так, отчетливо фиксируется некая общая для всего урало-западносибирского региона, условно говоря, мифологическая подоснова – сюжет “хищная птица, стоящая на спине животного” прослеживается от рубежа эр; причем за это время он мало изменился с точки зрения иконографии. По-видимому, наличествовала и какая-то общая изобразительная традиция, иначе трудно себе представить сходство, доходящее до тождества, в изображении филинов на блюде и бронзовой бляхе. Локализация блюд со всадническими сюжетами в бассейнах рек Сыня – Войкар и на юге п-ова Ямал позволяет поставить вопрос о времени и путях проникновения в Нижнее Приобье всаднических сюжетов, тех самых сюжетов, которые в образе “небесного всадника” дожили на этих территориях до наших дней.

Список литературы

- Бауло А.В.** Серебряное блюдо с Малой Оби // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 143 – 153.
- Бауло А.В.** Богатырь и невеста (серебряное блюдо с р. Сыня) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 2. – С. 123 – 127.
- Бауло А.В.** Сасанидское серебряное блюдо с реки Сыня // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 142 – 148.
- Бауло А.В.** Домашние (семейные) святилища северных хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 89 – 101.
- Бауло А.В., Маршак Б.И.** Серебряный ритон из хантыйского святилища // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 133 – 141.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Западно-европейский акваманил, привезенный в XVIII веке Г.Ф. Миллером из Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2. – С. 123 – 129.
- Гемуев И.Н.** Еще одно серебряное блюдо из Северного Приобья // Изв. СО АН СССР. – 1988. – № 3: Сер. истории, филологии и философии, вып. 1. – С. 39 – 48.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 240 с.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси: Культовые места XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 190 с.
- Даркевич В.П.** Художественный металл Востока. – М.; Л.: Наука, 1976. – 198 с.
- Древние бронзы** Оби: Коллекция бронз IX – XII вв. из собрания Сургутского художественного музея. – Сургут: Изд-во Сургут. худож. музея, 2000.
- Источники** по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – 280 с.
- Маршак Б.И.** Согдийское серебро. – М.: Наука, 1971. – 157 с.
- Маршак Б.И.** Вступительная статья // Сокровища Приобья. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. – С. 6 – 44.
- Смирнов Я.И.** Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. – СПб.: [Издание Имп. археол. комиссии], 1909. – 18 с., 300 табл.
- Сокровища** Приобья. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. – 228 с.
- Сокровища** Приобья: Западная Сибирь на торговых путях средневековья. – Салехард; СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – 58 с.
- Степи Евразии** в эпоху средневековья. – Донецк: Изд-во Ин-та археологии НАН Украины, 2000. – 399 с.
- Тревер К.В., Луконин В.Г.** Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа: Художественная культура Ирана III – VIII вв. – М.: Искусство, 1987. – 157 с., 124 ил.
- Усть-Полуй:** I в. до н.э. – Салехард – СПб., 2003. – 76 с.
- Федорова Н.В.** Блюдо со львами: пять жизней за тысячу лет // Вестн. УрО РАН. – 2002. – Вып. 2. – С. 107 – 115.
- Федорова Н.В.** Торевтика Волжской Болгарии: Серебряные изделия X – XIV вв. из зауральских коллекций // Тр. Камской археол. экспедиции. – Пермь: Изд-во Перм. пед. ун-та, 2003. – Вып. 3. – С. 138 – 153.
- Чернецов В.Н.** Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. – 1939. – № 2. – С. 20 – 42.
- Яковлев Я.А.** Еще одна находка западноевропейского средневекового искусства в Сибири // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: Тез. докл. X Западносиб. археол.-этногр. совещания. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – С. 212 – 215.
- Яковлев Я.А.** Новая находка золотоордынской торевтики из Сургутского Приобья // Памятники Югры: вчера, сегодня, завтра. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – Вып. 1. – С. 124 – 130.
- Herzfeld E.** Die Malerein von Samarra. – Berlin, 1927.
- Kannisto A.** Materialien zur Mythologie der Wogulen // MSFOu. – 1958. – Vol. 113. – 444 S.
- Marschak B.I.** Silberschätze des Orients. Metallkunst des 3. – 13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. – Leipzig: VEB E.A. Seemann Verlag, 1986. – 438 S.
- Wilkinson Ch.K.** Nishapur: Pottery of the Early Islamic Period. – N.Y.: 1973.

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

РЕКА ИСТОРИИ – ИСТОРИИ РЕКИ

Фотоэкспедиция по Енисею и притокам

Девяносто лет назад, в 1913 г., великий норвежский путешественник Ф. Нансен на грузовом судне прошел через северные моря до устья Енисея, вверх по реке до г. Енисейска, потом на лошадях до Красноярска и далее по железной дороге на восток. Целью экспедиции было изучение возможностей Северного морского пути для развития торговых связей Норвегии с Сибирью. Это путешествие вызвало глубокий интерес европейцев к России, Сибири, к Енисею и народам, живущим по его берегам.

Великую реку открывали многократно: в глубокой древности кочевые скотоводческие народы осваивали приенисейские степи, создавая великие цивилизации – ровесницы египетских пирамид. Тысячи лет Енисей был коридором экспансии культур юга на север. Четырнадцать веков назад здесь существовало одно из могущественнейших азиатских государств – Кыргызский каганат. На исходе средневековья российские промысловые люди прокладывали тропы в заповедные края, манившие пушниной и золотом. Россия осваивала Енисей медленно и трудно.

Большой речной дорогой Енисей стал в XIX в. Реку открывали для себя купцы, миссионеры, старообрядцы, революционеры, позже комсомольские энтузиасты – избачи, учителя и фельдшеры. Ее осваивали спецпоселенцы, обустроивавшие берега. Советское государство пыталось организовать жизнь на Енисее по законам экстенсивной плановой экономики.

Эпоха сменяла эпоху; и время от времени появлялись документальные фотосвидетельства событий на Енисее. Оставил свои речные хроники и Ф. Нансен. Фоторепортаж, сделанный им в енисейской экспедиции 1913 г., стал открытием объективной сибирской реальности для европейцев. Это был простой и яркий рассказ о жизни людей на реке и рядом с ней. В объективе норвежского путешественника оказались и русские крестьяне, купцы, промышленники, осваивавшие север, и енисейские остяки, в т.ч. таинственные кеты, которых Ф. Нансен, вслед за антропологами того времени, считал древнейшими обитателями Европы.

Впоследствии многие пытались повторить путь великого норвежца. В 2003 г. возникла идея фотоэкспедиции “Навстречу Нансену”. Проект положил начало масштабной программе международных фотоэкспедиций по великим рекам Сибири и Дальнего Востока (“Восемь рек Северной Азии”), запланированной на 2003 – 2010 гг.

На теплоходе “Пантера” 19 июня 2003 г. из Красноярска двинулась на север международная фотоэкспедиция и спустя 24 дня, пройдя 4 500 км, возвратилась, завершив свою программу. Подготовить и провести экспедицию помогли этнографы, журналисты, работники музеев, речники, местные власти и простые люди, живущие в городах и поселках на Енисее.

Проект “Навстречу Нансену” был осуществлен при поддержке Агентства “Открытая Сибирь” (Новосибирск), Московского представительства Фонда Форда, Фонда “Объективная реальность” (Москва), Института археологии и этнографии (ИАЭт) СО РАН (Новосибирск), Красноярского культурно-исторического музейного комплекса (Красноярск), ООО «Творческое объединение “Имена”» (Красноярск), Фонда им. Юрия Кондратюка (Новосибирск). Экспедицию возглавляли Валерий Кламм (директор Фонда им. Юрия Кондратюка) и Лиза Фактор (директор Фонда “Объективная реальность” / Photographer.Ru); в ее состав входили: Александр Кузнецов (фотограф, газета “Красноярский рабочий”, Красноярск), Ирина Октябрьская (этнограф, ИАЭт СО РАН, Новосибирск), Александра Шубская (менеджер международных проектов, Культурно-исторический музейный центр / Общество “Сибирь – Норвегия”, Красноярск), Хайди Брэднер (фотограф, Panos Pictures, Лондон/Анкоридж), Андрей Рудаков (фотограф, Кемерово/Москва), Валерий Нистратов (фотограф, Москва), Александр Гронский (фотограф, Санкт-Петербург), Натали Нугаре (журналист, “Le Monde”, Париж/Москва), Айван Сигал (фотограф, директор Internews, Алматы/Нью-Йорк), Ольга и Анатолий Лановые (владельцы теплохода “Пантера”, Красноярск).

Результатом экспедиции стали ок. 300 пленок фотоархива. Премьерный показ лучших работ состоялся в рамках Красноярской музейной биеннале “Вымысел истории” (5 – 20 сентября 2003 г.), где выставка “Река истории – истории реки” была удостоена специального приза – “Масштаб и перспектива”. Фрагменты выставки и ее мультимедийная версия демонстрировались на 9-м Международном фестивале профессиональной фотографии “Интерфото-2003” (Москва, 11 – 12 октября 2003 г.).

Идеологию проекта определила формула “Река истории – истории реки”. Маршрут экспедиции пролегал от г. Красноярска до Карского моря по Енисею. Фотоисследование 2003 г. охватило большие и малые притоки Енисея: Подкаменную Тунгуску, Бахту, Турухан, Елогуй, Сым и Кас, – а также города и поселки по их берегам.

Авторам проекта было любопытно соотнести свою работу с историческими аналогами. Таковым стал енисейский фоторепортаж Ф. Нансена. Съёмки велись в тех местах, где побывал Нансен, и там, где он не останавливался. Сверхзадачей проекта был панорамный взгляд на современность великой сибирской реки.

Избегая экзотики и конъюнктурного репортажа, участники экспедиции пытались запечатлеть людей, их жизнь в русле истории края и страны. Итогом экспедиции стали фотоматериалы из пяти базовых районов съёмки: Эвенкии (села Байкит, Суринда, Куюмба, Бурный), Енисейского и Туруханского р-нов Красноярского края (села Келог, Фарково, Старотуруханск и др.), Дудинки. Российским и зарубежным фотографам была интересна сегодняшняя жизнь обитателей енисейских берегов, как коренных, так и пришлых.

Население на Енисее многолико. По данным статистики, в Красноярском крае в 2000 г. проживало 3 038,9 тыс. чел. Около 85% населения было сосредоточено в Минусинской котловине на юге и вдоль Транссибирской магистрали; еще 6,7% – в Норильской агломерации. Число горожан составляло 74% жителей края, и лишь 26% были рассеяны по берегам Енисея и его притоков; средняя плотность населения в Красноярском крае в 4 раза ниже, чем в целом по Российской Федерации – на 1 км² приходится 1,3 чел.

В енисейском сообществе, по переписи населения 1989 г., значилось 124 народа; численность коренных этносов на 1989 г. составляла: долган – 5 383 чел., хакасов – 6 466, эвенков – 4 338, ненцев – 2 622, якутов – 1 670, нганасан – 1 103, кетов – 981, селькупов – 359, энцев – 121 чел.

Экспертная обобщенная оценка положения коренных малочисленных народов Севера включает следующие категории: этносоциальную деструкцию, депуляцию, деградацию традиционных отраслей экономики (оленоводство и охота) и ренатурализацию, маргинализацию, отсутствие ясных критериев в определении этнической идентичности и дезориентацию массового сознания по поводу перспектив развития.

При всей трагичности ситуации репортажи с Енисея не были ориентированы на обличительный пафос. Прошедший XX в. радикально изменил внешние аспекты бытия, но не смог преодолеть чего-то очень глубинного, свойственного народам, стоящим у истоков речной цивилизации. Тема традиций стала основной в фотоисследованиях среди эвенков, кетов, нен-

цев, живущих по Енисею и его притокам. Жесткое прочтение социальной реальности в фоторепортажах сочетается с поэтизацией мира обитателей таежных рек – это рассказ о культуре, которая сохранилась в унифицированной реальности XXI в. Идеологию фоторепортажей из Эвенкии, Туруханского р-на, с Таймыра определяет не констатация энтропии, а следование логике непреодолимого течения жизни, подчиненного течению реки.

В отличие от коренных малочисленных народов пришлые на Енисее многочисленны. Русское население, абсолютно преобладая вдоль всего его течения, достигает 87,6%; украинцы составляют 3,5%, татары – 1,68, немцы – 1,4, белорусы – 0,9, чувашаи – 0,7, мордва – 0,48, коренные народы Севера – 0,4, хакасы – 0,2; другие – 3,3%. Многочисленные волны переселенцев прибывало сюда течением российской истории. Еще недавно на Енисей ехали за волей или в неволю. В XVII, а затем в XVIII – XIX вв. его стали осваивать гонимые церковью и государством беглопоповские старообрядческие общины, во второй половине XIX в. принявшие имя “часовенные”. Политические и административные преобразования в России начала XX в. привели к формированию сети старообрядческих скитов, монастырей и единоверческих крестьянских поселений на Енисее и его притоках. История енисейских часовенных XX в. – это история противостояния советским карательным органам и колхозно-кооперативному строю. Сибирские старообрядцы на протяжении десятилетий вели борьбу за сохранение традиционных догматических и обрядовых норм. Отгораживаясь от внешнего мира, они сохраняли весь спектр христианского аскетизма. И хотя время брало свое, вера отступала под давлением житейской прагматики, но сохранились на Енисее монастыри и продолжали трудиться авторы-богословы, определяющие высокий духовный стандарт христианского мировосприятия.

Сегодняшняя жизнь староверов полна проблем, но внешне крепка и оптимистична. Если большинству людей, включенных в привычную систему отношений с государством, забвение со стороны властей кажется предательством, то для староверов это означает свободу совести и предпринимательства.

С крушением советского мегапроекта “освоение Сибири” на Енисее пафос завоевания пространств сменился растерянностью и грустью распада. Для одних это означало запустение, а для других – начало жизни, текущей в унисон с рекой. Когда Советская эпоха с ее размахом планов стала уходить с реки спешно и беспорядочно, теряя технику, бросая людей, старообрядцы начали освоение брошенных деревень вдоль основного русла.

Жизнь на Енисее продолжается. Родившиеся здесь или когда-то по доброй воле сюда приехавшие теперь порой не вольны уехать. В 1930 – 1940-х гг. эта река

стала родиной для десятков тысяч спецпоселенцев – немцев, эстонцев, латышей, литовцев, греков, калмыков. Они создавали плановую экономику, поднимали колхозы и рыбное производство. История спецпоселенцев, заложивших основы промышленного взлета енисейского Севера, построивших металлургические гиганты и порты, стала основой фоторепортажей из Норильска и Дудинки.

Отмена репрессивного режима в конце 1950-х гг. вызвала отток населения из региона. Немецкая миграция приняла лавинообразный характер в начале 1990-х гг. Но остались на Енисее потомки немцев, адаптировавшихся к непростым условиям сибирской реки. Многие из них связаны родством с коренным населением – селькупамы, ненцами, кетамы; их дети носят немецкие фамилии, владеют традиционными промысловыми технологиями аборигенов, принимают православие; они оканчивают отделения для народов Севера в престижных вузах России и возвращаются домой.

Енисей привязывает к себе людей, обеспечивая их жизнь, давая веру в себя и будущее. Великая река рождает ощущение простора и силы, которые когда-то вдохновили Ф. Нансена на пророчество, написанное в год начала первой мировой войны и посвященное Сибири – стране будущего в восприятии великого путешественника и гуманиста:

Скоро минет год с того времени, как большая часть этой книги была написана под огромным впечатлением беспредельных равнин на востоке Азии, все еще лежащих втуне и ждущих человека. Как уте-

нительно было воочию убедиться, что на земле еще много места, где могут возникнуть миллионы счастливых семейных очагов.

И какой жуткий контраст с этой картиной представляет разгорающийся с каждым днем все ужаснее гигантский европейский пожар! Европа как будто вдруг стала тесной для народов, и они начали прилагать все усилия для взаимного истребления.

Какая злоеющая расточительность благородных сил человеческого духа! Какая невознаградимая потеря для европейской культуры! Каких благих результатов могли бы достигнуть человеческие силы и организационные способности, воодушевление и самопожертвование, проявляемые в столь грандиозных размерах в этой бойне людской, если бы направлены были на покорение сил природы и обработку земли! Там, на востоке, ее ведь хватит людям еще надолго.

*Нансен Ф. В страну будущего.
Красноярск, 1982. С. 6.*

И.В. Октябрьская
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17,
Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: SIEM405@yandex.ru

В.В. Кламм
Агентство "Открытая Сибирь"
ул. Советская, 6, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: klamm@photographer.ru

Е.Г. Фактор
Фонд "Объективная реальность"
E-mail: liza@photographer.ru

1. Александр Гронский. На берегу Енисея
с. Ворогово Туруханского р-на Красноярского края.

2. Александр Кузнецов. Глава администрации старообрядческого поселка Индыгино Туруханского р-на, основанного в 1970-х гг. на одной из проток в среднем течении Енисея.

3. Александр Кузнецов. На берегу протоки пос. Индыгино Туруханского р-на Красноярского края.

4. Андрей Рудаков. Утро в с. Фаркове Туруханского р-на Красноярского края.

5. Андрей Рудаков. Ульяна Афанасьевна Тыганова угощает духа-предка с. Келлог – столица кетов Туруханского р-на Красноярского края.

6. Андрей Рудаков. Виктор Харлампович Бальдин – один из патриархов кетов с. Келлог Туруханского р-на Красноярского края.

7. Александр Кузнецов. В ненецкой тундре пос. Дерябино Усть-Енисейского р-на Красноярского края.

8. Хайди Брэднер. На берегу Енисейского залива
пос. Воронцово Усть-Енисейского р-на Красноярского края.

9. Хайди Брэднер. Старая nenka
пос. Дерябино Усть-Енисейского р-на Красноярского края.

10. Валерий Нистратов. “Эвенкийское стойбище” на фестивале в пос. Байкит Эвенкийского автономного округа.

11. Валерий Нистратов. Фестиваль в пос. Байкит в Эвенкии.

12. Валерий Нистратов. Эвенкийское кочевье
пос. Суринда Байkitского р-на Эвенкийского автономного округа.

13. Хайди Брэднер. Плавающий магазин
пос. Носок Усть-Енисейского р-на Красноярского края.

14. Хайди Брэднер. Порт Дудинка.

15. Хайди Брэднер. Памятник жертвам Норильсклага – полякам, погибшим при строительстве промышленных гигантов г. Норильска.

16. Андрей Рудаков. Полдень в старообрядческой семье
с. Индыгино на Енисее.

17. Андрей Рудаков. Крещение в с. Фаркове Туруханского р-на Красноярского края,
где живут селькупы и потомки ссыльных немцев.

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572

Н.Н. Медведева¹, А.Ю. Тарасов², Т.М. Рейс¹, В.Г. Николаев¹

¹Красноярская государственная медицинская академия
ул. Партизана Железняка, 1, Красноярск, 660022, Россия
E-mail: msmax@imail.ru

²Комитет по охране и использованию памятников истории
и культуры Администрации Красноярского края
Главпочтамт, а/я 25261, Красноярск, 660000, Россия

ДИНАМИКА ИСТОРИЧЕСКОГО И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ОБЛИКА НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (на примере г. Красноярска)

Введение

В.П. Алексеев [1966], Т.И. Алексеева [1977] и их последователи своими исследованиями показали, что скелеты несут в себе очень ценную информацию о всех сторонах жизнедеятельности, условиях жизни популяций и позволяют представить их морфологический облик. Изучение палеоантропологических материалов помогает в разрешении исторических вопросов о происхождении и переселении народов. Сравнительный анализ скелетных серий разных эпох и скелета современного человека позволяет выявить эпохальную изменчивость костной системы и представить прогноз о ее состоянии у будущих поколений. Основой такой информативности костей скелета является присущий им феномен пластичности, т.е. способность реагировать структурными преобразованиями на различные экзо-, эндогенные воздействия и длительное время сохранять форму проявления ответных реакций. Археологические раскопки первого некрополя на территории г. Красноярска предоставили ценнейший материал, который позволит разрешить многие вопросы по истории и антропологии населения Восточной Сибири.

Цель настоящего исследования – представить исторический и морфологический облик первых поселенцев, живших на территории г. Красноярска в XVII – XVIII вв., и провести сравнительный анализ основных показателей физического развития людей того времени и современных жителей города.

Красноярский острог

Проникновение русского населения в Восточную Сибирь началось с наиболее северных районов бассейна р. Енисея. Первыми осваивали эти территории русские промышленники и промысловики. Правительственная деятельность по присоединению Восточной Сибири к России началась в первые годы XVII в. На протяжении дальнейших 30 лет в состав Российского государства вошло коренное население, обитавшее в нижнем течении Енисея и по его притокам. Одновременно происходило присоединение районов по среднему Енисею, где в 1619 г. возник Енисейский острог, а в 1628 г. – Красноярский. В отличие от ряда сибирских городов, которые складывались сразу и как военно-политические центры, и как центры сосредоточения земледельческого и торгово-ремесленного населения (Тюмень, Тобольск, Енисейск), Красноярск из-за остроты военной опасности эти этапы прошел раздельно [Андреевич, 1889]. Основание Красноярского острога, выдвинутого на юг от главного ареала русского населения, способствовало проникновению русских вверх по Енисею. Само же поселение оставалось в течение почти 100 лет преимущественно “военным лагерем” – крепостью.

Служилые люди гарнизона были первыми и долгое время единственными обитателями острога. Как указывают В.А. Александров [1964], В.В. Бунак, И.М. Золотарева [1973] и Н.П. Павлов [1974], следу-

ет считать твердо установленным факт преимущественного заселения территории Красноярского острога выходцами из северных районов бассейна Северной Двины, т.е. северно-русским населением. Часть служилых людей была прислана из Тобольска, они являлись выходцами из центральных областей европейской части России и Урала [Мешалкин, 1988]. Согласно М.Н. Писареву [1915], в заселении Сибири, в т.ч. и Красноярского острога, имел значение и ссыльный элемент (русские, поляки, украинцы).

По данным В.К. Андриевича [1889] и Г.Ф. Быко-ни [1998; Быконя, Федорова, Бердников, 1990], сословно-социальный состав населения Красноярского острога в XVII – XVIII вв. претерпевал значительные изменения. В 1671 г. служилые люди составляли 92,9%, духовенство – 2,9 и посадские – 4,2%. Подобный состав населения сохранялся до конца столетия. Временем расцвета Красноярска как военной крепости считается первое десятилетие XVIII в. Почти изжитая диспропорция полов (1295 душ мужского пола и 1217 – женского) показывает, что в остроге сложились условия для естественного воспроизводства населения. Служилые люди по-прежнему преобладали – 80%. Росло число посадских, появились крестьяне и работные люди (т.е. живущие продажей своего труда). Второе десятилетие XVIII в. стало переломным для Красноярского острога. Он уже был не нужен как крепость, и фактор, стимулирующий его рост, утратил свое значение. Поэтому к 1720 г. в сословном составе населения увеличилось лишь количество работных людей. С 1725 г. начался новый этап развития Красноярского острога. Он превратился в поселение земледельческого типа, масштабы которого определялись не военно-административными функциями, а сельскохозяйственным потенциалом ближней округи, что привело к уменьшению численности жителей острога за счет их отселения на целинные земли. К середине XVIII в. в сословном составе населения Красноярского острога произошли существенные изменения: уменьшилось число служилых людей, а самой многочисленной группой стали крестьяне. Категория крестьян здесь до середины XVIII в. формировалась из служилых, работных людей и ссыльных. Общая численность постоянных жителей Красноярского острога оставалась в целом неизменной (1500 душ мужского пола), т.к. отток населения поглощал весь естественный и механический прирост. К XIX в. Красноярск постепенно превратился в торгово-ремесленный город (статус города получил в 1822 г.).

Таким образом, со сменой основных этапов в развитии Красноярска (крепость, земледельческое поселение, торгово-ремесленный город) менялся и исторический облик его населения (служилые люди, крестьяне, торговцы и ремесленники).

Покровский некрополь

Для воссоздания морфологического облика людей, живших на территории г. Красноярска в XVII – XVIII вв., изучена скелетная серия, полученная в процессе аварийных раскопок первого городского кладбища [Тарасов, 2000а, б, 2001]. Хронологические рамки его функционирования, учитывая дату основания Красноярского острога, его перепланировку после пожара 1773 г. с определением места расположения нового кладбища при Всехсвятской церкви и открытие для захоронения в последней четверти XVIII в. некрополя Воскресенского собора, можно обозначить как 30-е гг. XVII в. – 50 – 60-е гг. XVIII в.

Первое кладбище было “заложено” юго-западнее острога (малого поселения крепости) и к концу XVII в. размещалось в юго-западном углу отстроенного большого посада. Оно получило название Покровский некрополь по одноименной церкви, сооруженной в середине XVII в. Ни на одном из известных планов Красноярска это кладбище не обозначено. На первом из них, выполненном на геодезической основе в 1748 г. командой военных топографов под руководством инженер-майора Сергея Плаутина, возможно, территория некрополя определяется “белым пятном” – отсутствием регулярной застройки (рис. 1).

Юго-западный сектор острога с некрополем располагался на береговом уступе Енисея на т.н. песках, и под воздействием активной эрозии южная оборонительная стена крепости разрушилась, а часть западной постоянно заносило песком. В процессе раскопок было установлено, что верхний ярус захоронений зафиксированного юго-западного сектора некрополя перекрывался мощной (до 3 м) пачкой супесей эолового происхождения, а часть погребений в юго-восточной части в какое-то время оказалась на поверхности.

Захоронения некрополя были потревожены в 1958 г. во время строительства здания школы (Центральный р-н, ул. К. Маркса, 37) [Николаева, 1963]*. В мае 1999 г., когда рядом строили дом (ул. Урицкого, 18, ул. К. Маркса, 39), траншеей, заложеной вдоль его восточного фасада, было разрушено несколько десятков погребений. При проведении спасательных работ в стенках траншеи удалось зафиксировать остатки 42 захоронений, залежавших тремя “слоями” на глубине 1,5 – 2,5 м [Тарасов, 2000а].

В 2000 г. раскопки разрушенной территории Покровского некрополя были продолжены. В первый раз исследователям пришлось столкнуться с ситуацией,

* См. также: Николаева И.Б. Отчет о полевой археологической работе музея в 1958 году. – Архив Красноярского краевого краеведческого музея. № 677. Оп. 5. Д. 37 (1) – 73 (2). С. 23 – 26.

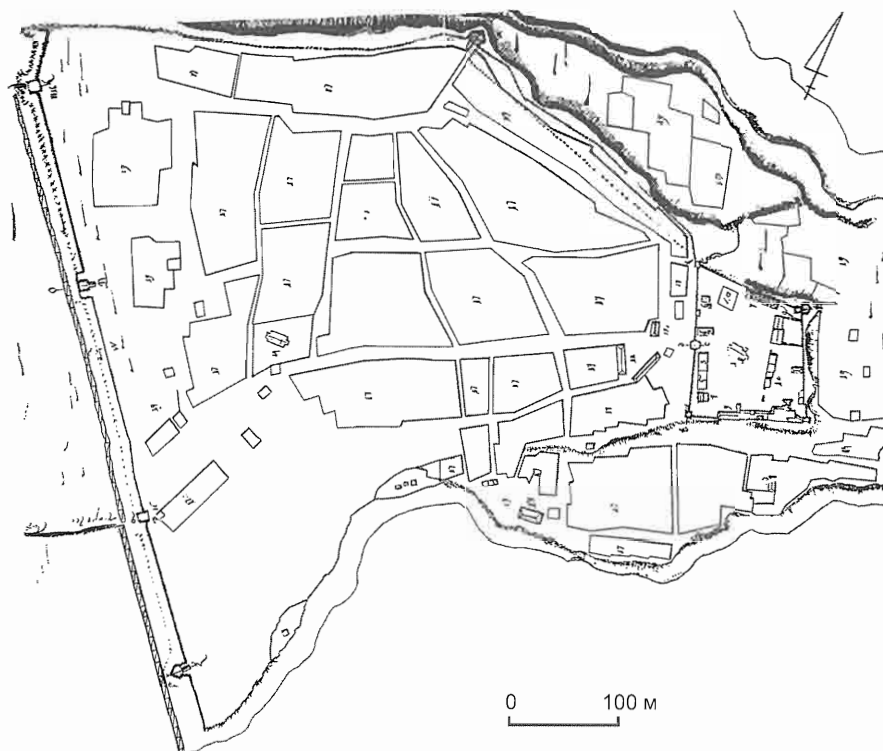

Рис. 1. План Красноярского острога 1748 г.

когда физически невозможно изъять фрагменты погребений из-под оголенного в процессе раскопок фундамента. Бетонные сваи, забитые в грунт, пронзили захоронения насквозь, уничтожив или деформировав их (рис. 2). В раскопе площадью 220 м², заложенном в строительном котловане (участок между северным фасадом здания К. Маркса, 39 и южным фасадом здания К. Маркса, 37), исследовано 278 погребений мужчин, женщин и детей в дощатых гробах и колодах (рис. 3, 4). Все были погребены в вытянутом положении на спине, головой на запад или юго-запад. Обнаружено несколько захоронений, имеющих отличие от общего обряда (берестяное покрытие погребальных конструкций). Зафиксированный в 1999 г. факт совершения преднамеренного последовательного захоронения в одной могильной яме останков нескольких человек получил дальнейшее подтверждение. Были исследованы коллективные могилы, в которых выявлено до пяти ярусов перекрывающих друг друга погребений (рис. 5).

Погребальный инвентарь представлен четырехконечными нательными крестами, отлитыми в двухсторонних формах из олова, серебра (единичные экземпляры) и медьсодержащих сплавов. Формы средокрестия, лопастей и дополнительных декоративных элементов укладываются в предложенную классификацию крестов XVII в. [Винокурова, 1999]. Единичными экземплярами представлены кресты, покры-

тые полихромной эмалью. Выделяется группа прямых нательных крестов с прямоугольными лопастями и изображением на лицевой стороне фигуры святого мученика Никиты, “побивающего” беса (рис. 6). В женских и детских погребениях обнаружены бусины из цветного стекла на металлических шпеньках с цельнолитыми оловянными (реже отлитыми из медьсодержащих сплавов) петельками [Тарасов, 2002, 2003]*.

Исследования скелетной серии из погребений Покровского некрополя

Используя общепринятые методики, мы провели половозрастную идентификацию всей скелетной серии. Для изучения морфологического облика были исследованы кости 101 скелета, которые отличаются лучшей сохранностью, принадлежат взрослым индивидам, европеоидам. Мужских скелетов 50, женских – 51. Среди мужских к первому периоду зрелого возраста относятся 24, ко второму – 26, среди женских – 37 и 14 соответственно.

* См. также: Тарасов А.Ю. Отчет о проведении раскопок Покровского некрополя Красноярского острога в 2000 г. Т. 1 – 3. – Архив Института археологии РАН.

Рис. 2. Погребение женщины 40 – 49 лет в трапециевидном гробу (разрушено сваей). Покровский некрополь, мог. 113.

Рис. 3. Погребение женщины 45 – 55 лет в трапециевидном гробу. Покровский некрополь, мог. 163.

Рис. 4. Погребение ребенка 8 – 9 лет в трапециевидной колоде. Покровский некрополь, мог. 103.

Рис. 5. Взаимное перекрытие погребальных конструкций. Покровский некрополь, мог. 170 – 175.

Для сравнительного анализа основных показателей физического развития населения Красноярского острога XVII – XVIII вв. и современных жителей Красноярска были обследованы 89 мужчин и женщин зрелого возраста, а также использованы данные В.П. Ефремовой [1997] и О.А. Ходкевич [1997].

Для расчета основных показателей физического развития первых жителей Красноярского острога все кости посткраниального скелета были измерены по остеометрической методике В.П. Алексева [1966]. Согласно рекомендациям В.П. Алексева [1966] и В.Н. Федосовой [1987], длина тела рассчитывалась с использованием формул и таблиц, представленных в следующих работах: [Pearson, Lee, 1899; Trotter, Gleser, 1952; Olivier, 1963; Бунак, 1961; Дебец, 1963]. Вес первых поселенцев определяли по формуле Г.Ф. Дебеца [1964]. Для оценки пропорций тела были рассчитаны такие показатели, как ширина плеч и таза, длина

Рис. 6. Крест с изображением святого мученика Никиты из разрушенного в 1999 г. погр. 7 Покровского некрополя.

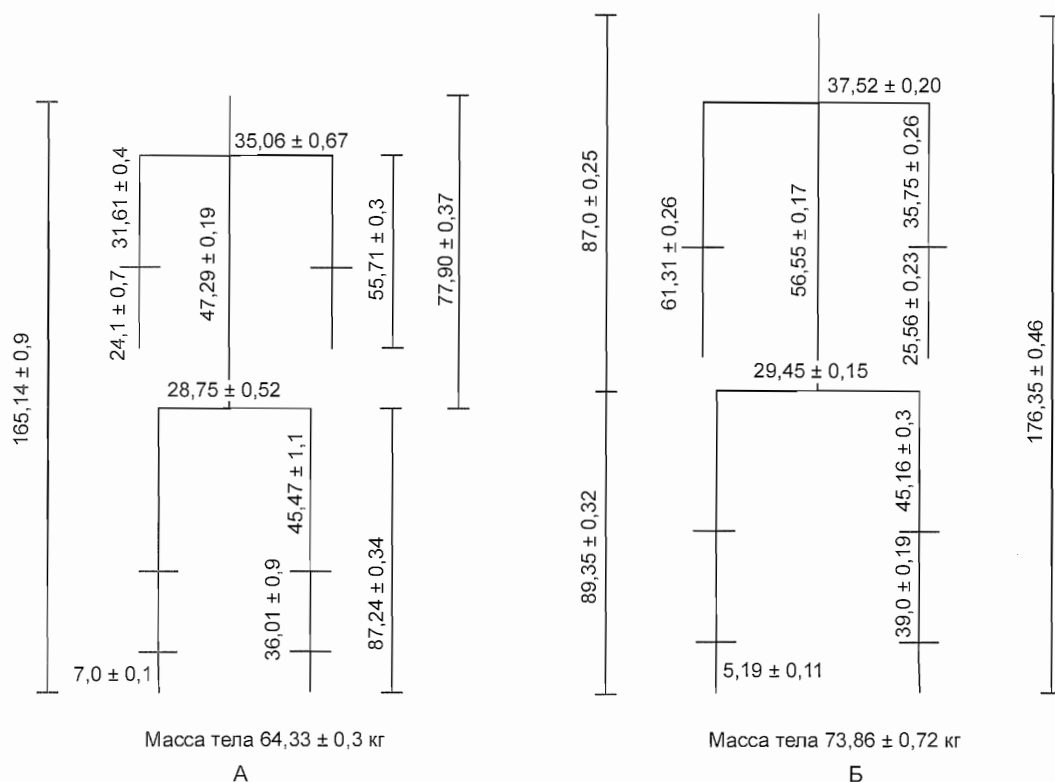

Рис. 7. Параметры физического развития мужского населения Красноярского острога XVII – XVIII вв. (А) и г. Красноярска конца XX в. (Б).

корпуса, туловища и конечностей. Для характеристики соотношения сегментов конечностей использовались плече-лучевой, берцово-бедренный, плече-бедренный, луче-берцовый индексы и таблицы категорий некоторых остеологических размеров [Тихонов, 1997].

Согласно историческим данным, мужское население Красноярского острога – это служилые люди, которые “одновременно являлись и воинами, и чиновниками, и работными людьми. Они бились, не щадя жизни на стенах острога, несли караульную службу, ходили походами на немирные земли, собирали ясаки, по году маялись на гарнизонной службе в отдаленных острожках, в качестве приказчиков надзирали за пашенными крестьянами, им приходилось быть писарями, счетчиками, конвоировать ссыльных, ловить беглых, выполнять строительные работы, обслуживать мельницы, кузнии...” [Миненко, 1981, с. 46]. По результатам нашего исследования, среди погребенных примерно одинаковое количество мужчин первого и второго периодов зрелого возраста. Их рост составлял 165,14 ± 0,9 см, масса тела – 64,33 ± 0,3 кг, ширина плеч – 35,06 ± 0,67 см, ширина таза – 28,75 ± 0,52, длина корпуса – 77,90 ± 0,37, длина туловища – 47,29 ± 0,19, общая длина двух верхних сегментов руки – 55,71 ± 0,3 (размеры имели средние величины), длина ноги – 87,24 ± 0,34 см (длинное бедро и средних размеров голень) (рис. 7).

Женщины Красноярского острога рано выходили замуж, рожали и воспитывали большое количество детей, вели домашнее хозяйство, занимались собирательством, работали на полях, владели разными видами ремесел, необходимыми для обслуживания своей семьи. Большая часть женских скелетов (72,0%) из изучаемой нами серии относится к первому периоду зрелого возраста, это говорит о том, что женщины уходили из жизни в более молодом возрасте. Их рост составлял 153,41 ± 0,31 см, масса тела – 56,71 ± 0,7 кг, длина корпуса – 73,69 ± 0,23 см, длина туловища – 44,25 ± 0,21, ширина плеч – 30,79 ± 0,43, ширина таза – 25,98 ± 0,27, длина двух верхних сегментов руки – 50,57 ± 0,21 (длинное плечо и короткое предплечье), длина ноги – 79,72 ± 0,31 см (короткое бедро и длинная голень) (рис. 8).

На основании полученных размерных характеристик можно представить облик людей, которым принадлежат изучаемые скелеты. В современной антропологии существуют развернутые определения типов телосложения человека [Бунак, 1941], но чтобы установить соматотип, необходимо иметь информацию о костном, мышечном и жировом компонентах сомы. Мы же располагаем только костным материалом. Однако, используя методические рекомендации В.Н. Звягина, М.А. Григорьевой [2001], можно по остеометрическим показателям

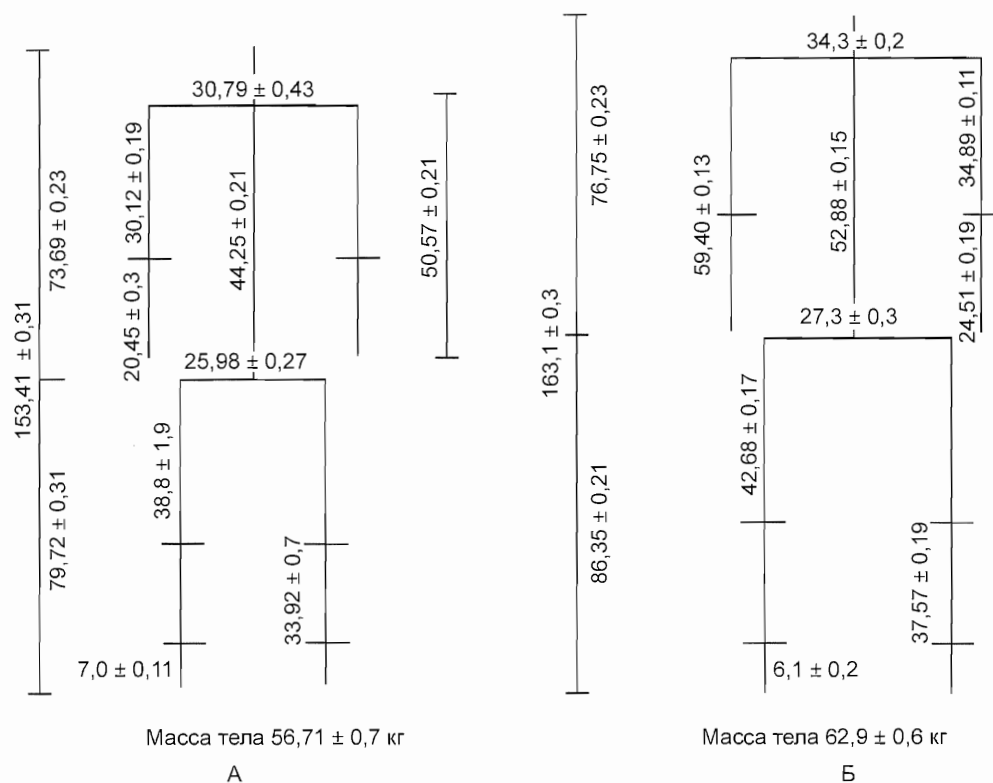

Рис. 8. Параметры физического развития женского населения Красноярского острога XVII – XVIII вв. (А) и г. Красноярска конца XX в. (Б).

скелета определить тип телосложения, представить внешний облик человека. Для этого нужно установить вариант массивности скелета и ее индекс [Алексеева и др., 1972], градации которого разработаны нами*. Массивность скелета мы оценивали, используя уравнения главных компонент. Вариант массивности определялся по сочетанию индивидуальных значений I и II главных компонент, в роли которых выступали наборы линейных размеров разных костей человека. Из 50 мужских скелетов 16 (32%) относятся к грацильному (микролептосомному) варианту, 7 (14%) – к стифроидному (микроэурисомному), 13 (26%) – к тейноидному (макролептосомному) и 14 (28%) – к робустному (макроэурисомному). Грацильный и тейноидный варианты характеризуются преобладанием продольных размеров костей скелета над поперечными; стифроидный и робустный – значительными величинами периметров диафизов костей и массивными эпифизами. Между собою грацильный и тейноидный, стифроидный и робустный варианты различаются по интенсивности проявления указанных признаков (в первых меньше, чем во вторых).

* Николаев В.Г., Медведева Н.Н. Модифицированный метод установления типа телосложения мужчин по отдельным костям: Рац. предложение № 2194 от 27.05.02 г.

По вариантам массивности скелета можно определить вероятностный тип телосложения по классификации В.В. Бунака [1941]. Среди мужских скелетов 28 (56%) относятся к грудному, 11 (22%) – к мускульному, 11 (22%) – к брюшному соматотипам. Неопределенный соматотип по данным рекомендациям не выявляется. Среди современного мужского населения г. Красноярска преобладающим является мускульный соматотип – 46,85%, далее следуют грудной – 22,15, неопределенный – 17,5 и брюшной – 13,5%.

Обсуждение результатов

Полученные основные показатели физического развития мужского и женского населения Красноярского острога позволяют представить их морфологический облик. Мужчины по пропорциям тела характеризуются как средненогие, узкоплечие, размеры руки у них были средние, но длина туловища меньше, а тазовый диаметр больше средних величин [Бунак, 1961; Тихонов, 1997]. Женщины были узкоплечими, узкотазными, коротконогими за счет малой длины бедра и имели короткое предплечье.

При сравнении основных показателей физического развития современных красноярцев и населения

Основные показатели физического развития мужчин европейской части России и Красноярского острога

Показатель, см	Европейская часть России	Красноярский острог XVII – XVIII вв.
Длина тела	165,0 [Бунак, 1941]	165,04 ± 0,9
Длина корпуса	77,0 [Там же]	77,90 ± 0,37
Длина ноги	88,0 [Там же]	87,24 ± 0,34
Ширина плеч	37,0 [Там же] 35,5 [Хрисанфова, 1979]	35,06 ± 0,67

Красноярского острога мы отмечаем достоверное увеличение веса, роста, длины корпуса, всех сегментов руки и ноги. Выявленная нами тенденция физического развития населения города согласуется с данными по другим регионам России [Дерябин, Пурунджан, 1990; Пурунджан и др., 2002; Щедрин, 2002]. Однако у населения европейской части страны увеличение длины тела происходит за счет удлинения ног, а у жителей г. Красноярска – еще и благодаря увеличению длины корпуса (см. рис. 7, 8).

Сравнительный анализ литературных данных и результатов наших исследований показывает сходство физического развития первых поселенцев на территории г. Красноярска и европеоидов из центральных и северных областей Европейской России (см. *таблицу*). Сопоставление с приведенными В.В. Бунаком [1941] средними величинами основных показателей физического развития, полученными при антропологическом обследовании мужского населения ряда областей европейской части страны в 40-х гг. XX в., свидетельствует о том, что мужчины Красноярского острога отличались только по ширине плеч и длине ноги: они были узкоплечими и имели несколько более короткие ноги. Однако Е.Н. Хрисанфова [1979] указывает ширину плеч у мужчин-европеоидов Европейской России, аналогичную этому показателю у мужского населения Красноярского острога. Таким образом, различия по ширине плеч недостоверны.

Заключение

Археологические раскопки захоронений Покровского некрополя в г. Красноярске, функционировавшего с 30-х гг. XVII в. до 50 – 60-х гг. XVIII в., дали ценнейший материал, который позволит приоткрыть новые страницы в истории и антропологии населения Восточной Сибири.

На первом этапе комплексного изучения скелетной серии (101 скелет) Покровского некрополя проведены половозрастная идентификация костных остатков и их исследование по остеоскопической и остеометрической программам [Федосова, 1987;

Алексеев, 1966]. Полученные данные были использованы для расчета основных показателей, характеризующих физическое развитие популяции.

Сравнительный анализ показателей физического развития первых поселенцев и современного населения г. Красноярска свидетельствует о тенденции к увеличению продольных размеров тела у современных жителей города. Дальнейшее сравнительное изучение посткраниального скелета позволит сделать прогноз и о состоянии костной системы у будущих поколений населения г. Красноярска.

Сходство физического развития жителей Красноярского острога и населения Европейской России подтверждает исторический факт заселения территории будущего г. Красноярска выходцами из центральных и северных областей европейской части Российского государства, предположительно европеоидами.

Список литературы

- Александров В.А.** Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. – М.: Наука, 1964. – 302 с.
- Алексеев В.П.** Остеометрия: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 251 с.
- Алексеева Т.И.** Географическая среда и биология человека. – М.: Мысль, 1977. – 302 с.
- Алексеева Т.И., Волков-Дубровин В.П., Голубчикова З.А., Павловский О.М., Смирнова Н.С., Спицын В.А.** Антропологическое изучение лесных ненцев (морфология, физиология, популяционная генетика) // *Вопр. антропол.* – 1972. – Вып. 42. – С. 31 – 48.
- Андреевич В.К.** История Сибири. – СПб.: [Тип. и лит. В.В. Комарова], 1889. – Ч. 1. – 214 с.
- Бунак В.В.** Антропометрия. – М.: Учпедгиз, 1941. – 364 с.
- Бунак В.В.** Соотношение длины сегментов и полная длина тела по измерениям на скелетах // *Вопр. антропол.* – 1961. – Вып. 7. – С. 41 – 65.
- Бунак В.В., Золотарева И.М.** Русские старожилы Сибири. – М.: Наука, 1973. – 188 с.
- Быконя Г.Ф.** А. Дубенской – основатель Красноярска. – Красноярск: Буква, 1998. – 63 с.
- Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П.** Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII – XVIII века). – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1990. – 304 с.

- Винокурова Э.П.** Металлические литые кресты-тельники XVII века // Культура средневековой Москвы. XVII век. – М.: Наука, 1999. – 360 с.
- Дебец Г.Ф.** Об изучении физического развития древних народов // Тез. докл. заседания, посвященного итогам полевых исследований. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. – С. 11 – 29.
- Дебец Г.Ф.** Опыт определения веса живых людей по размерам длинных костей. – М.: Наука, 1964. – 11 с.
- Дерябин В.Е., Пурунджан А.Л.** Географические особенности строения тела населения СССР. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 191 с.
- Ефремова В.П.** Морфофункциональные показатели физического развития мужского населения Красноярского края: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Красноярск, 1997. – 21 с.
- Звягин В.Н., Григорьева М.А.** Метод установления соматотипических особенностей человека при судебно-медицинской экспертизе костных останков. – М.: Республ. центр суд.-мед. экспертизы, 2001. – 26 с.
- Мешалкин П.Н.** Красноярск: Очерки истории города. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1988. – 167 с.
- Миненко Н.А.** История Красноярского края. – Красноярск: Кн. изд-во, 1981. – 140 с.
- Николаева И.Б.** Раскопки на территории бывшего Красноярского острога // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск: Краснояр. краевой краевед. музей, 1963. – С. 115 – 121.
- Павлов Н.П.** Промысловая колонизация Сибири в XVII веке. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т, 1974. – 237 с.
- Писарев М.Н.** Сибирь: География и история края. – М., Пг.: Тов-во В.В. Думкова, наследника Салаевых, 1915. – 169 с.
- Пурунджан А.Л., Година Е.З., Хомякова М.А., Задорожная Л.В.** Особенности эпохальных изменений размеров тела и головы детей и подростков Республики Беларусь и Московского региона // Материалы IV Междунар. конгр. по интегративной антропологии. – СПб.: С.-Петербург. гос. мед. ун-т, 2002. – С. 125 – 138.
- Тарасов А.Ю.** Некрополь Покровской церкви Красноярского острога (предварительное сообщение) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2000а. – Т. 2. – С. 150.
- Тарасов А.Ю.** Исторические некрополи Красноярска XVII – XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Владивосток; Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 2000б. – С. 192 – 194.
- Тарасов А.Ю.** Красноярск XVII – XVIII вв. // Материалы науч.-практ. конф. “Проблемы борьбы с проведением незаконных раскопок и незаконным оборотом предметов археологии, минералогии и палеонтологии”. – Красноярск, 2001. – С. 64 – 67.
- Тарасов А.Ю.** Раскопки Покровского некрополя Красноярского острога // АО 2001 г. – Москва: Наука, 2002. – С. 470 – 471.
- Тарасов А.Ю.** История изучения Красноярского острога // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск, 2003. – Вып. 2. – С. 78 – 81.
- Тихонов А.Г.** Физический тип средневекового населения Евразии по данным остеологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997. – 35 с.
- Федосова В.Н.** Соматотипические особенности популяций по остеологическим материалам // Вопр. антропол. – 1987. – Вып. 79. – С. 140 – 149.
- Ходкевич О.А.** Морфофункциональные показатели физического развития женского населения Красноярского края: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Красноярск, 1997. – 24 с.
- Хрисанфова Е.Н.** Палеоантропологический аспект изучения конституции // Вопр. антропол. – 1979. – Вып. 62. – С. 3 – 11.
- Щедрин А.С.** Закономерности анатомической изменчивости организма мужчин современной популяции // Материалы IV Междунар. конгр. по интегративной антропологии. – СПб.: С.-Петербург. гос. мед. ун-т, 2002. – С. 427 – 428.
- Olivier G.** L'estimation de la stature par les os longs des membres // Bull. et Memoires de la Societe d'Anthropologie de Paris. Ser. XI. – 1963. – Vol. 4, N 3. – P. 53 – 62.
- Pearson K., Lee A.** On the reconstruction of the stature of prehistoric races // Philosophical Transactions of the Royal Society. Ser. A. – 1899. – Vol. 192. – P. 203 – 212.
- Trotter M., Gleser G.** Estimation of stature from long bones of American Whites and Negroes // Am. J. of Phys. Anthropology. New ser. – 1952. – Vol. 10, N 4. – P. 89 – 98.

Материал поступил в редколлегию 28.02.03 г.

М.Л. Бутовская, Е.Ю. Бойко, Э.Б. Гучинова

*Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский просп., 32а, Москва, 117334, Россия
E-mail: butovsk@orc.ru*

ПОРЯДОК РОЖДЕНИЯ И ПРИВЯЗАННОСТЬ К РОДСТВЕННИКАМ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Введение

В исследованиях в области эволюционной антропологии в последние годы большое внимание уделяется вопросу о роли раннего социального опыта в формировании особенностей поведения человека и его жизненного успеха [Бутовская, Бойко, 2001; Buss, 1999; Salmon, Daly, 1998]. В непосредственной связи с этой проблематикой изучаются стратегии манипулирования родительским вкладом и избирательностью в отношении родителей к детям разного пола и ранга по порядку рождения [Trivers, 1972; Trivers, Willard, 1973; Sulloway, 1996; Hrdy, 1999; Rohde et al., 2003].

Этнографическая литература изобилует фактами родительского фаворитизма в направлении мальчиков, однако объяснить глубинную природу данного явления стало возможным лишь с введением в научный оборот теории родительского вклада и представлений о кардинальных различиях в размерах репродуктивного успеха для мужчин и женщин [Trivers, Willard, 1973; Symons, 1980; Clutton-Brock, 1991; Mealey, 2000]. Предпочтение детей определенного пола может зависеть от экологических условий, экономического достатка и от того, представители какого пола имеют больше шансов заключить успешный брак (подробнее см.: [Бутовская, Бойко, 2001]). В большинстве культур рождение мальчика-первенца – большой праздник для семьи, тогда как на рождение девочки реагируют значительно более сдержанно [Тер-Саркисянц, 1998; Эрдниев, 1980]. Однако в ряде культур (например, в Микронезии, у венгерских цыган – жителей сельской местности), где за девочками-первенцами закреплена роль помощниц-нянек,

может наблюдаться противоположная картина: родители больше рады, когда первым ребенком является девочка. В семьях городских венгерских цыган также отдают предпочтение девочкам: их дольше кормят грудью, они получают лучшее образование [Berezkei, Dunbar, 1997]. В силу низкого статуса цыган в венгерском обществе мужчины-цыгане не имеют практически никаких шансов на брак с девушками из более состоятельных венгерских семей, тогда как для девушек-цыганок гипергамия – достаточно распространенное явление. Резкая смена в предпочтениях в пользу девочек отмечена у макогодо, недавних охотников-собираателей Центральной Кении [Cronk, 1991]. Макогодо отдают своих дочерей в жены соседям-масаям, обладающим более высоким социальным статусом и более состоятельным в экономическом плане.

Согласно эволюционной психологии, порядок рождения наряду с полом является одним из факторов, напрямую влияющих на адаптацию человека к социальному окружению, и одной из детерминант жизненного успеха [Salmon, 1998; Buss, 1999]. Эффект порядка рождения становится понятным, если рассматривать его как одно из проявлений эволюционно-стабильных стратегий поведения. Предполагается, что порядок рождения определяет семейные “ниши”, различающиеся по степени зависимости от родительского вклада и по детерминируемой ими в дальнейшем социальной ориентации индивида [Sulloway, 1996]. В основе эволюционно-психологической концепции порядка рождения лежит теория “конфликта между родителями и потомством”, согласно которой каждый ребенок требует от родителей больше ресурсов, чем те могут предоставить [Trivers, 1974]. Тео-

ретически брат или сестра должны являться социальными союзниками, однако известно, что сиблинги постоянно соперничают за внимание родителей и за их ресурсы, которых всегда оказывается недостаточно.

На фоне конфликта “родители – дети” первые склонны избирательно относиться к своему потомству [Trivers, Willard, 1973; Daly, Wilson, 1984, 1995]. Фаворитизм проявляется в самых разных сферах жизни, начиная с питания и заканчивая проявлением родительской ласки. В результате у детей вырабатываются адаптивные стратегии получения доступа к родительским ресурсам, а отношения сиблингов часто носят амбивалентный характер [Buss, 1999].

Совокупная приспособленность родителей напрямую связана с будущей репродуктивной способностью детей [Hamilton, 1964]: чем больше здорового потомства оставят дети, тем более успешными оказываются их родители с точки зрения эволюционной теории. В силу этих рассуждений очевидно, что старший ребенок является более “ценным ресурсом”, ибо он имеет все шансы стать родителем при жизни своих отца и матери раньше, чем младшие сиблинги.

Родительский фаворитизм в отношении старшего ребенка бывает всячески замаскирован (родительское отношение меняется в соответствии с меняющимися потребностями и возможностями ребенка), однако он становится очевидным при необходимости выбора в экстремальной ситуации: когда один ребенок должен быть принесен в жертву, чтобы спасти остальных, с наибольшей вероятностью пожертвуют младшим, и это является кросс-культурной универсалией [Daly, Wilson, 1984, 1995; Бутовская, Бойко, 2001]. Поэтому именно собственная безопасность делает старших детей защитниками родительских ценностей, более консервативными и желающими сохранения status quo в семье, в то время как остальные дети, и особенно средние, более склонны быть “бунтовщиками и мятежниками” [Sulloway, 1995, 1996].

Чем старше родители, тем больше они вкладывают в своих детей, потому что вероятность появления новых детей с возрастом становится все меньше. Ценность ребенка любого возраста у пожилых родителей возрастает, т.к. их совокупная приспособленность начинает все больше зависеть от репродуктивной способности детей [Salmon, 1998]. Несмотря на то что изначально более высокий статус и большая включенная приспособленность дают старшему ребенку “преимущество в снискании родительского вклада” [Sulloway, 1996, p. 305], оно может быть нивелировано растущим желанием стареющих родителей посвятить себя младшему ребенку, как последнему произведенному ими наследнику, кроме того, самому слабому и уязвимому в силу возраста.

Последний ребенок обычно становится “маленьким любимцем всей семьи”. В результате в проигрыше по всем статьям остаются средние отпрыски. Даже если родители, казалось бы, обо всех заботятся одинаково, в целом средние дети получают меньше ресурсов, чем остальные. Случайно ли, в таком случае, что средние дети стремятся быстрее обрести независимость от семьи, обеспечивать себя сами и заводить свою собственную семью?

Особенности отношений между родителями и детьми в изученных выборках: традиции и современность

В трех из четырех исследованных нами культур продолжает проследиваться некоторая специфика родового общества [Басаева, 1980; Вяткина, 1969; Карапетян, 1958; Нацов, 1995; Хаптаев, 1984; Тер-Саркисянц, 1998; Червонная, 1997]. У армян, бурят и крымских татар зачастую сохраняется трехпоколенная семья. Например, у бурят доля таких семей составляет от 19 до 40% в зависимости от региона, и эти показатели намного выше, чем у русских, живущих в Бурятии [Хаптаев, 1984]. Живы традиции большой патриархальной семьи. В частности, наблюдаются исключительная прочность родственных уз, особенно проявляющаяся во время каких-либо знаменательных семейных событий, и забота о родственниках, давно отделившихся и живущих своей семьей. У бурят, равно как у армян и крымских татар, очень редки случаи, когда старики-родители живут отдельно от женатых детей, если неженатых уже не осталось. В сельской местности женатому сыну строят дом по соседству с отцовским, а дочь переселяется в дом мужа. Молодая семья сохраняет с родителями общность хозяйства и бюджета, т.е. семья фактически остается общей, единой, хотя ее члены живут в разных домах.

Дети для бурятской семьи – главная ценность и гордость. До революции 1917 г. по обычному праву у бурят допускалось многоженство (не более трех жен), если не было сыновей [Вяткина, 1969, с. 46]. В ламаистском обряде “нилхасан далалга” – призывании благодати на рождение детей, еще широко распространенном в начале XX в., речь идет именно о сыне: если “придет ребенок, то пусть приходит только мальчик” [Нацов, 1995, с. 38 – 42].

Девочки привлекались к труду раньше, чем мальчики. В семьях, где были и те и другие, мальчик пользовался некоторыми привилегиями, в то время как девочка с ранних лет включалась в посильный домашний труд и использовалась как помощница гораздо в большей степени, чем мальчик [Басаева, 1980, с. 103].

У армян каждая крестьянская семья стремилась иметь как можно больше детей. Как и буряты, они особенно радовались рождению мальчиков [Тер-Саркисянц, 1998]. В народе говорили: “Один слепой сын лучше семерых здоровых дочерей”. На свадьбе невесте желали первенца-сына. Дочь была желанна только при наличии в семье нескольких мальчиков. Рождение сыновей традиционно считалось настолько важным, что армяне, например, если хотели узнать, хорошая или дурная весть их ждет, иносказательно спрашивали: “Мальчик или девочка?” И в наши дни, по данным А.Е. Тер-Саркисянц [Там же], фаворитизм в направлении мальчиков продолжает сохраняться в отдельных семьях. В традиционной армянской семье детям с раннего возраста прививают уважение к старшим и родителям.

Прочные родственные связи у бурят, крымских татар и армян сохраняются не только между родителями и детьми, родными братьями и сестрами, но и между родственниками второй и даже третьей степени родства и выражаются в постоянных тесных контактах, взаимовыручке и взаимоподдержке. Оказание материальной или моральной помощи кому-либо из родственников, особенно близких, считается делом обязательным и не подлежащим обсуждению, это норма общежития [Червоная, 1997; Хаптаев, 1984].

Цель данной работы – эмпирическая проверка универсальности эволюционно-психологической концепции порядка рождения Ф. Салловэя применительно к формированию избирательных отношений между родителями и детьми с разным рангом по рождению в четырех культурах – русской, армянской, бурятской и крымско-татарской.

Нами были проверены следующие гипотезы:

1) материнский фаворитизм в отношении старшего ребенка в многодетной семье будет преобладать во всех четырех исследованных нами культурах, поскольку существует вероятность того, что старший ребенок быстрее вступит в брак и произведет потомство;

2) эффекты порядка рождения, связанные с привязанностями к родственникам и неродственникам, будут отвечать ожиданиям эволюционных психологов только в выборке русских, относящихся полностью к постиндустриальной культуре;

3) дети с тем или иным рангом по порядку рождения будут характеризоваться определенными чертами личности в соответствии с ожиданиями эволюционных психологов во всех исследованных нами культурах.

В ходе проверки данных гипотез были поставлены следующие задачи:

– оценить закономерности формирования таких детерминант личности, как степень привязанности к семье и отдельным ее членам, семейные позиции (роли),

черты личности (амбициозный/трудолюбивый – мечтательный, жесткий – мягкий, трезвый/серьезный – любитель развлечений, соблюдающий условности – чуждый условностям, спокойный/расслабленный – тревожный);

– провести кросс-культурное сравнение получившихся “портретов” средних детей на фоне всех представителей каждой конкретной выборки;

– выявить культурные различия по исследуемым параметрам.

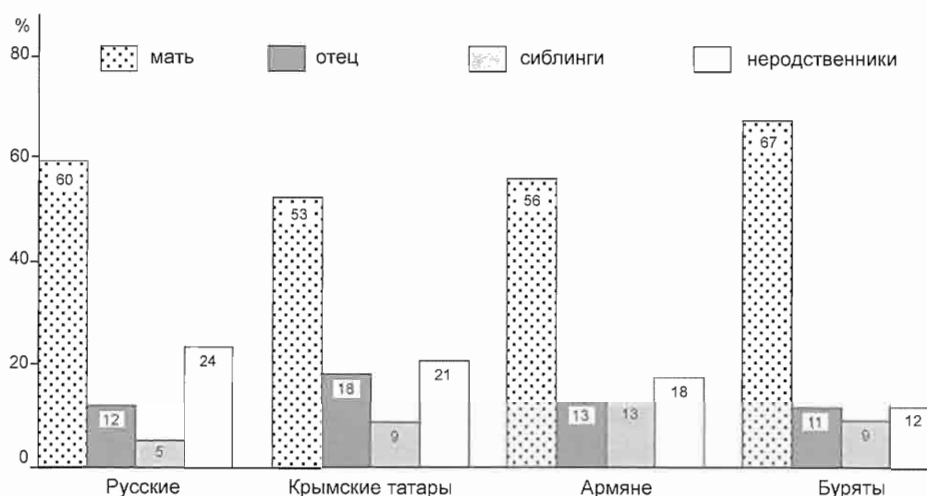
В нашей работе уделено особое внимание средним детям, т.к. именно их поведение представляет наибольший интерес с точки зрения эволюционно-психологической концепции Ф. Салловэя.

Методы исследования

Объектом исследования послужили московские, симферопольские, ереванские и улан-удэнские студенты, росшие до 10 лет в полной семье. Московские студенты – в подавляющем большинстве русские, атеисты либо православные; симферопольские – крымские татары, исповедующие ислам; ереванские – армяне, последователи армяно-григорианской церкви; улан-удэнские – буряты, приверженные тому уникальному соединению шаманизма и ламаизма, которое исторически сформировалось в Бурятии [Вдовин, 1979; Жуковская, 1997]. Испытуемые, как правило, знали кроме русского и свой национальный язык. Их возраст колебался от 15 лет 6 месяцев до 29 лет 8 месяцев, средний возраст – 20 лет. Для анализа были отобраны только представители среднего социально-экономического класса и только респонденты, имеющие родных братьев и сестер (разница в возрасте с которыми не превышала восьми лет). Всего обследовано: русских 304 чел. (84 юноши и 220 девушек), крымских татар 303 (130 и 173 соответственно), армян 444 и бурят 168 чел (72 и 96). Изучены следующие категории респондентов: старшие, средние и младшие дети из многодетных семей (для удобства в дальнейшем будут использоваться сокращения – соответственно СтМ, СрМ, МлМ), старшие (СтД) и младшие дети (МлД) из двухдетных семей, а также единственные дети (Ед).

Необходимо пояснить: среди респондентов нет реальных сиблингов; “старшие”, “средние”, “младшие” означает, что в выборке оказалось соответствующее количество респондентов данной категории по порядку рождения.

Опросы проводились методом группового анкетирования в вузах. Студенты в присутствии исследователя заполняли бланки анкеты, разработанной Ф. Салловэем и П. Рёдом с соавторами с целью проведения кросс-культурных исследований эффектов

Кросс-культурные различия по выбору объекта привязанности.

порядка рождения и адаптированной нами с учетом российской постсоветской культуры [Бутовская, Бойко, 2001]. Сведения об анкете представлены в нашей ранней работе.

Полученные данные обрабатывались методами математической статистики с помощью компьютерной программы SPSS 9.0 (анализ частот распределения признаков, метод крайних групп, во всех возможных случаях проверялся уровень значимости различий).

Результаты анализа данных разделены на блоки. Мы выявили, какие закономерности обнаруживают респонденты разного ранга по порядку рождения по следующим параметрам:

- привязанности к матери, отцу, сиблингам и неродственникам;
- связь материнского фаворитизма с привязанностью индивида к матери;
- возраст матери на момент рождения респондента;
- наличие постоянного партнера как косвенный признак склонности общаться вне семьи;
- связь привязанности индивида к матери с его “семейной ролью” (мятежник, миротворец);
- связь привязанности индивида к матери с пятью его личностными чертами.

Сравнивались данные, полученные в разных выборках, и отдельно оценивались тенденции, проявляемые средними детьми.

Выбор объекта привязанности

Мы анализировали степень привязанности испытуемых к тому или иному человеку из его ближайшего окружения (близкие родственники, друзья и половые партнеры). Сравнительный анализ по четы-

рем культурам позволил выявить ряд общих закономерностей и достоверные культурные различия по степени привязанности респондентов к родственникам и неродственникам, а также к разным членам семьи в пределах категории родственников (тест Краскела – Уоллиса для сравнения средних в трех и более выборках, $\chi^2 = 9,563$, $df = 3$, $p < 0,05$) (см. рисунок). К матери больше всего были привязаны буряты (67% всех опрошенных) и меньше всего крымские татары (53%). С выбором отца ситуация обратная: крымские татары выбирали его чаще других (18%), а буряты – реже (11%). К сиблингам более всех были привязаны армяне (13%), а менее всех – русские (всего 5% респондентов). Буряты и татары делили по этому показателю среднее место (9%). Чаще всего выбирали неродственников (сюда входили друзья и подруги, а также партнеры противоположного пола) русские (24%), чуть реже татары (21%) и армяне (18%), наиболее редко – буряты (12%).

Различия между группами внутри каждой выборки

Под группами подразумеваются объединения респондентов с одинаковым положением среди своих братьев и сестер (СтМ, СрМ, МлМ, СтД, МлД и Ед).

У русских мать в качестве объекта наибольшей привязанности в основном выбирали единственные дети (71%), на 10% меньше – СтД, меньше всего – СрМ (40%). К отцу наиболее были привязаны СтМ (24%), менее всех – Ед (9%). Сиблинги чаще всего оказывались близки СрМ (15%), чуть реже – МлД (8%), а вот первенцы из семей с любым количеством детей к сиблингам относились прохладно – выбирали их всего в 5% случаев. Различия между группами значимы: $\chi^2 = 9,492$, $df = 4$, $p < 0,05$.

У **крымских** татар наблюдались достоверные различия по предпочтениям в выборе объекта общей привязанности в зависимости от количества детей в семье и порядка рождения респондентов ($\chi^2 = 22,241$, $df = 5$, $p = 0,000$).

На первом месте по привязанности к матери оказались СрМ (76%), на втором – СтМ (67%), на третьем – Ед (52%), на последнем – МлД (36%). К отцу были чрезвычайно привязаны дети из двухдетных семей (особенно МлД – 29%) и единственные отпрыски (21%). Менее всего отношения с отцом были важны для СрМ (6%). В выборе сиблингов во всех группах довольно ровная тенденция (ок. 10%), только МлМ набрали здесь всего 4%. Вопреки всем предсказаниям эволюционной психологии СрМ были наименее всего привязаны к неродственникам (всего 6%), а МлМ больше всего (43%).

Все группы в **армянской** выборке, за исключением единственных детей, были удивительно единодушны в выборе матери как объекта общей привязанности: от 52% (МлМ) до 57% (СтМ). Из Ед выбрали мать 77%.

По всем остальным объектам выбора различия статистически незначимы. В двухдетных семьях отмечается такая же тенденция, как и в предыдущих двух выборках: младшие больше предпочитали старших сиблингов (22%), чем последние их (8%). СтД чаще всех выбирали друзей и партнеров (22%). В многодетных семьях к сиблингам сильнее других были привязаны средние дети (21%).

В **бурятских** данных не найдено статистически значимых различий между группами. Мать в качестве наиболее близкого человека чаще были склонны выбирать Ед (80%), реже всего – СтМ (57%). В двухдетных семьях при полной идентичности выбора матери (по 69%) отца меньше предпочитали старшие (3%), больше – младшие (17%) дети; своих сиблингов, как и во всех предыдущих выборках, сильнее любили младшие (10% против 6% у СтД); друзей и партнеров выбирали реже МлД (3%), чаще СтД (22%). К неродственникам у бурят вообще больше других были привязаны именно первенцы, независимо от количества детей в семье. Средние дети чуть чаще других выбирали отца (17%) и очень редко – сиблингов и неродственников (10 и 7% соответственно).

В целом ни старшие, ни средние дети в бурятской выборке не демонстрировали ни одной из предсказываемых Ф. Саллоуем тенденций.

Различия между одинаковыми группами из разных культур

Мать своим самым близким человеком больше были склонны выбирать СтМ у крымских татар (67%), а

меньше всех – русские (45%), которые, по-видимому, это компенсировали привязанностью к отцу (25%), данный показатель у них самый высокий среди всех выборов, тогда как у татар – самый низкий (10%).

Русские реже всех выбирали сиблингов (5%) и, наоборот, чаще других – друзей и партнеров (25%). Татары демонстрировали минимальное предпочтение друзей (12%). СтМ у армян и бурят по всем объектам занимали промежуточное положение между русскими и крымскими татарами и почти не отличались друг от друга. Уровень различий между выборками для СтМ не значим.

У русских и татарских СрМ ситуация с выбором матери была такой же, как и у СтМ: русские меньше всех привязаны к матери (40%), а татары – больше других (76%).

Отца в качестве объекта привязанности реже всех выбирали СрМ из татарской группы (6%). Сиблингов чаще выбирали армяне (21%), а неродственников – русские (30%). У средних детей кросс-культурные различия по привязанности были значимы: $\chi^2 = 11,402$, $p = 0,01$, $df = 3$.

Из анализа всех данных о МлМ нам, к сожалению, пришлось исключить русских респондентов, т.к. оставшаяся после всех отборочных процедур выборка оказалась совсем незначительной (5 чел.). Мать как объект привязанности чаще всех среди МлМ выбирали буряты (70%), реже других – татары (43%).

Отца самым близким человеком чаще всего считали МлМ из армянской группы (18%). Всего 4% крымских татар были привязаны к своим сиблингам при 15% таковых у армян и бурят. Татары были максимально близки к неродственникам (43%), а буряты – почти совсем не привязаны к ним (всего 5%). Эти различия значимы на уровне $p < 0,05$, $\chi^2 = 8,613$, $df = 3$.

В оставшихся трех группах испытуемых (СтД, МлД, Ед) все различия между выборками были не значимы.

Обобщая данные по этой части анализа, можно сделать следующие выводы. По картине привязанностей старшие и средние дети в многодетной семье оказываются весьма схожими, только неродственников средние выбирают меньше, чем сиблингов, а старшие – наоборот. Аналогичная модель была бы справедлива и для младших сиблингов, если бы армяне не так выделялись по предпочтению отца, а крымские татары (МлМ) были больше привязаны к матери. Русские СрМ оставили далеко позади всех остальных в выборе неродственников, а СтМ, наоборот, минимально склонны считать неродственников своими самыми близкими людьми.

Таблица 1. Ранги респондентов по материнскому фаворитизму, которые они себе наиболее склонны присваивать, во взаимосвязи с привязанностью этих респондентов к матери или к другим лицам

Респонденты, выбравшие в качестве объекта привязанности:	Русские	Крымские татары	Армяне	Буряты	Четыре выборки
<i>Респонденты всех категорий</i>					
мать	1	1	1	2	1
отца, сиблингов или неродственников	2	1	1	1	1
Значимость различий между этими двумя показателями	Z = 1,542 p < 0,05*		Различия не значимы		
<i>Средние дети</i>					
мать	Нет данных	2	2	2	2
отца, сиблингов или неродственников	1 и 2	3	3	Нет данных	3
Значимость различий между этими двумя показателями	Различия не значимы				

* По тесту Колмогорова – Смирнова для двух независимых выборок.

Связь привязанностей респондентов с материнским фаворитизмом

Для проверки одного из самых основных постулатов эволюционной психологии о том, что родительское предпочтение прямым образом влияет на привязанность к семье, мы предприняли следующий анализ. Поскольку в нашей анкете вопрос задавался только о материнском (а не о родительском вообще) фаворитизме, то данные по респондентам из каждой выборки были разделены на две части: выбравшие мать как объект своей привязанности и выбравшие любое другое лицо (отца, сиблингов, неродственников). В каждом из этих двух случаев мы рассмотрели ранг по материнскому фаворитизму, который респонденты наиболее склонны присваивать себе (табл. 1).

При анализе выборок целиком мы выявили, что предсказанная Ф. Салловэем и его коллегами связь наличествует только у русских: выбравшие мать ставили себе первый ранг по фаворитизму, а выбравшие других лиц – второй ($Z = 1,542$, $p < 0,05$). У бурят тенденция противоположная: респонденты, называвшие себя маминными любимцами, самым близким человеком считали не ее, а отца, сиблингов или вообще неродных людей. Однако все различия в этом анализе оказались статистически незначимыми. Крымские татары и армяне чаще ставили себя на первое место вне зависимости от выбора наиболее близкого человека.

Далее мы рассмотрим, как связан материнский фаворитизм с привязанностями только у средних детей. К сожалению, количество респондентов из русской группы, выбравших мать, а также из бурятской, выбравших отца, сиблингов или неродственников как объект привязанности, было незначительным, что не позволило оценить у них соответствующие параметры. Но крымские татары и армяне продемонстрировали тенденцию, казалось бы, оправдывающую на-

дежды эволюционных психологов, если бы она была статистически значимой, что не соответствует действительности. Те, кто поставил себя на второе место по материнскому фаворитизму (а как следует из табл. 1, это самый высокий ранг для средних детей), чаще называют мать в качестве объекта привязанности, а те, кто на последнем месте, – других лиц. Но напоминаем, что различия между подгруппами (выбравшие мать и выбравшие других) у средних детей во всех случаях статистически не значимы.

Влияние возраста матери на привязанность к ней

Эволюционные психологи считают, что чем старше мать, тем больше она привязана к своему ребенку и он отвечает ей тем же. Отсутствие прямо пропорциональной зависимости между материнским фаворитизмом и привязанностями детей мы уже можем констатировать по результатам предыдущего этапа анализа. Теперь обратимся к фактору возраста матери в момент рождения индивида. В качестве границы для разделения матерей на две группы мы приняли возраст 28 лет – медиану по нашей выборке. На этот же возраст пришлась и медиана по данным К. Сэлмон и М. Дэли [Salmon, Daly, 1998].

Собранный нами материал показал, что выбор матери как объекта привязанности фактически не связан с ее возрастом, т.к. разница между частотами ее выбора в группах “ранних” и “поздних” минимальна и статистически не значима (табл. 2).

Чтобы проверить этот факт, был предпринят еще один шаг в анализе влияния возраста матери, где мы сделали критерий отбора более жестким. Воспользовавшись методом крайних групп, мы выделили из выборок следующие две группы респондентов: тех, кто

Таблица 2. Процент респондентов, указавших мать как объект наибольшей привязанности в случаях, когда ее возраст в момент рождения респондента был меньше или больше 28 лет

Выборка	< 28 лет	≥ 28 лет	Разница между данными показателями
Русские	58,7	63,0	4,3
Крымские татары	55,1	46,2	- 6,4*
Армяне	56,3	56,1	- 0,2
Буряты	67,3	66,7	- 0,6
Все четыре выборки	58,2	57,8	- 0,4
Средние дети из всех четырех выборок	64,0	58,0	- 6,0

* Минус указывает на закономерность, обратную предложенной эволюционными психологами: респонденты, родившиеся у более молодых матерей, предпочитают их даже больше, чем родившиеся у матерей после 28 лет. Различия между группами < 28 лет и ≥ 28 лет во всех выборках статистически не значимы (тест Колмогорова – Смирнова).

родился, когда матери было 22 года и меньше, и тех, кто родился у матерей 32 лет и старше. Однако результат остался таким же: единственная более или менее значительная разница между выбором матери в этих двух группах (7,1% у средних детей из всех четырех выборок) оказалась статистически незначимой (табл. 3).

Связь привязанности к матери с “семейной ролью”

Напомним, что в соответствии с целями данного исследования мы выделяли две роли, которые индивид может играть в родительской семье: противостоящего семейным нормам и ценностям мятежника и ми-

Таблица 3. Процент респондентов, указавших мать как объект наибольшей привязанности в случаях, когда ее возраст в момент рождения респондента был меньше 22 лет или больше 32 лет

Выборка	≤ 22 лет	≥ 32 лет	Разница между данными показателями
Русские	64,3	62,8	4,3
Крымские татары	52,1	56,0	3,9
Армяне	54,8	53,8	- 1,0
Буряты	60,0	53,3	- 6,7
Все четыре выборки	57,1	57,4	0,3
Средние дети из всех четырех выборок	40,0	57,1	7,1*

* В данном случае высокий результат статистически недостоверен, т.к. $Z = 0,514$, $p = 0,995$ (тест Колмогорова – Смирнова для двух независимых выборок).

ротворца, улаживающего конфликты в семье. Чтобы оценить, будет ли наблюдаться связь между выбором респондентом объекта привязанности и той “семейной ролью”, которую он себе приписывает, мы разделили выборки на две группы: те, кто считает мать самым близким человеком, и привязанные к любому другому лицу (отцу, сиблингу или неродственнику). В обоих случаях мы выявляли, мятежником или семейным миротворцем респонденты были более склонны себя считать.

Из табл. 4 видно, что все опрошенные независимо от выборки и от того, средние они по порядку рождения или нет, называют себя семейными миротворцами, если они выбирают мать как объект привязанности, и мятежниками, если выбирают других лиц.

Таблица 4. Связь между присвоением респондентами себе “семейной роли” мятежника или миротворца и их привязанностью к матери

Выборка		“Семейная роль” респондентов, указывающих как объект привязанности:	
		мать	отца, сиблингов или неродственников
Русские	все	Миротворец	Мятежник
Крымские татары	средние дети	Недостаточно данных	Недостаточно данных
Армяне	все	Миротворец	Мятежник
Буряты	средние дети	»	»
	все	»	»
	средние дети	»	»
Значимость различий между выборками (тест Краскела – Уоллиса, $df = 3$)	все	$\chi^2 = 12,823$, $p = 0,000$	$\chi^2 = 41,600$, $p = 0,000$
	средние дети	Различия не значимы	

Связь привязанностей с личностными чертами

В соответствии с эволюционно-психологическим подходом можно предположить, что респонденты, выбирающие мать в качестве объекта наибольшей привязанности, будут обладать “чертами старшего ребенка”, который якобы больше всех привязан к матери и защищает семейные ценности, т.е. они будут амбициозными, серьезными, тревожными и соблюдающими условности. Однако, по нашим данным, все респонденты, указавшие мать как самого близкого человека, независимо от выборки были, наоборот, мечтателями, мягкими и любителями развлечений. Соблюдение условностей приписали себе только буряты, а тревожными себя сочли лишь армяне. Средние дети из данной группы были тоже мягкими, любителями развлечений, но при этом соблюдали условности, а армяне и буряты считали себя и мечтателями.

Что касается респондентов, выбравших не мать, а других лиц, то у некоторых из них (а именно, у русских и армян) выявлена тенденция называть себя чуждыми условностям, при все той же любви к развлечениям, которую, на наш взгляд, уже нельзя рассматривать как специфическую черту, – она обнаруживается практически у всех респондентов. Все средние дети, называя самым близким человеком отца, сиблингов или неродственников, остаются мечтателями, армяне – мягкими, русские и крымские татары – соблюдающими условности. Все СрМ независимо от национальной принадлежности в этой группе отмечают свою тревожность.

Обсуждение результатов

Общая цель нашей работы – это эмпирическая проверка некоторых постулатов эволюционно-психологической концепции порядка рождения и ответ на вопрос, являются ли закономерности формирования паттерна привязанностей у индивидов разной категории по порядку рождения универсальными или культурно-специфичными. В анализе результатов большое внимание уделено сравнению полученных данных с ожиданиями эволюционных психологов, а также осуществлена попытка прокомментировать “семейную нишу”, которую занимают средние дети в разных выборках, по возможности в сравнении ее с “нишами” старших и младших детей. Под термином “семейная ниша” Ф. Салловэй [Sulloway, 1995, 1996] и другие западные авторы понимают то, что в отечественной психологии принято называть индивидуальной средой ребенка в рамках семьи [Равич-Щербо, Марютина, Григоренко, 1999]. “Семейная ниша”, по словам

Ф. Салловэй [Sulloway, 1996], играет основополагающую роль в формировании личностных черт человека. Поэтому, зная детали условий жизни ребенка в семье и характер его отношений с родителями и братьями-сестрами, можно объяснить особенности его поведения во взрослом состоянии и стратегии жизненного успеха. Безусловно, наше исследование не дает полной картины всех факторов, составляющих “семейную нишу”. Поэтому мы строили модели, исходя из данных о субъективно воспринимаемом материнском фаворитизме, привязанностях респондентов, их “семейной роли” и самооценке по пяти шкалам личностных черт.

Эволюционно-психологические закономерности, связанные со структурой привязанностей, в полной мере выявлены только у русских [Бутовская, Бойко, 2001]. Действительно, средние дети меньше других привязаны к родителям, сильно – к сиблингам и более всего – к друзьям и партнерам. У крымских татар они демонстрируют модель привязанностей, практически полностью противоположную предсказаниям эволюционных психологов: мать близка средним детям гораздо больше, чем старшим и младшим, кроме того, средние дети меньше всего привязаны к неродственникам. Армяне не обнаруживают каких-либо ярких тенденций в картине привязанностей, кроме, пожалуй, несколько более выраженного предпочтения сиблингов у средних детей. В бурятской выборке ни старшие, ни средние дети не демонстрируют ни одной из предсказываемых Ф. Салловэем тенденций.

Любопытен тот факт, что у крымских татар средние дети чаще, чем все другие группы, выбирают мать и родственников в качестве объекта своей наибольшей привязанности (против всех ожиданий Ф. Салловэй и его коллег). Возможно, это обусловлено тем, что крымские татары в силу до сих пор сохраняющихся черт родового общества [Червоная, 1997] существенно ограничены в своем общении кругом родственников, в результате чего с друзьями и партнерами они общаются меньше, чем русские. Если русский ребенок по каким-либо причинам ощущает недостаточную поддержку и заботу в семье, он имеет больше возможностей компенсировать эту нехватку в общении с друзьями и партнерами. У русских в круг первостепенных партнеров по общению традиционно включались друзья и потенциальные женихи и невесты, у крымских татар, армян и бурят – преимущественно родственники. Таким образом, весьма вероятно, что привязанность крымских татар к матери и к родне является компенсаторным психологическим механизмом, а не свидетельством ответной реакции на сильное материнское предпочтение. Тем более что по собственному ощущению средних детей у татар мать любит их как раз меньше остальных сиблингов.

У нас есть и другое предположение относительно нестандартного паттерна привязанностей у крымских татар. Ведь вместо матери в положении наименее популярного у средних детей оказался отец. Возможно, именно он, будучи главой семьи, полностью реализует адаптивную стратегию родителя, описанную эволюционными психологами. Русские же средние дети привязаны к отцу в 2 раза сильнее татарских. Можно было предположить, что это связано с преобладанием юношей в русской выборке по сравнению с татарской, однако соотношение респондентов по полу в данной категории почти равное.

Что касается материнского фаворитизма и привязанностей респондентов, то только русские продемонстрировали четко выраженную тенденцию выбирать мать как наиболее близкого человека, когда они сами любимы ею больше, нежели сиблинги. Данный факт свидетельствует в пользу нашей догадки об искажениях в семейных отношениях в культурах с большей ориентацией на семейные ценности (в нашем исследовании это татары, армяне и буряты). Если же обратиться к привязанностям у русских вне зависимости от фаворитизма, то средние дети выбирали родителей и сиблингов действительно реже всех остальных, а друзей и партнеров – гораздо чаще. Ни в одной из трех традиционных культур такой “чистой эволюционно-психологической” закономерности не наблюдается. Таким образом, подтверждается и наша гипотеза о том, что эффекты порядка рождения, связанные с привязанностями к родственникам и неродственникам, будут воспроизводиться только в московской выборке, т.к. она состоит из представителей современной индустриальной культуры.

Результаты нашего исследования не подтвердили положение эволюционных психологов о влиянии возраста матери на восприятие ребенком степени ее привязанности к нему и на взаимность этой привязанности. Выбор респондентами матери как самого близкого человека, по нашим данным, вообще не зависит от ее возраста, что противоречит результатам, полученным К. Сэлмон и М. Дэли в Канаде [Salmon, 1998; Salmon, Daly, 1998].

Теперь обратимся к личностным особенностям. Поражает, что связь между выбором матери в качестве объекта привязанности и обозначением себя как семейного миротворца, с одной стороны, и между выбором прочих лиц и ролью мятежника – с другой, четко прослеживается абсолютно во всех выборках (как в целом, так и отдельно среди средних детей). Следовательно, привязанность к матери и просемейная позиция действительно взаимосвязаны так, как это видят эволюционные психологи.

В случае ранжирования себя по шкалам пяти личностных характеристик респондентами из многодетных семей у нас также есть все основания констати-

ровать, что эволюционно-психологические гипотезы относительно атрибуции некоторых личностных черт индивидам, привязанным больше всего к матери, не подтверждаются. Возможно, армянские старшие дети приписывали себе чуждость условностям, т.к., будучи любимцами родителей, они могли себе это “безнаказанно” позволить.

Подводя итоги, необходимо сказать о возможной детерминированности некоторых результатов особенностями выборки. Например, большинство респондентов, даже первенцев, указывали, что они являются любителями развлечений, а не серьезными. Поскольку выборки состоят в основном из студентов первого – третьего курсов, эта черта, вероятно, свойственна им в силу данного социально-возрастного статуса.

Выводы

1. Эволюционно-психологическая концепция порядка рождения предполагает, что средние дети пользуются меньшей любовью матери, чем их братья и сестры, в силу их наименьшего вклада в т.н. родительскую эволюционную приспособленность. Согласно нашим данным, в чистом виде такая модель привязанностей наблюдается только у русских. Материнский фаворитизм не принимал формы, предсказываемые Ф. Салловэем, ни в одной из четырех изученных нами выборок.

2. Американский исследователь утверждал, что первенцам свойственны амбициозность, трудолюбие, серьезность, соблюдение общественных условностей и повышенная тревожность, что они ориентированы на семейные ценности; для детей, родившихся позднее, якобы характерны мягкосердечность, неприятие условностей, склонность к риску и развлечениям, противостояние семейным нормам и традициям, что наиболее остро должно быть выражено у средних детей, как наименее любимых. Согласно результатам нашего исследования, некоторые из этих тенденций (любовь к развлечениям в противоположность трезвости и серьезности и соблюдение общественных условностей) демонстрируются большинством опрошенных независимо от этнической принадлежности и порядка рождения. На проявление остальных изученных нами черт личности респондентов в зависимости от порядка рождения, по всей видимости, все же сильно влияют этнокультурные особенности среды.

3. Эволюционно-психологическая концепция порядка рождения частично подтверждается на примере четырех исследованных нами культур в отношении связи между порядком рождения и привязанностью к родственникам.

Список литературы

- Басаева К.Д.** Семья и брак у бурят (вторая половина XIX – начало XX века) / Отв. ред. П.Т. Хаптаев. – Новосибирск: Наука, 1980. – 287 с.
- Бутовская М.Л., Бойко Е.Ю.** Родительский фаворитизм и особенности формирования стилей поведения у детей в зависимости от порядка рождения: биосоциальные аспекты // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 6. – С. 67 – 81.
- Вдовин И.С.** Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. – Л.: Наука, 1979. – 135 с.
- Вяткина К.В.** Очерки культуры и быта бурят. – Л.: Наука, 1969. – 90 с.
- Жуковская Н.Л.** Возрождение буддизма в Бурятии: проблемы и перспективы. – М.: ИЭА РАН, 1997. – 15 с.
- Карапетян Э.Т.** Армянская семейная община. – Ереван: Изд-во АН Армян. ССР, 1958. – 112 с.
- Нацов Г.Д.** Материалы по истории и культуре бурят. – Улан-Удэ: Изд-во Бур. ун-та, 1995. – 148 с.
- Равич-Щербо И.В., Марюгина Т.М., Григоренко Е.Л.** Психогенетика. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 447 с.
- Тер-Саркисянц А.Е.** Армяне: История и этнокультурные традиции. – М.: Вост. лит. РАН, 1998. – 400 с.
- Хаптаев П.Т.** Современный быт и этнокультурные процессы в Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1984. – 154 с.
- Червоная С.М.** Крымско-татарское национальное движение (1994 – 1996). – М.: ИЭА РАН, 1997. – 42 с.
- Эрдниев Е.** Калмыки. – Элиста: Калмыкия, 1980. – 302 с.
- Berezkei T., Dunbar R.I.M.** Female-biased reproductive strategies in a Hungarian Gypsy population // Proceedings of the Royal Society of London B. – 1997. – Vol. 264. – P. 17 – 22.
- Buss D.** Evolutionary psychology. – Boston; London; Toronto: Allyn&Bacon, 1999. – 456 p.
- Clutton-Brock T.H.** The evolution of parental care. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. – 352 p.
- Cronk L.** Intention versus behaviour in parental sex preferences among the Mukogodo of Kenya // Journal of Biosocial Science. – 1991. – Vol. 23. – P. 229 – 240.
- Daly M., Wilson M.** A sociological analysis of human infanticide // Infanticide: comparative and evolutionary perspectives / Eds. G. Hausfater, S.B. Hrdy. – N.Y.: Aldine, 1984. – P. 503 – 520.
- Daly M., Wilson M.** Discriminative parental solicitude and the relevance of evolutionary models to the analysis of motivational systems // The Cognitive Neurosciences / Ed. by M. Gazzaniga. – Cambridge, MA: MIT Press, 1995. – P. 1269 – 1286.
- Hamilton W.D.** The Genetical Evolution of Social Behavior // Journal of Theoretical Biology. – 1964. – Vol. 7. – P. 1 – 16; 17 – 32.
- Hrdy S.B.** Mother nature: A History of Mothers, Infants and Natural Selection. – N.Y.: Pantheon Books, 1999. – 723 p.
- Mealey L.** Sex Differences: Development and Evolutionary Strategies. – San Diego: Academic Press, 2000. – 480 p.
- Rohde P., Atzwanger K., Butovskaya M., Lampert A., Mysterud I., Sanchez-Andres A., Sulloway F.** Perceived parental favouritism, closeness to kin and the rebel of the family: the effects of birth order and sex // Evolution and Human Behavior. – 2003. – Vol. 24, N 4. – P. 261 – 276.
- Salmon C.A.** On the impact of sex and birth order on contact with kin // Human Nature. – 1998. – Vol. 10, N 2. – P. 183 – 197.
- Salmon C.A., Daly M.** Birth order and familial sentiment: middleborns are different // Evolution and Human Behavior. – 1998. – Vol. 19. – P. 299 – 312.
- Sulloway F.J.** Birth order and evolutionary psychology: a meta-analytic overview // Psychological Inquiry. – 1995. – Vol. 6. – P. 75 – 80.
- Sulloway F.J.** Born to Rebel: Birth Order, Family Dynamics and Creative Lives. – N.Y.: Pantheon, 1996. – 653 p.
- Symons D.** Precis of “The evolution of human sexuality” // Behavioral and Brain Sciences. – 1980. – Vol. 3. – P. 171 – 214.
- Trivers R.L.** Parental investment and sexual selection // Sexual selection and the descent of man / Ed. by B. Campbell. – Chicago: Aldine, 1972. – P. 136 – 179.
- Trivers R.L.** Parent-offspring conflict // American Zoologist. – 1974. – Vol. 14. – P. 249 – 264.
- Trivers R.L., Willard D.** Natural selection of parental ability to vary the sex-ratio of offspring // Science. – 1973. – Vol. 179. – P. 90 – 92.

Материал поступил в редколлегию 25.08.03 г.

НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНИХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

В последние годы древняя история и археология древних народов Евразии привлекает все большее внимание ученых разных стран. Если раньше их изучением занимались почти исключительно восточно-европейские, особенно советские специалисты, то в последнее десятилетие ситуация изменилась. Хорошо известны, например, совместные археологические исследования Немецкого археологического института и Российской академии наук.

Еще одним свидетельством интернационализации евразийских исследований стало принятие Международным союзом академий нового проекта. Международный союз академий был создан осенью 1919 г. в Париже с целью объединения академического сообщества всего мира. Российская академия наук была среди академий-основательниц Международного союза (Российскую академию в нем представлял акад. М.И. Ростовцев). К сожалению, впоследствии в связи со свертыванием международных связей советских ученых членство Академии наук СССР в Международном союзе прекратилось. Российская академия наук вернулась в него только в 1999 г.

Одним из главных направлений деятельности Союза является координация крупных международных проектов, объединяющих усилия академий нескольких стран. Первым проектом сообщества было издание “Корпуса древних vaz”, в котором публиковались античные расписные вазы, хранящиеся в коллекциях разных музеев мира. В свет вышло уже более 200 томов. В настоящее время под эгидой Международного союза академий осуществляется еще ок. 60 научных проектов.

В 2002 г. годовая сессия Международного союза академий по предложению Российской академии наук приняла новый проект – “Скифо-сарматский мир и античная цивилизация”. В исследованиях по проекту принимают участие российские ученые, а также представители Украины, Грузии, Польши, Румынии, Болгарии, Венгрии, Германии, Италии, Франции, Великобритании, Дании, США. В рамках проекта предусмотрено выпустить “Корпус скифских и сарматских

курганов” и новый корпус греческих и латинских надписей Северного Причерноморья. В книгах первой серии, о необходимости создания которой писал еще М.И. Ростовцев, на русском и английском языках будут публиковаться полные научные материалы о курганах скифов и сарматов. Первый том серии, посвященный Краснознаменским курганам в районе Ставрополя, готов к печати. Второй корпус будет подготовлен в форме компьютерной базы данных и печатного издания на русском и французском языках. При создании компьютерной базы данных используется специальная программа PETRAE, созданная в Университете Бордо для обработки древних надписей.

Осенью 2002 г. в Бордо под эгидой Международного союза академий был проведен конгресс “Античные города, варварские царства и мировые империи в Северном Причерноморье: проблемы формирования и развития экономического, культурного и политического койне”. В конгрессе участвовало 40 ведущих специалистов по древней истории и археологии Северного Причерноморья из десяти стран. Этот научный форум дал возможность не только подвести итоги научных исследований, но и обсудить перспективы, а также наметить конкретные формы дальнейшего сотрудничества в рамках проекта. Желательно было бы расширить тематику, представленную в рамках проекта. В нем пока плохо отражена, например, восточная часть евразийских степей, территории Урала, Сибири и Средней Азии. Однако адекватное понимание скифо-сарматской культуры совершенно невозможно без пристального внимания к этим территориям, материалы которых являются ключом к решению многих проблем евразийских культур в целом.

Г.М. Бонгард-Левин
Контактный адрес координаторов проекта:
Ленинский пр., 32А, офис 1501 (ВДИ),
Москва, 117334, Россия
тел. (7 095) 938 – 5228, факс (7 095) 938 – 1912
E-mail: ivantchik@montaigne.u-bordeaux.fr

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

С 9 по 14 сентября 2002 г. в г. Ханты-Мансийске состоялся Северный археологический конгресс (САК), инициированный и организованный Правительством Ханты-Мансийского автономного округа, Институтом истории и археологии Уральского отделения РАН, Уральским государственным университетом им. А.М. Горького. Целью конгресса являлась актуализация наиболее значимых достижений и перспектив археологии арктических и субарктических территорий Северной Евразии и Северной Америки. Идея его организации возникла в связи с серией научных открытий на севере Евразии и Америки, существенно корректирующих устоявшиеся представления о месте северных культур в контексте мировой истории. Природа Севера стала средой формирования и развития самобытных культур, нередко ранее считавшихся лишь отголосками южных цивилизаций; по ледовитым морям в древности и недавнем прошлом были проложены пути между Старым и Новым светом; культурные и политические достижения Севера распространялись в южные области Европы и Азии.

В работе конгресса приняли участие 270 исследователей из 18 стран мира: России, США, Канады, Норвегии, Швеции, Финляндии, Дании, Германии, Венгрии, Украины, Литвы, Польши, Франции, Великобритании, Италии, Болгарии, Турции, Японии. Российские ученые представляли более 70 научных центров из 32 городов.

К открытию Северного археологического конгресса были изданы тезисы докладов на русском и английском языках [Северный археологический конгресс: Тез., 2002] и тексты докладов по важнейшим проблемам, затронутым на конгрессе [Северный археологический конгресс: Докл..., 2002], а также сборник материалов, сообщений и тезисов докладов семинара “Интеграция археологических и этнографических исследований” [Интеграция..., 2002]. Специально к этому мероприятию был приурочен выход нескольких научных монографий [Зыков, Кокшаров, 2001; Зыков, Федорова, 2001; Приступа, Стародумов, Яковлев, 2002; Стефанова, Борзунов, 2002], очередного номера “Уральского исторического вестника” [2002], сборника “Барсова гора: 110 лет археологических исследований” [2002], специального выпуска журнала “Ро-

дина” [2002]. Во время работы конгресса были проведены презентации археологических выставок Уральского университета (г. Екатеринбург) [Археология..., 2002], Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск), Сургутского художественного музея, краеведческих музеев Сургута, Нягани и Югорска.

В рамках трех направлений конгресса работали 15 секций. Восемь из них было организовано по ведущему направлению “Происхождение и древняя история северных культур”.

На секции “*Естественная история плейстоцена–голоцена и заселение человеком Арктики*” заслушано 13 докладов. Основной их блок был посвящен вопросам первоначального заселения циркумполярной зоны Старого и Нового света, всегда занимавшим одно из ведущих мест в проблематике изучения истории человечества. Древнейшие (палеолитические) вехи освоения Северной Евразии были обозначены Н. Ролланд и Ж. Син-Марс. Особый интерес вызвал доклад Ю.П. Павлова по итогам изучения самых северных памятников эпохи палеолита Европы, материалы которых свидетельствуют о двух волнах миграции древнего населения из южной части Русской равнины и Крыма (средний – ранняя пора позднего палеолита) и Северной Азии (вторая половина позднего палеолита). А.М. Кузнецов и С.Б. Слободин, сравнившие материалы стоянок эпохи позднего плейстоцена – раннего голоцена Северо-Восточной Азии и Аляски, обосновали попытки выделения различных этапов освоения Америки, связанных с формированием и состоянием Берингской суши. Второй блок докладов был посвящен проблемам сложения и специфике культур эпохи позднего плейстоцена – раннего голоцена отдельных регионов Арктики: Северо-Восточной Европы (А.В. Волокитин), Урала (Т.И. Щербакова), Якутии (С.А. Федосеева, Н.В. Антипина, Н.В. Костина), Чукотки (А.А. Орехов), Дальнего Востока (А.И. Лебединцев). Живой интерес вызвал яркий доклад У. Одгаард “Очаг как центр жизни”.

В резолюции секции было предложено: в целях консолидации усилий ученых по изучению циркумполярной зоны проработать вопрос о возможности создания Ассоциации северных археологов.

На секции “*Северная Евразия как зона взаимодействия*” заслушано 18 докладов, охватывающих

период от позднего палеолита до средневековья и территорию от Скандинавии до Восточной и Южной Сибири. Кроме локальных связей на уровне конкретных территорий и культур, которые рассматривались в большинстве докладов, были обсуждены проблемы более широкого плана, в частности, формы, направления и результаты взаимодействия между населением леса и лесостепи, изучение связей на уровне технологий: металлургии, гончарного производства и ткачества. Оживленную дискуссию вызвали вопросы интенсивности и направления влияния южных культур на северные и связи инноваций в глубинах тайги с миграциями населения с территорий развитых цивилизаций Юга. В резолюции секции отмечено, что благодаря самоотверженной работе археологов-сибиреведов в последние десятилетия были открыты для научного изучения таежная и тундровая зоны Западной Сибири.

Главная тема восьми докладов, представленных на секции *“Взаимодействие северных культур в эпоху викингов”*, – этнокультурные и торговые контакты в эпоху средневековья. Взаимосвязям скандинавского, прибалтийско-финского и русского населения были посвящены выступления С.И. Кочкуркиной, П. Уйно. Особо отмечен доклад Л.С. Розановой, представительницы школы Б. А. Колчина, вклад которой в изучение технологических проблем финно-угров очевиден. Два выступления были посвящены торговым связям Северо-Западной Руси и Западной Европы с Югрой в XI – XIII вв. (В.А. Могильников, Ю.С. Худяков). А.М. Белавин очертил широкий круг проблем многостороннего взаимодействия средневекового населения лесного Приуралья и таежного Приобья. Ярким событием был доклад А.Г. Едовина о комплексе славянских курганных могильников X – XI вв., открытых в низовьях Северной Двины. Вероятно, это самые ранние и самые северные памятники, отражающие начальные этапы русской колонизации Севера. Более позднему периоду был посвящен доклад Х.К. Гуллова по проблемам взаимоотношений потомков скандинавского населения Гренландии и местных инуитов в Новое время.

На секции *“Наскальное искусство и этнографические наблюдения”* было представлено 13 докладов, хронологически охватывающих период от верхнего палеолита до средневековья, географически – от Скандинавии до Южной Сибири. Многие исследователи уделили большое внимание этнографическим параллелям, а также построенной на них нейропсихологической модели понимания истоков и смысла наскального искусства в духе Дэвиса Льюиса-Уильямса (Л. Джаник, Э. Лахелма). Еще одной темой обсуждения стали вопросы микро- и макроконтеста наскальных изображений. В докладе К. Хельскога предлагались рассуждения на тему связи изображений между собой и с топографией скальной основы. Л. Форсберг затронул

проблему обрядности и ландшафта, показав связь между освоением людьми новых территорий и наскальным искусством.

Иной круг вопросов, поднимаемых в докладах, – источниковедческий. Экспертная оценка памятников изобразительной деятельности осуществлена в выступлениях Е.А. Миклашевич (Южная Сибирь) и В.Н. Широкова (Урал). Интерпретации древних образов были посвящены два полемических доклада (Г.М. Буров, Б.П. Шишло). Эти выступления также вызвали дискуссию на тему соотношения документации наскальных рисунков и их интерпретации (Я.А. Шер). Ряд докладов был связан с осмыслением близких по стилистике разновременных изображений на разных территориях (Д. Вогт, Л. Клунгсет и др.). Пониманию таких совпадений была посвящена одна из дискуссий секции. О новых исследовательских инициативах в Скандинавии проинформировала Е. Сэттердал. Ее доклад в очередной раз показал, как сложен поиск памятников наскального искусства.

На секции *“Художественный металл”* заслушано 12 докладов, посвященных двум основным проблемам: взаимодействию культур, нашедшему отражение в художественном металле, и источниковедческому анализу некоторых его групп. Географические рамки докладов охватывали пространство от Скандинавии до Восточной и Южной Сибири, а также западное побережье Северной Америки, а хронологические – от VIII в. до н.э. до современности.

Н.В. Федорова рассмотрела средневековый художественный металл Западной Сибири как целостный источник, показывающий, что население западно-сибирского Севера было вполне мобильным, открытым для контактов по крайней мере с VIII в. н.э. Доклад Н.Л. Викар (США) был посвящен скандинавскому звериному стилю и южному антропоморфному искусству, которое так и не привилось на Севере. Совместный доклад Ч. и Д. Дюброиль (Канада) акцентировал внимание на сохранении культовых и изобразительных традиций в художественном металле индейцев северо-западного побережья Северной Америки в эпоху контактов с европейцами. Пути развития традиционного искусства оказались здесь во многом отличными от тех, которые фиксируются в других северных регионах, особенно в России. Б.А. Раев на североевразийских материалах, содержащих италийские и восточно-эллинистические импортные изделия, показал интересную картину взаимодействия культур на торговых путях Евразии во второй половине I тыс. до н.э.

Большинство докладов на секции имели источниковедческую направленность (Я.А. Шер, О.В. Игнатьева, О.И. Пристипа, К.Г. Карачаров, Ю.С. Худяков, А.Ф. Мельничук, А.Н. Лепехин, А.А. Тишкин, Т.Г. Шиготаров). В них анализировались конкретные коллекции и категории предметов.

В центре внимания трех секций – *“Святылища”, “Погребальные комплексы”, “Прочтение древних символов”* – был анализ духовного наследия народов Северной Евразии. Временной диапазон докладов – от палеолита до современности, пространственный – от северо-запада Европы до северо-востока Азии. Круг специалистов – археологи, этнографы, антропологи, криминалисты. В ходе работы сложилась внутрисекционная интеграция по различным направлениям исследований духовной культуры: археология и этнография тундровой, лесной и лесостепной зон Северной Евразии; археология и методы естественных наук.

На заседании секции *“Святылища”* выступления археологов были посвящены культовым комплексам лесной зоны. Большой интерес вызвал доклад А.Ф. Шорина по результатам исследования уникального неолитического святилища Кокшаровский холм в лесном Зауралье. В.Д. Викторова впервые обосновала статус культового озерного центра, действовавшего от эпохи неолита до раннего железного века включительно на о-ве Каменные Палатки близ г. Екатеринбурга. Исследования пещерных святилищ северо-восточного (С.Е. Чаиркин) и западного (Д.А. Изосимов) склонов Урала позволили судить о чередовании культовых действий в пещерах региона от неолита до XVIII в. Специфика местоположения древних святилищ и находок из них вызвала большой интерес этнографов. Отклики на этот сюжет прозвучали в выступлениях, посвященных сакральной топографии населения Приуралья (Н.И. Шутова) и Западной Сибири (Г.П. Харючи, В.С. Иванова).

В работе секции *“Погребальные комплексы”*, к сожалению, не были озвучены (остались лишь в тезисной форме) доклады методологического плана О.М. Рындиной *“Погребальный обряд как мировоззренческая составная”* и М.Ф. Косарева *“Семантическая основа традиционной погребальной обрядности”*. Логичным продолжением этой тематики было выступление Ю.Б. Серикова о принципах выделения шаманских погребений каменного века. Прекрасно иллюстрированный доклад К.В. Чугунова, А. Наглер, Г. Парцингер об исследовании кургана Аржан-2 в Туве вызвал настолько большой интерес, что был повторно прочитан для слушателей других секций. О.З. Зайцева в своем выступлении рассмотрела следы обряда вторичного захоронения на средневековом могильнике Шайтан II. Уникальными находками последних лет на севере Евразии явились мумифицированные останки из погребений могильника Зеленый Яр VI – IX вв. н.э. Выступление А.Г. Брусницыной, посвященное детским захоронениям, в т.ч. четырем, в которых находились мумии, было дополнено докладом Е.Е. Куликовой и А.Б. Полтарауса, где речь шла о результате молекулярно-генетического анализа ДНК одной из мумий. О новых возможностях применения методов естественных наук сообщил А.В. Трофимов по итогам морфологического

исследования волос человека и животных из могильника Алдыган. Д.И. Ражев рассмотрел антропологические свидетельства обычая скальпирования (следы на черепной крышке из могильника Сайгатинский VI), бытовавшего на севере Западной Сибири в средние века.

Тема *“Прочтение древних символов”* собрала на заседании секции свыше 70 чел. Начало дискуссии положили выступления В.Ф. Кернер о смысле и логике развития женских статуэток от палеолита до этнографической современности; М.А. Кирьяк о различных графических выражениях мифологической картины мира на артефактах с неолитических памятников Северо-Восточной Азии; сообщение В.Т. Ковалевой о трех моделях мировоззрения зауральского населения и доклад И.Ф. Никитинских, посвященный анализу знаков на алтарных плитах севера Восточной Европы. Естественная связь археологии и этнографии нашла отражение в исследовании древней местной традиции изготовления ритуальных кукол (С.В. Сотникова). Прочтению этнографических сюжетов и фольклорных текстов были посвящены доклады Б.П. Шишло и В.В. Сурво. Состоялась оживленная дискуссия, в ходе которой выявились противоречивые мнения о возможности прочтения древних символов, в особенности символов ранних эпох.

По направлению *“Методы и технологии междисциплинарных исследований”* было организовано пять секций.

На секции *“Функции орудий и археологический контекст”* выступили трасологи из восьми стран. Были заслушаны и обсуждены 16 докладов (в т.ч. два стендовых). Тема большинства из них – трасологический анализ орудий и взаимосвязь функции и контекста археологического памятника. С обобщающими докладами выступили Н.Н. Скакун и Г.Ф. Коробкова. Были представлены результаты трасологического анализа каменных орудий эпохи металла с территории от Урала до Средней Азии (Г.Ф. Коробкова). Роль археологического контекста при выявлении функции орудий раскрыта на новых материалах специализированных поселений (Н.Н. Скакун, Г.И. Матеева, А. Самзун), сезонных стоянок (М. Винярска-Кабачинска, Я. Кабачински), пещер с наскальными рисунками. Особый интерес и оживленную дискуссию вызвал доклад *“Кремневые орудия и пещерная палеолитическая живопись”* (Ю. Плиссон, Ж. Женест, В. Ферульо). Авторы начали изучение не только орудий, но и поверхностей пещеры Шове, на которых могли сохраниться следы работы этих инструментов. Они впервые применили методику, включающую сочетание трасологии, эксперимента и использования лазерных сканирующих устройств.

Второй блок докладов был также связан с расширением применения экспериментально-трасологического метода, в т.ч. и для изучения предметов из органического сырья. В докладе М.Н. Литвиненко рассмат-

ривалось назначение деревянных и костяных зубчатых орудий с Ямала. Н.А. Алексахенко были представлены результаты сравнительного трасологического исследования археологических и этнографических предметов из кости, дерева, бересты, меха и кожи из приполярных районов Западной Сибири. Участники дискуссии отметили важность такого подхода как для развития методики трасологии, так и для реконструкции систем культурной адаптации населения. Два доклада касались проблем выявления на памятниках железного века керамических орудий и их изучения. Керамические скребки (О.Ю. Зимина, С.Н. Скочина), известные по материалам памятников Средней Азии более 30 лет, только недавно были обнаружены трасологами в коллекциях Зауралья и Западной Сибири. Изучение глиняных пряслиц с позиций криминалиста и археолога (доклад А.Г. и Н.А. Берсенева) дало интересные результаты и открыло перспективы определения их назначения. В докладе Ю.Б. Серикова зафиксировано, что большинство скребков, просмотренных им под микроскопом, оказались кресальными кремнями – орудиями для получения огня. Особый интерес вызвали выступления, посвященные технологии обработки камня (Э. Кристиани, П.В. Волков). Они содержали не только конкретные результаты, но и методические рекомендации по технологическим исследованиям в археологии.

Участники дискуссии отметили разнообразие тематики докладов, новизну представленных подходов, необходимость и возможность применения экспериментально-трасологического метода для изучения предметов с памятников разных эпох. Перед трасологами стоит задача совершенствования методики анализа, расширения его инструментальной базы, унификации терминологии, что невозможно без постоянного международного сотрудничества.

На секции *“Торфяниковые памятники Северной Евразии”* было представлено 12 докладов. Рассматривались вопросы технологического исследования (Е. Давид, М.Г. Жилин, С.Н. Савченко) и датирования (Н.Е. Зарецкая) изделий из органических материалов, полученных во время раскопок торфяниковых памятников; использование междисциплинарных методов изучения торфяниковых комплексов (Д. Бразайтис, Э. Браун, Е. Бжозовски, Е. Семашко); вопросы, связанные с хозяйственной деятельностью древнего населения (М.Г. Жилин, С.В. Ошибкина, Н.М. Чаиркина); а также проблемы реконструкции отдельных аспектов его духовной культуры и искусства (Н.М. Чаиркина, С.Н. Савченко). Участники секции отметили особую значимость изучения торфяниковых памятников Северной Евразии как объектов, в которых наиболее полно представлены древние артефакты, являющиеся важнейшим источником по реконструкции материальной и духовной культуры древнего населения Западно-Си-

бирской низменности. Секция рекомендовала разработать и принять специальную научную программу по поиску и комплексному изучению торфяниковых памятников Ханты-Мансийского округа, богатого торфяниками, которые до настоящего времени практически не изучены в археологическом отношении. Секция должна стать регулярной в рамках Северного археологического конгресса; в перерывах между форумами целесообразно проводить полевые семинары. Принято решение опубликовать доклады участников секции в журнале *“Wetland Archaeology”*. Представленная на заседании секции знаменитая Шигирская коллекция является культурно-историческим и научным памятником мирового значения. Участники секции предложили обратиться в ЮНЕСКО с просьбой включить ее в число охраняемых объектов.

На секции *“Механизмы биологической и культурной адаптации”* было заслушано 15 докладов. Главные темы – модели ресурсопользования в традиционных обществах; адаптивность расопределяющих черт монголоидного комплекса к природным условиям Севера; варианты использования дикого и домашнего северного оленя человеком в древних, традиционных и современных циркумполярных обществах. Общая дискуссия сосредоточилась на анализе влияния среды (преимущественно таких факторов, как климат и питание) на биологические аспекты жизни арктических популяций. Обсуждался также вопрос о природосберегающих и природоразрушающих тенденциях в культуре древних обществ.

Недостатком в работе секции можно назвать то, что разговор шел главным образом о биологической адаптации, а культурной уделено гораздо меньше внимания.

На секции *“Историческая археология”* было представлено 13 докладов. Первый их блок связан с изучением средневековых городков Югры. При обсуждении вновь встала проблема “остяко-вогульского феодализма”, возникшая еще в 1935 г. Дискуссия по ней длится уже 67 лет, однако и сейчас эта проблема далека от разрешения. Практически все доклады данного блока основывались на новых материалах и отличались комплексным подходом к их исследованию, использованием данных археологов, историков, этнографов, фольклористов. Особый интерес вызвали сообщения О.В. Кардаша и Е.П. Мартыновой о Надымском городке, а также основанный на материалах многолетних полевых исследований доклад А.П. Зыкова и С.Ф. Кокшарова, посвященный легендарному городку Эмдер. Ранняя средневековая история Сибири анализировалась Е.И. Ромбандеевой и А.М. Илюшиным, рассматривавшими вопросы соотношения археологических и фольклорных источников, с одной стороны, и письменных исторических – с другой.

Второй блок докладов (А.Ф. Элерт, В. Хиндшце, В.Д. Редин) был связан с деятельностью немецких

ученых-путешественников, принимавших участие в академических экспедициях XVIII в. Следует отметить новизну представленных материалов и глубину решения поставленных задач. Авторы обозначили важность использования дневниковых записей немецких путешественников XVIII в. в качестве источников в археологических и этнографических исследованиях.

Оригинальностью отличался доклад Е.М. Юхименко, освещавший вклад выговских старообрядцев XVIII в. в решение проблем церковной археологии. Выступление К. Карпелана, посвященное позднесредневековой археологии саамов Финского Заполярья, привлекло внимание как новизной представленного материала, так и драматической судьбой заполярных двоеданцев. Живую дискуссию вызвал доклад Е.М. Главацкой о гендерных ролях в жизни сургутских хантов.

Секция *“Визуальная палеоантропология”* была, вероятно, самой популярной среди участников и гостей конгресса; в ней приняли участие более 100 чел. На секции демонстрировались шесть фильмов и две медиа-презентации по археологии и палеоэтнографии Севера. В авторских комментариях и дискуссии обсуждались следующие темы: насколько подлинно фильм представляет и объясняет культурное явление; где грань между наукой и искусством в археологическом кино; как камера участвует в диалоге между археологом и артефактом.

А. Баликси представил фильм *“У переправы карибу”* из сериала об эскимосах-нетсилик, снятый в 1960-х гг. и вошедший в золотой фонд мирового антропологического кино. В свое время этот сериал, созданный в рамках специальной образовательной программы, вызвал не только интерес общественности, но и бурные политические дебаты в США. Фильм А. Томмервэг *“Воспоминания о Маукене”* рассказывает о том, как поиски остатков древней культуры и археологические раскопки позволяют коренным жителям севера Норвегии узнать о прошлом своей родины. О.В. Якимова в фильме *“Надымский городок”* показала пример плодотворного сотрудничества между археологами и журналистами, открывающими неизвестные страницы средневековой истории Северного Приобья. Фильм А.В. Головнёва *“Остров Жохова”* повествует об археологическом открытии *“Земли Санникова каменного века”* – истории двухлетних раскопок мезолитической стоянки на необитаемом о-ве Жохова в Восточно-Сибирской Арктике; этот впечатляющий фильм-наблюдение или, как его назвали в дискуссии, этнографический фильм об археологах рождает чувство сопричастности, будто зритель сам участвует в раскопках, открывает древние артефакты и осмысляет версии их толкования. Н. Бродбент представил фильм Л. Салмгрена *“Душа Ботнии”*, рассказывающий о древнем способе морской охоты в Швеции, когда люди проводили по три месяца во льдах, охотясь на тюленей; это фильм-реконструк-

ция, воссоздание древней деятельности на основе исторических данных. Новый фильм А.В. Морозова *“Зона любви”* предлагает вниманию зрителя драматический сюжет пересечения традиций и сегодняшней обыденности в жизни североуральских манси.

В медиа-презентации Ю.М. Баранова и Л.Л. Косинской *“Компьютерная реконструкция жилищного комплекса неолитического поселения Быстрый Кульёган 66”* была показана возможность визуализации археологических данных Среднего Приобья. Яркий доклад Н. Линнерупа *“САТ-сканирование и цифровая трехмерная реконструкция 2000-летней болотной мумии из Дании”* продемонстрировал новейшие методы и технологии виртуальной реконструкции, используемые как для научных исследований, так и для представления их результатов широкой публике.

По направлению *“Археологическое наследие в социокультурном пространстве XXI века”* работали две секции.

На секции *“Археологическое наследие и музеи”* были представлены 23 доклада. Можно выделить три основных тематических блока: теоретические проблемы музеефикации археологических объектов (М.Ю. Селянина, Н. Линнеруп, А.А. Бурханов, О.В. Смоленкова, Н.А. Томилов, И.А. Стар); экспонирование памятников археологии: проблемы и перспективы (Л.Н. Козлова, Н.В. Шабалина, Ю.М. Баранов и Е.А. Курлаев, Е.А. Миклашевич, Л.В. Степанова, Т.И. Щербакова, И.Ф. Никитинский, С.Н. Панина); проблемы развития индустрии туризма и разработка комплексных программ музейно-туристического обслуживания в Ханты-Мансийском автономном округе (С.В. Горшков, Д.В. Бугров, Б.Б. Овчинникова, К.А. Руденко).

После каждого тематического блока проходила оживленная дискуссия. Обсуждались следующие вопросы: обеспечение наглядности и доступности для посетителей археологического материала, представляемого в музеях; отсутствие единой музейной сети как фактор, препятствующий эффективной работе музеев в Ханты-Мансийском автономном округе, и необходимость развития здесь музейно-туристической деятельности; специфика пользователей музейных ресурсов округа и социально-возрастная ориентация экспозиций местных музеев (местное население, школьники, бизнес-туристы), а также критерии востребованности вновь организуемых музеев; инновационные методы представления музейной экспозиции (на примере компьютерной реконструкции памятников промышленной археологии Урала); проблемы музейного освоения памятников наскального искусства; этичность экспонирования человеческих останков и ведения раскопок могильников, почитаемых у коренных жителей, необходимость разработки нормативно-правовых актов, рассматривающих возможности передачи останков для перезахоронения после детального изучения их учеными.

На секции **“Охрана и использование историко-культурного наследия”** было заслушано 12 докладов. В обсуждении особо отмечены выступления Й. Берглунда “Концепция Наследия” и Г.П. Визгалова «Особо охраняемая территория парк “Пунси” как средство сохранения историко-культурного и природного наследия в Ханты-Мансийском автономном округе». Участники секции обратили внимание на уникальный опыт, накопленный за последние 10 лет на территории округа в организации сохранения и использования археологического наследия, создания действенной системы управления археологическими ресурсами региона с участием как региональных, так и муниципальных органов власти.

Проведенный в рамках работы Северного археологического конгресса X семинар **“Интеграция археологических и этнографических исследований”** был посвящен 290-летию со дня рождения С.П. Крашенинникова. Его организаторами являлись Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН, Ассоциация антропологов и этнологов России, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова НАН Казахстана, Омский государственный университет, Уральский государственный университет, Сибирский филиал Российского института культурологии. Для коллектива омских археологов и этнографов, поставивших перед собой цель развивать этноархеологическое направление в отечественной науке, этот семинар был юбилейным.

Было заслушано 40 докладов. Начался семинар с выступлений, посвященных деятельности С.П. Крашенинникова и В.Н. Чернецова (Н.А. Томилов, Д.О. Плахута). В серии докладов рассматривались теоретические, методологические и методические проблемы археологии и этнографии (Н.А. Томилов, С.С. Тихонов, А.М. Пуртов, С.Ф. Татауров). Большая часть докладов содержала результаты конкретных исследований и их методическое и методологическое обоснование. Состоялось обсуждение ряда проблем археологии и этнографии. В частности, участники семинара обменялись мнениями по теоретическим и методологическим проблемам этноархеологии и интеграции археологии и этнографии. Было принято решение о регулярном проведении семинара “Интеграция археологических и этнографических исследований” в рамках Северного археологического конгресса.

В итоговой резолюции Северного археологического конгресса отмечен высокий научный уровень, акту-

альность и практическая значимость его работы как для фундаментальной науки, так и для повышения роли археологического наследия в контексте современного социокультурного развития. По предложению губернатора Ханты-Мансийского автономного округа А.В. Филипенко САК объявлен регулярным научным форумом, который намечено проводить раз в четыре года. Следующий конгресс запланирован в столице округа Ханты-Мансийске в 2006 г. Постоянно действующему координационному комитету (Екатеринбург – Ханты-Мансийск) поручена разработка программы по подготовке II Северного археологического конгресса. Информационным центром координационного комитета является постоянный сайт в сети Интернет с адресом: <http://www.northcongress.ural.ru>; e-mail: northcongress@ural.ru.

Список литературы

Археология Западной Сибири в свете новейших открытий: Проспект выставки. – Ханты-Мансийск: Би., 2002. – 35 с.

Барсова гора: 110 лет археологических исследований. – Сургут: МУ ИКИЦП “Барсова гора”, 2002. – 224 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. – Екатеринбург: Волот, 2001. – 320 с.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III – IV веков из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: Сократ, 2001. – 176 с.

Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск; Ханты-Мансийск: Изд-во Ом. ун-та, 2002. – 264 с.

Пристуна О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А. Окно в Бесконечность: Бронзовые зеркала раннего железного века. – Томск: ГалаПресс, 2002. – 88 с.

Родина. – 2002. – Спец. вып.: Тропую стран полуночных. – 114 с.

Северный археологический конгресс: Докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. – 292 с.

Северный археологический конгресс: Тез. докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. – 460 с.

Стефанова Н.К., Борзунов В.А. Археология таежного Обь-Иртышья: Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – 136 с.

Уральский исторический вестник. – 2002. – № 8: Древние и средневековые культуры Урала в евразийском культурном пространстве. – 224 с.

А.В. Головнев, А.П. Зыков, А.Ф. Шорин
Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия

**ИНТЕРКОНГРЕСС АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
г. Токио, 22 – 27 сентября 2002 г.**

Совместные международные конгрессы этнологи (этнографы) и антропологи начали проводить с 1934 г., когда в Лондоне состоялся I Международный конгресс антропологических и этнологических наук (МКАЭН). Ни в этом, ни в последующих конгрессах (II – в 1938 г. в Копенгагене, III – в 1948 г. в Брюсселе, IV – в 1952 г. в Вене) российские ученые участия не принимали. Но уже на V МКАЭН, состоявшийся в 1956 г. в Финляндии, Академия наук СССР направила трех своих делегатов, а в работе VI МКАЭН приняла участие целая делегация советских ученых, которую возглавлял С.П. Толстов. Несколько лет назад Комитетом антропологических и этнологических наук в качестве места проведения очередного Интерконгресса антропологов и этнологов была предложена столица Японии г. Токио. В 1998 г. это было одобрено Генеральной ассамблеей Международного союза антропологических и этнологических наук, которая также подтвердила главную тему или девиз конгресса: “Человеческое тело в антропологической перспективе”. В рамках предложенной темы основное внимание было решено уделить изучению человеческого лица, почему символом конгресса избрали иероглиф, обозначающий человека с головой в виде глаза, олицетворяющего, по мнению организаторов, проникновенный взгляд исследователя.

Было рассмотрено много важнейших антропологических и этнологических проблем XX – XXI столетий, вызванных глобальными изменениями в системе человек–природа–общество. Этнологи выразили надежду, что исследование народных знаний традиционных обществ поможет современным людям выбрать наиболее оптимальный путь развития в “зонах риска”, выработать стратегию устойчивого существования в XXI в. В струе этой тематики прозвучал и наш доклад “Экологические знания о погодоведении как фактор устойчивого развития сибирских крестьян”, материал к которому обрабатывался совместно с Сибирским региональным научно-исследовательским гидрометеорологическим институтом. Народное погодоведение – направление науки, изучающее этнокультурные аспекты традиционных представлений народов, связанные с предсказанием погоды, в контексте современных естественно-научных знаний.

В то время как ученые оценивают экологические и социально-экономические последствия изменения климата, а метеорологи-практики безуспешно стараются прогнозировать погоду, сибирским крестьянам Приобья удается достаточно точно в рамках своих потребностей делать кратко- и долгосрочные прогнозы. В последние десятилетия XX в., когда мировое сообщество ищет пути стабилизации своего развития, традиционные культуры являют собой образец такого развития. Одним из факторов стабилизации земледельческой практики сибирских крестьян явилось народное погодоведение, которое позволяло предвидеть изменения погоды и снижать производственный риск в условиях резко континентального климата с суточным перепадом температур 10 – 20 °С. В современных условиях, когда изменения погоды в условиях Сибири стали более динамичными и не всегда сбываются прежние, связанные с календарными датами традиционные приметы, особое значение приобрело прогнозирование погоды в соответствии с конфигурацией месяца, фазами движения луны, формами радуги, яркостью звезд и пр. Заблаговременно о возможных перипетиях неустойчивого сибирского климата узнают в ходе наблюдений за поведением домашних и диких животных, птиц, насекомых. Долгосрочные прогнозы производятся по принципу антиподальности сезонов, месяцев, дней года в соответствии с законами симпатической магии. Новогодние, святочные приметы относительно целого года признаются наиболее достоверными, поскольку все, что происходит в этот период в атмосфере, воспринимается многозначным. Знаковыми также считаются первые удары грома, первый снег, первые мартовские сосульки и пр. Сибирскими крестьянами подобные физические явления всегда воспринимались как знаки.

Разнообразие тем докладов и поставленных на Интерконгрессе проблем, безусловно, трудно осветить в небольшой статье, хотя на некоторых, прежде всего, в силу специализации автора этнологических, хотелось бы остановиться подробнее. На симпозиуме “Тело как передатчик значения, медиатор между природой, культурой и обществом” в докладе **Дж. Бэстайна** из Техасского университета были изложены представления индейцев одного из племен

аймара о теле в связи с уровнями местной горы Каата, в которой аборигены различали “голову”, “горс”, “ноги”. Вершина этой горы, где пасут альпаков и лам, у местных жителей ассоциировалась с “головой”, “глазами”-озерами и “носом” и “ртом” – пещерами. Средняя часть горы, на которой различают “сердце”, “печень” и пр., представляется туловищем, здесь индейцы размещают свои картофельные и ячменные поля. Отождествляя свою землю с человеческим организмом, они верят, что любые “неполадки, расстройства” на земле непременно отражаются на здоровье человека (“сопряженность тела и земли”). Хороший урожай рассматривается как следствие “подпитывания” “тела” горы посредством ритуалов. Подобное мировоззрение, по мнению автора, отражает древнюю практику возделывания земли в районах, расположенных высоко над уровнем моря.

По сложившейся традиции в центре внимания участников конгресса было изучение изменений в жизни народов земли в настоящее время и определение возможных путей использования этнографических исследований для решения практических задач их социокультурного развития. Мировоззренческой проблемой современного европейского общества посвятила свой доклад **Эв. Дюрр** из Германии, рассмотревшая весьма популярные в Берлине этнические фестивали (уличные парады, народные празднества и пр.). Их участники одеваются в этнические костюмы, стараясь показать свое восприятие особенностей культуры при помощи особых атрибутов. По мнению автора, большинство стереотипных взглядов на культурные различия проявляется именно в подобных общественных мероприятиях. Фестивали, отражающие этническую мозаику, воспринимаются как общественно значимое событие. Далее Эв. Дюрр конкретизировала теоретические концепты культуры на данных типах городских фестивалей.

На симпозиуме “Дети и юность в условиях риска” были подняты актуальные для современных условий проблемы детского труда и занятости, воспитания, затронуто правовое положение детей в семьях и пр. Оказалось, что как для богатых, так и для бедных стран характерны многие общие трудности. **Р. Вильсон** из Южной Каролины обвинила суды США в “провальной защите” жертв инцеста в условиях полной семьи. По данным автора, родители с наклонностями к инцесту редко останавливаются на одном ребенке, а суды не принимают во внимание риск для других детей такой семьи. Отец, который угрожает дочери, может быть также опасен и для сыновей. Суды имеют практику разделять пристаивание родителей к неродному ребенку и преследование своего отпрыска. Закон будет тогда защищать детей от сексуальной эксплуатации, когда будет введена субстанциальная

очевидность таких оскорбительных действий. **Э. Джанотти** из Италии представил свои материалы о детском труде на золотых приисках в высокогорье Перу и раскрыл комплекс причин, по которым дети работают или даже замещают родителей в неконтролируемых условиях жизни в отдаленных районах. Недостаток кислорода, риск землетрясений и бедность природы делают это место на земле наиболее опасным для работы. Из-за изоляции от правительственных структур сообщества в высокогорье Перу имеют свои, близкие к доколумбийским, нормы жизни, которые определяют соответствующее поведение взрослых по отношению к детям, включающее частые инцесты, сексуальные домогательства, эксплуатацию детского труда. Детям очень редко выпадает шанс покинуть эти места с их невыносимыми условиями существования. Еще один из запоминающихся докладов был сделан этнологом из Индии **М. Бехера**. Он попытался проследить процессы адаптации девушек традиционных охотничьих племен к современному стилю жизни. По мнению исследователя, когда открываются закрытые племенные сообщества, “переживания” женщин и мужчин весьма различны. Поскольку роль и статус в племенах взаимосвязаны, мужчины в условиях перемен получают значительно больше свободы по сравнению с женщинами.

М. Бенсман из Нью-Йорка в сообщении “Дети и новые семейные культуры в Америке конца XX в.” подчеркнула, что нужно оказать давление на мировые сообщества в целях создания “атмосферы доброты, безопасности”, необходимой для нормального развития детей. Исходя из тезиса “Мир создан для детей”, автор считает жизненно важным осуществление целого ряда социальных, экономических мер. Анализируя сложившиеся к настоящему времени “новые семейные культуры”, М. Бенсман пыталась выявить влияние на современное поколение детей разных факторов (на основе данных о неполных семьях, о сожительставах, разводах, работающих матерях, коммуникационных технологиях и пр.).

27 сентября прозвучали последние доклады симпозиумов и пленарного заседания. До свидания, Токио, до свидания, Япония! Символический иероглиф “Homo Sapiens” с “головой”-глазом, по мнению организаторов, символизирует также гуманизм и гостеприимство японцев. В этом мы неоднократно имели возможность убедиться во время работы Интерконгресса.

Е.Ф. Фурсова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск,
630090, Россия*

E-mail: fursova@mail.archaeology.nsc.ru

**XV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
Флоренция, 5 – 12 июля 2003 г.**

XV Международный конгресс антропологических и этнологических наук прошел под девизом “Взаимодействие человечество–природа: прошлое, настоящее, будущее” во Флоренции, Равенне, Пистое и других городах Италии. Его организаторами выступили Национальный музей антропологии и этнологии, Институт антропологии и университет Флоренции. В своем обращении к участникам конгресса президент XV МКАЭН **Бр. Киарелли** обозначил многие болевые точки современного человечества, тем самым подтвердив необходимость концентрации усилий ученых разного профиля вокруг проблемы взаимосвязей между природной средой, обществом и человеком: “Мы стоим перед лицом драматического и все ускоряющегося роста населения с 1 млрд в 1835 г. до 6 млрд в конце XX в. Беспрецедентный рост населения, особенно в некоторых географических регионах, увеличивает воздействие на природную среду вследствие эксплуатации природных ресурсов, что ведет к климатическим изменениям среды и ее загрязнению. Вместе с увеличивающейся бедностью и оскудением ресурсов поиск самостоятельного статуса этническими меньшинствами ведет к драматическому кризису в многонациональных государствах, разрушению сложившихся социальных отношений и росту войн и конфликтов, которые оказывают разрушительное влияние на жизнь и будущее людей”. Далее Киарелли подчеркнул тот факт, что цивилизация, которая является “конечным продуктом работы крестьян, ремесленников, художников, ученых всей земли”, несет сегодня на себе печать деградации человечества и его унижения. Снижение качества жизни является, по мнению ученого, прямым результатом индустриализации. Основными концепциями прогресса должны быть признаны экологическая интеграция и глобальная биоэтика, которые необходимо ввести в культуру индустриального мира для защиты природных ресурсов от человеческой деятельности.

В конгрессе работали несколько десятков основных и независимых секций, посвященных вопросам как очень древних (“Приматология и эволюция человека”, “Палеобиология человечества” и др.), так и современных (“Дети и молодежь в изменяющемся мире”, “Этнические идентичности и этничес-

кие взаимодействия”, “Традиционные знания и устойчивое развитие”, “Питание и здоровье” и др.) этапов человеческой истории. Вообще из-за обилия докладов, секций и симпозиумов в ходе международных конгрессов их участникам нередко бывает довольно трудно отчетливо представить общую картину состояния науки, отследить новые подходы, методы исследования. Организаторы XV МКАЭН решили преодолеть эту проблему на заключительном пленарном заседании, на котором руководители секций выступали с двухчасовыми отчетами о своей работе, прозвучавших докладах, возникших дискуссиях.

На секции “Экология человечества” **Д. Дежё** в своем докладе “Введение новых технологий в доме”, базирующемся на исследованиях, проведенных во Франции, Китае и Америке, показал, как новые средства (“технологии”) общения (компьютеры, Интернет, мобильная связь и т.д.) внедрились в “домашний космос”. Рассматривая понятие “дом-космос” в качестве одного из элементов организации окружающего пространства, докладчик пришел к выводу, что новые формы общения являются стратегической линией современного развития.

Целый ряд выступлений на секции “Экология человека” был посвящен вопросам экологии в образовании. **Р. Борден** в докладе “Экология человека и образование” сделал важный вывод о необходимости сквозного образования в данной области как на местном, локальном, так и на межнациональном уровне. В этом же русле прозвучали выступления **Г. Кокса** “Педагогика в XXI в.: экология человека в межкультурной обстановке” и **Н. Воляньского** “План образовательной программы по экологии человека”. Общее внимание привлек доклад “Экология человека в исследованиях по защите окружающей среды в Польше” **А. Синьярской**, которая определила главные объекты данного направления экологии – человека и его культуру – как динамические компоненты экосистем. Ею была освещена университетская программа по специальности “Защита окружающей среды”, включавшая, в частности, такие темы: “Адаптационные изменения”, “Адаптация как стратегия выживания”, “Ресурсы пищи” и др.

На секции “Традиционные знания и устойчивое развитие” в выступлениях большого числа участников прозвучала генеральная мысль о том, что традиционные знания народов имеют реальную основу, представляют интерес для решения многих современных проблем и поэтому должны быть в центре внимания этнологов. Руководитель секции **Д. Билингс** призвал научное сообщество обратиться к правительственным кругам по поводу использования соответствующих наработок ученых в образовательных программах.

В русле тематики секции “Медицинская антропология” прозвучал и наш доклад “Фитотерапия в традиционной медицине западно-сибирских крестьян в начале XX в.”. В восточно-славянской традиционной культуре отношение к березе как культовому дереву характеризовалось представлениями о ее особых защитных и целительных свойствах. Экспедиционные материалы по Западной Сибири показывают, что в начале XX в. к этому дереву относились как к хранителю зародыша жизни, здоровья, жизненных сил. В обрядах укрепления жизнеспособности детей крестьяне Барабы протаскивали своих первенцев через расщепленный ствол березы, оставляя на ней одежду. Источником особо выраженных витальных сил считались березовые ветки во время праздника Троицы. С такими березовыми венками парились в бане в надежде получить хороший запас здоровья в предстоящем календарном году. Собранные интервью свидетельствуют, насколько велика была роль березы в лечении различных болезней. В частности, сучковатые сухие ветки использовались для удаления опухолей, инородных предметов и т.п. В докладе были рассмотрены также другие аспекты традиционной фито- и дендротерапии крестьян Западной Сибири как важнейшего фактора их выживания и развития.

Тематика выступлений на секции “Этнические идентичности и этнические взаимодействия социополитической антропологии” отличалась мозаичностью. Доклад “Место других: палестинцы и еврейское окружение в Израиле” **Дж. Бенстайна** был посвящен конфликту между евреями и палестинцами, частью которого является окружающая среда. **А. Алдеа-Партанен** в своем выступлении “Изучение сельского развития в Румынии и Финляндии. ЕЭС – новая форма колониализма?” задался целью ответить на весьма сложный вопрос: если для вступления в ЕЭС необходимы адаптация к европейским ценностям, соответствие законодательных систем и т.д., не показатель ли это новой формы колониального культурного трансфера? “Нескончаемой историей” назвал **Ч. Кэмбридж** проблему идентичности американских индейцев. Осознание традиционного и маргинализованного индейского народа внутри поликультурных и полиплеменных обществ, по мнению выступавшего, представляет важнейший шаг вперед в антропологии XXI в. В условиях экспансии европейской культуры разросшиеся племенные союзы или поддерживают свои традиционные пути развития, или изменяются в постоянно меняющемся мире. Не потеряны ли многие из них? На этот вопрос докладчик ответил утвердительно.

Е.Ф. Фурсова
 Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск,
 630090, Россия
 E-mail: fursova@mail.archaeology.nsc.ru

СТЭНЛИ ДЖОН ОЛСЕН

Стэнли Джон Олсен, заслуженный профессор антропологии (в отставке) Университета Аризоны и заслуженный куратор Отдела зооархеологии Музея штата Аризона, скончался в возрасте 84 лет в г. Тусоне (США) 23 декабря 2003 г. после продолжительной болезни.

Основным направлением научной деятельности Стэнли Олсена была палеонтология позвоночных. Он один из основателей зооархеологии в США. Олсен известен и как эксперт по знакам отличия армии США различных периодов – от колониального (XVI – XVII вв.) до эпохи Гражданской войны.

Стэнли Олсен родился 24 июня 1919 г. в Акроне (штат Огайо). Окончив школу в 1938 г., работал инструментальщиком в Национальной компании по производству оборудования для обработки резины в Акроне. Во время Второй мировой войны служил во флоте, на военных кораблях “Мертц”, “Банкер Хил” и “Вайоминг”, а также на военно-морских базах на восточном побережье США и в Калифорнии.

Выйдя в отставку в ноябре 1945 г., Олсен работал препаратором в руководимой А.Ш. Ромером Лаборатории палеонтологии позвоночных при Музее сравнительной зоологии Гарвардского университета. Вскоре его назначили одним из двух главных помощников Ромера по проведению полевых изысканий. Олсен занимался поисками остатков рыб девонского периода на восточном побережье Канады – в Ньюфаундленде, собирал коллекции третичных окаменелостей во Флориде, Вайоминге и Монтане и костей позвоночных животных пермского и триасского периодов в Техасе, Нью-Мексико, Аризоне, Колорадо и Юте. Профессора Ромера отличало исключительно внимательное, почти отеческое отношение к сотрудникам. За десять лет, проведенные под его опекой, Олсен приобрел профессиональные навыки и уверенность в себе. В результате он перерос в основном технические задачи, для выполнения которых был первоначально нанят.

Приглашение войти в состав сотрудников Геологоразведочного ведомства Флориды в г. Таллахасси в качестве специалиста по палеонтологии позвоночных, поступившее от Германа Гюнтера в 1956 г., ознаменовало начало научной карьеры Стэнли Олсена.

Одно из первых заданий – возобновление раскопок палеонтологического местонахождения Томас Фарм в округе Джилкрайст, открытого в 1931 г., – явилось поворотным пунктом в профессиональной судьбе молодого исследователя. Томас Фарм – одно из лучших в Северной Америке, уникальное местонахождение остатков миоценовой фауны наземных позвоночных. Оно позволяет реконструировать взаимоотношения хищников – шакалоподобных метатомарктосов – и их жертв, парегиппусов (трехпалых предков современных лошадей), а также множества других животных, обитавших 18 млн л. н. на краю покрытой лесом карстовой воронки и в пещере. За 70 лет работ в Томас Фарм были собраны десятки тысяч образцов ископаемой фауны (от лягушек и летучих мышей до носорогов и медведей). Исследование останков псовых (представителей родов *Metatomarctos*, *Amphicyon*), проведенное Стэнли Олсеном в конце 1950-х – начале 1960-х гг., заложило основу для последующего изучения этих и родственных им живот-

ных. Данная работа не только упрочила репутацию Олсена как компетентного специалиста по палеонтологии позвоночных, но и способствовала установлению контактов с коллегами за рубежом, в т. ч. в СССР и Китае, которые Олсен посещал неоднократно с середины 1970-х гг., что привело к развитию плодотворного сотрудничества с учеными этих стран.

В 1963 г. Пирс Бродкорб отметил заслуги Олсена в области изучения фауны раннего миоцена, назвав его именем третичного ископаемого аиста, впервые зафиксированного в Северной Америке. Голотип аиста *Propelagus olseni* представлен фрагментом левой плюсны, найденным Олсеном в августе 1961 г. близ Таллахасси (ныне хранится в Музее естественной истории Флориды (каталог, № 8504; <http://www.flmnh.ufl.edu>)).

Во время работы в Геологоразведочном ведомстве Флориды Олсен принимал участие в развитии методов подводных исследований насыщенных фоссилиями отложений рек Центральной и Северной Флориды. Особую известность получили работы Олсена и его коллег, проведенные на реках Ичетакни, Осилла и Уассиса, а также на источниках Уакулла, т.к. они позволили обнаружить остатки мамонтов и мастодонтов в сочетании с костяными и каменными артефактами.

В 1964 г. Олсен принял предложение занять должность директора Комитета по спасению морских ресурсов. Естественный конфликт между научными интересами и погоней за экономической прибылью в 1960-х гг. приобрел во Флориде особую остроту. Опасные для мореплавания прибрежные воды Флориды тогда только начинали восприниматься в качестве объекта научных изысканий и промышленного освоения. Задача Комитета по спасению морских ресурсов как раз и заключалась в согласовании двух этих потенциально несовместимых направлений деятельности. Работа Олсена в Комитете явилась косвенной причиной интереса ученого к животноводческому хозяйству европейских колонистов Северной Америке. Свидетельством этого увлечения служит его новаторское исследование фаунистических остатков с испанского “золотого” галеона “Аточа”.

Работая в Геологоразведочном ведомстве Флориды, Олсен начал публиковать справочники по сравнительной остеологии для археологов, получившие широкое распространение и пользующиеся высокой репутацией. Эти справочники, изданные музеем им. Пибоди при Гарвардском университете, свидетельствуют о смещении интересов Олсена с палеонтологических комплексов третичного периода в сторону четвертичных и голоценовых. Под влиянием Барбары Лоренс, с которой он общался во время частых посещений Гарварда в конце 1950-х – начале 1960-х гг., Олсен стал все более тесно сотрудни-

чать с археологами, в то время впервые пытавшимися интегрировать анализ и интерпретацию фаунистических материалов из антропогенных отложений с традиционной археологической проблематикой.

В 1968 г. по приглашению Х.Дж. Смита Олсен поступил на работу в Университет штата Флорида (г. Таллахасси). Здесь им была основана одна из первых зооархеологических лабораторий, где научная деятельность сочеталась с преподаванием. Переход Олсена от преимущественно исследовательской работы в музеях и Геологоразведочном ведомстве Флориды к академической деятельности более широкого масштаба особенно интересен, поскольку у него было лишь среднее образование. Вопреки обычной практике Стэнли Олсен получил в университете должность доцента, а в 1972 г. стал профессором.

С 1973 г. и до выхода на пенсию в 1997 г. Олсен был одновременно профессором антропологии в Университете Аризоны и куратором Отдела зооархеологии Музея штата Аризона в г. Тусоне. В университете он сосредоточил усилия на изучении свидетельств одомашнивания ряда животных, в частности, собаки, верблюда и яка. В поздние годы, уже будучи на пенсии, Олсен получал большое удовольствие от общения с учеными, занимавшимися проблемой доместикации. Он пришел в восторг, когда “молекулярная революция” позволила проверить результаты его остеологических исследований, посвященных доместикации, причем независимо от того, подтверждались или же опровергались его выводы.

Стэнли Олсен состоял во многих научных организациях, в т. ч. в Американском археологическом обществе, обществе “Сигма Хи”, Териологическом обществе и Американском обществе зоологов-систематиков. Он также был действительным членом Клуба изыскателей и Общества военных историков США. В 1965 – 1966 гг. Олсен являлся президентом Общества палеонтологии позвоночных, а в 1996 г. (в пятидесятилетнюю годовщину его членства) был избран почетным членом этого общества в знак признания его особого вклада в изучение палеонтологии позвоночных.

За полвека научной деятельности Олсен осуществил полевые палеонтологические и зооархеологические исследования во многих районах мира, в т. ч. в США, Канаде, Колумбии, Белизе, Китае, Тибете, Индии, Италии, на Кипре и в Непале, а кроме того, подробно изучил музейные коллекции, хранящиеся в Великобритании, СССР (впоследствии – в России), Египте и Швеции, а также в США.

Чтобы оценить значение научного и интеллектуального вклада Стэнли Олсена, мы должны включить его труды в широкий контекст социальных и биологических наук. Активно способствуя возникновению зооархеологии в США, Олсен имел возможность привлечь для этой цели ряд традиционных археологичес-

ких и палеонтологических источников, что позволило ему очертить рамки нового направления. Зарождавшаяся в Европе археозоология послужила Олсену и его коллегам эталоном, на фоне которого они формировали и оценивали собственную концепцию эволюции взаимоотношений человека и животных. Такие ученые, как Джон Гилдэй (Музей естественной истории им. Филда в Чикаго), Элизабет Уинг (Университет Флориды), Пол Пармали (Университет Теннесси) и Барбара Лоренс (Музей сравнительной зоологии Гарвардского университета) внесли весомый вклад в интеграцию палеобиологического и археологического подходов, что в конце 1960-х гг. привело к созданию новой дисциплины, которая была названа зооархеологией.

Наметанный глаз Олсена подмечал тонкие, но существенные вариации в строении костей позвоночных (способность, выработанная за годы работы препаратором в лаборатории Ромера в Гарварде), что обеспечило ему успех в исследованиях по сравнительной остеологии, составивших главный вклад ученого в зооархеологию. Способность отличать эволюционно значимую (а в случае с домашними животными и поведенчески значимую) изменчивость костной ткани лежала в основе его достижений в данной области, получивших широкое признание.

В качестве специалиста по археологии нового времени, в частности, эксперта по знакам отличия в американской армии, Олсен очень много сделал для изучения производства, распространения и использования этих объектов материальной культуры. Его зоркость к таксономически значимым вариациям в полной мере проявилась и в занятиях археологической типологией, причем есть основания приписать достижения ученого в данной области присущей ему

способности видеть мир в целом – способности, которая проявлялась во всех видах его интеллектуальной деятельности.

Основанная в 1973 г. Олсеном лаборатория при Музее штата Аризона была недавно названа в его честь Лабораторией зооархеологии им. Стэнли Дж. Олсена. Семейство Олсенов учредило фонд им. Стэнли Дж. Олсена для финансовой поддержки исследований по зооархеологии в Университете Аризоны. Из этого фонда будут выплачиваться стипендии успешно работающим студентам и аспирантам, занимающимся антропологическими аспектами взаимоотношений человека и животных в широком смысле, в т. ч. зооархеологией, тафономией, культурно-экологическими подходами к проблеме освоения животных ресурсов, биомолекулярными исследованиями, связанными с изучением доместикации, и т.д. Фонд будет также поддерживать научные работы, проводимые в Лаборатории зооархеологии им. Стэнли Дж. Олсена, и способствовать популяризации результатов ее деятельности.

Мы приглашаем читателей поддержать фонд посредством пожертвования, адресованного Фонду Университета штата Аризона. На чеке нужно сделать пометку “S.J. Olsen Zooarchaeology Endowment Fund” и отправить его по следующему адресу: The Stanley J. Olsen Zooarchaeology Fund, Department of Anthropology, The University of Arizona, PO Box 210030, Tucson, Arizona 85721-0030, USA.

За дополнительной информацией можно обратиться к Вирджинии Хили (Virginia Healy) по телефону (520) 621-3938 или по электронной почте: ghealy@email.arizona.edu

Редколлегия журнала

НОВЫЕ КНИГИ

Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т. Технология галечного расщепления камня в палеолите (по материалам микроиндустрии памятника Шоктас I). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 213 с.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 55 руб., II – 70 руб., III – 110 руб., IV – 100 руб., V – 140 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 55 руб. (без учета почтовых расходов).

ISBN 5-7803-0053-4

Широкое использование человеком галечного сырья при изготовлении орудий труда определяет особенности коллекций артефактов многих археологических памятников эпохи раннего палеолита. Для изучения таких материалов разработана уникальная методика технологического анализа. Ее использование позволило изучить технологические процессы расщепления эллипсоидных форм сырья на многослойном памятнике Шоктас I (Средняя Азия), датированном периодом от 700 – 800 тыс. до 150 – 100 тыс. л.н. В монографии прослеживается эволюция древнейшей технологии обработки камня на протяжении длительного исторического периода, приводится база данных для корреляционных исследований микроиндустриальных комплексов раннего палеолита Евразии, а также намечены перспективы исследований материализованных проявлений индивидуальной и групповой специфики технологического мышления древнейших людей.

Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т. Зарождение микропластинчатой техники расщепления камня (опыт экспериментальных исследований и технологического анализа материалов памятника Кара-Бом). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – 170 с.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 95 руб., II – 114 руб., III – 154 руб., IV – 145 руб., V – 185 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 95 руб. (без учета почтовых расходов)

ISBN 5-7803-0079-8

В монографии освещаются итоги экспериментально-технологических исследований материалов многослойной палеолитической стоянки Кара-Бом (Алтай). Представлены результаты разработки и апробации технологически мотивированной типологии каменных изделий археологической коллекции. Детально прослежены технологические инновации, формировавшиеся в эпоху финала среднего палеолита. Изучены предпосылки становления микропластинчатой техники расщепления камня на раннем этапе позднего палеолита. На материалах изучаемой коллекции реконструирована эволюция технологии расщепления камня от эпохи мустье до позднего палеолита. Определена региональная специфика и общие закономерности генезиса и эволюции микропластинчатой техники, широко распространившейся в позднем палеолите и неолите Центральной и Северной Азии.

Курилов В.Н., Майничева А.Ю. Крепость и храм: тенденции движения русской культуры в архитектурном творчестве. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 96 с., 85 ил. Резюме на англ. яз.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 70 руб., II – 90 руб., III – 123 руб., IV – 115 руб., V – 160 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 70 руб. (без учета почтовых расходов).

ISBN 5-7803-0113-1

В монографии изучается эволюция двух памятников деревянной архитектуры Сибири – Казымского острога и Спасской церкви из Зашиверска, являющихся ныне экспонатами Историко-архитектурного музея под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН. На основе оригинальной интерпретации данных письменных и археологических источников, сравнения с другими постройками эпохи, разрабатываются реконструкции облика названных памятников в разные периоды их истории. В связи с этим переоценивается соотношение традиций и новаций в культуре средневековья и начала нового времени, в частности, ставится вопрос о феномене непрерывного самодвижения как принципа русского деревянного зодчества. Подробно рассматриваются этнокультурное взаимодействие первых переселенцев в Сибири, а также ценностные ориентации мастеров русского деревянного зодчества. В книге публикуются авторские графические реконструкции исследуемых памятников архитектуры.

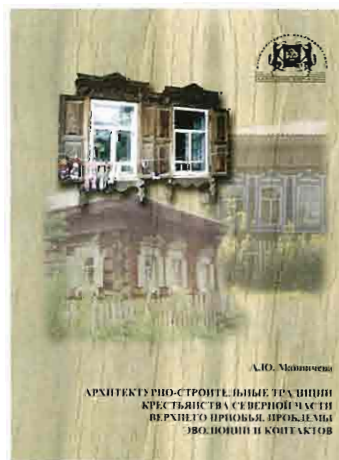

Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья. Проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX века). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – 144 с., 51 ил. Резюме на англ. яз.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 115 руб., II – 132 руб., III – 172 руб., IV – 162 руб., V – 202 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 115 руб. (без учета почтовых расходов).

ISBN 5-7803-0095-X

Монография основана на разнообразных неопубликованных и опубликованных статистических и этнографических материалах и посвящена исследованию особенностей архитектурно-строительных традиций старожилов и переселенцев – жителей сел в северной части Верхнего Приобья в середине XIX – начале XX в. В ней представлены результаты исследования культуры строительства, бытовавшей у русских, украинцев и белорусов, рассматриваются правила организации крестьянского усадебного комплекса, описываются типы и конструктивные элементы жилищ и надворных построек. Особое внимание уделяется вопросам выбора места для поселений и строительной обрядности. Анализируется эволюция архитектурно-строительных традиций крестьян Приобья, освещаются проблемы соотношения этнического и межэтнического, а также пути внедрения инноваций. В книге впервые публикуются многочисленные планы сооружений, типологические схемы, изображения инструментов, использовавшихся при строительстве в селах Верхнего Приобья.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН МНР – Академия наук Монгольской Народной Республики

АО – Археологические открытия

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы

ДВНЦ – Дальневосточный научный центр АН СССР

ДВО – Дальневосточное отделение РАН

ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН

ИЭА – Институт этнологии и антропологии РАН

МАЭ – Музей археологии и этнографии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

РА – Российская академия наук

СА – Советская археология

УрО – Уральское отделение РАН

ИАЭт – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

НАН – Национальная академия наук

JRGZ – Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums (Mainz)

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ "АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ" на 2004 год

Редакция журнала "Археология, этнография и антропология Евразии" принимает подписку на 2004 год. Стоимость одного номера русскоязычной версии для подписчиков в России 70 руб., годовой подписки 280 руб. Цена подписки включает стоимость пересылки журнала по Российской Федерации. Подписку можно оформить как на весь год (номера 1, 2, 3, 4), так и на определенный номер, в том числе уже вышедший. На очередные номера журнала Вы можете своевременно оформлять подписку по каталогу Роспечати.

Предоплата подписки физическими лицами, проживающими на территории Российской Федерации, производится через систему Сбербанка РФ по прилагаемой квитанции (**Форма 1**)*. Просим учесть, что **за проведение платежа Сбербанк взимает 3% от суммы перевода**. Юридические лица оплачивают подписку банковским поручением на основании счета редакции журнала (**Форма 2**)*.

Внимание! После оплаты подписки не забывайте прислать почтой (электронной почтой) в редакцию сообщение об оплате и точный адрес доставки.

(Форма 1)																																												
ИЗВЕЩЕНИЕ	ИНН <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"><tr><td>5</td><td>4</td><td>0</td><td>8</td><td>1</td><td>0</td><td>5</td><td>5</td><td>2</td><td>0</td></tr></table> КПП <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"><tr><td>5</td><td>4</td><td>0</td><td>8</td><td>0</td><td>1</td><td>0</td><td>0</td><td>1</td></tr></table>	5	4	0	8	1	0	5	5	2	0	5	4	0	8	0	1	0	0	1																								
	5	4	0	8	1	0	5	5	2	0																																		
	5	4	0	8	0	1	0	0	1																																			
	Получатель платежа ИНН 5408129419; ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 ИАЭт СО РАН л/с 06401138981)																																											
	Учреждение банка РКЦ Советский г. Новосибирск																																											
	Счет получателя <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"><tr><td>4</td><td>0</td><td>5</td><td>0</td><td>3</td><td>8</td><td>1</td><td>0</td><td>3</td><td>0</td><td>0</td><td>0</td><td>0</td><td>1</td><td>0</td><td>0</td><td>0</td><td>0</td><td>6</td><td>2</td></tr></table>	4	0	5	0	3	8	1	0	3	0	0	0	0	1	0	0	0	0	6	2																							
	4	0	5	0	3	8	1	0	3	0	0	0	0	1	0	0	0	0	6	2																								
	БИК <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"><tr><td>0</td><td>4</td><td>5</td><td>0</td><td>0</td><td>3</td><td>0</td><td>0</td><td>0</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr></table>	0	4	5	0	0	3	0	0	0																																		
	0	4	5	0	0	3	0	0	0																																			
	Фамилия <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"><tr><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr></table>																																											
Имя <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"><tr><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr></table> Отчество <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"><tr><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr></table>																																												
Адрес <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"><tr><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr><tr><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr></table>																																												
Кассир	Кассир																																											
Вид платежа	Дата																																											
Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2004 год Код 5020000, Ист. 03. Реализация продукции производимой опытными производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.	Сумма																																											
Платательщик	Всего																																											
(Форма 1)																																												
КВИТАНЦИЯ	ИНН <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"><tr><td>5</td><td>4</td><td>0</td><td>8</td><td>1</td><td>0</td><td>5</td><td>5</td><td>2</td><td>0</td></tr></table> КПП <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"><tr><td>5</td><td>4</td><td>0</td><td>8</td><td>0</td><td>1</td><td>0</td><td>0</td><td>1</td></tr></table>	5	4	0	8	1	0	5	5	2	0	5	4	0	8	0	1	0	0	1																								
	5	4	0	8	1	0	5	5	2	0																																		
	5	4	0	8	0	1	0	0	1																																			
	Получатель платежа ИНН 5408129419; ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 ИАЭт СО РАН л/с 06401138981)																																											
	Учреждение банка РКЦ Советский г. Новосибирск																																											
	Счет получателя <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"><tr><td>4</td><td>0</td><td>5</td><td>0</td><td>3</td><td>8</td><td>1</td><td>0</td><td>3</td><td>0</td><td>0</td><td>0</td><td>0</td><td>1</td><td>0</td><td>0</td><td>0</td><td>0</td><td>6</td><td>2</td></tr></table>	4	0	5	0	3	8	1	0	3	0	0	0	0	1	0	0	0	0	6	2																							
	4	0	5	0	3	8	1	0	3	0	0	0	0	1	0	0	0	0	6	2																								
	БИК <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"><tr><td>0</td><td>4</td><td>5</td><td>0</td><td>0</td><td>3</td><td>0</td><td>0</td><td>0</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr></table>	0	4	5	0	0	3	0	0	0																																		
	0	4	5	0	0	3	0	0	0																																			
	Фамилия <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"><tr><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr></table>																																											
Имя <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"><tr><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr></table> Отчество <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"><tr><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr></table>																																												
Адрес <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"><tr><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr><tr><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr></table>																																												
Кассир	Кассир																																											
Вид платежа	Дата																																											
Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2004 год Код 5020000, Ист. 03. Реализация продукции производимой опытными производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.	Сумма																																											
Платательщик	Всего																																											

Для оформления подписки юридическим лицам необходимо:

– перечислить сумму годовой подписки по реквизитам, указанным в счете;
– после оплаты непременно переслать в адрес редакции заполненный бланк-заказ (редакция не несет ответственности за некорректно оформленную подписку).

По поступлении денег на счет редакции и получении ею заполненного бланка-заказа номера журналов будут высылаться по мере выхода простой бандеролью на указанный Вами адрес.

Данный рекламный лист в соответствии со ст. 435 Гражданского кодекса РФ является офертой (т.е. публичным договором) и может служить основанием для оплаты подписки.

Поставщик: ИНН 5408129419; ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 Институт археологии и этнографии СО РАН л/с 06401138981), счет 40503810300001000062 в РКЦ Советский г. Новосибирска, БИК 045003000, ОКПО 04981331, ОКОНХ 95110.

Адрес: пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. Тел.: (3832) 343366. Факс: (3832) 301191.

СЧЕТ № ААЭ-2004**от 31.12.2003**

Плательщик и его адрес:			
Предмет счета	Кол-во комп.	Стоимость компл. (руб.)	Сумма
Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2004 год (годовой комплект — номера 1, 2, 3, 4)	1	280=	280=
Всего к оплате: двести восемьдесят рублей 00 коп. (в том числе НДС 10%).			

Руководитель А.П. Деревянко
 м.п. Главный бухгалтер Т.В. Короткова

Бланк-заказ на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии"

Просим оформить подписку на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2004 год. Подписка оплачена. Журнал высылать по адресу:

Организация

Адрес

Почтовый индекс Код города (МТС)

Телефон Телефакс

E-mail

Ответственный за подписку
 Фамилия
 Имя Отчество
 Должность

Плат. поручение № от на сумму руб.
 м.п.

Образец оформления банковских платежных поручений:

Сумма прописью _____

Плательщик _____

Банк плательщика _____

Получатель **ИНН 5408129419, ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 Институт археологии и этнографии СО РАН л/с 06401138981)**

Банк получателя **РКЦ Советский г. Новосибирска, БИК 045003000.**

Счет получателя **40503810300001000062**

Кор. счет **нет**

Назначение платежа **Код 5020000, Ист. 03. (Реализация продукции производимой опытно-производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.) Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2004 год (за книги – "предоплата за научную литературу согласно заявке")**

Фамилия, имя, отчество плательщика, адрес доставки _____

- 0 5 7 *Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т.* Технология галечного расщепления камня в палеолите (по материалам микроиндустрии памятника Шоктас I).
- 0 5 8 *Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т.* Зарождение микропластинчатой техники расщепления камня (опыт экспериментальных исследований и технологического анализа материалов памятника Кара-Бом)
- 0 5 9 *Курилов В.Н., Майничева А.Ю.* Крепость и храм: Тенденции движения русской культуры в архитектурном творчестве.
- 0 6 0 *Майничева А.Ю.* Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья. Проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX века).

Дорогие друзья! Предлагаем Вашему вниманию научные издания – монографии и сборники статей, подготовленные сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН и выпущенные в свет его издательством. Обращаем Ваше внимание на пять ценовых категорий предлагаемых книг, отражающих стоимость пересылки:

- I – для Российской Федерации наземной почтой;
- II – для Белоруссии, Узбекистана, Украины, Таджикистана, Эстонии наземной почтой;
- III – для Армении только авиапочтой;
- IV – для Казахстана, Туркмении, Кыргызстана, Латвии, Литвы наземной почтой;
- V – для Азербайджана, Грузии, Молдовы только авиапочтой.

Предлагаемые книги могут быть оплачены Вами через систему Сбербанка РФ по прилагаемой квитанции. Просим учесть, что Сбербанк РФ взимает за проведение платежа 3 % от суммы перевода. Вам нужно без ошибок заполнить квитанцию: в графе “Плательщик” следует указать фамилию и инициалы, в графе “Адрес” – свой почтовый индекс и полный адрес, в графе “Назначение платежа” – трехзначные коды книг, в графе “Сумма” – общую стоимость заказа. В течение месяца Вы получите заказанную книгу.

Внимание! Разница в стоимости изданий для заказчиков на территории РФ и стран СНГ обусловлена разницей в стоимости пересылки.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Авторы представляют статьи на русском или английском языке объемом около 1,4 тыс. знаков. Обязательным условием является авторский перевод географических названий, а также терминов, впервые предлагаемых в статье. Следует приводить также латинские названия животных и растений.

Необходимо указать учреждение, в котором выполнена работа, его полный почтовый адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты.

Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рекомендуется выделять: введение, основную часть, обсуждение результатов, выводы (заключение).

Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации; 1 иллюстрация форматом 190 x 270 мм равняется 1/6 авторского листа (6,7 тыс. знаков).

Объем сообщений, рецензий, заметок — до 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

ТРЕБОВАНИЯ К НАБОРУ, ПОДГОТОВКЕ БИБЛИОГРАФИИ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Статья (основной текст, список литературы, подписи к рисункам и таблицам) должна подаваться в виде распечатки компьютерного набора на листах формата А4 (210 x 297 мм) вместе с дискетой с набором в формате WinWord или DOS Word. Размер кегля 14 для Times New Roman, 28 строк на странице, 64 знака в строке.

Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Не следует:

- производить табуляцию;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- разделять абзацы пустой строкой;
- пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме (вставка сносков на литературу и примечания, маркировка и нумерация абзацев и пр.);
- использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой "только для чтения";
- форматировать текст и делать принудительные переносы.

Приводимые единицы измерения должны соответствовать системе СИ.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилии авторов, год издания; в конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомного издания), номер, выпуск (для периодики), объем публикации (количество страниц - для монографии, первая и последняя страницы - для статьи).

Библиографические описания должны быть составлены по следующим образцам:

авторская монография

Алексеев В.П. География человеческих рас. – М.: Наука, 1974. – 777 с.

коллективная монография (все фамилии должны быть упомянуты)

Археологические исследования Энской пещеры / В.В. Васин, И.И. Иванов, П.П. Петров, С.С. Сидоров. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 999 с.

раздел в монографии

Иванов И.И. Палинология предвходовой площадки пещеры К-ва // *Археологические исследования Энской пещеры.* - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – Гл. 3. – С. 777 – 888.

статья в сборнике

Иванов П.И. Палинология стоянки Детский Сад II // *Каменный век на территории Алтая.* - М.: Артимс, 1999. – С. 77 – 99.

статья в ученых записках (ученых трудах)

Скрипка А.С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. – 1977. – Вып. 2. – С. 66 – 77.

статья в журнале

Иванов П.И. Психология запоминания // Вопр. психологии. – 1966. – № 1. – С. 12 – 34.

автореферат

Бобров В.В. Олень в скифо-сибирском искусстве (тагарская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1973. – 35 с.

рецензия

Исаев М.И. [Рецензия] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1986. – № 3. – С. 30 – 31. – Рец. на кн.: Иванова Р.П. Медвежий праздник у кетов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 222 с.

При наличии примечаний – кратких пояснений основного текста и дополнений к нему, в тексте у того места, к которому относится примечание, необходимо поставить знак звездочки (*), а само примечание набрать следом в квадратных скобках. Например: Введение* [* Данная статья...]

На полях рукописи должны быть помечены места желательного размещения иллюстраций. Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после списка литературы.

Иллюстрации (рисунки, черно-белые и цветные фотоотпечатки и слайды (позитивы)) следует присылать в оригинале. Ксерокопии не принимаются. Рисунки и чертежи должны быть выполнены тушью на белой бумаге или кальке и не иметь следов карандаша. Размер изображения не должен превышать 190 × 270 мм. Для черно-белых фото рекомендуемый размер отпечатка 100 × 150 мм. Цветные фотографии публикуются преимущественно при наличии слайдов (позитивов), желательно размером 60 × 60 мм. Каждый слайд необходимо упаковать в индивидуальный конверт. Редакция оставляет за собой право на публикацию цветных фотографий в черно-белом варианте.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что если нет возможности выполнить электронные версии, то к картам нужно приложить абрис без надписей и обозначений, то же желательно для планов раскопов и т.п. В случае создания электронных версий рисунков (только в форматах .tif, .cdr не старше версии 9.0) обязательно прилагать их распечатки высокого качества на белой бумаге. Все надписи и символы на них следует перевести в кривые. Рисунки, графики и диаграммы должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких (сплошных) заливок.

На обороте каждой иллюстрации (или на конверте со слайдом) за полем рисунка карандашом должны быть написаны фамилия автора, усеченное название статьи, номер иллюстрации, указание "верх", "низ".

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel, с обязательным приложением файлов используемых шрифтов (.tff), кегли шрифтов в надписях не должны быть менее 9. Каждая таблица печатается на отдельной странице с полем изображения не более 190 × 270 мм.

Адрес редакции:

Пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия .

Тел: (3832) 343366.

Fax: (3832) 301191.

E-mail: eurasia@archaeology.nsc.ru.